

Министерство образования и науки Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

СОЦИОЛОГИЯ

Хрестоматия

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2005

ББК 65.5
С 69

СОЦИОЛОГИЯ: Хрестоматия / Сост. О.И. Шестак,
С 69 О.Н. Кошева. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС,
2005. – 348 с.

Хрестоматия по дисциплине «Социология» составлена в со-
ответствии с требованиями государственного стандарта России.
Предназначена для студентов всех форм обучения.

ББК 65.5

Печатается по решению РИСО ВГУЭС

© Издательство Владивостокского
государственного университета
экономики и сервиса, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Социология изучает человеческое общество и поведение людей в социальных обстоятельствах. Она позволяет более отчетливо видеть и объяснять те социальные силы, которые влияют на нашу жизнь. Понятие «социальное», подчеркивающее фактор взаимодействия людей, его влияние на их мысли и поведение в качестве базовой характеристики социальной жизни, является ключевым в определении социологами предмета своей науки.

Социология тесно связана со здравым смыслом, т.е. с представлениями людей о мире и о себе, складывающимися на основе повседневного опыта, некритически сочетающими наивный реализм и господствующие в данном обществе стереотипы. Социолог изучает человеческие действия, которые уже были названы и обдуманы, пусть недостаточно связно и внятно, самими действующими лицами еще до того, как он приступил к их изучению. Но в отличие от обыденного знания индивидов о самих себе социология представляет собой научное знание, поскольку изучает эмпирические факты и выстраивает определенные теоретические системы на основе доказательств и логических аргументов. Вместе с тем она содержит присущие гуманитарному знанию такие особенности, как интерпретативность, условность прогнозов и выводов.

Необходимо проводить различие между социальными и социологическими проблемами. Первые ориентированы на решение практических задач теми, кто наделен властью; вторые носят теоретический, методологический характер, нацелены на осмысление того, что происходит в рамках социального взаимодействия, как действует система в целом, каковы исходные предпосылки ее существования и за счет каких средств поддерживается ее единство. Даже если социолог занимается решением конкретной социальной проблемы, он стремится понять социальную ситуацию в целом, ценности и способы действия всех участвующих в ней сторон. Умение видеть любую ситуацию как бы со стороны, отстраненно, беспристрастно является отличительной чертой социологического сознания.

Фундаментальные социологические вопросы можно сформулировать следующим образом: 1) как возможно общество в форме устойчивой целостности; 2) как взаимосвязаны индивид и общество.

Цели изучения социологии один из авторов первых конкурсных учебников С.С. Фролов сформулировал так:

«Необходимо, чтобы студенты, открывая для себя одну из самых молодых и содержательных наук об обществе:

– освободились от представлений об этой науке только как прикладной, занимающейся проведением опросов и изучением общественного мнения;

– смогли под новым углом зрения, в новом свете увидеть знакомые всем и обыденные отношения между людьми и их объединениями. При этом должно сложиться социологическое видение окружающей действительности, возникнуть интерес к изучению социальных проблем;

– получили навыки научного анализа, беспристрастного объективного научного подхода к проблемам без налета этноцентризма и без груза прошлых заблуждений, неизбежно возникающих при обыденном взгляде на общественные явления;

– получили ответы на вопросы: что такое власть, почему люди объединяются в группы, что представляют собой социальные институты, как происходят изменения в обществе. Ответы на подобные вопросы позволят легче ориентироваться в сложном, полном проблем социальном мире, принимать ответственные решения, планировать свои действия»¹.

Курс «Социология» изучается студентами всех форм обучения. Для студентов младших курсов данная дисциплина представляет особую трудность, что обусловлено сложностью теоретических положений, недостаточной разработанностью и дискуссионностью ряда вопросов, насыщенностью фактическим материалом.

Изучение данного курса тесно связано с такими дисциплинами, как «экономика», «политология», «статистика», «право», «психология», «философия», «история», «культурология», «антропология», «демография» и т.д.

Знания и навыки, получаемые студентами в результате изучения дисциплины, необходимы для понимания происходящих процессов и явлений в общественной жизни, умения объективно оценивать социально-экономическое состояние российского общества, ориентироваться в его внутренних проблемах, определять конфликтные ситуации в социальной сфере и находить пути их решения.

Данная хрестоматия подготовлена согласно требованиям Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по дисциплине «Социология». Она является завершающей частью базового учебно-методического комплекса по социологии и построена в соответствии с учебной программой курса, является тематическим дополнением к изданному ранее учебному пособию по дисциплине «Социология»². В то же время, благодаря своей структуре, хрестоматия может носить и самостоятельный характер как учебное пособие.

Структурно данная хрестоматия состоит из четырех разделов. Для наиболее удобного освоения студентами дисциплины социология в хрестоматии приводится тематическая учебная программа (Часть 1. Учеб-

¹ Фролов С.С. Социология. – М.: Наука, 1994. – С.3.

² Шестак О.И. Социология: Учебное пособие. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2002.

но-програмная), на основе которой далее вводятся основные, необходимые для более полного освоения курса, текстовые материалы, представляющие собой выдержки из наиболее значимых трудов наиболее известных социологов, как настоящего времени, так и предыдущего исторического периода развития социологии как науки (Часть 2. Учебно-теоретическая). Приводимые в хрестоматии тексты расположены в хронологическом порядке, согласно историческим этапам развития социологии, начиная с О. Конта и заканчивая Э. Гидденсом и основателем современной российской социологии В.А. Ядовым. После текстовой части хрестоматии в Приложении расположен биографический справочник, где изложены краткие биографические характеристики авторов приведенных в хрестоматии работ, выстроенные в алфавитном порядке. Наконец, для более четкого понимания текстовых материалов и освоения дисциплины, в хрестоматии приводится список основных понятий по курсу «Социология».

ЧАСТЬ I. УЧЕБНО-ПРОГРАМНАЯ

1.1. ПРОГРАММА КУРСА «СОЦИОЛОГИЯ»

Тема 1. Социология как наука об обществе

Понятие социологии. Определение социальных фактов. Социологические подходы к изучению общества (демографический, психологический, коллективистический, культурологический, изучение взаимоотношений). Предмет и объект социологии. Структура социологии. Общая социологическая теория. Теории среднего уровня. Микро- и макросоциология. Характеристика социологических исследований (понятие теории и гипотезы). Функции социологии (прогностическая, преобразовательная, познавательная, критическая, мировоззренческая).

Тема 2. Основные этапы становления и развития социологии

Основные подходы к периодизации истории социологии. Хронологические этапы становления социологии. Социально-теоретические предпосылки формирования социологии как науки. Социологический проект О. Конта. Классические социологические теории (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Вебер, К. Маркс). Современные социологические теории. Русская социологическая мысль.

Тема 3. Общество как социальная система

Понятие социальной системы. Основные характеристики социальной системы. Теории социальных систем (системный анализ Т. Парсонса; методология анализа социальных систем Р. Мертон; постфункционализм Н. Лумана, виды систем по Н. Луману). Условия стабильности социальной системы. Структура и исторические типы обществ: традиционное и современное общество.

Тема 4. Культура и её основные элементы

Понятие культуры и её сущность. Функции культуры в обществе. Основные черты и элементы культуры (понятия, отношения, ценности, правила). Соотношение доминирующей культуры и субкультур. Функции и дисфункции субкультур. Контркультура. Культура-захватчик. Феномен массовой культуры, её черты и признаки.

Тема 5. Личность как субъект и объект общественных отношений

Социологическое понятие личности. Соотношение понятий «человек», «индивид», «личность». Социализация личности. Виды социализации. Основные теории социализации личности. Агенты социализации. Социальный статус и социальная роль. Виды социальных статусов. По-

нятие ролевого набора. Основные характеристики социальных ролей по Т. Парсонсу.

Тема 6. Социальная стратификация

Понятие социального статуса. Понятие неравенства и стратификации. Типы стратификации (общество с предписанной стратификацией, общество равных возможностей). Основные теории социальной стратификации (а) марксистская; б) теория М. Вебера; в) функционалистская; г) современные теории социальной стратификации). Особенности стратификации современного российского общества. Понятие и виды социальной мобильности (индивидуальная, групповая, вертикальная, горизонтальная, структурная).

Тема 7. Социальные группы и формальные организации

Понятие социальных отношений. Понятие социальной группы. Основные признаки социальной группы (межличностная коммуникация, членство, взаимозависимость, цель существования, мотивация, структурные отношения, взаимовлияние). Типы взаимоотношений в группах по П. Сорокину. Виды социальных групп. Первичные и вторичные социальные группы. Лидерство в группе и его основные типы. Понятие формальных организаций. Типология формальных организаций по М. Веберу. Бюрократия и ее характерные черты. Понятие неформальных организаций.

Тема 8. Социология девиантного поведения

Понятие социального поведения. Социальные нормы и ценности как регуляторы социального поведения. Нормы-ожидания и нормы-правила. Понятие девиантного поведения. Формы девиантного поведения. Основные компоненты девиации. Основные теории девиантного поведения. Виды девиантного поведения (нарушения дисциплины, преступления, психические заболевания). Психические заболевания как особая форма девиантного поведения. Функции девиантов в обществе.

Тема 9. Теория социального контроля

Понятие социального контроля. Формальный и неформальный социальный контроль. Стили социального контроля (карающий, компенсирующий, терапевтический, регулирующий). Формы социального контроля (недействие, унилатеральный контроль, билатеральный контроль, трилатеральный контроль, судебный процесс). Уровни эффективности социального контроля.

Тема 10. Социальные институты и их роль в жизни общества

Понятие социальных институтов. Формальные и неформальные социальные институты. Понятие институционализации. Основные институты социальной системы. Условия возникновения и существования социальных институтов. Функции социальных институтов в обществе.

Тема 11. Методы социологических исследований

Понятие метода и методологии в социологии. Понятие первичных и вторичных методов социологического исследования. Программа социологического исследования. Социологический опрос (понятие генеральной и выборочной совокупности; анкета и виды анкетных вопросов; виды социологического опроса; социометрический опрос). Социологическое наблюдение (контролируемое и неконтролируемое, включенное и простое). Социологический эксперимент: характерные черты. Методы анализа документов.

1.2. ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

Учебники и учебные пособия

- Аберкромби Н. Социологический словарь. М., 1999.
- Волков Ю.В. Социология: Учебник для вузов. М., 1998.
- Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология в вопросах и ответах. М., 1999.
- Куликов Л.М. Основы социологии и политологии. М., 1999.
- Смелзер Н. Социология. М., 1994.
- Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998.
- Социология: наука об обществе: Учебное пособие / Под ред. проф. В.П. Андрущенко и проф. Н.И. Горлача. Харьков, 1996.
- Социология. Курс лекций / Под ред. В.И. Курбатова. Ростов н/Д, 1998.
- Социология: Курс лекций / Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Попов А.В., Самыгин С.И.; Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 1999.
- Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М., 1996.
- Социология: Хрестоматия для студентов вузов. М., 1997.
- Тощенко Ж.Г. Социология. Общий курс: Учебник. М., 1998.
- Учебный социологический словарь / Под ред. С.А. Кравченко. М., 1999.
- Фролов С.С. Социология. М., 1998.

Сборники задач

- Казаринова Н.В., Филатова О.Г., Хренов А.Е. Практикум по социологии: Учеб. пособие для вузов. М., 2000.
- Руденко Р.И. Практикум по социологии. М., 1999.
- Социология: Задачник-тетрадь. М., 1997.

ЧАСТЬ II. УЧЕБНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ

О. Конт

К дихотомии «общество и личность»

Любовь как принцип, порядок как основание и прогресс как цель – таков основной характер окончательного строя, который позитивизм начинает устанавливать, приводя в систему все наше личное и социальное существование посредством неизменного сочетания чувства с рассудком и деятельностью. Эта окончательная систематизация удовлетворяет лучше, чем это было когда-либо возможно, всем главным условиям, необходимым как для специального развития различных сторон нашей природы, так и для их общей связи. Первенствующее значение аффективной жизни здесь лучше установлено, чем раньше, так как позитивизм приводит к всеобщему преобладанию социального чувства, которое может непосредственно скрасить всякую мысль и всякое действие.

Не будучи никогда стеснительным по отношению к разуму, это господство сердца освящает ум, посвящая его отныне непрерывному служению обществу, с тем чтобы он осветил эту деятельность и укрепил ее преобладающее значение. Таким образом, рассудок, надлежаще подчиненный чувству, приобретает авторитет, которого он до сих пор еще не мог получить, как единственно способный открывать основной порядок, необходимо управляющий всем нашим существованием согласно естественным законам различных явлений. Это объективное основание истинной человеческой мудрости глубоко действует даже на наши страсти, которые находят в необходимости сообразоваться с ним источник устойчивости, способный удерживать прирожденное им непостоянство, и непосредственно пробуждать симпатические инстинкты. Призываемый к выполнению благородной роли, предохраняющий его от всякого праздного блуждания, научный гений находит самую обильную пищу в оценке всех реальных законов, влияющих на нашу судьбу, и в особенности в изучении нашей собственной индивидуальной или коллективной природы. Преобладание социологической точки зрения, далеко не препятствуя наиболее отвлеченным умозрениям, увеличивает их постоянство и их достоинство, указывая единственно соответствующее им направление.

Обеспечивая рассудку его справедливое влияние на человеческую жизнь, этот окончательный строй укрепляет и развивает полет воображения, призываемого отныне к выполнению своего главного назначения – именно к постоянному идеальному воспроизведению действительности. Научные функции необходимы лишь для построения внешнего основания всех наших понятий. Но коль скоро эта операция совершена, эстетические функции оказываются более подходящими для

нашего ума, причем, однако, это необходимое основание, способное, сверх того, предупредить заблуждения последних, должно остаться неприкосновенным. Под этим единственным общим условием эстетические функции прямо поощряются позитивной систематизацией как наиболее отвечающие ее аффективному принципу и как наиболее приближающие к ее активной цели. Глубоко связанные с новым образом жизни, они в ней обыкновенно составляют наиболее приятное и наиболее спасительное упражнение нашего ума, который не мог бы более прямым путем стремиться к культивированию чувств и к достижению совершенства.

...Отнюдь не вызывая изнеженности, любовь побудит нас к наиболее полной деятельности и к посвящению всей нашей жизни всеобщему совершенствованию. Аффективный принцип обязывает нас изучать естественный порядок для того, чтобы лучше применять наши индивидуальные или коллективные силы к его улучшению. После того как практическая сторона жизни будет, т.о., увеличена и систематизирована, начнется стремление к интеллектуальному улучшению и к моральному совершенствованию в смысле приобретения как нежности, так и мужества. Частная и общественная жизнь оказываются отныне связанными одной и той же главной целью, облагораживающей все действия. Отныне необходимое преобладание практики, отнюдь не являясь враждебным теории, будет предписывать ей главным образом наиболее трудные исследования для раскрытия законов нашей личной и социальной природы, познание которых всегда будет недостаточно для удовлетворения наших реальных потребностей. Вместо того, чтобы вызвать моральную суровость, подобная постоянная деятельность будет нас беспрестанно толкать к лучшему пониманию того, что всеобщая любовь составляет не только наше главное счастье, но также и самое могущественное средство, необходимое для действительности всех других.

Конт О. Курс позитивной философии. Антология мировой философии. Т. 3. – М., 1971. – С. 584–586.

О. Конт

Закон трех стадий и сущность позитивизма

Изучая ход развития человеческого ума в различных областях его деятельности от его первоначального проявления до наших дней, я, как мне кажется, открыл великий основной закон, которому это развитие в силу неизменной необходимости подчинено и который может быть твердо установлен либо путем рациональных доказательств, доставляемых познанием нашего организма, либо посредством исторических данных, извлекаемых при внимательном изучении прошлого. Этот закон заключается в том, что каждая отрасль наших знаний последова-

тельно проходит три различных теоретических состояния: состояние теологическое или фиктивное; состояние метафизическое или отвлеченное; состояние научное или позитивное. Другими словами, человеческий разум в силу своей природы в каждом из своих исследований пользуется последовательно тремя методами мышления, характер которых существенно различен и даже прямо противоположен: сначала методом теологическим, затем метафизическим и, наконец, позитивным. Отсюда возникают три взаимно исключаящих друг друга вида философии, или три общие системы воззрений на совокупность явлений; первая есть необходимый отправной пункт человеческого ума; третья – его определенное и окончательное состояние; вторая предназначена служить только переходной ступенью.

В *теологическом* состоянии человеческий ум, направляя свои исследования главным образом на внутреннюю природу вещей, на первые и конечные причины всех порождающих его явлений, стремясь, одним словом, к абсолютному знанию, рассматривает явления как продукты прямого и непрерывного воздействия более или менее многочисленных сверхъестественных факторов, производное вмешательство которых объясняет все кажущиеся аномалии мира.

В *метафизическом* состоянии, которое в действительности не что иное, как общее видоизменение теологического состояния, сверхъестественные факторы заменены отвлеченными силами, настоящими сущностями (олицетворенными абстракциями), нераздельно связанными с различными предметами, которым приписывается способность самостоятельно порождать все наблюдаемые явления, а объяснение явлений сводится к определению соответствующей ему сущности.

Наконец, в *позитивном* состоянии человеческий разум, признав невозможность достигнуть абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения Вселенной и от познания внутренних причин явлений и всецело сосредоточивается, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, на изучение их действительных законов, т.е. неизменных отношений последовательности и подобия. Объяснение фактов, приведенное к его действительным пределам, является отныне только установлением связи между различными частными явлениями и некоторыми общими фактами, число которых уменьшается все более и более по мере прогресса науки.

Это общее изменение человеческого разума может быть теперь легко установлено весьма осязательным, хотя и косвенным путем, а именно рассматривая развитие индивидуального ума. Так как в развитии отдельной личности и целого вида отправной пункт необходимо должен быть один и тот же, то главные фазы первого должны представлять основные эпохи второго. И не вспомнить ли каждый из нас, оглянувшись на свое собственное прошлое, что он по отношению к своим

важнейшим понятиям был теологом **в детстве, метафизиком в юности и физиком в зрелом** возрасте? Такая проверка доступна теперь всем людям, стоящим на уровне своего века.

Наиболее же важное теоретическое соображение, доказывающее справедливость этого закона, почерпнутое в самой природе предмета, заключается в том, что во всякую эпоху необходимо иметь какую-нибудь теорию, которая связывала бы отдельные факты; создавать же теории на основании наблюдений было, очевидно, невозможно для человеческого разума в его первоначальном состоянии.

Все здравомыслящие люди полагают, что только те знания истинны, которые опираются на наблюдения. Но также очевидно, что человеческий разум первоначально не мог и не должен был мыслить таким образом. Ибо если, с одной стороны, всякая позитивная теория необходимо должна быть основана на наблюдениях, то, с другой – для того, чтобы заниматься наблюдением, наш ум нуждается уже в какой-нибудь теории. Если бы, созерцая явления, мы не связывали их с какими-нибудь принципами, то для нас было бы совершенно невозможно не только сочетать эти разрозненные наблюдения и, следовательно, извлекать из них какую-то пользу, но даже и запоминать их; и чаще всего факты оставались бы незамеченными нами.

Теперь, когда человеческий разум создал небесную физику и физику земную, механическую и химическую, а также и физику органическую, растительную и животную, ему остается для завершения системы наук наблюдения основать социальную физику.

Конт О. Курс позитивной философии. Антология мировой философии. Т. 3. – М., 1971. – С. 553-556.

Г. Спенсер **Основания социологии**

Глава первая **Что такое общество?**

212. ...Можно было бы сказать, что общество есть лишь собирательное имя для обозначения известного числа индивидов. Переноса спор между номинализмом и реализмом в другую область, номиналист мог бы утверждать, что, подобно тому как существуют только отдельные члены известного вида (species), самый же вид, взятый независимо от них, не имеет действительного существования, так, точно существуют одни только общественные единицы, т.е. люди, существование же самого общества есть число словесное. Сославшись на пример аудитории, собирающейся для чтения какого-либо профессора и представляющей собой такой агрегат, который самим своим исчезновением по

окончании каждого чтения показывает, что он не есть некоторый действительно существующий предмет, но лишь известная группировка личностей, он мог бы доказывать, что то же самое имеет место и по отношению к гражданам, составляющим собою всякий данный народ.

Но, не оспаривая остальных звеньев его аргументации, мы имеем полное право отвергать состоятельность последнего его звена. Ибо та группировка, которая оказывается в первом случае лишь временной, имеет во втором случае постоянный характер; а мы знаем, что индивидуальность от целого, в отличие от индивидуальности по отношению к его остальным частям, заключается именно в постоянстве отношений между его частями. Всякая цельная масса, разбившись на куски, перестает быть особым индивидуальным предметом; и наоборот, – камни, кирпичи, куски дерева и т.п., не имевшие вначале ничего общего между собою, будучи связаны друг с другом известным образом, становятся индивидуальным предметом, называемым домом.

Таким образом, мы имеем полное право смотреть на общество как на особое бытие (entity); ибо хотя оно и слагается из отдельных (discrete) единиц, однако же постоянное сохранение в течение целых поколений и даже веков известного общего сходства в группировке этих единиц, в пределах занимаемой каждым обществом местности, указывает на известную конкретность составляемого ими агрегата. И именно эта черта и доставляет нам нашу идею об обществе. Ибо мы не даем этого имени тем переменчивым скоплениям, которые образуют первобытные люди, но прилагаем его только там, где оседлая жизнь привела уже к некоторому постоянству в распределении внутри общества составляющих его частей.

213. Но, решившись смотреть на общество как на особенный индивидуальный предмет, мы должны спросить себя теперь, – что же это за предмет? К какому роду бъектов следует отнести его? При внешнем рассмотрении оно кажется не имеющим никакого сходства ни с одним из объектов, известных нам через посредство наших чувств. Если оно и может иметь какое-либо сходство с другими объектами, то сходство это не может быть усмотрено простым восприятием, но может быть открыто только путем рассуждения. Коль скоро общество становится особым индивидуальным бытием (entity) в силу постоянства отношений между его составными частями, у нас сейчас же является вопрос – не представляют ли эти постоянные отношения между его частями каких-нибудь сходств с постоянными отношениями между частями, замечаемыми нами в каких-либо других бытиях (entities)? Единственное мыслимое сходство между обществом и чем-либо другим может заключаться в параллелизме принципа, управляющего расположением составных частей.

Существуют два больших типа агрегатов, с которыми мы можем сравнивать общественный агрегат: класс агрегатов органических и класс агрегатов неорганических. Спросим же себя теперь: представляют ли отличительные свойства общества, рассматриваемого особо от его живых единиц, какие-нибудь сходства со свойствами неживого тела? или же они сходны в каких-либо отношениях со свойствами живого тела? или же, наконец, они совершенно несходны ни с теми, ни с другими?

Достаточно только поставить первый из этих вопросов, чтобы немедленно ответить на него отрицательно. Целое, состоящее из живых частей, не может сходствовать по своим общим отличиям с безжизненными целыми. Второй вопрос, не допускающий столь быстрого ответа, должен быть разрешен в положительном смысле...

Глава вторая **Общество есть организм**

214. Когда мы говорим, что явление роста одинаково свойственно как общественным, так и органическим агрегатам, то мы не хотим исключить этим всякую общность в этом направлении между этими агрегатами, с одной стороны, и агрегатами неорганическими, с другой, так как некоторые из последних, как например, кристаллы, обнаруживают заметный рост, и так как они все на основании гипотезы развития должны были возникнуть в то или в другое время путем интеграции. Тем не менее, сравнивая живые существа и общества с так называемыми неодушевленными предметами, мы видим, что первые обнаруживают постепенное увеличение в своей массе в столь резко заметной степени, что мы по справедливости можем считать это обстоятельство за отличительный признак, характеризующий собою эти два разряда агрегатов. Многие организмы растут в продолжение всей своей жизни; и все остальные растут в продолжение весьма значительной ее части. Что касается до общественного роста, то он обыкновенно продолжается или до того времени, когда общество распадается на два или несколько других, или до того, когда оно будет поглощено каким-либо другим обществом.

Итак, вот первая черта, в силу которой общества сходствуют с органическим миром и существенно отличаются от мира неорганического.

215. Другая отличительная черта как обществ, так и живых существ заключается в том, что рядом с увеличением в размерах у них наблюдается и увеличение сложности строения. Низшее животное, или зародыш высшего, обладает лишь немногими отличимыми друг от друга частями; но с увеличением общей массы тела число таких частей увеличивается, и в то же время эти части дифференцируются одна от другой. То же самое справедливо и по отношению к обществу. Вначале несходства между различными группами составляющих его единиц очень незначи-

тельны и по числу, и по степени; но с возрастанием народонаселения в данном обществе общественные разделения и подразделения становятся более многочисленными и более резкими. Кроме того, как в общественном, так и в индивидуальном организме дальнейшие дифференциации прекращаются только с завершением типа, характеризующим собою зрелый возраст и предшествующим упадку.

Хотя и в неорганических агрегатах – как например, в целой солнечной системе, равно как и в каждом из ее членов, – интеграции также сопровождаются структурными дифференциациями, однако здесь эти последние относительно медленны и относительно просты, а потому могут быть оставлены без внимания. Напротив того, в политических агрегатах и в живых существах умножение несходных между собою частей так велико, что оно по справедливости может считаться вторым существенным признаком сходства между ними, отличающим их от неорганических предметов.

216. Это сходство выступит еще с большею силою, когда мы обратим внимание на тот факт, что прогресс в структурной дифференциации сопровождается в обоих случаях прогрессивной дифференциацией отправления.

Все более и более многочисленные отделы – первого, второго, третьего и т.д. порядков, – на которые распадается общая масса тела развивающегося животного, становятся все более и более несходными между собою вовсе не напрасно: разнообразие их наружных форм и внутреннего сложения влечет за собою и разнообразие тех действий, которые они выполняют: они вырастают в несходные органы, имеющие несходные отправления. Пищеварительный канал, принимая на себя сполна всю функцию поглощения питательных веществ, распадается постепенно на отдельные, отличные друг от друга участки, выполняющие каждый свою специальную функцию, составляющую часть общей функции всего пищеварительного канала. Каждый отдельный член, служащий для перемещения или для схватывания, претерпевает известные разделения и подразделения; причем получившиеся таким образом части выполняют каждый свою главную и вспомогательную функции всего члена. То же самое справедливо и по отношению к тем частям, на которые распадается общество. Возникающий в нем господствующий класс не только становится отличным от остальных классов, но и берет на себя контроль над их действиями; когда же этот класс распадается далее на подклассы, обладающие одни большей, другие – меньшей степенью господства, то эти последние опять-таки начинают выполнять каждый свою совершенно особенную часть общего контроля. В классах, подчиненных такому контролю, наблюдается то же самое. Различные группы, на которые они распадаются, выполняют различные занятия; причем в пределах каждой из таких групп наблюдается опять-таки рас-

падение на части, конечно, менее резко различающиеся между собою, чем главные группы, но тем не менее, отправляющие пропорционально отличные обязанности.

С этой стороны два сравниваемых нами класса предметов отличаются еще более ясным образом от предметов других классов, ибо все те структурные различия, которые медленно возникают в структурных агрегатах, никогда не сопровождаются чем-либо таким, что мы могли бы по справедливости назвать различными отправлениями.

217. Но почему же несходные действия несходных частей в политическом агрегате и в живом существе рассматриваются как настоящие отправления, между тем как мы не можем смотреть таким образом на несходные действия несходных частей, наблюдаемые нами в неорганическом агрегате? Чтобы понять это как следует, надо обратиться к дальнейшей, и еще более ясной, черте сходства между политическими агрегатами и живыми существами.

И у тех, и у других развитие вызывает не просто различия, но различия, определенно связанные друг с другом, – такие различия, из которых каждое делает возможными остальные. Различные части неорганического агрегата находятся в каких отношениях друг к другу, что одна из них может быть изменена в очень значительной степени, без заметного действия на остальные. Но в органических и политических агрегатах отношение между частями вовсе не таково. В каждом из них изменения в различных частях взаимно определяют друг друга, и измененные действия этих частей также находятся в тесной взаимной зависимости. В обоих случаях эта взаимосвязь возрастает вместе с прогрессом развития. У низших типов животного царства все тело есть желудок, все тело есть дыхательная поверхность, все тело есть орган движения, хватания и перемещения. Развитие такого тела, у которого имеются особые придатки для перемещения с места на место и для схватывания пищи, может иметь место лишь в том случае, когда эти придатки, утратившие способность к непосредственному поглощению пищевых веществ из окружающей среды, будут в достаточной мере снабжаемы пищею теми частями, которые удержали способность к ее поглощению. Развитие дыхательной поверхности, служащей для снабжения воздухом образующихся в теле соков, может произойти лишь на том условии, чтобы неизбежная при этом утрата ею способности добывать себе материалы для восстановления потерь и для роста была вознаграждена развитием аппаратов, приносящих эти материалы. Точно то же имеет место и для общества. То, что мы совершенно правильно называем общественной организацией, представляет те же необходимые условия. В зачаточном обществе каждый член его есть одновременно воин, охотник, домостроитель, изготовитель всех необходимых орудий и проч., т.е. здесь каждая часть удовлетворяет сама всем своим нуждам. Переход к обще-

ственному состоянию, характеризующемуся существованием постоянной армии, может свершиться только с развитием в обществе таких приспособлений, в силу которых остальные его члены будут снабжать армию пищей, одеждой и боевыми снарядами. Если мы видим, что одна часть населения занимается исключительно земледелием, другая – горным делом, и т.д., что одни производят товары, а другие распределяют их и проч., – то мы видим также, что все это возможно лишь при одном условии, а именно: чтобы каждая часть в обмен за специальную услугу, оказываемую ею всем другим частям, получала, в свою очередь, от всех них соответственные доли их специальных услуг.

Разделение труда – впервые указанное экономистами как общественное явление и вслед за тем признанное биологами за явление органической жизни и названное ими «физиологическим разделением труда» – есть именно та особенность, как в обществе, так и в животном мире, которая делает каждое из них живым целым. Едва ли я могу с достаточной силою настаивать на той истине, что по отношению к этой основной черте общественный организм и индивидуальный совершенно сходны друг с другом. Когда мы видим, что у животного прекращение деятельности легкого быстро влечет за собою остановку сердца; что с абсолютным прекращением деятельности желудка и все остальные части мало-помалу перестают действовать; что паралич членов ведет к смерти всего тела вследствие неспособности добывать пищу и избегать опасностей; что потеря даже таких маленьких органов, как глаза, лишает остальные такой услуги, которая весьма существенна для их сохранения, – мы не можем не признать, что взаимная зависимость между семи частями организма составляет его существенную отличительную особенность. Точно так же, когда мы видим, что и в обществе рабочие по железу должны прекратить свою деятельность, коль скоро рудокопы перестают снабжать их нужными материалами; что портные не могут продолжать своего дела при отсутствии прядильщиков и ткачей; что мануфактурные округа должны приостановить свои работы, коль скоро классы людей, занимающиеся производством и распределением пищи, прекратят деятельность; что контролирующая власть – правительство, присутственные места, суды, полиция – перестает быть способной поддерживать порядок, коль скоро содержимые ею в порядке части перестают снабжать ее всем необходимым для жизни, – мы обязаны признать, что и в обществе взаимная зависимость между всеми его частями столь же строга, как и в организме. Как ни отличны эти два класса агрегатов в других отношениях, но по отношению к этой основной черте и ко всему, что необходимо вытекает из нее, они вполне сходны друг с другом.

218. Чтобы видеть еще более ясно, каким образом жизнь целого складывается из комбинаций деятельностей его составных частей, находящих-

ся в тесной взаимной зависимости, и каким образом отсюда вытекает несомненный параллелизм между национальной жизнью и жизнью индивидуальной, следует обратить внимание на тот факт, что жизнь каждого видимого организма складывается из жизней крошечных единиц, слишком мелких для того, чтобы быть видимыми невооруженным глазом.

Неопровержимое доказательство этого факта может быть подчеркнуто нами из рассмотрения странного порядка Мухомусетес. Споры, или зародыши, одной из этих грибных форм превращаются в ресничных монад, которые в продолжение некоторого времени обнаруживают очень деятельное движение по всем направлениям; по истечении же этого периода изменяются в форме и становятся похожими на амев; в этой новой форме они опять-таки движутся туда и сюда, принимают пищу, растут и размножаются путем деления. Затем эти амебообразные индивиды сползаются вместе в группы, и эти последние опять-таки сливаются между собою, составляя таким образом студенистую массу, иной раз едва видимую простым глазом, иной же раз достигающую величины ладони. Этот plasmodium, имеющий неправильную форму и представляющий в большинстве случаев сетчатую внешность при студенистом внутреннем строении, сам обнаруживает движение то в той, то в другой своей части, делающее его похожим на громадную корненожку (rhizo podes): он медленно ползает по поверхности гниющих веществ, а иной раз взбирается даже вверх по стеблям растений. Итак, мы имеем здесь осязательный пример союза множества мелких живых индивидов для образования нового, сравнительно большого агрегата, в котором они, по-видимому, утрачивают свою прежнюю индивидуальность, но жизнь которого, однако же, ясно складывается из комбинаций их жизней.

В других случаях на месте единиц, первоначально совершенно раздельных и лишь впоследствии теряющих свою индивидуальность путем агрегации, мы имеем такие единицы, которые, явившись на свет путем размножения одного и того же зародыша, не разлучаются одна с другой, но тем не менее обнаруживают вполне ясно каждая свою особенную жизнь. Роговые фибры живой губки всегда одеты студенистым веществом, которое, как показывает микроскопическое исследование, состоит из монад, одаренных движением. Рассматривая губку как целое, мы не можем отказать ей в жизни; ибо она обнаруживает многие деятельности, свойственные только агрегату с определенной индивидуальностью. Те из ее амебообразных единиц, которые находятся на наружной ее поверхности, теряют отчасти свою прежнюю индивидуальность, сливаясь в род охранительного слоя, или кожи; ее волокнистый скелет, служащий для поддержания ее внешней формы, производится совокупной деятельностью составляющих ее монад; точно так же их совокупная деятельность обуславливает те потоки воды, которые вбираются в нее че-

рез мелкие отверстия и выталкиваются через крупные. Но хотя все это указывает на несомненное существование у губки слабой агрегативной жизни, однако же отдельные жизни мириад оставляющих ее единиц очень мало подчинены ее агрегативной жизни: все эти единицы представляют как бы народ, у которого имеются только слабые следы начинающегося разделения функций. Или, говоря словами профессора Гексли, «губка представляет роль подводного города, обитатели которого стоят вдоль его улиц и переулков таким образом, что каждый из них легко может вылавливать себе пищу из протекающей мимо него воды».

Даже у высших животных сохраняется возможность проследить это отношение между агрегативной жизнью и жизнями отдельных частей, составляющих данный агрегат. Кровь представляет жидкость, в которой, наряду с питательными веществами, обращается бесчисленное множество живых единиц – так называемых кровяных телец (или шариков). Каждое из этих кровяных телец имеет свою собственную историю жизни. На первой ступени своего развития каждое из них (известное в этот период жизни под именем белого кровяного тельца) обладает способностью к выполнению независимых движений, сходных с движением амёб; и хотя впоследствии в форме красного, сплющенного диска оно уже не обладает видимой деятельностью, однако же его индивидуальная жизнь продолжается. Впрочем, присутствие такой индивидуальной жизни может быть доказано не для одних только тех единиц, которые свободно плавают в жидкости, позволяющей легко усмотреть внешние проявления этой жизни. Многие слизистые поверхности, как например, внутренняя поверхность дыхательных путей, одеты так называемым ресничным зрителем, т.е. слоем мелких клеточек, тесно прижатых друг к другу и обладающих каждая на своей свободной оконечности несколькими ресничками, находящимися в непрерывном движении. Качания этих ресничек существенно сходны с такими же качаниями ресничек у монад, живущих в многочисленных проходах, проникающих во всех направлениях обыкновенную губку; и как в губке совокупная деятельность этих ресниччатых монад гонит поток воды в известном направлении, так и здесь совокупная деятельность ресниччатых эпителиальных клеток гонит в известном направлении покрывающее их слизистое выделение. Если бы мы пожелали иметь еще более доказательств в пользу индивидуальной жизни каждой из этих эпителиальных клеток, то мы могли бы найти такое доказательство в факте, что будучи отделены одна от другой и положены в жидкость, они «начинают двигаться туда и сюда со значительной быстротою, с помощью непрерывных волнообразных качаний тех ресничек, которыми они снабжены, и продолжают такое движение довольно значительное время».

Видя таким образом, что обыкновенный живой организм может быть рассматриваем как народ, состоящий из отдельных единиц, живу-

щих каждая своей индивидуальной жизнью, причем некоторые из них обладают даже весьма значительной степенью независимости, мы легко поймем, что народ, составленный из человеческих существ, может быть вполне справедливо рассматриваем как организм.

219. Отношения между жизнями единиц и жизнью всего агрегата представляют собой еще одну отличительную черту, общую для рассматриваемых нами случаев. Жизнь агрегата может быть разрушена вследствие какой-нибудь катастрофы без непосредственного разрушения жизней всех составляющих его единиц; и наоборот, если никакая катастрофа не сократит насильственно жизни агрегата, то эта жизнь по своей продолжительности далеко оставляет за собою отдельные жизни его единиц.

У холоднокровных животных реснитчатые клеточки продолжают выполнять свои движения с совершенной правильностью еще долго после того, как животное, часть которого они составляют, представляет недвижимый труп; мышечные волокна еще долго сохраняют свою способность к сокращению под влиянием возбуждений; клеточки выделительных органов продолжают изливать свои продукты если только им будем доставляться искусственным образом потребное для этого количество крови; и даже составные части целого органа – такие, как сердце – продолжают свою совокупную деятельность в течение многих часов после того как оно будет вырезано из тела животного. Подобным же образом промышленные деятельности, правительственные координации и т.п., составляющие собой коллективную жизнь народа, могут быть остановлены насильственным способом, например, вследствие вторжения варваров, без непосредственной остановки деятельности всех составляющих этот народ единиц. Некоторые классы этих единиц – в особенности широко распространенные классы, занимающиеся производством пищи, – могут еще долго проживать в более отдаленных округах и продолжать свои индивидуальные занятия.

И наоборот, в обоих случаях жизнь агрегата значительно превосходит по своей продолжительности жизни его отдельных единиц, если ничто не приведет ее к насильственному концу. Каждый из мелких животных элементов, составляющих собою взрослое животное, зарождается, развивается, играет свою роль в общей экономии тела, затем умирает, разрушается и заменяется другим, между тем животное как целое продолжает существовать. В нижнем (глубоком) слое кожи идет постоянное образование новых клеточек путем деления: по мере своего вырастания клеточки эти отодвигаются наружу, сплющиваются, превращаются в наружный эпителий и, наконец, отшелушиваются и отпадают, уступая свои места лежащим ниже более молодым клеткам. Клетки печени, разрастаясь от поглощения веществ, из которых они отделяют желчь, под конец умирают, и освобожденные ими места занимают

другим поколением клеток. Даже кость, кажущаяся такой плотной и такой инертной, проникнута повсюду кровеносными сосудами, приносящими материалы для замещения состарившихся составных частей новыми, и такое замещение – в иных тканях – быстрое, в других – медленное – совершается в таких размерах, что в продолжении существования всего тела все части его разрушаются и воспроизводятся снова помногу раз. То же самое и в такой же мере имеет место и по отношению к обществу и его единицам. Все общество и каждый из его больших отделов продолжают сохранять из года в год свою целостность несмотря на смерть входящих в их состав отдельных граждан. Обширная фабрика, находящаяся в каком-нибудь мануфактурном городе и состоящая из живых общественных единиц, людей, продолжает производить известный продукт, удовлетворяющий известной национальной потребности, и продолжает оставаться по истечении целого века тою же обширной фабрикой, несмотря на то, что и хозяева и рабочие, составлявшие ее сто лет назад, давнымдавно исчезли с лица земли. То же самое имеет место даже по отношению к еще менее важным частностям промышленного устройства. Известная фирма, берущая свое начало от прошедших поколений, продолжает вести свои дела под именем своего первого основателя; все ее члены и служащие переменялись поодиночке, быть может, уже много раз, но самая фирма продолжает занимать прежнее положение в промышленном мире и поддерживать прежние отношения к покупателям и продавцами. То же самое находим мы повсюду. Правительственные учреждения, как общего, так и местной характера, духовные корпорации, армия, всевозможные другие учреждения, вплоть до гильдий, цехов, клубов, человеколюбивых обществ и пр., обнаруживают весьма значительную продолжительность жизни, далеко превосходящую продолжительность жизней составляющих их личностей. Но этого мало. Нетрудно видеть, что в силу того же самого закона существование общества как целого значительно превосходит по своей продолжительности существование некоторых из этих составляющих его частей. Частные союзы, местные общественные учреждения второстепенные национальные учреждения, целые города, посвященные известной национальной промышленности, могут исчезать, между тем как сама нация, постоянно сохраняя свою целостность, будет увеличиваться в размерах и в сложности своего устройства.

В обоих случаях мы видим также, что взаимозаменяемые отправления различных отделов слагаются каждое из деятельности множества единиц и что умирание этих единиц одна за другой и замещение их новыми не влияет чувственным образом на то отправление, в котором они принимали участие. Каждый саркозный элемент мышцы изнашивается в свою очередь, удаляется прочь и замещается новым; но остальные ее элементы продолжают свои совокупные сокращения по-прежнему; точ-

но также выход в отставку какого-нибудь общественного деятеля или смерть какого-нибудь торговца нарушают лишь весьма малозаметным образом деятельность торгового учреждения или отдела того промышленного предприятия, в котором он принимал участие.

Вследствие этого в социальном организме, как и в индивидуальном, является жизнь целого, совершенно отличная от жизней отдельных единиц, хотя и слагающаяся из этих последних.

220. От этих сходств между социальным и индивидуальным организмами мы должны обратиться к рассмотрению трех крайних несходств, которые существуют между ними. Все части животного образуют одно конкретное целое; но части, составляющие общество, образуют такое целое, которое должно считаться раздельным (*discrete*), а не конкретным. Живые единицы, составляющие собой животное, тесно связаны между собою и находятся в непосредственном или почти непосредственном соприкосновении друг с другом; тогда как живые единицы, составляющие собой общество, свободны, не находятся в тесном соприкосновении, не рассеяны более или менее далеко друг от друга. Каким же образом можно толковать после этого о каком-либо параллелизме между обществом и организмом?

Хотя это различие имеет основной характер и, по-видимому, устраняет всякую возможность сравнения, однако внимательное исследование доказывает, что оно менее важно, чем это может казаться с первого взгляда. Позже я покажу, что даже при полном допущении этого различия оно ничуть не противоречит принятию указанной аналогии; но теперь посмотрим, каким образом всякий желающий мог бы доказать, что даже и в этом отношении здесь чувствуется более сходства, чем может показаться с первого поверхностного взгляда.

Человек, пожелавший доказать это, мог бы утверждать, что физически непрерывное тело животного не состоит повсюду из живых единиц; но что оно составлено в значительной мере из обособившихся частей, которые были образованы вначале жизнедеятельными частями, но позже сделались полуживыми или даже стали вовсе безжизненными. Взять для примера протоплазматический слой, лежащий под кожей, он мог бы сказать, что этот слой состоит действительно из живых единиц; но что образующиеся в нем клетки, переходя в эпителиальные чешуйки, превращаются в инертный охранительный аппарат; затем указав на нечувствительные ногти, волосы, рога, зубы, образующиеся из этого слоя, он мог бы прибавить, что хотя все эти образования суть составные части организма, однако же они едва ли могут быть названы его живыми частями. Следуя далее тем же путем, он мог бы сказать, что и во всех других частях организма существуют такие протоплазматические слои, из которых вырастают ткани, слагающиеся в различные органы; что эти слои одни только остаются вполне живыми, между тем как развиваю-

щиеся из них аппараты теряют свою жизненность пропорционально степени своей специализации; в подтверждение чего он мог бы указать на хрящи, тязи (сухожилия) и соединительную ткань, которые обнаруживают весьма заметным образом низкую степень присущей им жизненности. Из всего этого он мог бы вывести заключение, что хотя тело животного представляет непрерывное целое, однако его существенные единицы, рассматриваемые сами по себе, образуют такое непрерывное целое только там, где мы находим протоплазматические слои.

Вслед за этим он постарался бы доказать, что социальный организм при правильном взгляде на него представляется гораздо менее прерывистым, или разделительным, чем это может показаться сначала. Он мог бы утверждать, что подобно тому, как мы включаем в индивидуальный механизм наряду с вполне живыми его частями, также и менее живые и даже вовсе безжизненные его части имеющие свою долю участия в полной деятельности всего целого; так точно мы должны включать и в общественный организм не одни только наиболее жизненные единицы – человеческие существа, которые определяют в главной мере наблюдаемые в нем явления, – но также различные роды домашних животных, которые, стоя ниже на лестнице жизни, оказывают тем не менее человеку свое содействие под его непрерывным контролем; равно как и еще более низко стоящие аппараты – растения, – которые, размножаясь под влиянием и при содействии человека, доставляют материалы для животной и человеческой деятельностей. В защиту такого взгляда он бы мог указать на то, в какой мере эти низшие классы организмов сосуществуют с людьми в составе обществ, влияют на склад и деятельность общества в различных случаях, до какой степени различные особенности пастушеского типа зависят от рода воспитываемых животных, и в какой мере в оседлых обществах растения, доставляющие пищу, материалы для пряжи и тканья и пр., определяют собою те или иные особенности общественного склада, те или другие формы различных общественных деятельностей. Показав все это, он мог бы сказать: так как физические и душевные особенности человеческих единиц, равно как и их повседневные действия, складываются в известной мере под влиянием этих животных и растений, которые, живя при помощи людей и, в свою очередь, помогая жить людям, проникают так глубоко в общественную жизнь, что составляют даже предмет попечений законодательства, то эти низшие существа не могут быть по справедливости исключены из представления об общественном организме. Резюмируя все сказанное, он мог бы вывести такое заключение: если включить в состав общества наряду с человеческими существами и все остальные менее жизнедеятельные его единицы, т.е. животные и растения, населяющие занимаемую обществом поверхность, то получится такой агрегат, в котором непрерывность между частями будет приближаться гораздо более к то-

му, что мы видим в индивидуальном организме, чем это можно было подумать с первого взгляда. Кроме того, в этом случае общество будет сходствовать с организмом еще с той стороны, что оно также окажется составленным из местных агрегатов в высшей степени жизненных единиц, погруженных в обширный агрегат единиц, представ ляющих различные, более низкие степени жизненности; причем эти низшие единицы производятся в известном смысле высшими единицами, видоизменяются ими и получают под их влиянием то или другое расположение в пространстве и времени.

Впрочем, даже и не разделяя этого взгляда, но допуская вполне, что раздельность (*discreteness*) общественного организма стоит в резком противоречии с цельностью (*concreteness*) организма индивидуального, мы все-таки имеем возможности легко устранить сделанное выше возражение.

221. Хотя в индивидуальном организме непрерывная связь между частями составляет необходимое условие для той взаимной кооперации частей, посредством которой выполняется его жизнь; и хотя члены социального организма, не образуя конкретного целого, не могут достигать такой взаимной кооперации путем физических влияний, передаваемых непосредственно от одной части к другой, они могут достигать и действительно достигают такой кооперации, только путем. Хотя они и не находятся во взаимном соприкосновении, тем не менее они влияют друг на друга через промежуточные пространства при помощи языка чувств и языка ума, словесного и письменного. Для выполнения взаимозависимых действий необходимо, чтобы побудительные импульсы, приспособленные друг к другу со стороны качества, количества и времени, могли передаваться от одной части к другой. В живом существе это требование выполняется при помощи особых молекулярных волн, которые у низших типов неопределенно разливаются по всем направлениям, а у высших передаются по совершенно определенным каналам, функция которых получила знаменательное название посреднической (*internuncial*). В обществах это требование выполняется при помощи знаков, символически выражающих чувства и мысли и передающихся от одной личности к другой, сначала весьма неопределенным образом и лишь на коротких расстояниях, а потом более определенно и на более значительные расстояния. Другими словами, посредническая функция, не достижимая здесь путем физической передачи стимулов, выполняется тем не менее с помощью языка.

Таким образом и здесь устанавливается настоящим образом та взаимосвязь частей, которая составляет организацию. И хотя социальный организм не конкретен, а разделен, но это обстоятельство делает его тем не менее настоящим живым целым.

222. Только что рассмотренное нами возражение и данный на него ответ приводят нас косвенным путем к другому контрасту между обществом и организмом, контрасту, имеющему очень знаменательный смысл и влияющему основным образом на нашу идею относительно той цели, к осуществлению которой должна стремиться общественная жизнь.

Хотя раздельность социального организма не препятствует разделению отправления и взаимной зависимости частей, однако она не позволяет такой дифференциации зайти так далеко, чтобы одна часть сделалась органом чувства и мысли, а остальные части взамен того утратили совершенно всякую чувствительность. Высшие животные, к какому бы классу они ни принадлежали, отличаются от низших сравнительной сложностью нервной системы и сравнительным совершенством ее интеграции. В то время как у низших типов их мелкие, рассеянные нервные узелки существуют, можно сказать, только для блага других аппаратов; концентрированные узлы высших типов представляют, наоборот, другие аппараты, для блага которых, можно сказать, существуют все остальные. Хотя развитая нервная система управляет действиями всего тела таким образом, чтобы сохранить его целостность, однако конечной целью всех этих действий служит благосостояние самой нервной системы: так как вред, нанесенный какому-нибудь органу, получает важность только вследствие того, что он причиняет нервной системе непосредственным или отдаленным образом известное страдание или лишает ее известного удовольствия. Но раздельность общества отрицает возможность проведения в нем Дифференциации до этой крайней ступени. В индивидуальном организме большая часть его мелких живых единиц локализована постоянным образом; большинство их зачинается, вырастает, действует, размножается и умирает на том же самом месте, а потом все эти прочно локализованные единицы в течение бесконечного Ряда поколений, так сказать, пригоняются каждая к своей функции, так что некоторые из них становятся особенно чувствительными, а другие совсем бесчувственными. Но в социальном организме мы видим иное. Его составные единицы, не сходясь в непосредственном соприкосновении и будучи удерживаемы в своих в носительных положениях с меньшей строгостью, не могут дифференцироваться в такой мере, чтобы одни из них стали совсем бесчувственными, а другие иополизировали себе всякое чувство. В действительности и тут существуют слабые следы такой дифференциации.

Человеческие существа несходны между собою по отношению к количеству ощущения и чувства, вызываемых в них одинаковыми причинами, в одних из них замечается значительная черствость, в других — значительная восприимчивость. Контрасты этого рода могут быть постоянно наблюдаемы в пределах одного и того же общества даже тогда,

когда его члены принадлежат к одной и той же расе; особенно в тех случаях, когда члены его принадлежат к двум различным расам – господствующей и покоренной. Единицы, занимающиеся ручным трудом и ведущие тяжелую жизнь, вообще менее чувствительны, чем единицы, работающие головой и лучше обеспеченные в своей жизни. Но хотя регулятивные (правительственные) аппараты социального организма действительно стремятся – подобно регулятивным аппаратам индивидуального организма – стать исключительным сидением чувствования, однако это стремление постоянно сдерживается отсутствием здесь той физической непрерывности, которая ведет к постоянству отправления; оно сдерживается также и тем обстоятельством, что даже единицы, занимающиеся ручным трудом, постоянно нуждаются в чувствовании для должного выполнения своих функций.

Итак, вот в чем состоит основное отличие между этими двумя родами организмов. В одном сознание концентрировано в одной небольшой части агрегата. В другом сознание разлито по всему агрегату: все его единицы способны чувствовать наслаждение и страдание, если не в равной степени, то приблизительно одинаково. Следовательно, тут не существует ничего похожего на какое-либо «общественное чувствование» (social sensorium), а поэтому благосостояние агрегата, рассматриваемое независимо от благосостояния составляющих его единиц, никогда не может считаться целью общественных стремлений. Общество существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества. Следует всегда помнить, что как бы ни были велики усилия, направленные к благосостоянию политического агрегата, все притязания этого политического агрегата сами по себе – суть ничто, и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой они воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц.

223. Высказав это последнее соображение, которое должно считаться скорее отклонением от предыдущей аргументации, чем ее продолжением, вернемся теперь назад и перечислим вкратце те различные доводы, которые принуждают нас смотреть на общество как на организм.

Общество обнаруживает явление постоянного роста, по мере его возрастания части его, становясь несходными друг с другом, обнаруживают увеличение сложности строения; в то же самое время эти несходные части принимают на себя выполнение несходных деятельностей; эти деятельности не только различны между собою, но еще эти различия находятся в таких отношениях друг к другу, что делают возможными одни другие; являющаяся таким образом взаимная помощь вызывает взаимную зависимость всех частей общества; и эти взаимозависимые части, живя при помощи друг друга и друг для друга, образуют агрегат, построенный на том же самом общем начале, как и индивидуальный организм. Аналогия между обществом и организмом становится еще

яснее, когда мы узнаем, что каждый организм сколько-нибудь заметного объема есть общество; а также когда мы узнаем далее, что в обоих случаях жизнь единиц продолжается еще в течение некоторого времени после того, когда жизнь агрегата будет неожиданно остановлена каким-нибудь насильственным способом; и что в обоих случаях жизнь агрегата, не будучи остановлена путем насилия, далеко превосходит по своей продолжительности жизни его единиц. Хотя один из сравниваемых нами агрегатов конкретен, а другой разделен (discrete), и хотя это обстоятельство влечет за собою различие в тех целях, которые достигаются организацией в каждом из этих двух случаев, однако оно не влечет за собою различия со стороны законов организации, которые одинаковы для обоих случаев; ибо необходимое условие каждой организации, а именно – возможность для всех частей организма влиять друг на друга – существует и в обществе, хотя оно и выполняется здесь не прямым, а косвенным путем.

Рассмотрев таким образом в самых общих формах те доводы, которые заставляют нас смотреть на общество как на организм, мы можем считать себя достаточно подготовленными к тому, чтобы проследить это сравнение в его подробностях. Мы увидим, что чем далее мы будем следить за этой аналогией, тем более мы будем убеждаться в ее верности.

Глава третья

Общественный рост

224. Общества, как и живые существа, зачинаются из зародышей, т.е. берут свое начало от таких скоплений, величина которых крайне ничтожна по сравнению с той, которой они достигают впоследствии. Никто не решится оспаривать того факта, что самые большие общества возникли вначале из небольших кочующих орд, подобно тем, которые мы встречаем теперь у самых низших человеческих рас. Орудия и утварь у доисторических народов оказываются более грубыми, чем даже те, которые употребляются нынешними дикарями, что указывает на отсутствие у них тех искусств, которые одни только делают возможными обширные скопления людей. Некоторые религиозные обряды, сохранившиеся в культах древних исторических рас с незапамятных времен, указывают на тот период цивилизации, когда прародители этих рас употребляли кремневые ножи и добывали огонь из дерева посредством трения, и потому должны были жить маленькими группами, которые одни только могут существовать до появления земледелия.

Смысл всех этих фактов тот, что процесс интеграции, прямой и косвенный, породил в течение времени такие общественные агрегаты, которые по своей обширности превосходят в миллионы раз те мелкие общественные агрегаты, которые одни только существовали в самые отдаленные времена человеческой истории. И так общественный рост по достигаемым им размерам оказывается аналогичным росту живых существ.

225. Это черта надорганического развития сходствует с соответствующей ей чертой органического развития еще с той стороны, что в обоих случаях агрегаты различных классов обнаруживают явления роста в чрезвычайно различной степени.

Пересматривая наскоро всю совокупность животных типов, мы видим, что члены обширного класса Protozoa редко вырастают за пределы того микроскопического объема, с которого начинает свое развитие всякое высшее животное. У многочисленных и разнообразных Coelenterata величина тела колеблется между Размерами маленькой гидры и большой медузы. У кольчатых и мягкотелых контраст между самыми крупными и самыми мелкими их представителями может быть назван громадным. Точно так же и позвоночные, будучи в среднем выводе крупнее остальных классов, обнаруживают огромные различия между отдельными своими членами со стороны достигаемых ими размеров.

Подобные же различия со стороны роста поражают нас и при обозрении всей совокупности людских обществ. Многие области земного шара представляют нам мелкие, рассеянные орды – эти выжившие донные образчики первобытного общественного типа. Так мы имеем тут Лесных Веддахов, живущих иной раз одиночными парами, и только изредка сбивающихся в небольшие группы; далее мы имеем бушменов, блуждающих по своим пустыням отдельными семьями и лишь случайно образующих более крупные группы; затем мы имеем огнеземельцев, живущих по дюжине вместе или, редко, человек по двадцати. У Австралийцев, Тасманийцев, Андаманезцев число членов в отдельном племени колеблется, быть может, между двадцатью и пятидесятью. Такое же ограничение численности племени этими первобытными размерами встречаем у эскимосов, где обитаемая страна чересчур негостеприимна для человека; у индейцев из племени Даггер, где размножению мешает слишком слабое развитие житейских искусств; и у некоторых из горных племен Индии, каковы Джуанги, где дальнейший общественный рост встречает себе помеху со стороны соседних, более высоких рас. Но там, где плодородная почва доставляет много пищи, и там, где более оседлая жизнь, порождая земледелие, опять-таки увеличивает запас пищи, мы находим более обширные общественные агрегаты, например, на островах Полинезии и во многих областях Африки. Тут, местами сотня или две, местами несколько тысяч, а местами и много тысяч людей удерживаются вместе более или менее совершенным образом и составляют более или менее плотную массу. И, наконец, в наиболее высоких обществах вместо отчасти сплоченных тысяч мы имеем вполне сплоченные миллионы.

226. Рост индивидуального организма и рост общественного организма сходны между собою еще в другом отношении. В каждом из этих случаев увеличение размера совершается с помощью двух процессов, которые имеют иной раз место порознь, а иной раз вместе. Возрастание

размера может совершаться или путем простого увеличения единиц, ведущего к увеличению группы, или путем слияния между собою уже сложившихся групп, причем получившиеся таким путем группы групп могут снова сливаться между собою. Параллелизм первого способа для обоих случаев слишком прост, чтобы нуждаться в пояснениях; но второй случай должен быть пояснен фактами, в которых он обнаруживается...

Растения самых низших порядков представляют просто крошечные клеточки, неисчислимые мириады которых то окрашивают собою стоячие воды, то образуют зеленые пленки, одевающие различные сырые поверхности. Путем слияния таких клеточек образуются маленькие, нежные нити, кружки, шарики, и пр., равно как и бесформенные или же пластинчатые массы. Когда такая пластинчатая масса не представляет почти никакой дифференциации, как у морской водоросли, она называется ростцем, или слоевищем (*thallus*), когда же она представляет кое-какие признаки внутреннего строения, как у некоторых вышестоящих тайнобрачных, она называется листовищем; но и в том, и в другом случаях эта масса представляет обширную, но простую группу одноклеточных проторфитов, упомянутых нами с самого начала. Такие листовища опять-таки соединяются между собой у некоторых низших тайнобрачных лишь временным образом, у высших же – в совершенно постоянные группы, причем является ряд листовых поверхностей, соединенных между собою ползучим стеблем. Отсюда является потом явнотрачная ось, т.е. побег с его листовыми органами, или просто листьями. Другими словами, тут является уже группа групп, имеющая постоянный характер. Затем, когда из этой оси разовьются побочные оси, а из них опять ветви, веточки и т.д., то мы получим ряд сложных органических группировок все более и более высоких степеней. В животном царстве происходит то же самое, только в менее правильной и более скрытой форме. Самое маленькое животное, как и самое маленькое растение, есть крошечная группа живых молекул, или физиологических единиц. Эти самые маленькие животные сливаются в новые группы, представляющие много различных форм и ступеней. В некоторых случаях, как, например, у сложных *Vorticellae* и у губок, их индивидуальности почти нисколько не затемняются индивидуальностью составляемого ими агрегата; но с прогрессивным развитием сложного агрегата индивидуальности составляющих его агрегатов становятся менее и менее ясными. Так, например, хотя в некоторых *Coelenterata* они и удерживают еще значительную самостоятельность – что можно видеть из того, что, будучи отдалены от составляемого ими агрегата, они движутся на манер амёб, – однако уже и здесь их индивидуальности поглощаются в очень значительной мере индивидуальностью составляемого ими агрегата, как в этом можно убедиться на примере обыкновенной гидры. Из совокупности этих вторичных агрегатов возникают подобным же образом третич-

ные агрегаты. Различные формы и фазисы этого процесса могут быть наблюдаемы на многочисленных типах порядка Coelenterata. Здесь мы имеем ввиду ветвистую гидру, в которой отдельные полипы сохраняют каждый свою индивидуальность, общий полипник служит только для удержания их вместе; затем тут имеются такие формы, как *Velella*, в которой составляющие ее полипы до такой степени изменены и слиты друг с другом, что их индивидуальность долго ускользала от взора наблюдателей. Между *Mouscoida* мы имеем и слабо связанные третичные агрегаты – в отряде *Salpidae*, где эта сплоченность третичного агрегата почти совершенно затемняет индивидуальности составляющих его вторичных агрегатов. То же самое видим мы и у некоторых кольчатых типов (*Annulosa*) и, как я старался доказать, у всех вообще *Annulosa*.

Общественный рост совершается путем подобного же слияния общественных групп различных степеней. Первичная общественная группа – подобно первичной группе физиологических единиц, с которой начинается органическое развитие, никогда не достигает скольнибудь значительного размера путем простого разрастания. Рассматривая такие крайние примеры, как те, что доставляются нам Огнеземельцами, у которых скудность запасов естественной пищи, доставляемой им их суровым обиталищем, не позволяет жить в одном месте более чем два дати человекам или около того; или Андаманезцами, принужденными ограничиваться узкою береговою полосой, запертою сзади непроницаемою лесною чащею, где сорок человек есть наибольшее число, могущее найти себе достаточно добычи, не удаляясь слишком далеко от своих временных жилищ; или Бушменами, блуждающими по голым пустыням, где могут существовать только самые маленькие орды, и где даже отдельная семья «бывает вынуждена иной раз разойтись в разные стороны, ибо одно и то же место не может доставить ее членам такого количества пищи, которого хватило бы на пропитание их всех», мы видим, что во всех этих случаях группа наталкивается при своем разрастании на некоторые неизбежные пределы, перейдя которые, она бывает вынуждена отделить и отослать от себя образовавшийся избыток, который складывается в новую маленькую группу, подобную первоначальной. Даже в довольно плодоносных обиталищах общественные группы по истечении некоторого времени бывают вынуждены к подобному же распадению на части. Увеличиваясь в своей численности, первобытное племя распространяется все шире и шире и, под конец, развивается так широко, что различные его части теряют взаимную связь и распадаются на независимые группы, которые, с превращением их постоянно расходящихся диалектов в различные языки, превращаются сами в различные племена. Часто за этим не следует ничего другого, кроме повторения того же процесса. Взаимные столкновения племен, уменьшение и умирание одних, разрастание и самопроизвольное разделение других про-

должают тянуться из века в век бесконечною чередой. Образование более крупного общества происходит только путем комбинаций этих более мелких обществ; причем разделения, вызванные Препными распадающимися, не стираются вследствие этого процесса. Процесс этот может быть наблюдаем еще и теперь на различных своих ступенях у многих нецивилизованных рас, где он проходит так, как он происходил когда-то у предков препных и нынешних цивилизованных рас. Вместо абсолютной независимости мелких орд, наблюдаемых нами у самых низших рас, мы находим у дикарей продвинувшихся уже несколько по пути развития, присутствие некоторой, хотя и слабой, связи между их несколько более крупными ордами. В Северной Америке каждое из трех больших племен Команчей состоит из многих банд, связанных между собою с помощью лишь тех слабых уз, которые вытекают из личного характера Великого Вождя. Племя Дакотов состоит, по словам Бертона, из семи главных банд, распадающихся каждая на несколько меньших, общее число которых, по свидетельству Кэтлина, простирается до сорока двух; подобным же образом пять Ирокезских народцев распадаются каждый на восемь племен. При благоприятных условиях из этих слабо связанных между собою первоначальных групп возникают союзы более тесного свойства; но такие союзы лишь очень редко получают постоянный характер. Самая обыкновенная форма этого процесса изображена Масоном в его описании Каренов: «Каждая деревня с ее бедными владениями есть независимое государство, и каждый вождь есть самостоятельный государь; но от времени до времени появляется между ними маленький Наполеон, который подчиняет себе королевство и основывает империю. Однако такие династии не переживают своего основателя». Подобное же мы видим и в Африке. Лингвистон говорит: «Прежде все Маганджийцы состояли под управлением своего великого вождя Унди... но по смерти Унди королевство его распалось на куски... Такое распадение составляет с незапамятных времен неизбежную судьбу всякой африканской империи». Только случайно возникают сложные общественные агрегаты, выдерживающие такую связь в продолжение значительного периода времени, как например, королевство Дагомейское или королевство Ашантиев, которые представляют собрание мелких государств, обязанных чем-то вроде феодального подчинения одному общему государю. В истории Мадагаскара и разных Полинезийских островов мы также видим беспрестанно такие сложные общественные группы временного характера, причем в некоторых случаях из них слагаются под конец постоянные группы. Вымершие цивилизованные расы в древнейшие времена своей истории прошли через такие же ступени. По словам Масперо, Египет «в самом начале был населен большим числом племен, которые потом стали слагаться одновременно в различных его пунктах в маленькие независимые государства, имевшие каждое

свое собственное законодательство и свой собственный культ». Первыми сложными общественными группами, возникшими между Греками, были те маленькие группы, которые явились вследствие покорения более слабых городов их более сильными соседями. А в Северной Европе во время ее языческого периода образчиками этой второй ступени агрегации были многочисленные Германские племена с их кантональными подразделениями внутри каждого отдельного племени. Когда такие сложные общества достаточно сплотятся, повторение того же самого процесса, но в еще более широких размерах, приводит к образованию обществ двойной сложности, которые обыкновенно обнаруживают лишь весьма слабую внутреннюю связь, но в некоторых случаях становятся вполне связанными и прочными агрегатами. Масперо говорит, что те мелкие государства, из которых состоял в древности Египет и которые произошли путем интеграции населявших его племен, слились впоследствии в два больших княжества – Верхний Египет и Нижний Египет, – а эти последние слились, в свою очередь, в одно большое государство, причем прежние мелкие государства стали его провинциями хвастливые летописи Месопотамских царей также повествуют о подобном соединении воедино прежних независимых союзов. Также и в Греции та интеграция, которая была вначале лишь местною, начала впоследствии стягивать все режние маленькие общества в две большие конфедерации. То же самое происходило и в Европе, как до, так и после христианской эры. Во времена Римской истории многие племена сливались в федерации ввиду оборонительных целей; с течением времени эти федерации приобрели значительную прочность, а еще позже ошли сами в состав еще более обширных агрегатов. После того за периодом неопределенных и изменчивых комбинаций наступило, в позднейшие времена, слияние мелких феодальных областей в провинции, а этих последних – в королевства, как это мы можем видеть, например, из истории Франции.

Так что и в органическом, и в надорганическом росте мы видим один и тот же процесс сложения, или слияния, восходящий последовательно все выше и выше. В обоих случаях за некоторой консолидацией самых мелких агрегатов идет процесс образования самых крупных агрегатов путем соединения первых в одну общую группу; и в обоих случаях повторение этого процесса превращает вторичные агрегаты в третичные.

227. Органический рост и надорганический представляют еще одну аналогию. Выше мы уже сказали, что разрастание путем умножения числа индивидов в группе может иметь место одновременно; и, действительно, такое одновременное разрастание этими двумя путями наблюдается в обоих сравниваемых случаях.

Первоначальные группы в животном и общественном мире не только незначительны по своим размерам, но и рыхлы. Существа низ-

ших типов занимают очень много пространства сравнительно с количеством содержащегося в них животного вещества; точно так же и общества низших типов распространяются на обширные пространства сравнительно с числом составляющих их индивидов. Но как в животном мире интеграция проявляется столь же в концентрации, как и в объеме, так точно и общественная интеграция, являющаяся результатом слияния отдельных групп, дополняется процессом умножения числа индивидов в каждой группе. Если мы сравним населенность областей, обитаемых дикими племенами, с населенностью Европейских областей таких же размеров, или мы сравним густоту населения Англии во время гепархии с нынешней густотой ее населения, то мы увидим, что кроме разрастания, которое вытекало из слияния отдельных групп, здесь постоянно шло еще и разрастание путем заполнения свободных промежутков. Высшее животное не только больше низшего, но и плотнее его; и тот же самый результат получается из сравнения высшего общества с низшим.

Итак, общественный рост, подобно росту живого существа, обнаруживает перед нами основную черту развития с двух ее сторон. И в том, и в другом случае интеграция обнаруживается двояким образом: в достижении более объемистой массы, и в прогрессивном приближении этой массы к тому состоянию сплоченности (coherence), которое обуславливается тесным сближением ее частей.

Впрочем, справедливость требует прибавить, что существует такой способ общественного роста, который не находит себе ни малейшей аналогии в органическом росте – это рост путем миграции, или перехода единиц из одного общества в другое. У многих первобытных групп и у немногих развитых фактор этот имеет немалое значение; но вообще, влияние его столь ничтожно по сравнению с влиянием роста путем умножения населения и путем слияния прежних независимых групп, что он не изменяет в сколько-нибудь заметной степени рассматриваемой нами аналогии.

228. В обществах, как и в живых существах, возрастание общей массы сопровождается обыкновенно возрастанием сложности строения, параллельно с той интеграцией, которая составляет первичную черту развития, заключающуюся в дифференциации.

Спенсер Г. Основания социологии // Синтетическая философия. – Киев: «Ника-Центр», 1997. – С. 287–299.

Г. Зиммель Об обществе

«Понятие общества имеет смысл, очевидно, только в том случае, если оно так или иначе противопоставляется простой сумме отдельных людей. Потому что, если бы оно совпадало с последней, то по-видимому, оно могло бы быть объектом науки только в том смысле, в

каком, например, «звездное небо», может быть названо объектом астрономии, но на самом деле это лишь имя собирательное, и астрономия устанавливает только движения отдельных звезд и законы, которые ими управляют. Если общество есть такое соединение отдельных людей, которое представляет собой только результат нашего способа рассмотрения, а настоящими реальностями являются эти отдельные люди, то они и их отношения образуют настоящий объект науки, и понятие общества улетучивается. И в самом деле это, по-видимому, так. Ведь осязательно существуют только отдельные люди и их состояния и движения: поэтому задача может заключаться только в том, чтобы понять их, тогда как возникшее лишь в результате идеального синтеза, нигде не уловимое существо общества не может быть предметом мышления, направленного на исследование действительности...

Человек представляет скорее сумму и продукт самых разнообразных факторов, о которых и с точки зрения качества, и с точки зрения функций, можно сказать лишь в очень неточном и относительном смысле, что они слагаются в единство....

С точки зрения истинно последовательного индивидуализма реальными существами оказываются только точечные атомы, а все сложное, как таковое, оказывается реальностью низшей степени...

Для меня несомненно, что существует только одно основание, которое придает соединению по крайней мере относительную объективность: это – взаимодействие частей...

Никто не будет отрицать, что взаимодействие частей происходит в том, что мы называем обществом. Общество так же, как человеческий индивидуум, не представляет из себя вполне замкнутого существа или абсолютного единства. По отношению к реальным взаимодействиям частей является только вторичным, только результатом, и притом как по существу, так и для исследователя...

Общество будет только названием для суммы этих взаимодействий, названием, которое будет применимо лишь постольку, поскольку они установлены. Поэтому это понятие не установлено раз навсегда, но имеет различные степени, причем оно может быть применимо в большей степени, смотря по количеству и глубине взаимодействий, которые существуют между данными личностями. Таким образом, понятие общества совершенно теряет тот мистический оттенок, который пытался усмотреть в нем индивидуалистический реализм».

Зиммель Г. Социальная дифференциация. – М.: Наука, 1999. – С. 14–21.

Расширение группы и развитие индивидуальности

Неоднократно приходится наблюдать следующее соотношение между развитием индивидуальности и социальным интересом: это развитие тем выше, чем более широк тот круг, на который распространяется интерес. Возьмем две социальные группы, М и N, резко отличающиеся друг от друга как по своим характерным свойствам, так и по взаимной настроенности, причем каждая из них состоит из однородных и тесно связанных между собой элементов. Обычно развитие вызывает все возрастающую дифференциацию элементов. Различия между индивидами по внешним и внутренним склонностям и их проявлениям, которые первоначально были минимальными, обостряются вследствие необходимости добывать себе средства к жизни, борьба за которые ведется все более своеобразными способами; конкуренция, как известно, создает особенность индивида. Сколь бы ни были различны исходные пункты этого процесса в группах М и N, все же он должен постепенно делать их похожими друг на друга. С самого начала есть вероятность того, что с увеличением несходства между собой составных частей группы М и составных частей группы N в каждой из них можно будет найти все больше сходств с другой группой; разнообразные отклонения от нормы, значимой до тех пор для каждого комплекса как такового, необходимо должны приблизить членов одной группы к членам другой. Это должно произойти уже потому, что, как бы ни были различны социальные группы сами по себе, формы дифференциации одинаковы или сходны между собой: отношения простой конкуренции, соединение многих слабых против одного сильного, избыток входящих в группу индивидов, последовательное усиление раз установленных индивидуальных отношений и т.д. Действие этого процесса – с чисто формальной стороны – часто можно наблюдать в интернациональной симпатии, которую питают друг к другу аристократы и которая странным образом не зависит от специфического содержания того существенно важного, что в других случаях имеет решающее значение для взаимного притяжения и отталкивания. После того как процесс социальной дифференциации привел к разделению высокого и низкого, уже одно только определенное социальное положение как формальный факт внутренним, а часто и внешним образом соотносит между собой членов самых разнообразных групп, для которых характерно именно это социальное положение.

К тому же вместе с такой дифференциацией социальной группы будет расти необходимость и склонность выходить за пределы ее первоначальных границ в пространственном, экономическом и духовном отношении. А ввиду возрастающей индивидуализации и, следовательно, взаимного отталкивания ее элементов будут расти также необходимость

и склонность устанавливать, помимо первоначальной центростремительности отдельной группы, центробежную тенденцию как мост, перекинутый к другим группам. Немногих примеров будет достаточно, чтобы показать, каков этот процесс, который и так уже самоочевиден.

Первоначально в цехах господствовал дух строгого равенства, вследствие чего, с одной стороны, налагались ограничения на отдельного человека в отношении производства, ибо ни один член цеха не должен был превосходить остальных по количеству и качеству своей продукции, а с другой – имелось стремление защитить индивида посредством норм продажи и оборота, чтобы его не превосходили другие. Однако более продолжительное время поддерживать это состояние недифференцированности было невозможно. Мастер, разбогатевший в силу каких-нибудь обстоятельств, не хотел больше подчиняться ограничениям: продавать лишь собственную продукцию, торговать только в одном месте, держать очень ограниченное число подмастерьев и т.п. Но как только он добивался права на это, нередко путем тяжелой борьбы, должно было произойти следующее: во-первых, первоначально однородная масса членов цеха должна была дифференцироваться все с большей определенностью на богатых и бедных, капиталистов и рабочих; после того как принцип равенства был однажды нарушен настолько, что один имел право заставить другого работать на себя, и свободно, по своим личным способностям и энергии, полагаясь на свое знание отношений и на свой учет шансов, выбирать себе рынок сбыта, именно личные качества, получив возможность развиваться, должны были повыситься и привести ко все более резкой специализации внутри товарищества и, в конце концов, к его распаду. С другой же стороны, это преобразование повело к дальнейшему выходу за пределы прежней области сбыта; благодаря тому, что производитель и торговец, соединенные прежде в одном лице, дифференцировались друг от друга, последний приобрел несравненно большую свободу передвижения и завязались коммерческие связи, до тех пор невозможные. Индивидуальная свобода и увеличение предприятия находятся во взаимодействии. Так, при одновременном существовании цеховых ограничений и больших фабричных предприятий, например, в начале этого столетия в Германии оказывалось всегда необходимым предоставить последним свободу производства и торговли, которую могли или хотели коллективистски ограничивать для кругов, состоявших из более мелких и незначительных предприятий. Итак, развитие, бравшее начало в узком гомогенном цеховом круге, шло в двух направлениях и, соответственно этой двойственности, должно было подготовить его разложение: речь идет, во-первых, об индивидуализирующей дифференциации, а во-вторых, о пространственном расширении. В этом отношении, например, история освобождения крестьян в Пруссии оказывается сходным процессом.

Наследственно-зависимый крестьянин, каким он был в Пруссии приблизительно до 1810 г., и по отношению к земле, и по отношению к господину занимал своеобразное среднее положение; земля хотя и принадлежала господину, но так, что крестьянин не был лишен известных прав на нее. С другой стороны, хотя он и должен был отбывать барщину на поле своего господина, но он обрабатывал наряду с этим и отведенную ему землю на свой страх и риск. С уничтожением крепостного права известная часть земли, принадлежавшей до сих пор крестьянину на ограниченных правах, была передана ему в полную и безусловную собственность, а помещик мог рассчитывать только на наемных рабочих, набравшихся теперь, главным образом, из владельцев более мелких клочков земли, которые были у них скуплены. Итак, если крестьянин при прежних отношениях соединял в себе отдельные черты собственника и работающего на других, то теперь появилась резкая дифференциация: одна часть превратилась в чистых собственников, а другая – в чистых работников. Само собой очевидно, каким образом это привело к свободным личным перемещениям и установлению связей с более удаленными лицами и кругами; влияние здесь оказало не только уничтожение внешней прикреплённости к клочку земли, но и положение работника как такового, которого нанимают то здесь, то там; а кроме того, и свободное владение, которое делает возможным отчуждение и вместе с тем коммерческие отношения, переселения и т.п. Так подтверждается сформулированное выше положение: дифференциация и индивидуализация ослабляют связь с ближним, чтобы создать взамен новую связь – реальную и идеальную – с более дальними.

Аналогичное соотношение обнаруживается в животном и растительном мире. Можно заметить, что у наших домашних животных (это относится и к культурным растениям) особи одного и того же подвида резко различаются между собой, чем особи соответствующего подвида, пребывающие в естественном состоянии; напротив, подвиды одного вида как целые ближе друг другу, чем у некультурных пород. Итак, культивирование усиливает формообразование, благодаря которому, с одной стороны, индивидуальность более резко выделяется внутри своего вида, а с другой – происходит сближение с чужими видами и обнаруживается сильное сходство с более широкой общностью вне пределов первоначально гомогенной группы. С этим вполне согласуется утверждение, что породы домашних животных у некультурных народов имеют характер гораздо более обособленных видов, чем те разновидности, которые есть у культурных народов. Дело в том, что первые еще не достигли в процессе развития той стадии, когда в результате более продолжительного приручения уменьшаются различия между видами, поскольку увеличиваются различия между индивидами. И в этом развитие животных прямо пропорционально развитию их господ: в менее куль-

турные эпохи индивиды, принадлежащие к одному роду, настолько единообразны и одинаковы, насколько возможно; напротив, роды в целом противостоят друг другу как чуждые и враждебные: чем теснее синтез внутри своего рода, тем резче антитезис по отношению к чуждому роду; с прогрессом культуры растет дифференциация между индивидами и увеличивается близость к чуждому роду. Соответственно, широкие необразованные массы культурного народа внутренне более гомогенны, чем образованные слои; характерные особенности, отличающие их от масс другого народа, более резки, чем различия между образованными слоями обоих народов. А что касается отражения этого отношения в наблюдающем духе, то должно иметь место то же самое и притом на основании важного психологического правила, согласно которому различные, но принадлежащие к одному и тому же роду и сопряженные в некое единство впечатления сливаются между собой и тем самым парализуют друг друга, так что образуется некое среднее впечатление; одно крайнее качество уравнивает другое, и подобно тому, как самые различные цвета образуют вместе бесцветный белый свет, так разнообразие очень неодинаково одаренных и действующих лиц ведет к тому, что целое, в которое их объединяет представление, получает характер более индифферентный, лишенный резко очерченной односторонности. Трения между ярко выраженными индивидуальностями, которые в действительности ведут к уравниванию или конфликтам, происходят и в субъективном духе. Чем более дифференцирован круг соответственно своим составным частям, тем менее он, как целое, производит индивидуальное впечатление, потому что его части, так сказать, не дают говорить друг другу, взаимно устраняют друг друга, так что в результате получается впечатление усредненности, которое будет тем неопределеннее, чем многочисленнее и разнообразнее факторы, совместно его производящие.

Обобщая эту мысль, можно выразить ее так: в каждом человеке *ceteris paribus* индивидуальное и социальное имеется, так сказать, в неизменной пропорции, которая изменяет только свою форму: чем теснее круг, которому мы себя отдаем, тем меньше мы имеем индивидуальной свободы; но зато этот круг сам представляет собой нечто индивидуальное, и именно потому, что он невелик, отделяет себя от других резкими границами. Это обнаруживается очень ясно в социальном строе квакеров. Как целое, как религиозный принцип, отличающийся самым крайним индивидуализмом, квакерство объединяет членов общины строем и образом жизни в высшей степени единообразными, демократическими и по возможности исключаящими все индивидуальные различия; но зато оно совершенно лишено понимания высшего государственного единства и его целей, так что индивидуальность меньшей группы исключает, с одной стороны, индивидуальность ее отдельных членов, с

другой стороны, – самоотдачу индивида большой группе. В частности это проявляется следующим образом: в том, что является делом общины, в богослужбных собраниях, каждый может выступать и говорить, как проповедник, что хочет и когда хочет; однако, с другой стороны, община ведет надзор за личными делами, например, за заключением браков, так что последние не происходят без согласия комитета, назначенного для рассмотрения каждого отдельного случая. Итак, они индивидуальны только в общем, но социально связаны в индивидуальном. И соответственно, если расширяется круг, в котором мы действуем и к которому относятся наши интересы, то это дает больше простора для развития нашей индивидуальности; но в качестве частей этого целого мы обладаем меньшим своеобразием, а целое, как социальная группа, является менее индивидуальным.

Если, таким образом, тенденции, с одной стороны, к индивидуализации, а с другой – к недифференцированности, столь тождественны друг другу, что относительно безразлично, проявляются ли они в области чисто личной или же в сфере той социальной общности, к которой принадлежит личность, то увеличение индивидуализации или ее противоположности в одной области потребует соответственного уменьшения в другой. Итак, мы приходим к самой общей норме, которая чаще всего может проявляться при различиях в размерах социальных групп, но, впрочем, обнаруживается и в других случаях. Например, у некоторых народов, у которых преобладает все экстравагантное, преувеличенное, импульсивно причудливое, мы замечаем рабскую приверженность моде. Сумасбродство, совершенное одним, автоматически влечет за собой слепое подражание всех остальных. Те же, у кого жизнь в целом далеко не так многоцветна, более трезва и устроена на солдатский манер, имеют, однако, гораздо более сильные индивидуалистические стремления и отличаются друг от друга в рамках этого однообразного и простого стиля жизни гораздо резче и отчетливее, чем первые внутри своего изменчивого многоцветья. Итак, с одной стороны, целое носит очень индивидуальный характер, но его части весьма подобны между собой; с другой стороны, целое более бесцветно, его образование в меньшей степени связано с какими бы то ни было крайностями, но его части сильно дифференцированы между собой. Сейчас, однако, для нас важно, главным образом, отношение корреляции, которое привязано к объему социального круга и обычно связывает свободу группы со стесненностью индивида; хорошим примером этого является сосуществование коммунальной стесненности и политической свободы, которое мы, например, видим в русском устройстве доцарского периода. Особенно в эпоху нашествия монголов в России было множество территориальных единиц, княжеств, городов, сельских общин, которые вовсе не были соединены между собой единой государственной связью, и, таким обра-

зом, каждое из них как целое пользовалось большей политической свободой; но зато прикрепленность индивида к коммунальному сообществу была наиболее тесной, так что не существовало вообще частной собственности на землю и только одна коммуна владела ею. Тесной замкнутости в круг общины, которая лишала индивида личного владения, а нередко, конечно, и возможности личного передвижения, соответствовало отсутствие отношений, связывающих его с более широким политическим кругом. Круги социальных интересов расположены вокруг нас концентрически: чем теснее они нас охватывают, тем меньше они должны быть. Но человек никогда не является ни существом сугубо коллективным, ни существом сугубо индивидуальным; поэтому здесь, конечно, идет речь лишь о большей или меньшей степени того и другого или же только об отдельных сторонах и определениях человеческого существования, в которых являет себя развитие, переход от перевеса индивидуального над коллективным к перевесу коллективного над индивидуальным. У этого развития могут быть стадии, в которых принадлежность одновременно к меньшему и к большему социальному кругу выражается в характерных последствиях. Итак, если самоотдача более узкому кругу, в общем, менее благоприятна для сохранения индивидуальности как таковой, чем ее существование в некоторой возможно большей общности, то все-таки с психологической точки зрения следует заметить, что внутри очень большого культурного сообщества принадлежность к семье способствует индивидуализации. Отдельный человек не может оградить себя от совокупности; только отдавая некоторую часть своего абсолютного Я нескольким другим индивидам, соединяясь с ними, он может еще сохранить чувство индивидуальности и притом без чрезмерной замкнутости, без чувства горечи и обособленности. Даже когда он расширяет свою личность и свои интересы, включая сюда личность и интересы ряда других людей, он противопоставляет себя остальному, так сказать, в более широкой массе. Правда, для индивидуальности в смысле чудачества и всякого рода ненормальности жизнь без семьи, в некотором широком круге оставляет широкое поприще; но для дифференциации, которая затем приносит пользу и наибольшему целому, будучи порождена силой, а не непротивлением односторонним влечениям, – для нее принадлежность к более узкому кругу внутри более широкого оказывается полезной, правда, часто, конечно, только как подготовка и переходное состояние. Семья, значение которой сначала политически реально, а с ростом культуры все более и более психологически идеально, предоставляет в качестве коллективного индивида своему члену, с одной стороны, некоторую предварительную дифференциацию, которая, по крайней мере, подготавливает его к дифференциации в качестве абсолютной индивидуальности, с другой стороны, она предоставляет ему и защиту, благодаря которой эта индивидуальность

может развиваться, пока она не будет в состоянии устоять против самой обширной общности. В более высоких культурах, где одновременно получают признание и права индивидуальности, и права самых широких кругов, принадлежность к семье представляет собой смешение характерного значения принадлежности к узкой и более широкой социальным группам.

Если я указывал выше, что самая большая группа предоставляет больше простора крайностям формирования и деформирования (Bildungen und Verbildungen) индивидуализма, мизантропическому уединению, причудливости и капризным формам жизни, бесцеремонному эгоизму, то это является лишь следствием того, что более широкая группа предъявляет нам меньше требований, меньше заботится об отдельных людях и поэтому ставит меньше препятствий для полного развития даже самых извращенных влечений, чем более узкая группа. Следовательно, на размеры круга ложится лишь негативная вина, и речь идет не столько о развитии в пределах группы, сколько о развитии вне ее, для которого большая группа открывает своим членам больше возможностей, чем меньшая. Хотя это – случаи односторонней гипертрофии, причиной или следствием которой является слабость индивида, однако именно в односторонности, которую приносит с собой нахождение в большой группе, лежит неизмеримо могучий источник силы и притом не только для совокупности, но и для отдельного члена. Яснее всего свидетельствует об этом тот несчетное число раз наблюдавшийся факт, что лица, которые до старости действовали в одном определенном кругу, тотчас по выходе из него теряют силы, посредством которых они до сих пор вполне удовлетворительно исполняли свое призвание. Дело не просто в том, что данное количество силы не следует более своей привычной траектории и не может войти в предлагаемую новую колею, а потому разлагается; вся личность, вся деятельность ее, даже помимо ее призвания, в большинстве таких случаев замирает, так что нам потом может показаться, будто организм сам по себе давно уже не располагал силами, нужными для его деятельности, и мог развить лишь в этой определенной ее форме ту способность, которая, собственно говоря, ему самому уже более не свойственна. Примерно таково было и представление о жизненной силе: будто кроме естественных сил, обитающих в составных частях тела, к химическим и физическим воздействиям в нем прибавляется еще и особая сила, свойственная специфической форме органического. Но как теперь отрицают, что у жизни такая сила есть, а ту сумму сил, которую, казалось, она производила, свели к особому сочетанию ранее известных сил, пребывающих в естественном круговороте, – так же нужно будет признать, что энергическая собранность личности и та добавочная сила, которую, как кажется, дает нам призвание и существование которой, по всей видимости, доказывают последствия,

вызываемые его оставлением, – эта собранность является лишь особенно благоприятным приспособлением и упорядочением сил, которыми личность обладает и в остальное время; ибо форма не производит силу. Но подобно тому как в действительности жизнь есть все-таки именно эта особая, ни с чем другим не сравнимая комбинация и концентрация природных сил, так и призвание, некоторым определенным образом упорядочивая силы индивида, вызывает их развертывание и целесообразные сочетания, которые иначе были бы невозможны. А так как это специфическое придание формы применительно к отдельному человеку может иметь место только внутри большой группы, организованной на основе значительного разделения труда, то и на этом пути становится опять очевидным, в какой тесной зависимости от жизни в пределах самого большого круга находится укрепление и полное развитие личности.

Дальнейшее развертывание этой взаимосвязи позволяет понять, что значительное развитие индивидуальности и глубокое уважение к ней нередко идут рука об руку с космополитическим образом мысли, и, наоборот, самоотдача узко ограниченной социальной группе создает препятствия и для того, и для другого. И внешние формы, в которых выражается этот образ мысли, следуют той же схеме. С одной стороны, Ренессанс в Италии создал совершенную индивидуальность, с другой – образ мыслей и нравственности, далеко выходящий за пределы более узкого социального окружения; прямо это выражено, например, в словах Данте, что – при всей страстной любви его к Флоренции – для него и подобных ему отечеством является мир, как для рыб – море; косвенно и, так сказать, а posteriori это доказывается тем, что формы жизни, созданные итальянским Ренессансом, были восприняты всем цивилизованным миром, и притом именно потому, что они предоставили индивидуальности, какого бы рода она ни была, неслыханный до тех пор простор. Как на симптом этого развития, я укажу только на неуважение к дворянству в ту эпоху. Дворянство лишь до тех пор имеет подлинное значение, пока оно представляет собой социальный круг, который, будучи тесно сплоченным внутри, тем энергичнее обособляется от массы всех остальных, причем и по отношению к высшим, и по отношению к низшим; отрицание его ценности свидетельствует об упразднении обоих признаков, свидетельствует, с одной стороны, о понимании ценности личности, к какому бы кругу она ни принадлежала по своему рождению, с другой стороны – о нивелировании дворянства относительно тех, выше кого оно себя ставило раньше. И то и другое действительно нашло свое выражение в литературе того времени.

Такого рода взаимосвязями объясняется, впрочем, и то, почему так часто на великих людей падает подозрение в бессердечности и эгоизме. Дело в том, что объективные идеалы, которые их воодушевляют, выходят по своим причинам и следствиям далеко за пределы более узкого,

охватывающего этих людей круга, что возможно именно поскольку их индивидуальность далеко выдается над средним социальным уровнем; для того, чтобы можно было видеть так далеко, нужно смотреть через головы тех, кто находится вблизи.

Наиболее известная аналогия этому отношению – взаимосвязь (как при последовательном появлении, так и при одновременном сосуществовании) республиканства и тирании, нивелирования и деспотизма. Всякое общественное устройство, характер которого решающим образом определяется аристократией или буржуазией, которое, одним словом, предлагает социальному и политическому сознанию несколько граничащих друг с другом более узких кругов, стремится, как только оно вообще захочет выйти за свои пределы, с одной стороны, к единству под руководством личной власти, с другой стороны, – к социализму с анархическим оттенком, который путем уничтожения всех различий стремится восстановить абсолютное право свободной личности. Так, политизм древности с его локализацией действий богов по определенным областям, между которыми существовали многообразные отношения подчиненности и сопряжения, в начале нашего летоисчисления приводил (движение вверх) к монотеизму и (движение вниз) – к атеизму. Так, целью иезуитов, в противоположность аристократической организации церкви, является, с одной стороны, уравнивающая демагогия, с другой – папский абсолютизм. Поэтому, как правило, нивелирование масс является коррелятом деспотизма, и поэтому именно та церковь, которая энергичнее всего объединена стоящей во главе ее личностью, меньше всего дает возможность выдвинуться индивидуальности своих приверженцев и имеет больше всего успеха в деле создания объемлющего весь мир царства, по возможности, нивелирующего личность как таковую.

Итак, эти примеры показывают, что корреляция между индивидуалистской и коллективистской тенденциями, о которой мы говорим, принимает иную форму: расширение круга связано с развитием личности, но не членов самого круга, а с идеей высшей личности, которой как бы передается индивидуальная воля и которая зато – как в другом отношении святые – берет на себя представительство.

Развитие, которое берет начало в более узкой группе и ведет одновременно и к индивидуализации, и к усиленной социализации, конечно, не всегда в одинаковой степени должно осуществить и то, и другое. Однако при известных обстоятельствах один элемент может значительно преобладать над другим, так как речь ведь идет не о метафизической гармонии или законе природы, который с внутренней необходимостью связывал бы всякое количество первого с равным количеством второго, но все отношение может быть значимо лишь как очень общее совокупное выражение результата очень сложных и изменчивых исторических условий. Как уже было указано выше, мы встречаем также случаи, ко-

гда развитие идет не одновременно в обоих направлениях, но подводит к альтернативе: либо то, либо другое, – и это тем не менее доказывает существующую между ними корреляцию. Очень отчетливо демонстрирует это один из этапов в истории альменды, коллективного владения швейцарских общин. Поскольку альменды перешли во владение отдельных общин, местных и сельских корпораций, постольку в некоторых кантонах (Цюрихе, Ст. Галлене и др.) законодательство в своем отношении к ним имеет теперь тенденцию или разделить их между отдельными членами, или допустить их переход к более крупным земельным общинам, потому что личная и территориальная база этих мельчайших союзов слишком ничтожна, чтобы они могли сделать свое владение действительно плодотворным для общественной жизни.

Наверное, все отношения, о которых мы здесь говорим и которые способны принять самые разнообразные формы сосуществования, последовательности или альтернативности, символически можно было бы выразить таким образом: более узкая группа образует до известной степени среднее пропорциональное между более широкой группой и индивидуальностью, так что первая, будучи в себе замкнута и не нуждаясь ни в каком дополнительном факторе, дает в результате такие же жизненные возможности, какие вытекают из сочетания обеих последних. Так, например, коррелятом идеи о всемогуществе римского государства было то, что наряду с *ius publicum* существовало *ius privatum* сама по себе отчетливая норма, регулирующая это всеобъемлющее целое, требовала соответствующей нормы и для индивидов, которых это целое в себе заключало. Существовали только, с одной стороны, сообщество (*Gemeinschaft*) в самом широком смысле слова, с другой – отдельное лицо; древнейшее римское право не знает никаких корпораций, и этот дух остается вообще присущим ему. Наоборот, в германском праве нет никаких специальных правовых принципов, одних для сообщества, других – для отдельных людей; однако эти общности также не имеют и того всеобъемлющего характера, какой присущ им в римском государстве, они меньше, и появление их вызвано изменчивыми и разнообразными потребностями отдельных людей. В малых сообществах (*Gemeinwesen*) нет нужды в таком отделении публичного права от частного, потому что индивид в них теснее связан с целым.

А из такого понимания соотношения между индивидуальным и социальным необходимо следует вывод: чем больше на передний план выходит интерес к человеку как индивиду, а не как социальному элементу, и, следовательно, те его свойства, которые присущи ему просто как человеку, тем теснее должно быть соединение, которое привлекавшего, так сказать, через головы его социальной группы ко всему человеческому вообще и внушает ему мысль об идеальном единстве человеческого мира. Хороший пример такой корреляции – учение стоиков. В

то время как еще у Аристотеля политико-социальная связь, в которую включен отдельный человек, выступает как исток этических определений, интерес стоиков в практической области прикован, собственно говоря, лишь к отдельной личности, и подготавливание индивида к идеалу, который предписывала система, стало руководящим принципом стоической практики, и притом настолько исключительным, что связь индивидов друг с другом оказывается здесь только средством для этой идеальной индивидуалистической цели. Но эта цель по своему содержанию определяется, конечно, идеей всеобщего разума, пронизывающего собой все единичное. И этому разуму, осуществление которого в индивиде является идеалом стоиков, причастен каждый человек; выходя за пределы всех национальных границ и социальных ограничений, он связывает узами равенства и братства все, что именуется человеком. Таким образом, у стоиков космополитизм является дополнением индивидуализма; разрыв более тесных социальных связей, которому политические отношения благоприятствовали в ту эпоху не меньше, чем теоретические размышления, переместил, согласно ранее установленному нами принципу, центр тяжести нравственного интереса, с одной стороны, к индивиду, с другой стороны, к тому самому широкому кругу, к которому принадлежит всякий человеческий индивид как таковой. То обстоятельство, что учение о равенстве всех людей часто сопряжено с крайним индивидуализмом, становится нам понятным в силу этих, а также и следующих причин. Весьма понятно с психологической точки зрения, что ужасное неравенство, в котором рождались отдельные люди в известные эпохи социальной истории, вызывало реакции в двух направлениях: во-первых, в сторону права личности, во-вторых, в сторону всеобщего равенства, потому что более широкие массы бывают обыкновенно лишены в одинаковой степени и того и другого. Только имея в виду эту одностороннюю связь, можно понять такое явление, как Руссо. Усиливающееся развитие всеобщего школьного образования обнаруживает ту же тенденцию: с одной стороны, речь идет об устранении резких различий в духовном уровне и, именно посредством установления известного равенства, предоставлении каждому отдельному человеку возможности проявления его индивидуальных способностей, в чем ему было отказано раньше. Я думаю даже, что психологически ничто не может способствовать более представлению о всеобщем равенстве, чем отчетливое осознание сущности и ценности индивидуальности, того факта, что каждый человек есть индивид с характерными свойствами, которые нельзя обнаружить в том же сочетании вторично. Каковы бы ни были эти особенности по своему содержанию, форма индивидуальности присуща каждому человеку и определяет его ценность сообразно моменту редкости. Тем самым создается формальное равенство; именно поскольку каждый представляет собой нечто особенное, он равен каж-

дому другому. И учение об абсолютном Я, о личной бессмертной душе, которая присуща каждому человеку, должно было больше, чем все другое, способствовать созданию представления о всеобщем равенстве, потому что эмпирические различия, которые можно найти в содержании душ, не принимаются во внимание ввиду вечных и абсолютных качеств, по которым они равны друг другу. И когда говорится о социалистическом характере древнего христианства, то проистекает он не столько из положительных оснований, сколько из отрицательных, из полного безразличия, с которым первые христиане относились ко всему, что обыкновенно образует различия между людьми, – и притом именно вследствие признания абсолютной ценности отдельной души. Если отвергается абсолютная индивидуальность, то отдельные люди рассматриваются лишь как сумма свойств и оказываются, конечно, столь же различными, как эти последние; но если эти свойства являются чем-то второстепенным в сравнении с главным, именно с личностью, свободой и бессмертием души, которая, к тому же, как, например, у Руссо, с самого начала отличается совершенной добротой, извращенной только воспитанием и обществом, то естественным выводом является равенство всех человеческих существ. Впрочем, это метафизическое значение личности ведет, очевидно, к пренебрежению ее эмпирическим содержанием, имеющим, собственно говоря, большую важность. Но так как прогрессирующая социализация находится в естественной и внутренне необходимой связи с прогрессирующей индивидуализацией, то отношение, которое мы только что охарактеризовали, всегда пагубно там, где оно осуществляется на практике. Революционные движения, например, движение анабаптистов или движение 1789 г., приходят к логическим и этическим несообразностям потому, что хотя они отрицают общность низшего уровня в пользу более высокой, однако не сохраняют вместе с тем права индивидуальности. В особенности Французская революция своею связью с Руссо обнаруживает, как легко признание метафизического значения личности приводит к пренебрежению ее реальным значением и как вследствие этого страдает и социализация, отправляющаяся от первого. Если мы снова обратимся к отношению между индивидуализмом и космополитизмом, то первый часто представляется в этическом отношении эгоизмом, в особенности там, где уже распались узы патриотических убеждений, которые хотя и приковывают отдельного человека к меньшему кругу, чем космополитизм, но зато представляют более сильный противовес для эгоизма. Уже у киников обнаруживается подобное соотношение между космополитизмом и эгоизмом, поскольку они исключают промежуточное звено – патриотизм, который требуется для большинства людей, чтобы склонить эгоизм в сторону альтруизма. Если, с другой стороны, классическая философия и после Аристотеля часто не приходит еще к точному определению понятия личности, если понятие

разума довольно часто оказывается в ней либо самым общим мировым разумом, либо чисто личной способностью мышления, то это является, конечно, следствием привычки мышления, связанной с более узким государственным кругом как чем-то средним между наиболее общим и наиболее личным.

Применимость к этическим отношениям этой формулы о корреляции между усилением индивидуального и увеличением социальной группы можно продемонстрировать далее и следующим образом. Пока хозяйственное или иное производство совершается внутри более узкого, круга, так что творцу более или менее известна его публика, неизбежная психологическая ассоциация между трудом и теми лицами, для которых он предназначен, часто будет препятствовать, во-первых, живому интересу к самой вещи и ее объективному совершенству, каким бы случайным и субъективно определенным потребностям она ни служила, а во-вторых, – и чистому эгоизму, заинтересованному только ценой своего труда, а совсем не тем, кто заплатит эту цену. Однако и тому и другому будет благоприятствовать расширение того круга, на который ориентирован труд. Подобно тому как в области теоретической объективной истиной оказывается то, что является истиной для рода, в чем (если отвлечься от преходящих психологических помех) род должен позволить себя убедить, так идеалы и интересы являются для нас объективными постольку, поскольку они значимы для самого большого круга заинтересованных; все субъективное, одностороннее устраняется из них благодаря тому, что обращаются они к возможно большему числу субъектов, где отдельный человек как таковой исчезает, а сознание возвращается к самому делу. Я не считаю слишком смелым истолкование так называемого объективного, безличного, идеального интереса в том смысле, что он возник из максимума сливающихся в нем интересов; отсюда – его характер: просветленный; видимым образом возвышающийся над всем личным. Поэтому можно также показать, что те виды деятельности, в которых чаще всего обнаруживается самое основательное и бескорыстное углубление в свою задачу и полная самоотдача делу (т.е. проблемы науки, искусства, великие нравственные и практические проблемы), в отношении своего воздействия ориентированы на самую широкую публику. Если, например, говорят, что наукой следует заниматься не ради ее полезности или вообще не ради каких-нибудь «целей», но ради нее самой, то это может быть лишь неточным выражением, потому что деятельность, от результатов которой люди не чувствовали бы ни выгоды, ни пользы, была бы не идеальной, а бессмысленной; это может означать только психологическое уплотнение парализующих друг друга бесчисленных отдельных интересов, в противоположность чему преследование интересов более узкого круга, познаваемых и осознанных по отдельности, выступает как полезность или целесообраз-

ность так, мы видим здесь, что отношение к самому широкому кругу может, правда, вывести человека за пределы индивидуального эгоизма, однако же устраняет сознание подлинной социальной целесообразности, которое скорее свойственно деятельности ради более узкой группы; с другой стороны, именно в области хозяйственного производства ослабление социального сознания по мере расширения социального круга приводит к совершенному эгоизму. Чем меньше знает производитель своих потребителей, тем более исключительно его интерес направлен только на величину вознаграждения, которое он может получить от них; чем безличнее и бескачественнее выступает для него публика, тем более соответствует этому исключительная ориентация на бескачественный результат труда – деньги; если не принимать во внимание тех высших сфер, где энергия труда происходит из абстрактного идеализма, то работник будет вкладывать в труд тем больше личности и нравственного интереса, чем более знаком ему лично и чем ближе стоит к нему круг его покупателей, как это бывает только при малом количестве отношений. С увеличением размеров группы, для которой он работает, с увеличением безразличия, с которым он только и может к ней относиться, отпадает множество моментов, ограничивающих хозяйственный эгоизм. Человеческая природа и человеческие связи во многом устроены таким образом, что как только отношения индивида по своему объему превышают определенную величину, он тем более сосредоточивается на самом себе.

Продолжив этическое рассмотрение еще дальше в область индивидуального и социального, мы обнаруживаем, что установленная нами корреляция значима и в самых крайних точках того и другого. То, что называют долгом по отношению к самому себе, как в смысле предписания, так и в смысле запрещения, есть то же самое, что, с другой стороны, обычно считается достоинством и долгом «человека вообще». Самосохранение, самообладание, истинное чувство собственного достоинства, усовершенствование собственной личности – все это обязанности, которые, по крайней мере, в этой абстрактной форме отрицают любую особенную связь с более узким социальным кругом, налагающим на нас в других случаях – в разных местах по-разному – обязанности особого характера. Они не только значимы при всех возможных отношениях, но их телеологическое определение распространяется и на самые широкие и общие круги, с которыми мы вообще приходим и можем прийти в соприкосновение. Мы должны исполнять такие обязанности перед самими собой не как люди, принадлежащие к тому или иному кругу, но как люди вообще; и нет никакого сомнения в том, что-то общечеловеческое, которое налагает на нас эти обязанности, представляет собой только более широкий социальный круг в противоположность более узкому, требующему от нас деяний более непосредственных, более определенных по отношению к

третьим лицам. Именно потому, что долг привычно всегда считается обязанностью по отношению к кому-либо, его понимают как обязанность по отношению к самим себе, если это ощущение долга непосредственно не связывается с другими людьми. Более широкий и концентрированный родовой опыт сообщил этим обязанностям полное нравственное достоинство, одновременно отодвинув за горизонт сознания, вследствие широты круга и ввиду множества сходящихся в них интересов и целей, все их отдельные телеологические отношения, причем сумел обратить сознание, искавшее цель, объект для чувства долга, к самому себе, так что именно долг по отношению к самой большой общности кажется нам долгом по отношению к своему самому подлинному Я.

Обернем это несколько иначе, имея в виду не столько «для чего» (Wohin), сколько «от чего» (Woher) нравственности. Мы различаем по примеру Канта нравственную гетерономию, т.е. нравственное поведение, основывающееся на внешнем предписании, и нравственную автономию, которая совершает то же самое по внутренним основаниям и только ради удовлетворения собственного чувства долга. Но подобно тому как всякий долг по своей цели есть долг по отношению к кому-либо и этот кто-либо есть первоначально внешнее лицо, точно так же и по происхождению своему этот долг является внешним предписанием, которое лишь в результате продолжительного процесса, проходящего через всю историю рода, переходит в чувство чисто внутреннего долженствования. Нужно было, очевидно, все огромное множество отдельных внешних импульсов для того, чтобы стереть в сознании происхождение отдельных нравственных предписаний; потому что мы всюду замечаем, что психологически к отдельному явлению прилепляется его генезис, пока происхождение этого явления столь определено, но что оно приобретает психологическую самостоятельность, как только мы наблюдаем, что одно и то же вызывается многими и разнообразными предшествующими условиями. Психологическая связь с каждым из них по отдельности разрывается, поскольку явление соединяется с другими условиями. Тысячу раз можем мы наблюдать даже в индивидуальной жизни, что известное принуждение должно только применяться достаточно часто и с достаточно многих сторон, чтобы уже создалась привычка и, в конце концов, самостоятельное, не нуждающееся больше в принуждении влечение совершать данное действие. То же самое происходит путем наследования. Чем разнообразнее те отношения внутри рода, из которых возникает принуждение к социально полезным действиям, и чем чаще оно практикуется, тем скорее эти отношения будут ощущаться как сами по себе необходимые и осуществляться как бы по автономному влечению индивида, — так что и здесь наибольшая полнота, самый широкий круг импульсов представляется чем-то в высшей степени индивидуальным благодаря исключению промежуточных сфер.

Достаточно бросить один взгляд на содержание нравственной автономии, чтобы подтвердилась эта взаимосвязь. Более узкие и специальные обязанности обыкновенно не апеллируют непосредственно к этой автономии; наоборот, постольку, поскольку наши обязанности носят по своему содержанию более широкий характер, они зависят лишь от личного чувства долга. Исследуя, чем отличается то, что должно быть совершенно «по чисто нравственным основаниям», от внешних предписаний государства, церкви, нравов, мы всегда находим, что оно оказывается общечеловеческим, – все равно, имеет ли это общее качественное значение (обязанности по отношению к семье) или количественное (долг всеобщего человеколюбия).

Особенные цели имеют особенных исполнителей; общечеловеческое отдельный человек обязан осуществлять по внутренним основаниям. Автономная нравственность содержит то, что хорошо «само по себе»; но таковым является только то, что хорошо для человека вообще, т.е. для максимальной общности. Можно, я думаю, утверждать, что (опять-таки, в терминах Канта) от статутарного к автономно предписанному есть постепенный переход, параллельный переходу от меньшего социального круга к большему. Следует иметь в виду, что это процесс непрерывный, что не только крайности индивидуализма и космополитизма психологически и этически соприкасаются между собой, но что уже на пути к ним, ведущем от социальной группы, расстояния, пройденные в обоих направлениях, обычно соответствуют друг другу. И это сохраняет значение не только для единичных, но и для коллективных индивидов. История развития форм семьи дает нам много подтверждений этого, например, следующее. Когда матриархальная семья (в том виде, как ее реконструировали Бахофен и Липперт), была вытеснена значимой властью мужчины, то сначала семья являлась единой не столько в силу того факта, что она была произведена отцом, сколько в силу господства, которое он осуществлял над известным числом людей, среди которых были не только его кровные потомки, но и пришедшие со стороны, купленные, вошедшие в семью посредством брака и целые семьи их и т.д., находившиеся все вместе под единой властью. Лишь позже посредством дифференциации из этой первоначальной патриархальной семьи вычленяется новая, основанная исключительно на кровном родстве, в которой родители и дети составляют самостоятельное домохозяйство. Эта семья была, конечно, гораздо меньше и носила более индивидуальный характер, чем обширная патриархальная; однако именно благодаря этому стало возможным их соединение в одно, уже гораздо большее, государственное целое. Первая, более древняя, группа могла во всяком случае удовлетворять свои потребности, как в добывании средств для существования, так и при ведении войны; но стоило только ей распасться вследствие индивидуализации, на малые семьи и сразу, по очевидным причинам, соединение последних в более

обширную группу стало возможным и нужным. Платон только продолжил этот процесс в том же направлении, устраняя семью вообще, чтобы довести государственное сообщество как таковое до максимума сплоченности и силы.

В мире животных наблюдали уже то же самое, а именно, что склонность к образованию семьи обратно пропорциональна склонности к образованию более обширных групп; отношение моногамии и даже полигамии содержит в себе нечто столь исключительное, забота о потомстве настолько поглощает родителей, что от этого страдает дальнейшая социализация таких животных. Поэтому среди птиц организованные группы встречаются сравнительно редко, тогда как, например, дикие собаки, среди которых господствует абсолютный промискуитет и взаимная отчужденность по совершении акта, живут большей частью тесно сплоченными стаями, а среди млекопитающих, у которых господствуют как семейные, так и социальные влечения, мы всегда замечали, что в периоды преобладания первых, т.е. во время спаривания и деторождения, последние значительно ослабляются. В то же время соединенные родители и детеныши в одну семью бывает тем теснее, чем меньше число последних; я укажу лишь на тот наглядный пример, что в пределах класса рыб те из них, потомство которых вполне предоставлено самому себе, откладывают бесчисленные миллионы икринок, тогда как рыбы, высиживающие потомство и устраивающие норы, у которых, следовательно, встречаются зачатки семейной сплоченности, откладывают только небольшое число икринок. В этом смысле утверждали, что социальные отношения между животными исходят не из брачных или родительских отношений, но из отношений братского родства, так как последние предоставляют индивиду гораздо больше свободы, чем первые, и поэтому делают его более склонным тесно примкнуть к более широкому, прежде всего братскому, кругу, так что принадлежность к семье животных рассматривалась как величайшее препятствие для присоединения к более обширному обществу животных.

Как велико, впрочем, взаимодействие между распадом более мелких групп и расширением социализации, с одной стороны, и самоосуществлением индивида – с другой, обнаруживает далее в области семейных форм, например, распад патриархального образования групп в Древнем Риме. Когда гражданские права и обязанности в военное и мирное время стали так же принадлежать сыновьям, как и отцу, когда для первых открылась возможность получить личное значение, влияние, военную добычу и т.д., от этого возникла такая трещина в *patria potestas*, которая должна была все более раскалывать патриархальные отношения и притом в интересах более широкой государственной целесообразности, в интересах права большого целого над каждым из его членов, но в то же время и в интересах личности, которая через отношение к этому

целому могла обрести ту значимость, которая несравненно более ограничивалась до тех пор патриархальными отношениями. И со стороны субъективной, если принять во внимание чувство индивидуальности, то не очень сложные психологические соображения показывают, насколько жизнь в более широком кругу и взаимодействие с ним в гораздо большей степени развивают личное сознание, чем жизнь и взаимодействие в кругу более ограниченном. Именно то, чем и в чем личность себя обнаруживает, есть смена отдельных чувств, мыслей, деятельностей; чем равномернее и спокойнее идет жизнь, чем меньше крайности во внутренней жизни человека отклоняются от ее среднего уровня, тем меньше проявляются чувства личности; но чем сильнее эти крайние ее колебания, тем больше человек чувствует себя как личность. Подобно тому как постоянное устанавливается всегда только в сравнении с изменчивым, подобно тому как только смена акцидентов обнаруживает устойчивость субстанции, так Я, очевидно, ощущается как пребывающее и устойчивое при всех изменениях в психологическом содержании, именно тогда, когда изменения дают для этого особенно много поводов. Пока психические возбуждения, особенно возбуждения чувств, немногочисленны, Я сливается с ними, остается скрытым в них; оно возвышается над ними лишь в той мере, в какой полнота разнообразия делает ясным для нашего сознания то, что обще всему этому. Так же точно более высокое понятие поднимается над отдельными явлениями, но не тогда, когда мы знаем их лишь в одном или нескольких видах, а только благодаря знакомству с очень многими, и при этом понятие становится тем выше и чище, чем отчетливее происходит взаимное снятие того, что в них есть различного. Однако эта смена содержаний Я, которая, собственно говоря, только и делает его заметным для сознания как неподвижный полюс в потоке психических явлений, будет в пределах большого круга несравненно более оживленной, чем при жизни в более узкой группе. Правда, можно возразить, что именно дифференциация и специализация в пределах первого погружает отдельного человека в гораздо более односторонне-равномерную атмосферу, чем это бывает при меньшем разделении труда. Но если даже допустить такой негативный момент, речь, по существу, идет о мышлении и волеи индивидов; возбуждения чувства, которые имеют особое значение для субъективного самосознания, происходят именно там, где каждый отдельный человек сильно дифференцирован и окружен другими, также в высокой степени дифференцированными индивидами, и поэтому сравнения, трения, специализированные отношения вызывают к жизни множество реакций, которые остаются скрытыми в узком недифференцированном кругу, а здесь, именно вследствие своей многочисленности и разнообразия, усиливают чувство собственной личности или, быть может, впервые его вызывают.

Дифференциация частей нужна непременно, если рост группы должен происходить в данном пространстве и при ограниченных жизненных условиях, и эта необходимость существует даже в тех областях, которым совершенно чуждо давление хозяйственных отношений. Например, в то время как в самых ранних христианских общинах жизнь была всецело проникнута религиозной идеей и каждая функция была возведена в сферу этой идеи, распространение ее в массах не могло не повести к известной поверхностности и профанации; то мирское, с которым смешалось религиозное, теперь слишком сильно перевешивало в количественном отношении, чтобы приложенная к нему религиозная составляющая смогла бы тотчас и всецело наложить на него свой отпечаток. Но одновременно образовалось монашество, для которого мирское всецело отошло на задний план и притом для того, чтобы жизнь могла наполниться исключительно религиозным содержанием. Единство религии и жизни распалось на светское и духовное состояния, образовалась дифференциация в пределах круга христианской религии, которая была совершенно необходима для дальнейшего существования последней, чтобы она могла выйти за пределы первоначальных узких границ. Когда Данте проповедует самый резкий дуализм между светским и церковным правлением, полную взаимную независимость между религиозными и государственными нормами, то он ставит это в непосредственную и реальную связь с идеей всемирной империи, полного объединения всего человеческого рода в одно органическое целое.

Где образуется большое целое, там встречается одновременно так много тенденций, влечений и интересов, что единство целого, его существование как такового было бы утрачено, если бы дифференциация не распределяла то, что по существу различно, между разными индивидами, учреждениями или группами. Недифференцированное сосуществование вызывает все более враждебные притязания на один и тот же объект, тогда как при полной разъединенности партнерство и заключенность в одних и тех же рамках гораздо более возможны. Это часто обнаруживает именно отношение церкви к другим элементам общей жизни, а не только к государству. Так, например, пока церковь считалась и считается одновременно источником и охранительницей познания, возродившаяся в ней наука, в конце концов, всегда оказывалась по отношению к ней в какой-либо оппозиции; дело доходило до самых противоположных притязаний на знание истины об определенном предмете, а также «двойственных истин», которые, во всяком случае, являлись началом дифференциации, но именно постольку и приводили вновь к тем худшим конфликтам, чем более целостным считалось единство церкви и науки. Лишь полностью разделившись, они могут вполне ужиться друг с другом. Только дифференциация, переносящая функцию познания на другие органы, отличные от органов религиозных функций, де-

лает возможным их параллельное существование, притом, что в обширной групповой единице имеет место их увеличение.

Явление, на первый взгляд противоположное, аналогичным образом приводит нас к той же основной идее. Именно там, где элементы, уже дифференцированные или склонные к дифференциации, принуждены входить в некое охватывающее их единство, результатом нередко является повышенная неуживчивость и более сильное взаимное отвращение; широкие общие рамки, которым, с одной стороны, для того и требуется дифференциация, чтобы сохранялось их существование в таком виде, создают, с другой стороны, взаимное трение элементов и вызывают такое проявление противоположностей, которого не было бы в пределах этого единства без этого давления элементов друг на друга и которое легко приводит его к распаду. Однако в этом случае соединение в одной большой общности является средством, хотя и временным, ведущим к индивидуализации и к ее осознанию. Так именно миродержавная политика средневековой империи развязала и даже вызвала к жизни партикуляризм народов, племен и князей; установление единообразия и объединение в одно большое целое, к которым стремились и которые отчасти были осуществлены, впервые создали, усилили, довели до сознания то, что они, конечно, должны были впоследствии разложиться, — индивидуальность частей.

Для этого взаимоотношения между индивидуализацией и обобщением можно найти примеры и во внешних сферах. Если каждый одевается так, как ему нравится, не считаясь со значимостью условности, которая свойственна его занятию и званию, то это является, с одной стороны, более индивидуальным, а с другой — более общечеловеческим, поскольку профессионально-сословная одежда имеет в виду что-то отличающее, охватывает более узкую группу, с особыми отличительными чертами, распадение которой является в то же время признаком широкой социализации и индивидуализации. Следующий случай показывает еще определеннее, что не только в реальном поведении, но и в психологическом способе представления имеет место корреляция между выдвижением на передний план индивидуальности и расширением группы. Мы узнаем от путешественников и до известной степени можем легко наблюдать это и сами, что при первом знакомстве с каким-нибудь чужим племенем кажется, будто все индивиды, принадлежащие к нему, похожи друг на друга настолько, что их нельзя различить, и притом тем более, чем более это племя отличается от нас. Что касается негров, китайцев и др., это отличие настолько овладевает сознанием, что в сравнении с ним их индивидуальные различия совсем исчезают. Но они выходят на передний план тем более, чем дольше продолжается знакомство с этими людьми, которые казались сначала одинаковыми; соответственно, исчезает постоянное сознание общего и основного различия между нами и ими; как только они перестают выступать для нас в качестве

замкнутого и гомогенного в себе единства, мы привыкаем к ним; наблюдение показывает, что они кажутся нам тем однороднее с нами, чем разнороднее между собой оказываются они по ознакомлению с ними: общее сходство, связывающее их с нами, возрастает по мере того, как мы узнаем их индивидуальные различия.

Образование наших понятий также идет по такому пути, что сначала известное число объектов сочетается и объединяется по весьма заметным признакам в одну категорию и резко противопоставляется другой понятию, которое образовалось таким же способом. Но по мере того как наряду с этими прежде всего обращающими на себя внимание и определяющими качества обнаруживаются и другие, которые индивидуализируют объекты, содержащиеся в первоначально образованном понятии, резкие границы между понятиями должны пасть. История человеческого духа полна примерами такого процесса, и одним из самых выдающихся примеров является превращение старого учения о видах в теорию эволюции. Согласно прежнему воззрению, между органическими видами существуют такие резкие границы, в них усматривалось такое малое сущностное сходство, что можно было верить не в общее происхождение, а только в обособленные акты творения. Двойной потребности нашего духа – в объединении и в различении – это воззрение удовлетворяло, заключая в одно единое понятие множество одинаковых отдельных явлений, но зато тем резче было изолировано это понятие от всех других, и, таким образом, в соответствии с исходным пунктом развиваемой выше формулы, недостаток внимания к индивидуальности внутри группы уравнивался тем более резкой индивидуализацией самой этой группы, сравнительно с другими, и исключением общего сходства среди больших классов или во всем органическом мире. Новейшее знание меняет это положение в обоих отношениях: благодаря идее о всеобщем единстве всего живущего, выводящей все множество явлений из первоначального зародыша на началах кровного родства, оно удовлетворяет стремлению к объединению; но оно отвечает и склонности к дифференциации и спецификации, поскольку каждый индивид рассматривается как особая, подлежащая отдельному исследованию ступень этого процесса развития всего живущего; размывая прежние жесткие границы между видами, оно в то же время разрушает воображаемое сущностное различие между чисто индивидуальными и видовыми свойствами; итак, всеобщее берется еще более общим, а индивидуальное – еще более индивидуальным образом, чем это было доступно прежней теории. И таково именно то отношение взаимодополнительности, которое обнаруживается и в реальном общественном развитии.

Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни – М.: Юрист, 1996. – С. 349–373.

Г. Зиммель О скрещении социальных кругов

Число различных кругов, к которым принадлежит отдельный человек, является, таким образом, одним из показателей высоты культуры. Если современный человек принадлежит прежде всего к семейству своих родителей, потом к семье, основанной им самим, а вместе с тем и к семье своей жены; если, далее, он принадлежит своему профессиональному кругу, что уже само по себе часто включает его в несколько кругов с различными интересами (так, например, во всякой профессии, где есть начальники и подчиненные, каждый находится в кругу своего особого вида деятельности, должности, бюро и т.д. в рамках этой профессии, которая всегда охватывает высших и низших; далее, он является членом того круга, который образуется всеми, кто равен ему по положению, но чей вид деятельности и т.д. – иной); если он осознает себя гражданином своего государства, сознает свою принадлежность к определенному социальному сословию, если он, кроме того, – офицер запаса, состоит членом нескольких союзов и общается с людьми самых различных кругов, – то это является уже очень большим разнообразием групп, из которых некоторые, правда, координированы; однако другие можно было бы упорядочить таким образом, что одна из них выступит как изначальная связь, от которой индивид, благодаря своим особым качествам, отличающим его от других членов первого круга, обращается к кругу более отдаленному. При этом связь с первым кругом может сохраниться, подобно тому как одна сторона какого-нибудь сложного представления, даже если психологически она давно уже вступила в чисто содержательные ассоциации, не обязательно должна утратить ассоциации, соединяющие ее с тем комплексом, с которым она в какой-то момент находится в пространственной и временной связи.

Отсюда следует многое. Те группы, к которым принадлежит индивид, образуют как бы систему координат, так что каждая новая группа, присоединяющаяся к этой системе, определяет его со все большей точностью и однозначностью. Если речь идет о принадлежности только к одной из этих групп, то это еще оставляет индивидуальности широкий простор; но чем больше их становится, тем менее вероятности, что найдутся другие лица, демонстрирующие собой ту же комбинацию групп, что все эти многочисленные круги пересекутся еще раз в одном пункте. Подобно тому, как конкретный предмет теряет для нашего познания свою индивидуальность, если на основании одного из его качеств его подводят под общее понятие, и снова приобретает ее по мере того, как артикулируются другие понятия, под которые его подводят другие свойства, так что каждая вещь, говоря платоновским языком, участвует во стольких идеях, сколько у нее качеств, и тем самым приобретает

свою индивидуальную определенность, – точно так же личность относится к тем кругам, к которым она принадлежит. Нечто совершенно аналогичное можно наблюдать и в области теоретико-психологической: то, что мы в нашей картине мира называем объективным, что, как представляется, противостоит субъективности отдельного впечатления как нечто вечное, есть на самом деле только наслоившееся и повторенное субъективное, – подобно тому, как причинность, объективное результирование, по мнению Юма, состоит лишь в часто повторяющихся, временных чувственных следованиях, и подобно тому, как субстанциальный предмет, противостоящий нам, есть только синтез чувственных впечатлений.

Таким образом, мы образуем из этих элементов, ставших объективными, то, что мы называем субъективностью, – личность, индивидуальным образом комбинирующую элементы культуры. После того как синтез субъективного создал объективное, теперь уже синтез объективного производит новое и высшее субъективное, подобно тому как личность отдает себя социальному кругу и теряется в нем, чтобы затем снова восстановить свою самобытность посредством индивидуального скрещения социальных кругов. Впрочем, ее целесообразная определенность становится до известной степени противоположной ее каузальной определенности: ведь и по происхождению своему она представляет собой только пункт, в котором перекрещивается бесчисленное множество социальных нитей, только результат наследования от самых различных кругов и периодов приспособления; она становится индивидуальностью только благодаря особенности тех количеств и комбинаций, в которых сочетаются в ней родовые элементы. И вот, если она, со всем разнообразием своих стремлений и интересов, вновь присоединяется к социальным образованиям, то это является как бы излучением и возвратом полученного ею в аналогичной, но только сознательной и усиленной форме.

Определенность ее будет тем большей, чем в большей степени определяющие ее круги окажутся однопорядковыми, а не концентрическими. Это значит, что постепенно сужающиеся круги, такие, например, как нация, социальное положение, профессия, особая категория в рамках данной профессии, не дадут участвующему в них лицу столь индивидуального положения (потому что наиболее тесный круг уже сам по себе означает принадлежность к более широкому), какое он получит, если помимо своей профессиональной позиции будет, скажем, принадлежать еще к какому-нибудь научному обществу, состоять членом наблюдательного совета в каком-нибудь акционерном обществе и занимать почетную должность в городе; чем менее принадлежность к одному кругу сама по себе указывает на принадлежность к другому, тем определеннее личность характеризуется тем, что находится в точке пересечения обоих. Я хочу здесь только обозначить, как неизмеримо возра-

тает возможность индивидуализации также и благодаря тому, что одно и то же лицо может занимать в различных кругах, к которым оно принадлежит одновременно, совершенно различные по относительной высоте позиции. Ибо стоит только образоваться (на основании некоторой общей точки зрения) какому-либо новому объединению, как оно сразу же создает внутри себя неравенство, дифференциацию между руководителями и руководимыми; если какой-нибудь единый интерес, вроде указанного нами гуманистического интереса, служил для высших и низших лиц общей связью, парализовавшей их различие в других отношениях, то внутри этой совокупности и по свойственным ей категориям образовались новые различия между высшими и низшими, совершенно не соответствовавшие различиям между высшими и низшими в пределах других кругов, к которым они принадлежали. Поскольку одно и то же лицо может занимать в различных группах положение, высота которого определяется в каждой из них совершенно независимо, то могут образовываться такие, например, необыкновенные комбинации: в странах, где установлена всеобщая воинская обязанность, человеку, духовно и социально стоящему на высшей ступени, приходится подчиняться унтер-офицеру, а у гильдии парижских нищих есть выборный «король», который является первоначально таким же нищим, как и все, и, насколько я знаю, оставаясь по-прежнему нищим, бывает обставлен поистине королевскими почестями и привилегиями – это, может быть, самое замечательное и индивидуализирующее соединение, с одной стороны, низкого, с другой стороны, высокого социального положения. Далее, здесь нужно обратить внимание на те осложнения, которые образуются внутри группы в результате конкуренции; с одной стороны, купец вместе с другими купцами принадлежит к известному кругу, имеющему много общих интересов: законодательство по вопросам экономической политики, социальный престиж купеческого сословия, его представительство, объединение против публики для поддержания определенных цен и многое другое, – все это касается всего торгового мира как такового и делает его единством в глазах третьих лиц. Однако, с другой стороны, каждый купец противостоит в качестве конкурента столь многим другим купцам, а вступление его в этот профессиональный круг означает для него одновременно объединение и обособление, ставит его в равное с другими и обособленное от других положение; он отстаивает свой интерес в самой ожесточенной конкуренции с теми, с кем ему часто приходится объединяться самым тесным образом ради одинаковых интересов. Хотя эта внутренняя противоположность обнаруживается резко всего в купеческом мире, однако она встречается повсюду вплоть до эфемерной социализации общества, собравшегося на каком-нибудь вечере. И если мы только примем во внимание, насколько важно для личности то, в какой степени она примыкает к своим социальным группам

или находится в отношении противоположности с ними, то перед нами откроется неизмеримое множество возможностей индивидуализирующих комбинаций, ибо отдельный человек принадлежит ко многим различным кругам, в которых отношение между конкуренцией и объединением бывает очень различно; а так как каждому человеку до известной степени свойственна коллективистская потребность, то в результате смещения коллективизма и изоляции, предоставляемого каждым кругом, образуется новая рациональная точка зрения для сопоставления кругов, к которым примыкает отдельный человек: там, где внутри известного круга господствует сильная конкуренция, члены его будут охотно подыскивать себе другие круги, в которых конкуренция возможно меньше; так, среди купеческого сословия многие отдают решительное предпочтение любительским объединениям, тогда как сословное сознание аристократа, в достаточной степени исключаяющее конкуренцию внутри своего круга, делает для него такие восполнения почти совершенно излишними и пробуждает в нем склонность скорее к таким общественным формам, внутри которых развивается более сильная конкуренция, например, ко всему, что основано на спортивных интересах. Наконец, в-третьих, я упомяну здесь еще о часто взаимно не согласующихся скрещенных, которые образуются, поскольку интересы индивида или группы взаимно противоположны и потому заставляют их принадлежать одновременно к совершенно противоположным партиям. Такое поведение представляется индивидам наиболее естественным тогда, когда при разносторонне развитой культуре господствует интенсивная партийная жизнь; именно тогда обычно бывает так, что политические партии делят между собой различные позиции даже в отношении тех вопросов, которые не имеют с политикой ничего общего, так что одна определенная тенденция в литературе, искусстве, религиозности и т.д. ассоциируется с одной партией, а противоположная ей – с другой; линия, отделяющая партии одну от другой, проводится в конце концов через всю совокупность жизненных интересов. Ясно, что тогда, например, отдельный человек, который не хочет решительно во всем идти за партией, по своим эстетическим или религиозным убеждениям окажется в такой группе, которая слита воедино с его политическими противниками. Он будет стоять в пункте пересечения двух групп, которые обычно сознают себя противоположными друг другу. Целые массы народа вынуждены были занимать такое двойственное положение в эпоху жестокого подавления ирландских католиков Англией. Пусть сегодня протестанты Англии и Ирландии чувствовали себя связанными воедино в борьбе против общего религиозного врага, независимо от национальности, однако назавтра протестанты и католики Ирландии были связаны воедино, невзирая на религиозные разногласия, в борьбе против угнетателя общей родины.

Развитие публичного духа обнаруживается в том, что оказывается достаточное количество кругов какой-либо объективной формы и организации, чтобы каждой сущностной стороне многообразно одаренной личности дать возможность вступать в соединение и действовать на основе товарищества. Это приближает одинаково к идеалу коллективизма и к идеалу индивидуализма. Потому что, с одной стороны, отдельный человек находит для каждой своей склонности и для каждого стремления такую общность, которая облегчает ему их удовлетворение, предлагает для его деятельности форму, уже оказавшуюся прежде целесообразной, и предоставляет ему все выгоды принадлежности к группе; с другой стороны, то, что специфично в индивидуальности, оберегается комбинацией кругов, которая может быть иной в каждом отдельном случае. Если развитая культура все более и более расширяет социальный круг, к которому мы принадлежим всей нашей личностью, но зато все более замыкает индивида в самом себе и во многом лишает его поддержки и преимуществ тесного круга, то создание кругов и товариществ, к которым может принадлежать любое число людей, заинтересованных в одной и той же цели, уравнивает то уединение личности, которое образуется в результате разрыва с тесной ограниченностью прежних укладов.

Насколько это объединение тесно, можно измерить тем, выработал ли такой круг, и если выработал, то в какой степени, особую «честь» такого рода, что потеря чести одним из членов или оскорбление его чести воспринимается каждым другим членом круга как умаление его собственной, или же речь идет о том, что товарищество обладает коллективно-личной честью, так что изменения, происходящие в ней, отражаются на чувстве чести каждого члена. Образуя это специфическое понятие чести (честь семьи, офицерская честь, купеческая честь и т.д.), такие круги обеспечивают себе целесообразное поведение своих членов, в особенности, в сфере того специфического различия, благодаря которому они отделяют себя от самого широкого социального круга, так что принудительные нормы правильного поведения по отношению к последнему – государственные законы – не устанавливают ничего определенного относительно специфически целесообразного поведения применительно к данному кругу. Прогресс в социально-этической сфере – один из величайших в своем роде – происходит следующим образом: первоначально суровая и строгая регламентация, посредством которой социальная группа как целое или ее центральная власть регулировала образ жизни отдельного человека в самых разных аспектах, все более и более ограничивается тем, что касается необходимых интересов общности; свобода индивида завоевывает себе все больше и больше областей. Однако эти области занимают вновь образующиеся группы, но при этом отдельный человек свободно решает, руководствуясь своими интереса-

ми, к какой группе он хочет принадлежать; вследствие этого вместо внешних средств принуждения бывает довольно чувства чести, чтобы сковать его теми нормами, которые нужны для прочного существования группы. Впрочем, этот процесс отталкивается не только от государственной принудительной власти; всюду, где власть группы изначально распространяется на ряд индивидуальных жизненных отношений, объективно располагающихся вне ее целей (в том числе и в семье, цехе, религиозной общине и т.д.), она в конце концов перестает на них опираться; такие отношения начинают служить опорой и поводом для объединения в особые союзы, участие в которых является делом личной свободы, и тем самым задача социализации может быть выполнена гораздо лучше, чем прежними объединениями, относившимися к личности с большим пренебрежением.

К этому еще добавляется то обстоятельство, что недифференцированное господство социальной силы над человеком, сколь бы распространенным и строгим оно ни было, все-таки не касается, да и не может касаться, целого ряда жизненных отношений, и отношения эти оказываются предоставлены личному произволу. О них заботятся и их распределяют тем меньше, чем большее принуждение господствует в других отношениях; так, например, хотя гражданин Греции, а особенно Древнего Рима, и должен был во всех вопросах, имеющих хоть какое-нибудь отношение к политике, безусловно подчиняться нормам и целям своего родного сообщества, но зато он располагал тем более неограниченным самовластием как домовладелец; равным образом и то крайне тесное социальное объединение, которое мы наблюдаем у первобытных народов, живущих небольшими группами, предоставляет человеку полную свободу держать себя так, как ему угодно, по отношению ко всем лицам вне его племени; подобно этому коррелятом и даже опорой деспотизма нередко бывает полнейшая свобода и даже распушенность в тех немногих отношениях между людьми, которые не важны для него. Это нецелесообразное распределение коллективистского принуждения и индивидуалистического произвола сменяется более подходящим и правильным там, где существенное содержание нравов и стремлений индивидов управляет образованием ассоциаций, потому что тогда для их деятельности, до сих пор совершенно свободной от контроля и определенной чисто индивидуалистически, легче найти коллективистскую опору. Ведь по мере освобождения личности как целого она ищет и для отдельных своих сторон возможности социального соединения и добровольно ограничивает тот индивидуалистический произвол, в котором она прежде находила возмещение за недифференцированную подчиненность коллективной власти. Так, например, мы видим, что в странах, где существует большая политическая свобода, особенно сильно распространены различные союзы, что в религиозных общинах, в которых

нет сильной, иерархически организованной церковной власти, часто происходит образование сект и т.д. Одним словом, свобода и скованность распределяются равномернее, если социализация вместо того, чтобы принудительно соединять в единый круг чужеродные моменты личности, предоставляет однородному объединяться из разнородных кругов.

Таков один из самых важных путей, по которому идет прогрессирующее развитие: дифференциация и разделение труда имеют сначала, так сказать, количественную природу и распределяют круги деятельности так, что хотя каждому индивиду и каждой группе достается особый круг, но каждый из этих кругов охватывает совокупность отношений, качественно различных; однако позже это различное выделяется путем дифференциации и соединяется из всех кругов в один круг деятельности, качественно уже однородный. Государственное управление нередко развивается так, что управленческий центр, сначала совершенно недифференцированный, выделяет ряд областей, каждая из которых подчинена отдельному ведомству или лицу. Но эти области имеют сначала местный характер; например, французский государственный совет посылает в какую-нибудь провинцию интенданта для отправления там всех тех различных функций, которые обычно отправляет для всей страны сам государственный совет; это – разделение по количеству труда. От него отличается деление по функциям, которое возникает позднее, когда, например, из государственного совета образуются различные министерства, каждое из которых простирает свою деятельность на всю страну, но только в одном, качественно определенном отношении. Если специализация в искусстве врачевания создала еще в Древнем Египте отдельного врача для руки и отдельного для ноги, то и это являлось дифференциацией по местному принципу, в противоположность которой современная медицина доверяет одинаковые патологические состояния, в какой бы части тела они ни обнаруживались, одному и тому же врачу-специалисту, так что и здесь однородность функции становится господствующим принципом соединения вместо случайного внешнего сходства. Такая же новая форма разделения функций, выходящего за пределы прежней дифференциации и прежнего соединения, обнаруживается среди предприятий, располагающих всевозможными материалами, необходимыми для создания сложных объектов (например, для постройки железных дорог), или же всеми принадлежностями для держателей гостиниц, зубных врачей, сапожников, магазинов, торгующих всеми домашними и кухонными принадлежностями, и т.п. Объединяющей точкой зрения, лежащей в основании такого соединения предметов, взятых из самых различных областей производства, является их отношение к одной и той же цели, которой все они вместе служат, их отношение к *terminus ad quem*, тогда как обычно в основании разделения

труда лежит единство *terminus a quo* т.е. одинаковое происхождение предметов. Конечно, такие предприятия предполагают это последнее, но они представляют собой разделение труда, возведенное в степень, потому что включают в себя определенные части, взятые из совершенно разнородных отраслей (которые уже сами по себе функционируют при большом разделении труда) и с известной точки зрения взаимосвязанные, так сказать, гармонирующие с новым основным тоном. Объединение в единое социальное сознание, представляющее интерес высокой степени абстрагирования от индивидуальных особенностей, обнаруживается в тесной взаимосвязанности наемных рабочих как таковых. Над чем бы ни трудился каждый из них в отдельности, будь то пушки или игрушки, но тот формальный признак, что он вообще работает за вознаграждение, объединяет его со всеми, находящимися в таком же положении; одинаковое отношение к капиталу составляет тот показатель, который выделяет однородное путем дифференциации из всех разнородных занятий и создает единство для всех, кто к нему причастен. Еще в начале этого столетия английская реакция уяснила себе все неизмеримое значение того, что понятие «рабочий» психологически дифференцировалось от понятия «ткач», «механик», «углекоп» и т.д.; изданием *Corresponding Societies Act* она добилась того, что всякие письменные сношения рабочих союзов между собой и все те общества, в которые вошли рабочие из различных отраслей производства, были запрещены. Очевидно, реакция сознавала, что как только всеобщая форма трудового отношения уже не будет слита воедино с отдельной профессией, как только товарищеское объединение целого ряда отраслей отодвинет различия на задний план и высветит то, что обще всем им, так тем самым будет создана формула и эгида нового социального круга, отношение которого к прежним кругам может вызвать непредвиденные осложнения. После того как дифференциация труда создала различные отрасли его, более отвлеченное сознание проводит снова ту линию, которая соединяет все, что в нем есть общего, в новый социальный круг. Подобное же объединение, ведущее к реальным коллективистским учреждениям, приводит к созданию купеческого сословия как такового. Пока разделение труда еще не очень развито и целый ряд близких друг другу задач выполняется одним и тем же индивидом или профессиональным кругом, т.е. таковых сравнительно еще немного, до тех пор в двух направлениях легко совершается чреватое серьезными последствиями психологическое слияние (точнее говоря, имеет место единство элементов, которое с точки зрения позднейшей дифференцированности называют слиянием, причем называют неточно, поскольку это, видимо, предполагает, что элементы, поначалу раздельные, лишь впоследствии сливаются друг с другом). Во-первых, то более высокое понятие, которое обще целому ряду различных видов деятельности, еще недостаточ-

но отделено от каждого из них, чтобы приводить к совместным действиям и появлению общих учреждений. Так, например, только благодаря новейшей культуре множество женщин объединились ради завоевания политических и социальных прав или для создания экономической поддержки или других целей таких коллективных учреждений, которые имеют отношение только к женщинам; мы можем предположить, что до сих пор общее понятие женщины было для каждой из них еще слишком тесно слито с тем воплощением его, которое она сама собою представляла, причем здесь, конечно, совершенно безразлично, является ли вычленение этого общего понятия источником практических формообразований или, напротив, само оно было вызвано внешней необходимостью. Виды деятельности женщин были и до сих пор остаются, в общем, слишком сходными между собой, чтобы могло образоваться общее понятие, наполненное реальным и практическим содержанием, потому что такое понятие доводится до сознания только отдельными разнородными явлениями; если бы существовал только один вид деревьев, то понятие дерева не образовалось бы вовсе. Подобно тому и люди, внутренне сильно дифференцированные, разносторонне образованные и деятельные, скорее склонны к космополитическим настроениям и убеждениям, чем односторонние натуры, которым все общечеловеческое представляется только в данном ограниченном воплощении, потому что они не обладают способностью проникаться личностью других и, следовательно, доходить до ощущения того, что обще всем. Нормы, установленные для общения в торговом деле, тем полнее обособляются от правил, принятых в одной определенной отрасли, чем больше отраслей существует в хозяйственном производстве, тогда как, например, в тех промышленных городах, где имеется, в сущности, только одна отрасль, можно видеть, сколь мало еще понятие о промышленности как таковой отделилось от понятий о железодельной, текстильной, игрушечной промышленности и как характер той отрасли, понятие о которой преимущественно заполняет собою сознание, решающим образом определяет обычаи других отраслей и промышленного общения в целом. При этом, как мы уже сказали, практические последствия образования общностей более высокого уровня не всегда выступают в хронологическом порядке следования, но часто бывает и так, что они во взаимодействии создают то возбуждение, которое помогает вызвать сознание социального сходства. Так, например, сознанием своей взаимосвязанности ремесленное сословие обязано существованию учеников; если вследствие чрезмерного использования труда учеников работа становится дешевле и хуже, то устранение этого зла в одной только специальности вызвало бы переполнение другой вытесненными из первой учениками, так что помочь может только совместная акция; конечно, она может последо-

вать только благодаря разнообразию ремесел, но оно должно привести к осознанию единства их всех, несмотря на их специфические различия.

Если, таким образом, дифференциация вычленяет круг более высокого порядка из круга более индивидуального, в котором первый до сих пор находился лишь в скрытом виде, то она должна также, во-вторых, отделить друг от друга круги более координированные, однопорядковые. Так, например, цех надзирал за личностью во всех отношениях, т.е. интерес ремесла должен был регулировать всю ее деятельность. Кто был принят в ученики к какому-нибудь мастеру, тот становился одновременно членом его семьи и т.д.; одним словом, профессиональный труд централизовал самым решительным образом всю жизнь, не исключая часто и жизни политической и сердечных дел. Из тех моментов, которые вели к разложению слитого воедино, мы рассмотрим здесь момент разделения труда. В каждом человеке, многообразные жизненные содержания которого направляются, исходя из некоторого круга интересов, сила этого последнего будет уменьшаться по мере снижения его объема. Узость сознания приводит к тому, что какое-нибудь многосложное занятие вместе с разнообразными принадлежащими ему представлениями увлекает за собой и остальной мир представлений. Существенных отношений между тем и другим может вовсе и не быть; поскольку при занятиях, не основанных на разделении труда, необходимо быстро менять представления, здесь тратится такое количество психической энергии, что от этого страдает культивирование других интересов, они оказываются ослабленными и тем скорее попадают в ассоциативную или другую зависимость от центрального круга представлений. Человек, которым овладевает сильная страсть, устанавливает какую-то связь между ней и всем, что проходит через его сознание, хотя бы это было самое отдаленное, не имеющее к ней никакого содержательного отношения. Вся его душевная жизнь получает от этой страсти свой свет и свои тени; и всякое профессиональное призвание, оставляющее для других жизненных отношений сравнительно немного места в сознании, создает подобное этому психическое единство. В этом состоит одно из важнейших следствий разделения труда для душевной жизни; оно основывается на том уже рассмотренном нами психологическом факте, что в данный промежуток времени, при прочих одинаковых условиях, растрачивается тем больше силы представления, чем чаще сознание должно переходить от одного представления к другому. И эта смена представлений имеет то же следствие, что и интенсивность страсти в вышеуказанном случае. Поэтому занятие, не основанное на разделении труда, опять-таки при прочих равных условиях, скорее станет всепоглощающим, займет в жизни человека центральное место, чем занятие в высокой степени специализированное, особенно в те эпохи, которым еще не свойственны пестрота и изменчивые возбуждения, отличающие жиз-

ненные отношения нашего времени. И по мере того как более одностороннее, а потому и более механическое занятие дает другим отношениям больше места в сознании, ценность и самостоятельность их должны возрастать. Этому координирующему обособлению однопорядковых интересов, которые до того были слиты в один центральный интерес, способствует еще одно следствие разделения труда, связанное с упомянутым выделением более высокого социального понятия из более специально определенных кругов. Ассоциации между центральными и периферическими представлениями и кругами интересов, образовавшиеся под влиянием чисто психологических и исторических причин, считаются в большинстве случаев объективно необходимыми до тех пор, пока опыт не сталкивает нас с лицами, у которых тот же центр, но совершенно другая периферия или та же самая периферия, но другой центр. Итак, если принадлежность к определенной профессии ставила в зависимость от себя все остальные жизненные интересы, то со все большим разветвлением отраслей деятельности эта зависимость должна ослабнуть, потому что, несмотря на различие последних, обнаружилось, что во всех остальных интересах много сходного. Подобным же образом и в тончайших отношениях душевной жизни мы обретаем некоторую внутреннюю и внешнюю свободу, когда видим, что у других людей нравственно необходимые поступки и чувства зависят от совсем иных предпосылок, чем те, с которыми они были связаны у нас. Это, например, в значительной степени относится к этическому применению религии, с которой многие чувствуют себя связанными потому, что старая психологическая привычка всегда соединяла у них нравственные импульсы с религиозными; и только когда опыт показывает, что и совершенно иначе настроенные в религиозном отношении люди бывают столь же нравственны, это приводит к освобождению от такой централизации этической жизни и к самостоятельности последней. Таким образом, возрастающая дифференциация профессий должна была показать индивиду, как совершенно одно и то же направление остальных содержаний жизни может быть соединено с различными профессиями и потому должно вообще гораздо меньше зависеть от них. К такому же следствию приводит и дифференциация этих содержаний жизни, также возрастающая вместе с развитием культуры. Различие профессий при одинаковости других интересов и различие в интересах при одинаковости профессий должно было также привести к их психологическому и реальному разрыву. Если мы взглянем на поступательное движение, уводящее от дифференциации и объединения на основании внешних, схематических точек зрения, к дифференциации и объединению на основании глубинной взаимосвязи, то в области теории обнаруживается нечто абсолютно аналогичное: прежде думали, что можно путем соединения живых существ в обширные группы на основании признаков внешнего средства

между ними решить важнейшие проблемы их познания; однако более глубокий и правильный взгляд на это сложился только благодаря тому, что у существ, кажущихся очень различными, которые соответственно были объединены под различными родовыми понятиями, открыли черты морфологического и физиологического сходства и таким образом установили законы органической жизни, реализованные в далеко отстоящих друг от друга позициях ряда органических существ, а познание этих законов привело к установлению единообразия того, что прежде, на основании внешних критериев, делили на родовые понятия совершенно самостоятельного происхождения. Также и здесь установление единообразия того, что по существу гомогенно в гетерогенных кругах, обозначает более высокую степень развития.

Если, таким образом, победа рационально-объективного принципа над принципом поверхностно-схематическим идет рука об руку с общим культурным прогрессом, то при известных обстоятельствах эта связь может и прерываться, так как она не априорна. Хотя солидарность семьи в сравнении с объединением на основании объективных точек зрения и является принципом механическим, внешним, однако, с другой стороны, семья окажется основанной на объективном начале, если сопоставить ее с чисто числовым делением, например, с десятками и сотнями, в древнем Перу, в Китае и в большей части древней Европы. Социально-политическое единство семьи и ее солидарная ответственность за каждого члена имеют положительное значение и оказываются тем более рациональными, чем более мы научаемся понимать действие наследственности; слияние же известного постоянного числа людей в одну группу, рассматриваемую как единство в аспекте внутреннего членения, военной службы, налогообложения, уголовной ответственности и т.д., лишено всякого рационального основания, и тем не менее там, где мы его можем проследить, оно является восполнением принципа родства и служит для достижения более высокой степени культуры. А оправданием для него служит не *terminus a quo* – в этом отношении семейный принцип, как основание для дифференциации и интеграции, превосходит всякий другой, – но *terminus ad quem*; высшей государственной цели это деление, очевидно, соответствует более, чем то древнейшее, именно потому, что оно благодаря своему схематическому характеру легко поддается обозрению и организации. Здесь обнаруживается своеобразное явление культурной жизни: учреждения и формы общения, полные смысла и значения, вытесняются такими, которые в себе и для себя являются совершенно механическими, внешними, неодоухотворенными; только более высокая, стоящая за пределами этой прежней ступени, цель сообщает их совместному действию или их позднему результату духовное значение, на которое не может претендовать каждый элемент в отдельности; таково характерное отличие современного сол-

дата от средневекового рыцаря, механической работы – от ручного труда, таков характер современной униформированности и нивелированности столь многих жизненных отношений, которые прежде были предоставлены свободному самоопределению личности. Теперь же, с одной стороны, механизм стал слишком велик и сложен, чтобы он мог, так сказать, выражать в каждом из своих элементов какую-нибудь цельную идею; каждый из них может иметь скорее лишь характер чего-то механического и самого по себе незначительного, внося свой вклад в реализацию некоторой идеи только в качестве члена целого. С другой стороны, имеет место многообразное действие дифференциации, которая выделяет духовный элемент деятельности, так что механическое и духовное получают обособленное существование; например, деятельность работницы за ткацкой машиной гораздо менее одухотворенна, чем деятельность ткачихи, но при этом дух этой деятельности перешел, так сказать, к машине, объективировался в ней. Таким образом, социальные учреждения, классификации и соединения могут становиться более механическими и внешними и все-таки служить культурному прогрессу, если появляется более высокая социальная цель, которой они просто должны подчиниться и которая им больше не позволяет сохранить для себя тот дух и смысл, которым предыдущее состояние замыкало телеологический ряд: так объясняется вышеуказанный переход в социальном делении от родового принципа к принципу десятка, хотя фактически последний в противоположность естественной гомогенности семьи выступает как соединение объективно гетерогенного.

Кроме того, в примитивных обществах и именно в таких, которые образуются из соединения элементарных, уже замкнутых в себе групп, вождь очень часто назначается посредством выборов сначала для войны, а потом и для постоянного господства; благодаря его преимуществам это достоинство переносится на него добровольно, тогда как в других местах он обретает его благодаря тем же преимуществам, но путем узурпации; и там и тут, однако, оно угасает – самое позднее вместе с его смертью, – так что принципатом так или иначе завладевает какая-нибудь другая личность, обладающая такими же преимуществами. Между тем социальный прогресс связан именно с нарушением процедуры, которая исходит из личных качеств, и к установлению наследственного княжеского достоинства; хотя принцип наследственности, сравнительно механический и внешний, приводит к тому, что трон занимают слабые, дети и люди, во всех отношениях к этому непригодные, то вытекающие из него надежность и непрерывность государственного развития перевешивают все преимущества более рационального принципа, согласно которому вопрос о том, кому должна принадлежать власть, решают личные качества. Если смена властителей определяется не объективным отбором, а внешней случайностью рождения, и это тем не

менее содействует культурному прогрессу, то сказать, что такое исключение подтверждает правило, можно лишь постольку, поскольку оно показывает, что и правило подчинено само себе, т.е. даже оно само, даже замена внешнего, схематического внутренним, рациональным не может, в свою очередь, превратиться в схематическую норму. Наконец, здесь следует указать то положение дел, до известной степени аналогичное, которое сообщило моногамии преимущество перед промискуитетом. Если именно сила, здоровье и красота родителей делают наиболее вероятным появление здорового потомства, то нужно будет ожидать вырождения рода там, где членам его, уже состарившимся и истощившимся, обеспечена возможность иметь потомство. А это как раз имеет место в браке на всю жизнь. Если бы после каждого деторождения каждый член полового соединения снова имел активное и пассивное избирательное право по отношению к другому полу, то те особи, которые уже утратили свое здоровье, силу и привлекательность, не были бы допущены к новому деторождению, и, кроме того, было бы больше вероятности, что индивиды, действительно друг к другу подходящие, встретятся между собой. В противоположность этому возобновлению выбора, беспрепятственному пересмотру рациональных оснований и рациональной цели полового соединения нерушимая прочность брачного союза, его продолжение после того, как полностью исчезли определившие его основания (даже в том случае, когда это касается только данного отношения, а сочетание каждой из сторон с какой-нибудь другой было бы еще вполне рациональным), эта постоянная прочность брака является до известной степени внешней и механической процедурой. Подобно тому, как наследственность принципата, заменившая приобретение его на основании личных качеств, носит схематический характер, точно так же пожизненный брак вводит всю будущность пары в схему одного определенного отношения, которое хотя и является для данного момента адекватным выражением внутренних отношений этой пары, однако уничтожает возможность варьировать их, чего якобы должна желать совокупность в интересах более крепкого потомства; это и выражается в народной вере в то, что внебрачные дети бывают более крепкими и одаренными. Но подобно тому как в первом случае второстепенные последствия стабильности сильно превышают все те преимущества, которые дает основанное на объективных моментах определение, так и фиксируемый внешним образом переход, как бы передача по наследству формы одной эпохи в жизни людей другой, позднейшей эпохе' создает в отношениях полов такое согласие, которое уже не нуждается ни в каких договоренностях, а для рода превосходит все те выгоды, которые можно было бы извлечь из дальнейшей дифференциации заключенных уже союзов. Итак, соединение того, что, в сущности говоря, принадлежит

друг другу и что до сих пор находилось в чужеродных сочетаниях, не могло бы здесь способствовать культурному прогрессу.

Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни – М.: Юрист, 1996. 607 с.- (Лики культуры). – С. 412–428.

Дюркгейм Э. Метод социологии

Глава 1. Что такое социальный факт?

Прежде чем искать метод, пригодный для изучения социальных фактов, следует определить, что такое представляют факты, носящие данное название. Вопрос этот тем более важен, что данный термин обыкновенно применяют не совсем точно.

Им без стеснения обозначают почти все происходящие в обществе явления, если только последние представляют какой-либо социальный интерес. Но при таком понимании не существует, так сказать, человеческих событий, которые не могли бы быть названы социальными. Всякий индивидуум пьет, спит, ест, рассуждает, и общество очень заинтересовано в том, чтобы все эти функции отправлялись регулярно.

Если бы все эти факты были социальными, то у социологии не было бы своего отдельного предмета, и ее область слилась бы с областью биологии и психологии.

Но в действительности во всяком обществе существует определенная группа людей, отличающихся резко очерченными свойствами от явлений, изучаемых другими естественными науками.

Когда я действую как брат, супруг или гражданин, когда я выполняю заключенные мною обязательства, я исполняю обязанности, установленные вне меня и моих действий правом и обычаями. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их существование, последнее остается все-таки объективным, так как не я сам создал их, а они внушены мне воспитанием.

Как часто при этом нам неизвестны детали наложенных на нас обязанностей и для того, чтобы узнать их, мы принуждены справляться с кодексом и советоваться с его уполномоченными истолкователями! Точно так же верующий при рождении своем находит уже готовыми верования и обряды своей религии; если они существовали до него, то, значит, они существуют вне его. Система знаков, которыми я пользуюсь для выражения моих мыслей, система монет, употребляемых мною для уплаты долгов, орудия кредита, служащие мне в моих коммерческих сношениях, обычаи, соблюдаемые в моей профессии и т.д. – все это функционирует независимо от того употребления, которое я из них делаю. Следовательно, эти образы мыслей, действий и чувствований об-

ладают тем замечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний.

Эти типы поведения или мысли не только находятся вне индивидуума, но и обладают еще принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним независимо от своего описания. Конечно, когда я добровольно сообразуюсь с ними, это принуждение, будучи бесполезным, мало или совсем не чувствуется; тем не менее оно является характерным свойством этих фактов, доказательством чего может служить то обстоятельство, что оно появляется тотчас же, как только я пытаюсь сопротивляться. Если я пытаюсь нарушить постановления права, они реагируют против меня, препятствуя моему действию, если есть еще время, или уничтожая и восстанавливая его в его нормальной форме, если оно совершено и может быть исправлено, или же, наконец, заставляя меня искупить его, если его исправить нельзя. Применяется ли сказанное к чисто нравственным правилам?

Общественная совесть удерживает от всякого оскорбляющего ее действия посредством надзора за поведением граждан и особым показаний, которыми она располагает. В других случаях принуждение менее сильно, но все-таки существует. Если я не подчинюсь условиям света, если я, одеваясь, не принимаю в расчет обычаев моей страны и моего сословия, то смех, мною вызываемый, и то отдаление, в котором меня держат, производит, хотя и в более слабой степени, то же действие, как и наказание в собственном смысле этого слова. В других случаях имеет место принуждение, хотя и косвенное, но не менее действительное. Я не обязан говорить по-французски с моими соотечественниками или употреблять установленную монету, но я не могу поступить иначе. Если бы я попытался ускользнуть от этой необходимости, моя попытка оказалась бы неудачной...

Вот, следовательно, разряд фактов, отличающихся специфическими свойствами; его составляют образы мыслей, действий и чувствований, находящиеся вне индивида и одаренные принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним. Отсюда их нельзя смешать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и благодаря ему. Они составляют, следовательно, новый вид и им-то и должно быть присвоено название социальных. Оно им вполне подходит, так как ясно, что не имея своим субстратом индивида, они не могут иметь другого субстрата, кроме общества, будь то политическое общество в его целом или какие-либо отдельные группы, в нем заключающиеся: религиозные группы, политические и литературные школы, профессиональные корпорации и т.д. С другой стороны, оно применимо только к ним, т.к. слово «социальный» имеет определенный смысл лишь тогда, когда обозначает исключительно явления, не

входящие ни в одну из установленных и названных уже категорий фактов. Они составляют, следовательно, собственную область социологии...

Но так как приведенные нами примеры (юридические и нравственные постановления, религиозные догматы, финансовые системы и т.п.) все состоят из установленных уже верований и правил, то можно было бы подумать, на основании сказанного, что социальный факт может быть лишь там, где есть определенная организация. Но существуют другие факты, которые, не представляя таких кристаллизованных форм, имеют ту же объективность и то же влияние на индивида. Это так называемые социальные течения.

Так, возникающие в собрании великие движения энтузиазма, негодования, сострадания не зарождаются ни в каком отдельном сознании. Они приходят к каждому из нас извне и способны увлечь нас, вопреки нам самим. Конечно, может случиться, что, отдаваясь им вполне, я не буду чувствовать того давления, которое они оказывают на меня. Но оно проявится тотчас, как только я попытаюсь бороться с ними. Пусть какой-нибудь индивид попробует противиться одной из этих коллективных манифестаций и тогда отрицаемые им чувства обратятся против него. Если эта сила внешнего принуждения обнаруживается с такой ясностью в случаях сопротивления, то, значит, она существует, хотя не осознается, и в случаях противоположных. Таким образом, мы являемся жертвами иллюзии, заставляющей нас верить в то, что нам внушено извне. Но если готовность, с какой мы впадаем в эту иллюзию, и маскирует испытанное давление, то она его не уничтожает. Так, воздух все-таки тяжел, хотя мы и не чувствуем его веса. Даже если мы со своей стороны содействовали возникновению общего волнения, то впечатление, полученное нами, будет совсем другое, чем то, которое мы испытали бы, если бы были одни. И когда собрание разойдется, когда эти социальные влияния перестанут действовать на нас и мы останемся наедине с собой, то чувства, пережитые нами, покажутся нам чем-то чуждым, в чем мы сами себя не узнаем. Мы замечаем тогда, что мы их гораздо более испытали, чем произвели. Случается даже, что они вызывают в нас отвращение: настолько они были противны нашей природе. Так, индивиды при обыкновенных условиях совершенно безобидные, соединясь в толпу, могут произвести акты жестокости. То, что мы говорим об этих мимолетных вспышках, применимо также и к тем более постоянным движениям общественного мнения, которые постоянно возникают вокруг нас или во всем обществе, или в более ограниченных кругах по поводу религиозных, политических, литературных, аристократических и др. вопросов.

Данное определение социального факта можно подтвердить еще одним характерным наблюдением, стоит только обратить внимание на то, как воспитывается ребенок. Если рассматривать факты такими, ка-

ковы они есть и всегда были, то нам бросится в глаза, что все воспитание заключается в постоянном усилии приучить ребенка видеть, чувствовать и действовать так, как он не привык бы к тому самостоятельно. С самых первых дней его жизни мы принуждаем его есть, пить и спать в определенные часы, мы принуждаем его к чистоте, к спокойствию и к послушанию; позднее мы принуждаем его принимать в расчет других, уважать обычаи, приличия, мы принуждаем его к работе и т.д. Если с течением времени это принуждение и перерастает в чувство, то только потому, что оно рождает привычки, внутренние склонности, которые делают его бесполезным, но которые заменяют его лишь вследствие того, что сами из него вытекают... Это давление, ежеминутно испытываемое ребенком, есть не что иное, как давление социальной среды, стремящейся сформировать его по своему образцу и имеющей своими представителями и посредниками родителей и учителей. Таким образом, характерным признаком социальных явлений служит не их распространенность. Какая-нибудь мысль, присущая сознанию всякого индивида, какое-нибудь движение, повторяемое всеми, не становятся от этого социальными фактами. Если этим признаком и довольствовались для их определения, то это потому, что их неправильно смешивали с тем, что может быть названо индивидуальными воплощениями. К ним же принадлежат: верования, наклонности, обычаи группы, взятой коллективно; что же касается тех форм, в которые облекаются коллективные состояния, передаваясь индивидам, то последние представляют собой явления иного порядка. Различие их природы наглядно доказывается тем, что оба эти разряда актов встречаются часто раздельно. Действительно, некоторые из этих образов мыслей или действий приобретают вследствие повторения известную устойчивость, которая, так сказать, осаждает их и изолирует от отдельных событий, их отражающих. Они как бы приобретают, таким образом, особое тело, особые, свойственные им, осязательные формы и составляют реальность *sui generis*, очень отличную от воплощающих ее индивидуальных фактов. Коллективная привычка существует не только, как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, не встречаемой нами в области биологической, она выражается раз навсегда в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно. Таковы происхождение и природа юридических и нравственных правил, народных афоризмов и преданий, догматов веры, в которых религиозные или политические секты кратко выражают свои убеждения, кодексов вкуса, устанавливаемых литературными школами и пр. Существование всех их не исчерпывается целиком одними применениями их в жизни отдельных лиц, так как они могут существовать и не будучи действительно применяемы.

Конечно, эта диссоциация не всегда одинаково ясна. Но достаточно ее неоспоримого существования в поименованных нами, важных и многочисленных случаях для того, чтобы доказать, что социальный факт отличен от своих индивидуальных воплощений... Так, существуют известные течения общественного мнения, вынуждающие нас с различной степенью интенсивности, смотря по времени и стране, одного, например, к браку, другого к самоубийству или к более или менее сильной производительности и т.п. Это, очевидно, социальные факты. С первого взгляда они кажутся неотделимыми от форм, принимаемых ими в отдельных случаях. Но статистика дает нам средство изолировать их. Они, действительно, изображаются довольно точно цифрой рождаемости, браков и самоубийств, т.е. числом, получающимся от деления среднего годового итога браков, рождений, добровольных смертей на число лиц по возрасту способных жениться, производить, убивать себя... Так как каждая из этих цифр охватывает без различия все отдельные случаи, то индивидуальные условия, могущие принимать какое-нибудь участие в возникновении явления, взаимно нейтрализуются и вследствие этого не определяют этой цифры. Она выражает лишь известное состояние коллективной души.

Вот что такое социальные явления, освобожденные от всякого постороннего элемента. Что же касается их частных проявлений, то и в них есть нечто социальное, так как они частично воспроизводят коллективную модель (*un modele collectif*). Но каждое из них значительно зависит также и от психико-органической конституции индивида, и от особых условий, в которые он поставлен. Они, следовательно, не социологические явления в собственном смысле этого слова. Они принадлежат одновременно двум областям и их можно было бы назвать социопсихическими (*socio-psychiques*). Они интересуют социолога, не составляя непосредственного предмета социологии. Точно так же и в организации встречаются явления смешанного характера, которые изучаются смешанными науками, как, например, биологической химией...

Итак, мы точно определили область социологии. Она обнимает лишь известную группу феноменов. Социальный факт узнается лишь по той внешней принудительности власти, которую он имеет или способен иметь над индивидами, а присутствие этой власти узнается, в свою очередь, или по существованию какой-нибудь определенной санкции или по сопротивлению, оказываемому этим фактом каждой попытке индивида разойтись с ним. Его можно определить также и по распространению его внутри группы, если только... будет прибавлен второй и существенный признак, что он существует независимо от индивидуальных форм, принимаемых им при распространении. В иных случаях этот последний критерий даже легче применить, чем первый. Действительно, принуждение легко констатировать, когда оно выражается какой-

нибудь прямой реакцией общества, как это бывает в праве, в этике, в верованиях, в обычаях, даже в людях. Но когда оно лишь косвенное, — что имеет место, например, в экономической организации, — оно не так легко заметно. Тогда бывает легче установить всеобщность вместе с объективностью. К тому же это второе определение есть лишь другая форма первого: так как если способ поведения, существующий вне индивидуальных сознаний, является общим, то он может стать таким лишь с помощью принуждения.

Однако можно было бы спросить, полно ли это определение. Действительно, факты, служившие нам основанием для него, являются все различными образами действий; они относятся к физиологическому разряду. Однако существуют еще формы коллективного бытия, то есть социальные факты анатомического или морфологического порядка. Социология не может не интересоваться тем, что образует субстрат коллективной жизни. Однако число и характер основных элементов, из которых складывается общество, способы их сочетания, степень достигнутой ими сплоченности, распределение населения на территории, число и характер путей сообщения, форма жилищ и т.д., на первый взгляд, не могут быть сведены к образам действий чувств и мысли.

Но, прежде всего, эти различные явления представляют те же характеристические признаки, которые служили нам для определения других явлений. Эти формы бытия полагаются на индивида так же, как и те образы действия, о которых мы говорили выше. Действительно, когда желают узнать политическое деление общества, состав его отдельных частей, более или менее тесную связь между ними, то этого могут достигнуть не при помощи внешнего осмотра или географического обзора, так как эти деления идеальны даже тогда, когда какое-нибудь из их оснований заложено в физической природе. Лишь посредством изучения публичного права можно узнать эту организацию, так как лишь это право определяет наши домашние и гражданские отношения. Она, следовательно, не менее обязательна... Мы так же не можем избирать форму наших жилищ, как и фасон наших одежд: первая обязательна в такой же мере, как и последний. Пути сообщения определяют настоятельным образом то направление, в котором совершаются внутренние передвижения и обмен и даже интенсивность этих передвижений и обмена и т.д. Следовательно, к ряду феноменов, которые мы перечислили, как имеющие отличительный признак социальных фактов, можно было бы прибавить еще одну категорию; но так как это перечисление не было исчерпывающим, то и такое прибавление не является необходимым.

Оно даже не полезно, так как эти формы бытия суть лишь укрепившиеся образы действия. Политическое строение общества есть лишь тот способ, которым привыкли жить друг с другом различные сегменты, составляющие это общество. Если их отношения традиционно тесны, то

сегменты стремятся слиться, в противоположном случае они стремятся к разъединению. Тип наших строений представлял собою лишь тот способ, которым привыкли строить дома все вокруг нас и отчасти предшествовавшие поколения. Пути сообщения являются лишь тем руслом, которое прорыло себе регулярно совершающееся в одном и том же направлении течение обмена и переселений и т.д...

Наше определение будет, следовательно, полно, если мы скажем: социальным фактом является всякий образ действий, резко определенный или нет, но способный оказывать на индивида внешнее принуждение, или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, но имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений.

Глава 2. Правила, относящиеся к наблюдению социальных фактов

Первое и основное правило состоит в том, что социальные факты нужно рассматривать как предметы.

В тот момент, когда известный класс явлений становится объектом науки, в уме человеческого существуют уже не только чувственные образы этих явлений, но и известные грубо поставленные понятия о них. Так, еще до первых зачатков физики и химии людям были уже известны понятия о физико-химических явлениях, выходившие за пределы чистых восприятия: таковы, например, те понятия, которые примешаны ко всем религиям. Это значит, что на самом деле рефлексия предшествует науке, которая лишь пользуется ею при помощи более правильного метода. Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них новых идей, которыми он и руководствуется в своем поведении. Но так как эти понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они отвечают, то мы естественно склонны заменять ими последние и делать их предметом наших размышлений. Вместо того, чтобы наблюдать вещи, описывать и сравнивать их, мы довольствуемся тогда приведением в ясность наших идей, их комбинированием и анализом. Вместо науки о реальностях получается лишь анализ идей. Конечно, этот анализ не исключает непременно всякое наблюдение. К фактам могут обращаться для того, чтобы подтвердить эти понятия или сделанные из них выводы, но факты в этом случае являются чем-то второстепенным, в виде примеров или доказательств; они не служат предметом науки. Последняя идет от идей к вещам, а не от вещей к идеям...

Если таково было положение естественных наук, то еще более было оснований для подобного же положения социологии. Люди не дожидались социальной науки для того, чтобы составить себе понятия о праве, нравственности, семье, государстве, обществе, потому что они не могли жить без них... Действительно, социальные явления создаются людьми, они являются продуктами человеческой реальности. Они, сле-

довательно, не что иное, по-видимому, как осуществление присущих нам идей, врожденных или нет, не что иное, как применение их к различным обстоятельствам, отношения людей между собою. Организация семьи, договорных отношений, репрессивных мер, государства, общества – являются, таким образом, простым развитием идей, имеющихся у нас насчет общества, государства, справедливости и т.д. Вследствие этого эти и аналогичные им факты, по-видимому, существуют лишь в идеях и благодаря идеям, которые являются их источником, а потому и истинным предметом социологии.

Этот взгляд окончательно подтверждается тем, что, так как явления социальной жизни во всей полноте своей недоступны непосредственному сознанию, то последнее воспринимает их недостаточно отчетливо для того, чтобы чувствовать их реальность. Так как для такого восприятия у нас нет достаточно близкой и прочной связи с ними, то они легко производят на нас впечатление чего-то ни к чему не прикрепленного, развевающегося в пустоте, чего-то полуреального и крайне искусственного...

И действительно, до сих пор социология почти исключительно рассуждала не о вещах, а о представлениях. Кант, правда, провозгласил, что социальные явления суть естественные факты, подчиненные естественным законам. Этим он признал их предметами, так как в природе существуют лишь предметы. Но, когда выйдя за пределы этих философских обобщений, он пытается применить свой принцип и построить отвечающую ему науку, то делает объектом изучения лишь идеи. Действительно, главным содержанием его социологии является прогресс человечества во времени. Он отправляется от той идеи, что существует постоянная эволюция человеческого рода, заключающаяся во все более полной реализации человеческой природы, и ставит своей задачей отыскание порядка этой эволюции. Однако, если и предположить, что эта эволюция существует, то действительность ее существования может быть установлена лишь тогда, когда наука уже возникла, следовательно, ее можно было сделать объектом исследования, лишь выставляя ее как концепцию разума, а не предмет. И действительно, это представление совершенно субъективно, фактически этого процесса человечества не существует. Существуют же и представляются наблюдению лишь отдельные общества, рождающиеся, развивающиеся и умирающие независимо одно от другого. Если бы еще позднейшие служили продолжением предшествовавших, то каждый высший тип общества можно было бы рассматривать как простое рассмотрение непосредственно низшего типа с небольшим прибавлением; можно было бы поставить их тогда одно за другим, соединяя в одну группу те, которые находятся на одной ступени развития; и ряд, образованный таким образом, мог бы считаться представляющим человечество. Но факты не так просты. Народ, заступающий вместо другого народа, не является простым продол-

жением этого последнего с некоторыми новыми свойствами; он – иной, у него некоторых свойств больше, других меньше; он составляет новую индивидуальность, и все эти отдельные индивидуальности, будучи разнородными, не могут слиться в один непрерывный ряд, особенно в единственный ряд. Ряд обществ не может быть изображен геометрической линией, он скорее похож на дерево, ветви которого расходятся в разные стороны. В общем, Кант принял за историческое развитие то понятие, которое он составил о нем, и которое немногим отличается от понятий толпы. Действительно, история, рассматриваемая издали, легко принимает этот простой и последовательный вид: видны лишь преемственно сменяющие друг друга ряды индивидов, идущих в одном и том же направлении, так как природа у них та же самая. Полагая, далее, что социальная эволюция не может быть ничем иным, как только развитием какой-нибудь человеческой идеи, вполне естественно определять ее тем понятием, которое составляют себе о ней люди. Однако, действуя таким образом, не только остаются в области идей, но делают еще объектом социологии представление, не имеющее в себе ничего собственно социологического.

Спенсер устраняет это представление, но лишь для того, чтобы заменить его другим, составленным по тому же образцу. Объектом науки он считает не человечество, а общества. Но он сейчас же дает такое определение последних, которое устраняет предметы, о которых он говорит для того, чтобы поставить на их место то предпонятие, которое у него о них существует. Действительно, он признает очевидным то положение, что «общество существует лишь тогда, когда совместное пребывание индивидов становится кооперацией», что лишь через это союз индивидов становится обществом в собственном смысле этого слова. Затем, исходя из того принципа, что кооперация есть сущность социальной жизни, он разделяет общество на два класса, смотря по характеру господствующей в них кооперации. Существует, говорит он, самопроизвольная кооперация, которая выполняется непреднамеренно во время преследования целей частного характера; существует также сознательно установленная кооперация, имеющая в виду ясно признанные цели общественного интереса. Первые он называет промышленными, вторые – военными; и об этом различии можно сказать, что оно является исходной идеей социологии.

Но это предварительное определение объявляет реальностью то, что есть лишь составленное умом представление.

Действительно, оно выдается за выражение непосредственно воспринимаемого и констатируемого наблюдением факта, так как оно формулировано в самом начале науки как аксиома. А между тем невозможно узнать простым наблюдением, действительно ли кооперация составляет все в социальной жизни. Такое утверждение было бы научно за-

конно лишь тогда, когда начали бы с обзора всех проявлений коллективного бытия и доказали, что все они являются различными формами кооперации. Следовательно, здесь также известное представление о социальной реальности заменяет собою эту реальность. Означенной формулой определяется не общество, а та идея, которую составил себе о нем Спенсер. И если он не испытывает никакого сомнения, действуя таким образом, то это потому, что и для него общество есть и может быть лишь реализацией идеи, именно той самой идеи кооперации, посредством которой он его определяет...

Легко показать, что в каждом отдельном вопросе, которых он касается, его метод остается одинаковым. Поэтому, хотя он и делает вид, что действует эмпирически, но так как факты, собранные в его социологии, скорее употреблены для иллюстрации анализов понятий, чем описания и объяснения явлений, то они лишь кажутся фигурирующими там в качестве аргументов. Действительно, все существенное в его учении может быть непосредственно выведено из его определения общества и различных форм кооперации. В самом деле, если у нас есть выбор лишь между тиранически вынужденной кооперацией и кооперацией самопроизвольной и свободной, то очевидно эта последняя и будет тем идеалом, к которому стремится и должно стремиться человечество.

Эти обыденные понятия встречаются не только в основе науки, но на них наталкиваешься ежеминутно во всех ее построениях. При настоящем состоянии наших знаний мы не знаем с уверенностью, что такое государство, верховная власть, политическая свобода, демократия, социализм, коммунизм и т.д.; следовательно, с точки зрения правильного метода, нужно было бы запретить себе употребление этих понятий, пока они научно не установлены. А между тем слова, их выражающие, встречаются постоянно в рассуждениях социологов. Их употребляют без запинки и с уверенностью, как будто они отвечают предметам, хорошо известным и определенным, тогда как они порождают в нас лишь сбивчивые понятия, неясную смесь смутных впечатлений, предрассудков и страстей. Мы смеемся теперь над странными выводами средневековых врачей из понятий теплого, холодного, сухого, сырого и т.д. и не замечаем, что продолжаем применять тот же метод к разряду явлений, для которых он менее всего пригоден вследствие их чрезвычайной сложности. В специальных отраслях социологии этот метод еще более достоин осуждения.

Особенно он непригоден в нравственности. Действительно, можно сказать, что нет ни одной системы, в которой она не представлялась бы простым развитием первоначальной идеи, заключающей в себе все. Одни думают, что эту идею человек находит вполне готовой в себе при своем рождении; другие, наоборот, полагают, что она слагается более или менее медленно в течение истории. Но как для тех, так и для дру-

гих, как для эмпиристов, так и для рационалистов она составляет все действительно реальное в нравственности. Что же касается деталей юридических и нравственных правил, то они не могут, так сказать, существовать сами по себе, а являются лишь различными, смотря по обстоятельствам, применениями этой наивной идеи к отдельным случаям жизни. При таких условиях объектом этики является не система правил, лишенная независимого существования, а идея, из которой они вытекают, и разнообразными применениями которой они являются. Поэтому все вопросы, которые задает себе обыкновенно этика, относятся не к предметам, а к идеям; нужно узнать, в чем состоит идея права, идея нравственности, а не какова природа нравственности и права, взятых сами в себе. Моралисты еще не дошли до той простой идеи, что подобно тому, как наше представление о чувственных предметах проистекает от этих самых предметов и выражает их более или менее точно, так и наше представление о нравственности вытекает из наблюдения правил, функционирующих у нас перед глазами, и изображает их схематически; что вследствие этого эти-то правила, а не общее представление о них, составляют содержание науки точно так же, как предметом физики служат тела в том виде, в каком они существуют, а не идеи, составляемые о них толпой. Отсюда вытекает, что основанием нравственности делают то, что является ее вершиной, а именно ту форму, в которой она отражается и продолжает свое бытие в индивидуальных сознаниях. И этому методу следуют не только в самых общих, но и в социальных вопросах науки. От основных идей, исследуемых в начале, моралист переходит к идеям второстепенным, к идеям семьи, родины, ответственности, милосердия, справедливости; но его рассуждения относятся всегда только к идеям...

А между тем социальные явления суть предметы и о них нужно рассуждать как о предметах. Для того, чтобы доказать это положение, не нужно философствовать об их природе, разбирать их аналогию с явлениями низших царств. Достаточно указать, что для социолога они представляют единственное данное (*datum*). Предметом не называется все, что дается, что предлагается, или, скорее, навязывается наблюдению. Рассуждать о явлениях как о предметах, — значит рассуждать о них как о данных, составляющих точку отправления науки. Социальные явления бесспорно обладают этим характером. Наблюдению открыта не идея, составляемая людьми о ценности, — она ему недоступна, — а ценности, действительно обменивающиеся в сфере экономических отношений. Нам дано не то или иное представление о нравственном идеале, а совокупность правил, действительно определяющих поведение. Нам дано не понятие о полезном или богатстве, а экономическая организация во всей ее полноте. Возможно, что социальная жизнь есть лишь развитие известных понятий, но если предположить, что это так, то все-

таки эти понятия не даны непосредственно. Дойти до них можно, следовательно, не прямо, а лишь через посредство выражающих их явлений. Мы не знаем а priori, какие идеи лежат в основе различных течений, между которыми распределяется социальная жизнь, и существуют ли они; лишь дойдя по ним до их источников, мы узнаем, откуда они происходят.

Нам нужно, следовательно, рассматривать социальные явления сами в себе, отделяя их от сознающих и представляющих их себе субъектов, их нужно изучать извне как внешние предметы, так как такими они предстают перед нами. Если этот характер внешности лишь кажущийся, то иллюзия рассеется по мере того, как наука будет подвигаться вперед, и мы увидим, как внешнее, так сказать, войдет вовнутрь. Но решения нельзя предвидеть заранее, и даже если бы в конце концов у них не оказалось существенных свойств предметов, их все-таки надо обсуждать так, как будто бы эти свойства у них были. Это правило, следовательно, прилагается ко всей социальной реальности в ее целом, без всякого исключения. Даже те явления, которые, по-видимому, представляют собою наиболее искусственные сочетания, должны быть рассматриваемы с этой точки зрения. Условный характер обычая или учреждения никогда не должен быть предполагаем заранее. Если, сверх того, нам будет позволено сослаться на нашу личную опытность, то мы можем уверять, что, действуя таким образом, часто имеешь удовольствие видеть, что факты, с виду самые произвольные, оказываются при внимательном наблюдении обладающими постоянством и правильностью, симптомами их объективности. Впрочем, сказано об отличительных признаках социального факта достаточно, чтобы успокоить нас относительно характера этой объективности и показать нам, что она не призрачна. Действительно, предмет узнается главным образом по тому признаку, что он не может быть изменен простым актом воли. Это не значит, чтобы он не был подтвержден никакому изменению. Но для того, чтобы произвести это изменение, недостаточно пожелать этого, надо сделать еще более или менее напряженное усилие вследствие того сопротивления, которое он оказывает, и которое, притом, не всегда может быть побеждено. А, как мы видели, социальные факты обладают этим свойством. Они не только не являются продуктами нашей воли, а сами определяют ее извне, они представляют собой как бы формы, в которые мы вынуждены отливать наши действия. Часто даже эта необходимость такова, что мы не можем избежать ее. Но если даже нам удастся восторжествовать, то сопротивление, встречаемое нами, уведомляет нас, что мы находимся в присутствии чего-то, от нас независимого. Следовательно, рассматривая социальные явления как предметы, мы лишь будем сообразоваться с их природой...

Всякое научное исследование обращается на определенную группу явлений, отвечающих одному и тому же определению. Первый шаг со-

циолога должен, следовательно, заключаться в определении тех предметов, о которых он будет рассуждать для того, чтобы и он сам, и другие знали, о чем идет речь. Это первое и необходимое условие всякого доказательства и всякой проверки; действительно, можно контролировать какую-нибудь теорию, лишь умея различать факты, о которых она должна дать отчет. Кроме того, так как это первоначальное определение устанавливает самый объект науки, то от него зависит, будет ли таким объектом предмет или нет.

Для того, чтобы оно было объективно, нужно, очевидно, чтобы оно выражало явление не на основании идеи о них разума, а на основании свойств, им присущих: нужно, чтобы оно характеризовало их по составным элементам их природы, а не по сообразности их с более или менее идеальным понятием. В тот же момент, когда исследование только что начинается, когда факты не подвергались еще никакой обработке, могут быть добыты лишь те их признаки, которые являются достаточно внешними для того, чтобы быть непосредственно видимыми. Несомненно, признаки, скрытые глубже, более существенны. Их ценность для объяснения явления выше, но они известны в этом фазисе науки и могут быть предвосхищены лишь в том случае, если реальность будет заменена каким-нибудь представлением разума. Следовательно, содержание этого основного определения нужно искать среди первых. С другой стороны, ясно, что это определение должно будет содержать в себе без исключения и различия все явления, обладающие теми же признаками, так как у нас нет ни основания, ни средств выбирать между ними. Эти признаки составляют тогда все известное нам о реальности; поэтому они должны иметь руководящее значение при группировке фактов. У нас нет никакого другого критерия, который мог бы, хотя отчасти, ограничить действие предыдущего. Отсюда следующее правило: «объектом исследования следует избирать лишь группу явлений, определенных предварительно некоторыми общими им внешними признаками, и включать в это исследование все явления, отвечающие данному определению».

Действуя таким образом, социолог с первого шага вступает прямо в сферу реального. Действительно такой способ классификации фактов зависит не от него, не от особого склада его ума, а от природы вещей. Признак, вследствие которого факты относятся к той или иной группе, не может быть указан всем, признан всеми, и утверждения одного наблюдателя могут быть контролируемы другими. Правда, понятие, составленное таким образом, не всегда совпадает и даже обыкновенно не совпадает с обыденным понятием. Так, например, очевидно, что факты свободомыслия или нарушения этикета, столь неуклонно и строго наказываемые во многих обществах, не считаются общим мнением преступными по отношению к этим обществам. Точно так же клан не есть семья в обыкновенном значении этого слова. Но это не важно, так как задача

состоит не в том, чтоб открыть средство, позволяющее нам довольно верно находить факты, к которым прикрепляются слова нынешнего языка и идеи, ими выражаемые; а нам нужно установить новые понятия, приспособленные при помощи специальной терминологии. Это не значит, конечно, что обыденное понятие бесполезно для ученого; нет, оно служит указанием. Оно уведомляет нас, что существует какая-то группа явлений, соединенных под одним и тем же названием, и, следовательно, по всему вероятно имеющих известные общие свойства; так как оно всегда несколько отвечает явлениям, то иной раз может указывать нам, хотя и в общих чертах, в каком направлении нужно искать их. Но так как оно составлено грубо, то вполне естественно, что оно не вполне совпадает с научным понятием, составленным по его поводу...

Как бы очевидно и важно не было это правило, оно совсем не соблюдается в социологии. Именно потому, что в ней говорится о таких вещах, о которых мы говорим постоянно, как, например, семья, собственность, преступление и т.д., социологу кажется чаще всего бесполезным предварительно и точно определить их. Мы так привыкли пользоваться этими словами, беспрестанно употребляемыми нами в разговоре, что нам кажется бесполезным определять тот смысл, в которых мы их употребляем. Ссылаются просто на предпринятое понятие. Последнее же очень часто двусмысленно. Эта двусмысленность служит причиной того, что под одним и тем же термином и в одном и том же объясняют вещи, в действительности очень различные. Отсюда возникает неисправимая путаница.

Так существует два рода моногамических союзов: одни фактические, другие носят юридический характер. У первых, у мужа бывает лишь одна жена, хотя юридически он может иметь их несколько; у вторых, ему законом воспрещается быть полигамистом. Фактическая моногамия встречается у многих животных пород и в некоторых низших обществах, и встречается не в спорадическом состоянии, а в таком же всеобщем распространении, как если бы она вынуждалась законом. Когда народ рассеян на обширном пространстве, общественная связь очень слаба и вследствие этого индивиды живут изолированно друг от друга. Тогда каждый мужчина естественно старается добыть себе жену и только одну, потому что в этом состоянии разобщения ему трудно найти их несколько. Обязательная же моногамия наблюдается, наоборот, лишь в наиболее развитых обществах. Эти два вида супружеских товариществ имеют, следовательно, очень различное значение, а между тем они обозначаются одним и тем же словом; говорят и о некоторых животных, что они живут моногамически, хотя у них нет ничего похожего на юридическое обязательство. Так, Спенсер, приступая к изучению брака, употребляет слово моногамия, не определяя его в обыкновенном и двусмысленном значении. Отсюда вытекает, что эволюция брака кажется

ему содержащей необъяснимую аномалию, так как он думает, что высшая форма полового союза наблюдается уже в первые фазисы исторического развития, что она скорее исчезает в среднем периоде и затем появляется снова. Из этого он заключает, что нет правильного соотношения между социальным прогрессом вообще и прогрессивным движением к совершенному типу семейной жизни. Надлежащее определение предупредило бы эту ошибку (то же отсутствие определения допускало утверждать, что демократия встречается одинаково в начале и в конце истории; истина в том, что первоначальная демократия и демократия нашего времени очень различны).

В других случаях очень стараются определить подлежащий исследованию объект; но вместо того, чтобы включить в определение и сгруппировать под одной и той же рубрикой все явления, имеющие одни и те же внешние свойства, между ними производят сортировку. Выбирают некоторые из них и за одними этими избранниками признают право иметь данные свойства. Что же касается остальных, то их принимают как бы за узурпаторов этих отличительных признаков и с ними не считаются. Но легко предвидеть, что таким образом можно получить лишь субъективное и искаженное понятие. Действительно, указанное исключение может быть сделано лишь по предвзятой идее, потому что в начале науки никакое исследование не успело еще установить наличность подобной узурпации, предполагая даже, что она возможна. Выбранные явления были взяты лишь потому, что они более других отвечали тому идеальному представлению, которое составилось о данной реальности...

...Но скажут, определять явления по их видимым признакам, не значит ли давать поверхностным свойствам перевес над основными атрибутами; не значит ли это извратить Логический порядок, опираться на их вершины, а не на их основания?

Так, определяя преступление при помощи понятия о наказании, почти неизбежно подвергают себя обвинению в желании вывести преступление из наказания, или по известной цитате, в желании видеть источник стыда в эшафоте, а не в искупаемом действии. Но упрек покоится на смешении. Так как определение, правило которого мы только что дали, помещается в начале науки, то оно не может выражать сущность действительности, оно должно лишь доставить нам возможность достигнуть этого в будущем. Единственная его функция заключается в том, чтобы привести нас в соприкосновение с предметами, а так как последние доступны разуму лишь извне, то оно и выражает их по их внешности. Но оно не объясняет их; оно доставляет лишь начальную точку опоры, необходимую нам для объяснения. Конечно, не наказание создает преступление, но лишь посредством его преступление обнаруживает-

ся внешним образом, и от него поэтому мы должны отправляться, если хотим прийти до понимания преступления.

Так как внешность предметов дается нам ощущением, то, резюмируя, можно сказать, что наука, чтобы быть объективной, должна отправляться не от понятий, образовавшихся без нее, а от ощущений. Она должна заимствовать прямо у чувственных данных элементы своих первоначальных определений. И действительно, достаточно представить себе, в чем состоит дело науки, чтобы понять, что она не может действовать иначе. Ей нужны представления, точно воспроизводящие предметы таковыми, каковы они суть, а не такими, какими их полезно представлять себе для практики. Те же представления, которые установились без ее помощи, не отвечают этому условию. Нужно, следовательно, чтобы она создала новые и чтобы для этого, устраняя общепринятые понятия и слова, их выражающие, она вернулась к ощущению, первой и необходимой основе всякого понятия.

От ощущения исходят все общие идеи, истинные и ложные, научные или не научные. Точка отправления науки умозрительного значения не может, следовательно, быть иной, чем точка отправления обыденного или практического знания.

Лишь потом, в способе обработки общего содержания начинаются различия. Но ощущение легко может быть субъективным. Поэтому в естественных науках принято за правило устранять чувственные данные, рискующие быть слишком субъективными, и удерживать исключительно те, которые представляют достаточную степень объективности. Таким образом, физик заменяет неясные впечатления, производимые температурой или электричеством, зрительными представлениями колебаний термометра или электрометра. Социолог должен прибегать к тем же предосторожностям. Внешние признаки, на основании которых он определяет объект своих исследований, должны быть объективны, насколько только это возможно. Ложно принять за правило, что социальные факты тем легче могут быть представлены объективно, чем более освобождены они от индивидуальных фактов, их проявляющих.

Действительно, ощущение тем объективнее, чем постоянное объект, к которому оно относится, так как условием всякой объективности является существование постоянной и неизменной точки опоры, к которой могло бы быть отнесено представление и которая давала бы возможность исключить из него все изменчивое, т.е. субъективное. Если единственно данная основа изменчива и никогда не остается себе равной, то нет никакой общей меры, и у нас нет никакого средства различать, что в наших впечатлениях зависит от внешнего мира и что исходит от нас. Но пока социальная жизнь не изолирована и не поставлена самостоятельно от воплощающих ее событий, она обладает именно этим свойством, вследствие того, что события эти в разных случаях и с

минуты на минуту меняют свой вид и сообщают ей свою подвижность, раз она не отделена от них. Она состоит тогда из ряда свободных течений, которые постоянно находятся на пути к изменению и не могут быть схвачены взором наблюдателя в одной определенной форме. Значит, это не та сторона, с которой ученый может приступить к изучению социальной действительности. Но мы знаем, что последняя представляет ту особенность, что, не переставая быть самой собой, она способна кристаллизоваться. Вне индивидуальных действий, ими возбуждаемых, коллективные привычки выражаются в определенных формах, юридических и нравственных правилах, народных поговорках, фактах социальной структуры и т.д. Так как эти формы устойчивы и не меняются с различными применениями, делаемыми из них, то они составляют постоянный объект, постоянную меру, всегда доступную наблюдателю и не оставляющую места для субъективных впечатлений и чисто личных наблюдений. Постановление права есть то, что оно есть, и нет двух способов понимать его. Так как, с другой стороны, эти постановления являются лишь консолидированной социальной жизнью, то правильно – если нет указаний на противоположное – изучать последнюю через них.

Когда, следовательно, социолог предпринимает исследование какого-нибудь класса социальных фактов, он должен попытаться рассматривать их с той стороны, с которой они представляются изолированными от своих индивидуальных проявлений.

Мы можем, следовательно, выставить три следующих правила:

1. Социальный факт нормален для данного социального типа, рассматриваемого в определенном фазисе его развития, когда он имеет место в большинстве принадлежащих к этому виду обществ, взятых в соответствующем фазисе их эволюции.

2. Можно проверить выводы предшествующего метода, показав, что всеобщее распространение явления зависит от общих условий коллективной жизни данного социального типа.

3. Эта проверка необходима, когда факт относится к социальному виду, не закончившему процесса своего полного развития...

...Вышеизложенные правила являются не простым и мало полезным удовлетворением логического формализма, наоборот, в зависимости от их применения, самые существенные социальные факты изменяют свой характер...

...Если же оставить в стороне индивида, останется лишь общество; следовательно, объяснения социальной жизни нужно искать в природе самого общества. Действительно, раз оно бесконечно превосходит индивида как во времени, так и в пространстве, оно в силах внушить ему образы действий и мысли, освященные его авторитетом. Это давление, являющееся отличительным признаком социальных фактов, есть давление всех на каждого.

Но, скажут, так как единственные элементы, из которых составлено общество, суть индивиды, то первичная основа социологических явлений может быть только психологической. Рассуждая таким образом, можно так же легко доказать, что биологические явления с помощью анализа объясняются явлениями неорганическими. Действительно, вполне достоверно, что в живой клетке находятся лишь молекулы неодушевленной материи. Только они ассоциированы в ней; эта ассоциация и служит причиной новых явлений, характеризующих жизнь; явлений, даже зародыш которых невозможно найти ни в одном из ассоциированных элементов. Это потому, что целое не тождественно сумме своих частей, оно является чем-то иным, со свойствами, отличными от свойств, составляющих его элементов. Ассоциация не есть, как думали прежде, явление само по себе безразличное, лишь внешним образом связующее добытые факты и констатированные свойства. Не является ли она, наоборот, источником всех своих новообразований, последовательно возникавших в течение общей эволюции? Какое же различие, если не различие в ассоциации, существует между низшими организмами и остальными, между живым организмом и клеткой, между последней и неорганическими молекулами, ее составляющими? Все эти существа, в конце концов, разлагаются на элементы одной и той же природы; но эти элементы в одном случае слеплены, в другом ассоциированы; в одном ассоциированы одним способом, в другом – другим. Мы имеем даже право спросить себя, не проникает ли этот закон и в минеральное царство, и не отсюда ли происходят различия неорганических тел?

В силу этого принципа общество представляет собой не простую сумму индивидов, но систему, образовавшуюся от ассоциации их и представляющую своего рода реальность (*sui generis*), наделенную своими особыми свойствами. Конечно, коллективная жизнь предполагает существование индивидуальных сознаний; но этого необходимого условия недостаточно. Нужно еще, чтобы эти сознания были ассоциированы, скомбинированы известным образом; из этой комбинации вытекает социальная жизнь, и потому эта комбинация и объясняет ее. Сплачиваясь друг с другом, взаимно дополняя и проникая друг в друга, индивидуальные души дают начало новому существу, если угодно, психическому, но представляющему психическую индивидуальность иного рода.

Следовательно, в природе этой индивидуальности, а не в природе составляющих ее единиц нужно искать ближайших и определяющих причин, относящихся к ней фактов. Группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если они были бы разъединены. Если, следовательно, отправляются от этих последних, то не поймут ничего из того, что происходит в группе. Одним словом, между психологией и социологией та же пропасть, как между биологией и науками физико-химическими. Поэтому всякий раз, когда социальное

явление прямо объясняется психическим явлением, можно быть уверенным, что объяснение ложно.

Быть может, возразят, что если общество уже сложилось и является действительно ближайшей причиной социальных явлений, то, однако, причины, приведшие к образованию этого общества, психологические. В данном случае согласны с тем, что, когда индивиды ассоциированы, их ассоциация может произвести новую жизнь, но предполагают, что сама ассоциация может возникнуть лишь по причинам, коренящимся в индивиде.

Но в действительности, как бы далеко ни заглядывали вглубь истории, факт ассоциации окажется наиболее обязательным из всех, так как он источник всех других обязательств. Вследствие моего рождения я обязательно связан с определенным народом. Говорят, что впоследствии, сделавшись взрослым, я даю согласие на это обязательство уже тем, что продолжаю жить в моей стране. Но что за важность? Это согласие не лишает его повелительного характера. Принятое и охотно переносимое давление все-таки остается давлением. К тому же, какую силу может иметь это согласие? Во-первых, оно вынуждено, так как в ближайшем большинстве случаев нам материально и нравственно невозможно отделаться от нашей национальности; такая перемена считается обыкновенно даже отступничеством. Затем, оно не может касаться прошлого, на которое мы не могли согласиться и которое, однако, определило настоящее: я не желал того воспитания, которое получил, оно же более всякой другой причины прикрепляет меня к родной почве. Наконец, это согласие не может иметь нравственной цены для будущего в той мере, в какой последнее неизвестно. Я не знаю даже всех тех обязанностей, которые могут быть когда-нибудь наложены на меня, как на гражданина; как же я могу заранее согласиться на них? Источник же всего обязательного, как мы это доказали, находится вне индивида. Пока, следовательно, не выходят за пределы истории, факт ассоциации имеет тот же характер, как и остальные, и вследствие этого объясняется таким же образом. С другой стороны, так как все общества произошли от других обществ, то можно быть уверенным, что в течение всей социальной эволюции не было ни одного момента, когда индивидам приходилось бы решать, вступить ли им в общежитие и в какое именно общежитие. Для того, чтобы поставить вопрос об этом, нужно было вернуться к началу великого общежития. Но всегда сомнительные решения подобных проблем ни в каком случае не могут поколебать тот метод, которому должны следовать при обсуждении доставленных историй фактов. Нам, следовательно, нет надобности останавливаться на них.

Но было бы странным непониманием нашей мысли, если бы из предыдущего вывели заключение, что социология, по нашему мнению, должна или может оставить в стороне человека и его способности. На-

оборот, ясно, что общие свойства человеческой природы участвуют в выработке социальной жизни. Только не они вызывают ее и не они дают ей ее особую форму; они лишь делают ее возможной. Производящими причинами коллективных представлений, эмоций, стремлений являются не известные состояния индивидов, а условия, в которых находится социальное тело в его целом. Конечно, они могут реализоваться лишь при условии, что индивидуальные свойства не противятся этому; но последние являются лишь бесформенной материей, которую социальный фактор определяет и преобразует. Их содействие выражается исключительно в создании очень общих состояний, неясных и потому изменчивых предрасположений, которые сами по себе, без помощи постороннего фактора, не могли бы принять определенных и несложных форм, характеризующих социальные явления.

Какая бездна, например, существует между чувствами, испытываемыми человеком перед силами, превосходящими его силу, и религией с ее верованиями, с ее столь многочисленными и сложными обрядами, с ее материальной и нравственной организацией; между психическими условиями симпатии, испытываемой двумя существами одной крови друг к другу, и совокупностью юридических и нравственных правил, определяющих строение семьи, отношения людей между собой, отношение их к вещам и т.д.! Мы видели, что даже в таком обществе, как неорганизованная толпа, коллективные чувства, возникающие в ней, могут не только не походить, но и быть противоположными средним индивидуальным чувствам. Насколько больше должно быть различие, когда индивид испытывает давление настоящего общества, где к действию современников присоединяется действие предыдущих поколений и традиций. Чисто психологическое объяснение социальных фактов не преминет, следовательно, упустить из виду все то, что в них находится специфического, то есть социального.

Несостоятельность этого метода ускользает от глаз стольких социологов, потому что, принимая следствие за причину, они очень часто считали определяющими условиями социальных явлений известные, относительно определенные, особенные психические состояния, которые *de facto* представляют следствие их. Так, считали врожденным человеку известное религиозное чувство, известный минимум половой ревности, детской или родительской любви и т.д., и ими хотели объяснить религию, брак, семью. Но история показывает, что эти наклонности вовсе не неизменно присущи человеческой природе, они или вполне отсутствуют при известных социальных условиях, или представляют такие видоизменения от одного общества к другому, что остаток, получающийся по исключении всех этих различий и один только могущий претендовать на чисто психологическое происхождение, превращается в нечто неопределенное и схематическое, оставляющее факты, нуждаю-

щиеся в объяснении, на бесконечном расстоянии. Это значит, что эти чувства вытекают из коллективной организации, а не служат ее основанием. Даже не доказано, что стремление к общежитию было прирожденным инстинктом человечества. Гораздо естественнее видеть в нем постепенно выработавшийся в нас продукт социальной жизни, так как познано наблюдением, что животные склонны к общественной жизни или нет, смотря по тому, вынуждаются ли они к ней условиями обитаемой ими местности. И нужно прибавить, что даже между этими более определенными склонностями и социальной реальностью остается еще довольно значительное расстояние.

Существует, впрочем, средство почти совершенно изолировать психологический фактор для того, чтобы можно было выяснить пространство его действия; для этого надо определить, каким образом относится к социальной эволюции раса. Действительно, этнографические свойства принадлежат к разряду органо-психических явлений. Следовательно, с изменением их должна изменяться социальная жизнь, если только психологические явления имеют для общества то значение причины, которое им приписывают. А мы не знаем ни одного социального явления, которое находилось бы в безусловной зависимости от свойства расы. Конечно, мы не можем приписывать этому положению силу законов; но мы можем, по крайней мере, утверждать его как факт, почерпнутый нами из практики. Самые разнообразные формулы организации встречаются в обществах одной и той же расы, и в то же время наблюдаются самые поразительные сходства между обществами разных рас. Гражданская община существовала у финикийцев так же, как у римлян и греков, и находится в процессе образования у кабиллов. Патриархальная семья была почти так же развита у евреев, как и у индусов, но она не встречается у славян, которые между тем принадлежат к арийскому племени. Зато семейный тип, встречаемый у них, существует также и у арабов. Материнская семья и класс встречаются повсюду. Подробности судопроизводства, брачных обрядов и пр. одни и те же у народов, различных с этнографической точки зрения. Если это так, то значит психический элемент слишком общ для того, чтобы предопределять течение социальных явлений. Так как он не содержит в себе требования какой-нибудь социальной формы предпочтительно перед другой, то, значит, он не может объяснить ни одной.

Наконец, если правда, что источник социальной эволюции лежит в психической организации человека, то непонятно, как могла бы она возникнуть. Тогда бы пришлось допустить, что двигателем ее является известная внутренняя пружина, таящаяся в человеческой природе. Но какая же пружина? Не тот ли инстинкт, о котором говорит Конт и который побуждает человека все более и более реализовать свою природу? Но признать это – значило бы ответить вопросом на вопрос и объяснять

прогресс врожденной склонностью к прогрессу, настоящей метафизической сущностью, ничем, притом, недоказанной, так как разные виды животных, даже наиболее развитые, не испытывают никакой потребности прогрессировать, и даже между человеческими обществами много таких, которые остаются неподвижными неопределенное время. Или, как это думает Спенсер, такой пружиной является потребность наибольшего счастья, которая все полнее удовлетворяется более сложными формами цивилизации? Тогда следовало бы доказать, что счастье возрастает вместе с цивилизацией...

Мы пришли, таким образом, к следующему правилу: определяющая причина данного социального факта должна быть отыскиваема среди предшествующих социальных фактов, а не в состояниях индивидуального сознания. С другой стороны, вполне ясно, что все предыдущее относится как к определению функции, так и к определению причины. Функция социального факта может быть лишь социальной, то есть она заключается лишь в произведении социальнополезных результатов. Конечно, может случиться и действительно случается, что отраженным путем он служит также и индивиду. Но этот счастливый результат непосредственно его не оправдывает. Мы можем, следовательно, дополнить предыдущее положение, сказав, что: функции социального факта надо искать в его отношении к какой-нибудь социальной цели.

Вследствие того, что социологи часто забывали это правило и рассматривали социальные явления со слишком психологической точки зрения, их теории и кажутся многим умам слишком туманными, шаткими и удаленными от особой природы явлений, которые они хотят объяснить. Особенно историк, близко знакомый с социальной реальностью, не может резко почувствовать, насколько неспособны эти слишком общие толкования связать факты; и отсюда, без сомнения, происходит отчасти то недоверие, которое часто высказывала история к социологии. Это, конечно, не значит, что изучение психических фактов не нужно социологу. Если коллективная жизнь и не вытекает из жизни индивидуальной, то все же они тесно между собою связаны; если вторая не может объяснить первую, то она может, по крайней мере, облегчить ее объяснение. Во-первых, как мы указали, бесспорно, что социальные факты являются результатами особой обработки фактов психических. Но, кроме того, самая эта обработка отчасти аналогична той, которая происходит во всяком индивидуальном знании и постепенно все более видоизменяет составляющие его первичные элементы (ощущения, рефлексy, инстинкты). Не без основания можно сказать о «я», что оно само есть общество так же, как и организм, хотя и иного рода, и давно уже психологи отметили всю важность фактора ассоциации для объяснения жизни духа. Знакомство с психологией еще больше, чем изучение биологии, составляет необходимую пропедевтику для социолога. Но оно будет

полезно ему лишь в том случае, если он, приобретая его, освободится от его подавляющего влияния и выйдет за пределы данных психологии, дополняя их изучением специально социологическим. Нужно, чтобы он отказался делать из психологии в некотором роде центр своих операций, от которого должны исходить и к которому должны возвращаться его экскурсии в мир социальных явлений; нужно, чтобы он проник в сокровенную глубь социальных фактов, наблюдал их прямо, непосредственно, ища в науке об индивиде лишь общей подготовки, а в случае нужды и полезных указаний.

Так как факты социальной морфологии носят тот же характер, как и факты физиологические, то при объяснении их также следует руководиться только что изложенными правилами. Однако из предыдущего следует, что им принадлежит господствующая роль в коллективной жизни, а вследствие этого и в социологической науке.

Действительно, если факт ассоциации, как мы на это указывали выше, имеет решающее значение для явлений, то последние должны изменяться вместе с формами этой ассоциации, то есть смотря по способам группировки составных частей обществ. А так как, с другой стороны, известное целое, образующееся от соединения разнородных элементов, входящих в состав общества, образует внутреннюю среду последнего (точно так же, как совокупность анатомических элементов, известным образом соединенных и размещенных в пространстве, составляет внутреннюю среду организмов), то можно сказать: начало каждого социального процесса, представляющего некоторую важность, должно быть отыскиваемо в устройстве внутренней социальной среды...

Поэтому главное усилие социолога должно быть направлено к тому, чтобы найти различные свойства этой среды, способные оказать влияние на развитие социальных явлений. До сих пор мы нашли два ряда свойств, вполне отвечающих условию; это число социальных единиц, или, как мы уже сказали, величина общества и степень концентрации массы, то, что мы назвали динамической плотностью. Под этим словом нужно разуместь не чисто материальную сплоченность агрегата, которая не может иметь значения, если индивиды, или, скорее, группы индивидов разделены нравственными пустотами, но нравственную сплоченность, для которой первая служит лишь вспомогательным средством, а довольно часто и следствием. Динамическая плотность, при равной величине общества, определяется числом индивидов, действительно находящихся не только в коммерческих, но и в нравственных отношениях, то есть не только обменивающихся услугами или конкурирующих друг с другом, но и живущих общей жизнью. Так как при чисто экономических отношениях люди остаются чужды друг другу, то можно вести долгое время отношения этого рода, не участвуя в коллективной жизни. Сношения, завязывающиеся через границы, разделяющие

народы, не делают этих границ не существующими. Общая же жизнь может зависеть лишь от тех, кто действительно в ней сотрудничает. Вот почему степень сращения социальных сегментов лучше всего выражает динамическую плотность какого-нибудь народа. Так как если всякий отдельный агрегат составляет одно целое, особую, отличную от других индивидуальность, то это значит, что деятельность его членов обыкновенно локализована в пределах агрегата, если же, наоборот, эти отдельные общества слились или стремятся слиться в единых целях, то это значит, что в той же мере расширялась сфера социальной жизни.

Что же касается материальной плотности, – под ней разумеется не только число жителей на единице поверхности, но и развитие путей сообщения и переселений, – то она развивается обыкновенно параллельно динамической плотности и в общем может служить масштабом для измерения последней. Так как если различные части народонаселения стремятся сблизиться, то они неизбежно должны пролагать себе пути для этого сближения; с другой стороны, между отдельными пунктами социальной массы могут установиться сношения лишь тогда, когда расстояние, их разделяющее, не является препятствием, то есть, когда оно на самом деле сокращено. Впрочем, существуют исключения..., и мы сделали бы серьезные ошибки, если бы всегда судили о нравственной концентрации общества по степени его материальной концентрации. Дороги, железные дороги и пр. могут служить деловым сношениям более, чем сближению народов, и выразят тогда весьма несовершенно это последнее. Так, в Англии, отличающейся большей материальной плотностью, чем Франция, срастание сегментов гораздо менее подвинулось вперед, что доказывается стойкостью местной и областной жизни... Всякое увеличение в размере и динамической плотности обществ, делая социальную жизнь более интенсивной, расширяя умственный горизонт и сферу деятельности индивидов, глубоко изменяет основные условия коллективного существования...

Сказанное нами об общей среде общества вполне применимо и к среде всякой группы, заключающейся в обществе. Так, например, смотря по большей или меньшей многочисленности и замкнутости семьи, резко изменяется характер домашней жизни. Точно так же, если бы профессиональные корпорации изменились таким образом, что каждая из них распространилась бы по всей территории, вместо того, чтобы оставаться как прежде заключенной в пределах одной общины, то очень изменилась бы и их деятельность. Говоря вообще, профессиональная жизнь будет совсем иной, смотря по тому, будет ли среда, пригодная для каждой профессии, организована прочно или же слабо, как теперь. Однако действие этих специальных сред не может быть так же важно, как действие общей среды, так как первые подвержены влиянию по-

следней и к ней приходится всегда возвращаться. Ее давление на частные группы и обуславливает изменения в их устройстве.

Этот взгляд на социальную среду как на определяющий фактор коллективной эволюции в высшей степени важен, так как если отбросить его, то социология не сможет установить никакой причинной зависимости.

Действительно, раз устранен этот разряд причин, то не существует совокупности условий, от которых могли бы зависеть социальные явления, так как если внешняя социальная среда, то есть – среда, составленная окружающими обществами, и способна иметь какое-нибудь влияние, то лишь на оборонительные и наступательные действия общества и, кроме того, она может обнаружить свое влияние лишь через посредство внутренней социальной среды. При признании ее главной причиной исторического развития находились бы не среди текущих событий, а лежали бы всецело в прошлом. Они сами были бы частями этого развития, лишь более древними его фазисами. Современные события социальной жизни вытекали бы не из современного состояния общества, а из событий предшествовавших, из исторического прошлого, и социологические объяснения сводились бы исключительно к установлению связи между прошлым и настоящим.

Правда, может показаться, что этого достаточно. Не говорят ли обыкновенно, что цель истории состоит именно в том, чтобы связать события в порядке их преемственности? Непонятно, однако, каким образом данная ступень цивилизации может служить определяющей причиной следующей за ней ступени культурного развития. Этапы, которые постепенно пробегает человечество в своем культурном развитии, не возникают одни из других. Понятно, что успехи, достигнутые в определенную эпоху в юридическом, экономическом, политическом строе и т.д., делают возможными дальнейшие успехи, но в чем же они их предопределяют? Они служат точкой отправления, позволяющей нам идти дальше, но что же побуждает нас идти дальше? Здесь нужно было бы допустить внутреннее стремление, толкающее человечество идти все дальше и дальше, возможно, для того чтобы вполне выразить свою природу, чтобы увеличить свое счастье, и задачей социологии было бы тогда отыскание порядка развития этого стремления. Но даже оставляя в стороне все трудности, связанные с этой гипотезой, во всяком случае надо признать, что закон, выражающий это развитие, не устанавливает никакого отношения. Действительно, последнее может быть установлено лишь между двумя данными фактами, а указанное стремление, признаваемое причиной развития, не дано, оно лишь предположено и выведено разумом из тех действий, которые ему приписывают. Это — роль двигательной способности, которую мы для уяснения себе движений воображаем лежащую в их основе; однако, действительной причиной

какого-нибудь движения может быть лишь другое движение, а не подобная способность к движению. Следовательно, экспериментальным путем мы нашли бы лишь ряд изменений, между которыми нет причинной связи. Предшествующее состояние не производит последующее, отношение между ними исключительно хронологическое. При таких условиях никакое научное предсказание невозможно. Мы можем сказать, как явления следовали друг за другом до сих пор, но не можем знать, как они будут следовать друг за другом в будущем, потому что причина, от которой они признаются зависящими, не определена и не может быть определена наукой. Правда, обыкновенно допускают, что эволюция будет продолжаться в том же направлении, в каком она шла раньше, но это простое предположение. Ничто не убеждает нас, что реализованные факты достаточно полно выражают характер указанного стремления для того, чтобы можно было предсказать тот предел, к которому она стремится, по пройденным им стадиям развития. Почему направление, в котором оно развивается и которое оно сообщает, должно быть прямолинейным?

Вот почему фактически число причинных отношений, установленных социологами, так ограничено. За немногими исключениями, наиболее блестящим примером которых является Монтескье, древняя философия истории старалась только открыть общее направление, в котором движется человечество, не пытаясь связать фазисы этой эволюции с каким-нибудь сопутствующим условием. Как ни велики услуги, оказанные Контом социальной философии, но пределы, в которые он заключает социологическую проблему, не отличаются от предыдущих. Поэтому его знаменитый закон трех стадий развития не выражает никакого отношения причинности; даже если он верен, он все же может быть лишь эмпирическим. Это общий, суммированный взгляд на протекшую историю человечества. Вполне произвольно Конт считает третью стадию конечным состоянием человечества. Откуда мы знаем, что в будущем не возникнет нового состояния? Наконец, закон, господствующий в социологии Спенсера, по-видимому, такого же характера. Даже если правда, что теперь мы склонны искать счастье в промышленной цивилизации, то ничто не убеждает нас в том, что в будущем мы не будем искать его в чем-нибудь другом. Распространенность и устойчивость рассматриваемого метода объясняется тем, что в социальной среде видели средство, которым реализуется прогресс, а не причину, которой он определяется.

С другой стороны, отношением к этой среде должна измеряться также полезность, или, как мы сказали, функция социальных явлений. Среди причиняемых ею изменений пригодны лишь те, которые отвечают ее состоянию, так как она является необходимым условием коллективного существования. С этой точки зрения только что изложенный

взгляд является, думается нам, решающим, потому что лишь он объясняет, каким образом полезный характер социальных явлений может изменяться, не находясь в то же время в зависимости от произвольных устройств.

Вопрос, о котором мы сейчас говорили, тесно связан с вопросом об установлении социальных типов. Если существуют социальные виды, то это значит, что коллективная жизнь зависит прежде всего от комбинаций условий, представляющих известное разнообразие. Если бы, наоборот, главные причины социальных явлений были все в прошлом, то каждый народ был бы лишь продолжением народа предшествовавшего, разные общества потеряли бы свою индивидуальность и стали бы лишь различными моментами одного и того же развития.

С другой стороны, так как организация социальной среды настолько зависит от способа образования социальных агрегатов, что оба эти выражения в сущности даже синонимы, то у нас есть теперь доказательство того, что нет признаков более существенных, чем указанные нами как основание социологической классификации.

Наконец, теперь ясно более, чем прежде, насколько несправедливо было бы, основываясь на словах «внешние условия» и «среда», обвинять наш метод в том, что он ищет источники жизни вне живого. Со всем наоборот, все только что прочитанные рассуждения сводятся к той идее, что причины социальных явлений находятся внутри общества...

Так как превосходство общества над индивидом не только физическое, но интеллектуальное и нравственное, то ему нечего бояться свободного исследования, если только последнее ведется правильно. Разум, показывая человеку, насколько социальное бытие богаче, сложнее, прочнее бытия индивидуального, может лишь открыть ему ясные основания для требуемого от него повиновения и для чувств привязанности и уважения, которые привычка запечатлела в его сердце...

Вот почему не всякое принуждение нормально. Этого имени заслуживает лишь принуждение, отвечающее какому-нибудь социальному превосходству, т.е. интеллектуальному или моральному. Но принуждение, которое оказывает один индивид на другого, пользуясь тем, что он сильнее или богаче, особенно если это богатство не выражает его общественного значения, не нормально и может поддерживаться только путем насилия.

Поэтому лишь очень поверхностная критика может упрекнуть наш взгляд на общественное принуждение в том, что он повторяет теорию Гоббса и Маккиавели. Но если, в противоположность этим философам, мы утверждаем, что социальная жизнь естественна, то это не значит, что мы находим источник ее в природе индивида; это значит только, что она прямо вытекает из коллективного существа, которое само по себе является реальностью *sui generis*; это значит, что она получается от той спе-

циальной обработки, которой подвергаются индивидуальные сознания в силу факта ассоциации и откуда берет свое начало новая форма существования...

Дюркгейм Э. Метод социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. – М., 1996. – С. 256–304.

Э. Дюркгейм Об обществе

«Если попытаться мысленно установить идеальный тип общества, сплоченность которого проистекала бы исключительно из сходств, то надо представить его себе как абсолютно однородную массу, части которой не отличаются друг от друга и, следовательно, не прилажены друг к другу, – словом, лишены всякой... определенной цели и организации. Это была бы настоящая социальная протоплазма, зародыш, откуда возникли все социальные типы. Мы предлагаем назвать охарактеризованный таким образом агрегат ордой.

Правда, еще не наблюдали доподлинно общества, которое бы во всем соответствовало этим признакам. Однако можно постулировать его существование, так как низшие общества, т. е. те, которые наиболее близки к этой первобытной стадии, образованы путем простого повторения агрегатов этого рода.

Первобытные общества – излюбленное место механической солидарности.

Действительно, коммунизм – необходимый продукт этой (первобытной) особой сплоченности, поглощающей индивида в группе, часть в целом. Собственность, в конце концов, это только распространение личности на вещи. Значит, там, где существует только коллективная личность, собственность также не может не быть коллективной. Она сможет стать индивидуальной только тогда, когда индивид, выделившись из массы, станет также личным, отдельным существом, не только в качестве организма, но и как фактор социальной жизни...

Совсем иная структура свойственна обществам, где преобладает органическая солидарность.

Они строятся не повторением однородных и подобных сегментов, но посредством системы различных органов, каждый из которых имеет специальную роль и которые сами состоят из дифференцированных частей. Социальные элементы здесь не одной природы, и в то же время они расположены неодинаково. Они не расположены в линейный ряд, как кольца у кольчатых, не вложены один в другие, но скоординированы и субординированы вокруг одного центрального органа, оказывающего на остальную часть организма умеряющее воздействие. Сам этот орган не имеет уже того характера, что в предыдущих случаях, ибо, ес-

ли другие органы зависят от него, то и он, в свою очередь, зависит от них. Несомненно, он также находится в особом и, если угодно, привилегированном положении; но оно порождено сущностью исполняемой им роли, а не какой-нибудь внешней по отношению к его функциям причиной, не какой-нибудь сообщенной ему извне силой. Поэтому он вполне человеческий и мирской; между ним и другими органами различия только в степени...

Этот социальный тип по своим принципам настолько отличается от предыдущего, что может развиваться только в той мере, в какой этот последний исчез. Индивиды в самом деле группируются здесь уже не в соответствии со своим происхождением, но в соответствии с особой природой социальной деятельности, которой они себя посвящают.

...Общество – не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами. Конечно, коллективная жизнь предполагает существование индивидуальных сознаний, но этого необходимого условия недостаточно. Нужно еще, чтобы сознаний были ассоциированы, скомбинированы, причем скомбинированы определенным образом. Именно из этой комбинации проистекает социальная жизнь, а потому эта комбинация и объясняет ее...

Группа думает, чувствует, действует совершенно иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были разъединены».

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – С. 166–173, 493, 494.

К. Маркс **Капитал (Т. 3. Гл. 52. Классы)**

Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответственными источниками доходов которых является заработная плата, прибыль и земельная рента, следовательно, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства.

В Англии современное общество, с точки зрения его экономической структуры, получило бесспорно наиболее широкое, наиболее классическое развитие. Однако и здесь указанное классовое деление не выступает еще в чистом виде. Даже и здесь средние и переходные ступени везде затемняют строгие границы между классами (правда, в деревне несравненно меньше, чем в городах). Впрочем это безразлично для нашего исследования. Мы видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства все больше и больше отделяются от труда, что

распыленные средства производства все больше концентрируются в большие группы, что, таким образом, труд превращается в наемный труд, а средства производства – в капитал. И этой тенденции соответствует, с другой стороны, самостоятельное отделение земельной собственности от капитала и труда, то есть превращение всякой земельной собственности в форму земельной собственности, соответствующую капиталистическому способу производства.

Ближайший вопрос, на который мы должны ответить, таков: что образует класс, – причем ответ этот получается сам собой, раз мы ответим на другой вопрос: благодаря чему наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших общественных класса?

На первый взгляд, это – тождество доходов и источников дохода. Перед нами три большие общественные группы, компоненты которых – образующие их индивидуумы – живут соответственно на заработную плату, прибыль и земельную ренту, живут использованием своей рабочей силы, своего капитала и своей земельной собственности.

Но с этой точки зрения, врачи и чиновник, например, образовали бы два класса, так как они принадлежат к двум различным общественным группам, причем члены каждой из этих двух групп получают свои доходы из одного и того же источника. То же было бы верно и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда среди рабочих, как и среди капиталистов и земельных собственников, – последние делятся, например, на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников, рыбных угодий,

[Здесь рукопись обрывается.]

Примечания д-ра. соц. наук., профессора В.И. Ильина

Несмотря на то, что единственная работа, посвященная теории класса, обрывается, едва начавшись, считать, что Маркс так и не объяснил содержание ключевого понятия своей концепции, нет оснований. Определение класса у Маркса отсутствует, однако его главный труд – «Капитал» – дает технологию воспроизводства классов капиталистического общества.

Хотя Маркс нигде прямо не отвечает на вопрос, какие общества являются классовыми, однако его классовая теория применима лишь к капиталистическому обществу. Использование же понятия класса применительно к другим типам общества можно рассматривать не как вытекающее из его концепции, а как случайное словоупотребление. Однако такая интерпретация марксовской концепции класса не является широко распространенной. Чаще всего марксову концепцию класса распространяют на все типы общества, исключая первобытный коммунизм.

В этом отрывке Маркс обращает внимание на опасность, с которой может столкнуться социологическая теория: общество может распасться на бесчисленное множество классов, что приводит к самоуничтожению самого понятия класса. Именно с этой проблемой столкнулось веберизанство, когда встала проблема перехода от теоретического анализа рыночных ситуаций к эмпирическому.

Маркс К., Ф. Энгельс. Капитал //Избранные сочинения. – М.: Политиздат, 1988. Т. 9. Ч. II. – С. 415–416.

М. Вебер

О некоторых категориях понимающей социологии

Смысл «пони­мающей» социологии

В поведении людей (внешнем и внутреннем) обнаруживаются, как и в любом процессе, связи и регулярность. Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, которые могут быть понятно истолкованы. Полученное посредством истолкования понимание поведения людей содержит специфическую, весьма различную по своей степени качественную очевидность. Тот факт, что толкование обладает такой очевидностью в особенно высокой степени, сам по себе отнюдь не свидетельствует о его эмпирической значимости. Ибо одинаковое по своим внешним свойствам и по своему результату поведение может основываться на самых различных конstellляциях мотивов, наиболее понятная и очевидная из которых отнюдь не всегда является определяющей. Понимание связи всегда надлежит – насколько это возможно – подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения, прежде чем принять пусть даже самое очевидное толкование в качестве значимого понятного объяснения. Наибольшей очевидностью отличается целерациональная интерпретация.

Целерациональным мы называем поведение, ориентированное только на средства, (субъективно) представляющиеся адекватными для достижения (субъективно) однозначно воспринятой цели. Мы понимаем отнюдь не только целерациональное поведение, мы понимаем и типические процессы, основанные на аффектах, и их типические последствия для поведения людей. Понятное не имеет четких границ для эмпирических дисциплин. Экстаз и мистическое переживание, так же как известные типы психопатических связей или поведение маленьких детей (а также не интересующее нас в данной связи поведение животных), недоступны нашему пониманию и основанному на нем объяснению в такой мере, как другие процессы. Дело не в том, что нашему пониманию и объяснению недоступно отклонение от нормального как таковое. Напротив, именно постигнуть совершенно понятное и вместе с тем про-

стое, полностью соответствующее правильному типу (в том смысле, который будет вскоре пояснен) может быть задачей, значительно превышающей средний уровень понимания.

«Не надо быть Цезарем, чтобы понимать Цезаря» – как принято говорить. В противном случае заниматься историей вообще не имело бы никакого смысла. И наоборот, существуют явления, рассматриваемые нами как собственные, а именно психические, совершенно будничные реакции человека, которые, однако, в своей взаимосвязи вообще не обладают качественно специфической очевидностью, свойственной понятному. Так, например, процесс тренировки памяти и интеллекта лишь частично доступен пониманию – ничуть не более, чем ряд психопатических проявлений. Поэтому науки, основанные на понимании, рассматривают устанавливаемую регулярность в подобных психических процессах совершенно так же, как закономерности физической природы. Из специфической очевидности целерационального поведения не следует, конечно, делать вывод о том, что социологическое объяснение ставит своей целью именно рациональное толкование. Принимая во внимание роль, которую в поведении человека играют иррациональные по своей цели аффекты и эмоциональные состояния, и тот факт, что каждое целерационально понимающее рассмотрение постоянно наталкивается на цели, которые сами по себе уже не могут быть истолкованы как рациональные средства для других целей, а должны быть просто приняты как целевые направленности, не допускающие дальнейшего рационального толкования, – даже если их возникновение как таковое может служить предметом дальнейшего психологически понятного объяснения, – можно было бы с таким же успехом утверждать прямо противоположное. Правда, поведение, доступное рациональному толкованию, в ходе социологического анализа понятных связей очень часто позволяет конструировать наиболее подходящий «идеальный тип».

Социология, подобно истории, дает сначала прагматическое истолкование, основываясь на рационально понятных связях действий. Именно так создается в политической экономии рациональная конструкция экономического человека. Такой же метод применяется и в понимающей социологии. Ведь ее специфическим объектом мы считаем не любой вид внутреннего состояния или внешнего отношения, а действие. Действием же (включая намеренное бездействие, или нейтральность) мы всегда называем понятное отношение к объектам, т. е. такое, которое специфически характеризуется тем, что оно имело или предполагало (субъективный) смысл, независимо от степени его выраженности. Буддийское созерцание и христианская аскеза осмысленно соотносены с внутренними для действующих лиц объектами, а рациональная экономическая деятельность человека, распоряжающегося материальными благами, – с внешними объектами.

Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотнесено с поведением других людей, во-вторых, определено также этим его осмысленным соотнесением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно объяснено. Субъективно осмысленно соотнесены с внешним миром, и в частности с действиями других, и такие косвенно релевантные для поведения эмоциональные состояния, как чувство собственного достоинства, гордость, зависть, ревность. Однако понимающую социологию интересуют здесь не физиологические, ранее называвшиеся психофизическими явления, например, изменение пульса или быстроты реакции и т.п., и не чисто психические данности, такие, как, например, сочетание напряжения с ощущением удовольствия или неудовольствия, посредством которых эти явления могут быть охарактеризованы. Социология дифференцирует их по типам смысловой (прежде всего внешней) соотнесенности действия, и поэтому целерациональность служит ей – как мы вскоре увидим – идеальным типом именно для того, чтобы оценить степень его иррациональности. Только если определять (субъективно предполагаемый) смысл этой соотнесенности как внутренние пласты человеческого поведения (такую терминологию нельзя не считать вызывающей сомнение), можно было бы сказать, что понимающая социология рассматривает названные явления исключительно изнутри; но это означало бы: не посредством перечисления их физических или психических черт. Следовательно, различия психологических свойств в поведении не релевантны для нас сами по себе.

Тождество смысловой соотнесенности не связано с наличием одинаковых психических констелляций, хотя и несомненно, что различия в одной из сторон могут быть обусловлены различиями в другой. Такая категория, как, например, стремление к наживе, вообще не может быть отнесена к какой-либо психологии; ибо при двух сменяющих друг друга владельцах одного и того же делового предприятия одинаковое стремление к рентабельности может быть связано не только с совершенно гетерогенными качествами характера, но и обусловлено в процессе совершенно одинаковой реализации и в конечном результате прямо противоположными психическими констелляциями и чертами характера; при этом и важнейшие (для психологии), решающие «целевые направленности» могут не быть родственны друг другу. События, лишённые смысла, субъективно соотнесенного с поведением других, по одному этому еще не безразличны с социологической точки зрения. Напротив, именно в них могут содержаться решающие условия, а следовательно, и причины, определяющие поведение. Ведь для понимающей науки человеческие действия в весьма существенной степени осмысленно соотносятся с не ведающим осмысления внешним миром, с явлениями и про-

цессами природы: теоретическая конструкция поведения изолированного экономического человека, например, создана именно на этой основе.

Однако значимость процессов, не обладающих субъективной смысловой соотнесенностью, таких, например, как кривая рождаемости и смертности, формирование посредством естественного отбора антропологических типов, а также чисто психические факторы, принимается понимающей социологией просто в качестве условий и следствий, на которые ориентируются осмысленные действия, подобно тому как в экономической науке используются климатические данные или данные из области физиологии растений. Явления наследственности не могут быть поняты на основе субъективно предполагаемого смысла – и тем меньше, чем точнее становятся естественно-научные определения их условий. Предположим, например, что когда-либо удастся (мы сознательно не пользуемся здесь специальной терминологией) приблизительно установить связь между наличием определенных социологически релевантных качеств и импульсов, таких, например, которые способствуют либо стремлению к определенным типам социального влияния и власти, либо шансам этого достичь наличием способности к рациональной ориентации действий вообще или других отдельных интеллектуальных качеств, с одной стороны, и индексом черепа или принадлежностью к обладающей какими-либо признаками группе людей – с другой. Тогда понимающей социологии пришлось бы, без всякого сомнения, принять во внимание эти специальные данные так же, как она принимает во внимание, например, последовательность типических возрастных стадий или смертность людей. Однако подлинная ее задача состояла бы именно в том, чтобы, интерпретируя, объяснить: 1. Посредством каких осмысленно соотнесенных действий (будь то с объектами внешнего или собственного внутреннего мира) люди, обладающие специфическими унаследованными качествами, пытались осуществить свое стремление, обусловленное, помимо других причин, и этими качествами; в какой степени и по какой причине им это удавалось или не удавалось? 2. Какие понятные нам последствия подобное (обусловленное наследственностью) стремление имело для осмысленно соотнесенного поведения других людей?

Общностно ориентированное действие

Об общностно ориентированных действиях мы будем говорить в тех случаях, когда действия индивида субъективно осмысленно соотносятся с поведением других людей. Случайное столкновение двух велосипедистов мы не назовем общностно ориентированными действиями, но их предшествующие попытки избежать инцидента, а также возможную потасовку или попытку прийти к мирному соглашению мы уже относим к действиям упомянутого типа. Для социологического каузаль-

ного сведения важны не только общностно ориентированные действия; но это – вопрос первостепенной важности для понимающей социологии. Важный, хотя и не необходимый компонент общностно ориентированных действий составляет его смысловая ориентация на ожидание определенного поведения других и в соответствии с этим (субъективная) оценка шанса на успех собственных действий.

Вполне понятным и важным основанием в объяснении рассматриваемых действий служит объективное наличие таких шансов, т. е. большая или меньшая вероятность, которую можно выразить в суждении об объективной возможности (об этом подробнее ниже) того, что упомянутые ожидания обоснованны. Мы остаемся пока в пределах проблемы субъективного ожидания. Целерациональные действия в том смысле, как мы их раньше определили, всегда ориентированы на ожидание. Поэтому сначала представляется, будто нет принципиальной разницы в том, следует ли считать, что поведение действующего лица основано на ожидании определенных явлений природы, которые могут возникнуть либо без какого-либо вмешательства с его стороны, либо в виде реакции на его рассчитанные на них действия, или подобным же образом связывать его поведение с ожиданием определенного поведения других людей. Однако в последнем случае ожидания субъективно рационально действующего индивида могут основываться и на том, что он предполагает возможным ожидать и от других субъективно осмысленного поведения и тем самым с различной степенью вероятности заранее исчислить, основываясь на определенных смысловых связях, и шансы других людей. Это ожидание может быть субъективно основанным прежде всего на том, что действующий индивид приходит к соглашению с другими лицами, достигает договоренности с ними, соблюдения которой (в соответствии с его собственным осмыслением такой договоренности) он, как ему представляется, имеет достаточное основание ждать от них. Уже одно это обстоятельство придает общностно ориентированным действиям специфическую и очень существенную качественную особенность, поскольку тем самым значительно расширяется сфера ожиданий, на которую индивид может, как он предполагает, целерационально ориентировать свои действия.

Правда, возможный (субъективно предполагаемый) смысл общностно ориентированных действий не исчерпывается ориентацией индивида на ожидание определенных действий третьих лиц. В пограничном случае такую ориентацию можно просто не принимать во внимание, и действия, соотнесенные по своему смыслу с действиями третьих лиц, могут быть ориентированы на субъективно предполагаемую ценность содержания собственных действий как таковых; в этом случае действия будут ориентированы не на ожидание, а на ценность. Содержанием та-

кого ожидания могут быть не только действия, но и внутреннее ощущение (например, радость) третьего лица.

Переход от идеального типа смысловой соотнесенности своего поведения с осмысленным поведением третьего лица вплоть до такого случая, когда этот третий (например, грудной младенец) принимается во внимание просто как объект, не имеет четких границ. Действия, ориентированные на ожидание осмысленных действий других людей, – не более чем пограничный случай. Однако общностно ориентированные действия для нас всегда – либо нечто известное из истории, либо теоретически сконструированное в качестве возможных или вероятных действий отдельных индивидов в соответствии с действительным или с потенциально предполагаемым поведением других людей. Об этом необходимо помнить и при разработке тех категорий понимающей социологии, о которых пойдет речь дальше.

Объединение в общества и общественно ориентированное действие

Обобществление ориентированными (общественными в узком смысле) действиями мы будем называть общностно ориентированные действия в том случае (и в той мере), если они, во-первых, осмысленно ориентированы на ожидания, которые основаны на определенных установлениях, во-вторых, если эти установления сформулированы чисто целерационально в соответствии с ожидаемыми в качестве следствия действиями обобществление ориентированных индивидов и, в-третьих, если смысловая ориентация индивидов субъективно целерациональна. Установленный порядок в том чисто эмпирическом смысле, который мы имеем в виду – здесь будет дано лишь временное его определение, – является либо односторонним, в рациональном пограничном случае категорическим требованием одних людей к другим, либо, в пограничном случае, категорическим двусторонним объяснением людей, субъективно предполагаемое содержание которого сводится к тому, что предполагаются и ожидаются действия определенного типа. Более подробно мы пока на этом останавливаться не будем.

Тот факт, что действия ориентируются по своему субъективному смыслу на установленный порядок, может означать, что субъективно воспринятому обобществление ориентированными индивидами типу действий объективно соответствует их фактическое поведение. Смысл установленного порядка, а следовательно, и свое предполагаемое и ожидаемое другими поведение могут быть, однако, различно поняты или впоследствии различно истолкованы отдельными обобществленными индивидами, поэтому поведение, которое субъективно ориентировано соответственно существующему порядку (субъективно идентифицированному действующими лицами с собой), не обязательно должно быть в одинаковых случаях объективно одним и тем же. Далее, ори-

ентация поведения на установленный порядок может заключаться и в том, что какой-либо из обобществленных индивидов сознательно противодействует субъективно постигнутому им смыслу установленного порядка. Если один из участников игры в карты сознательно и преднамеренно играет наперекор субъективно воспринятому им смыслу правил игры, т.е. играет неправильно, он тем не менее остается участником общества игроков в отличие от того, кто выходит из игры совершенно так же, как вор или убийца, скрывая совершенное им преступление или скрываясь сам, все-таки ориентирует свое поведение на те установления, которые он субъективно сознательно нарушает. Следовательно, решающим для эмпирической значимости целерационально функционирующего порядка является не то обстоятельство, что отдельные индивиды постоянно ориентируют свое поведение соответственно субъективно истолкованному ими смысловому содержанию.

Эта значимость может сводиться к тому, что в одном случае, действительно, (субъективно) отдельные индивиды, подобно шулерам и ворам, в среднем ожидают, что другие индивиды данного общества будут в среднем вести себя так, будто первые руководствуются в своем поведении сохранением установленного порядка; в другом – что в соответствии с усреднением применяемым суждением о шансах, присущих поведению людей, они объективно могут рассчитывать на подобные ожидания. Логически две указанные разновидности значимости следует строго различать. Первая субъективно присуща действующему индивиду, являющему собой объект наблюдения, т.е. принимается исследователем как в среднем имеющаяся данность; вторая – это шанс, который должен быть объективно исчислен познающим субъектом (исследователем), исходя из наличия вероятностного знания и из обычного типа мышления индивидов данного общества. При образовании общих понятий социологи предполагают, что и действующему индивиду субъективно присуща средняя мера способности понимания, необходимого для оценки имеющихся шансов. Это означает, что социолог раз и навсегда принимает идеально-типическую предпосылку, что объективно существующие усредненные шансы в среднем субъективно приближенно принимаются во внимание и целерационально действующими индивидами. Следовательно, и для нас эмпирическая значимость установленного порядка заключается в объективной обоснованности усредненных ожиданий (категория объективной возможности).

В более специальной формулировке можно сказать, что в соответствии с состоянием усредненно вероятностного исчисления фактических данных действия, в среднем субъективно ориентированные на такие ожидания, считаются адекватно причинно обусловленными. При этом допускающие объективную оценку шансы возможных ожиданий выступают как достаточно понятная познавательная основа для вероят-

ного наличия упомянутых ожиданий у действующих индивидов. То и другое почти неизбежно совпадает здесь по своему выражению, что не должно стирать громадного логического различия между ними. Лишь в первом смысле – в объективном суждении о возможности – предполагается, конечно, что шансы возможных в среднем ожиданий могут по своему смыслу служить основой субъективным ожиданиям действующих лиц и поэтому действительно (в релевантной степени) служили им таковой. Тем самым из сказанного уже становится ясно, что между логически как будто взаимоисключающими сторонами альтернативы – существования объединения в общество или прекращения его – в реальности дана непрерывная шкала переходов.

Как только все игроки в карты узнают, что принятых правил игры вообще больше никто не придерживается, или как только окажется, что объективно шанса, принимаемого обычно в расчет, не существует, и поэтому и субъективно не принимается больше в расчет шанс на то, что убийца, например, будет интересоваться установленным порядком, который он сознательно нарушает, именно потому, что подобное нарушение не влечет за собой никаких последствий для него, – в таких случаях этот установленный порядок эмпирически больше не существует, а следовательно, не существует и соответствующего объединения в общество. Оно сохраняется до той поры и в той степени, пока в практически релевантном масштабе так или иначе сохраняется в усредненно предполагаемом смысле ориентированное на его установления поведение. Границы здесь, однако, размыты. Из сказанного явствует также, что реальное поведение индивида вполне может быть субъективно осмысленно ориентировано на несколько систем установлении, которые по принятому в них конвенциональному мышлению в смысловом отношении противоречат друг другу, однако тем не менее параллельно сохраняют свою эмпирическую значимость. Так, например, согласно господствующим (в среднем) воззрениям на смысл нашего законодательства, дуэли категорически запрещены. Между тем в соответствии с широко распространенными представлениями о смысле считающихся в обществе значимыми условностей дуэль часто бывает неизбежна. Участвуя в дуэли, индивид ориентирует свое поведение на эти конвенциональные предписания; однако, скрывая свои действия, он ориентируется на требования закона. Следовательно, практическое воздействие эмпирической (т.е. здесь и всегда: в среднем ожидаемой для субъективно осмысленной ориентации поведения) значимости обеих систем установлений в этом случае различно. Между тем обеим системам мы приписываем эмпирическую значимость, которая состоит в том, что поведение осмысленно ориентируется на их (субъективно постигнутый) смысл и испытывает его влияние.

Естественным выражением эмпирической значимости системы мы будем считать шанс на то, что ее установлениям будут следовать. Это значит, что объединенные в общества индивиды в среднем с достаточной долей вероятности рассчитывают на соответствующее требованиям установленного порядка поведение других, и сами также подчиняют свое поведение таким же их ожиданиям (соответствующее установленному порядку общественное поведение). Однако необходимо подчеркнуть следующее: эмпирическая значимость системы не исчерпывается усредненной обоснованностью ожиданий одними индивидами, объединенными в общества, определенного фактического поведения других людей. Это лишь наиболее рациональное и социологически непосредственно доступное значение. Но поведение каждого из индивидов данной системы, ориентированное исключительно на то, что другие ждут от него соответствующего поведения, составило бы абсолютный пограничный случай чисто общностно ориентированных действий и свидетельствовало бы также об абсолютной лабильности самих этих ожиданий. Последние тем больше обоснованы усредненной вероятностью, чем больше можно в среднем рассчитывать на то, что индивиды ориентируют свои действия не только на ожидания от других определенного поведения, и в чем более релевантной степени распространено среди них субъективное воззрение, что для них обязательна (субъективно осмысленно, постигнутая) легальность отношения к системе.

Действия вора и шулера мы будем определять как (субъективно) противоречащие установленному порядку общественные действия, а действия, по своей интенции субъективно ориентированные на этот порядок, но отклоняющиеся от усредненного истолкования его правил, – как общественные действия, отклоняющиеся от нормативных. За пределами этих категорий находятся только случаи обусловленных обобществлением действий. Например, кто-либо полагает, что он вынужден в своем поведении целерационально исходить из обязанности, которую он взял на себя вследствие факта включенности в общество (отказаться, например, от каких-либо действий из-за обусловливаемых ими дальнейших расходов). Или может (например, в своих дружеских связях или в общем стиле жизни), не желая целерационально и не замечая этого, подчас испытывать в известных аспектах своего поведения влияние своей ориентации на какие-либо согласованно принятые установления (например, религиозной секты). Провести четкие грани этих различий в реальности трудно.

В принципе вообще нет различия в том, проходят ли общественные действия в рамках смысловых отношений общественно ориентированных индивидов друг с другом или с третьими лицами; именно последний тип отношений может преимущественно составлять предполагаемый смысл объединения, образовавшегося на основе взаимного согла-

сия. Напротив, действия, ориентированные на установленный порядок объединения в общество, могут быть как соотнесенными с обществом, т.е. проистекающими из непосредственного занятия определенной позиции к установленному порядку (как всегда, субъективно по своему смыслу истолкованному) данного объединения в общество, – следовательно, направленными по своему предполагаемому смыслу либо на планомерное полное осуществление эмпирической значимости этих установлении, либо, наоборот, на их изменение или дополнения к ним, – так и действиями, регулируемые обществом, т. е. ориентированными на установления общества, но не соотнесенными с обществом, как в первом случае. Однако и это различие лабильно. На данной стадии мы будем считать рациональным идеальным типом объединения в общество целевой союз, т.е. общественные действия с установлениями о содержании и средствах общественных действий, целерационально принятыми всеми участниками на основе общего согласия.

В согласии об установленном порядке (его формулировке) в идеально-типическом рациональном случае все обобщественно действующие лица субъективно однозначно выговорили условия: какие и в каких формах осуществляемые действия каких (или каким образом определяемых) лиц (органов союза) должны считаться действиями союза и какой смысл, т. е. какие последствия, это будет иметь для объединенных в союзе лиц. Далее, будут ли, и какие, материальные блага и достижения доступны использованию в общих целях (цели союза) общественной деятельности (имущество для достижения определенных целей). Затем, какие органы союза будут этим распоряжаться и каким образом; что участники должны делать во имя целей союза; какие действия требуются, запрещаются или разрешаются и какие преимущества они получают от своего участия в деятельности союза. И, наконец, какими будут органы союза, при каких условиях и с помощью каких средств им надлежит действовать для сохранения установленного порядка (аппарат принуждения).

Каждый индивид, участвующий в общественных действиях, в известной степени полагается на то, что другие участники союза (приближенно и в среднем) будут участвовать в соответствии с установленным соглашением, и исходит из этого при рациональной ориентации собственного поведения. Основания, которые отдельный индивид, как он полагает, имеет для такой уверенности, безразличны для эмпирического существования союза, если объективно существует возможность того, что результаты любых, каких бы то ни было по своему характеру интересов других, будут склонять их к тому, чтобы в среднем достаточно решительно поддерживать установленный порядок. Конечно, вероятность физического или (пусть даже столь мягкого, как, например, христианское братское увещание) психического принуждения в слу-

чае несоблюдения установлении союза значительно усиливает субъективную уверенность в том, что (в среднем) доверие не будет обмануто, а также и объективную вероятность того, что упомянутые ожидания обоснованны. Действия, которые по своему субъективно усреднение предполагаемому смыслу свидетельствуют о наличии соглашения, мы назовем, в отличие от общественных действий, ориентированных на это соглашение, действиями, объединяющими в общество. Внутри ориентированных на соглашение действий важнейшим видом соотнесенных с обществом общественных действий являются, с одной стороны, специфические общественные действия органов, с другой – общественные действия индивидов, объединенных в общество, которые по своему смыслу соотнесены с действиями органов.

Внутри категории обобществления, относящейся к институтам – мы ее рассмотрим ниже (в частности, внутри государства), – обычно разделяют установления, которые созданы для ориентации этих действий – право института (в государстве – публичное право), и установления, регулирующие прочие действия индивидов данного института. Такое разделение существует и внутри целевого союза (право союза противостоит здесь установлениям, созданным союзом). Однако мы не будем здесь заниматься указанными противоположностями (не допускающими четкого определения). При полном развитии целевой союз являет собой не эфемерное, а длительно существующее социальное образование. Это означает: несмотря на смену лиц, участвующих в общественных действиях союза, т.е. несмотря на то, что они выбывают из его состава, и одновременно в него все время входят новые лица, конечно, в идеально-типическом пограничном случае – всегда на основе новых соглашений, он рассматривается как остающийся идентичным. Это происходит до тех пор, пока, несмотря на смену состава, можно действительно ожидать, что действия, ориентированные на одинаковые установления союза, сохраняются в социологически релевантном размере. Одинаковым же в социологическом смысле (субъективно постигнутым) порядок считается до той поры, пока по усредненному обычному мышлению обобщественно объединенных индивидов принимается его идентичность в важных по усредненным представлениям пунктах. Они могут принимать его более или менее однозначно, более или менее приближенно: одинаковость в социологическом понимании – лишь относительная и меняющаяся данность.

Обобществление объединенные в союзе индивиды могут сознательно менять установленный порядок посредством новых общественно объединяющих действий; эти установления без какой-либо перемены в упомянутых действиях могут меняться сами по своему практическому значению для действий индивидов вследствие изменения распространяющегося усредненного постижения их смысла или в особенности

вследствие изменения обстоятельств (изменение значения, неточно именуемое также изменением цели), а иногда и вообще потерять свое значение. В подобных случаях тот факт, будет ли социолог из соображений целесообразности рассматривать изменившиеся общественные действия как продолжение прежнего или как новое социальное образование, зависит от следующих факторов: 1) от непрерывности изменений; 2) от относительного объема эмпирически сохраняющихся прежних установлении в виде соответственно ориентированных действий; 3) от продолжавшегося существования органов союза и аппарата принуждения либо в прежнем составе, либо в близком ему по типу вновь введенных лиц, либо – если это новые органы – от того, действуют ли они аналогично прежним. Вновь следует заметить, что и здесь переходы носят скользкий характер.

В такой же степени является вопросом, который в каждом отдельном случае решается по-разному (т.е. исходя из целесообразности, определяемой конкретной исследовательской целью), в каких случаях объединение в общество рассматривается как самостоятельное образование и в каких случаях его рассматривают как часть более широкого, выходящего за свои границы обобществления. Последнее возможно в двух случаях. 1. Если эмпирически значимые установления общественных действий не коренятся исключительно в установлениях, сформулированных участниками этих действий (автономные системы), но общественные действия обусловлены также и тем, что участвующие в них индивиды ориентируют свои действия (здесь, как и всегда: обычно) также и на установления другого общественного объединения, в котором они участвуют (гетерономные системы). Примером могут служить действия церкви применительно к установлениям политической власти или наоборот. 2. Если органы какого-либо общественного объединения, в свою очередь, также определенным образом обобществлены в рамках обобществляющих органов другого союза большего масштаба; таковы, например, органы полка в общем аппарате военного управления (гетерокефальный целевой союз в отличие от автокефального, типа свободного союза или самостоятельного государства). Гетерономия установлении и гетерокефалия органов управления часто, но не обязательно совпадают. В настоящее время общественные действия в автокефальном союзе обычно обусловлены также и ориентацией действий членов этого союза на установления политического союза, следовательно, оно гетерономно.

Социалистическое обобществление средств производства означало бы, что уже сегодня в значительной степени гетерономное, т.е. ориентированное на установления других, прежде всего, политических союзов, общественное поведение каждого отдельного, теперь в принципе автокефального предприятия стало бы гетерокефальным, т.е. ориенти-

рованными на органы какой-либо (любой) совокупности. Не каждое общественное объединение по соглашению ведет к возникновению целевого союза, для которого в соответствии с данной дефиницией должны быть конститутивны: 1) соглашение по поводу общих правил и 2) наличие общественных органов союза.

Объединение в общество (обобществление по случаю) может быть по своему назначению и совершенно эфемерным; например, если речь идет о совместно задуманном убийстве из мести, которое участники договоренности предполагают осуществить в ближайшее время; следовательно, в нем могут отсутствовать все упомянутые характеристики целевого союза, кроме рационально установленного по совместной договоренности порядка общественных действий, который по принятой дефиниции считается здесь конститутивным.

Хорошим примером последовательности ступеней от объединения в общество по случаю до целевого союза может служить промышленное картелирование, которое начинается с простой однократной договоренности между отдельными конкурентами о границах снижения цен и завершается синдикатом, обладающим большим капиталом, конторами сбыта товаров и развернутым аппаратом управления. Общим для всех них является лишь установленный по общему соглашению порядок, который при предполагаемой здесь идеально-типически точной формулировке всех пунктов должен, во всяком случае, содержать указание на то, что считается для участников договора обязательным, что запрещается и что дозволяется. При изолированном (мыслимом в условиях полного абстрагирования от какого бы то ни было правопорядка) обмене, например, в идеально-типическом случае полной ясности договоренность должна распространяться по крайней мере на следующие пункты: 1) обязательно: передача товаров в процессе обмена и – эвентуально – обязанность гарантировать право владения на товары от посягательств третьих лиц; 2) запрещено: требовать возврата обменных товаров; 3) разрешено: любым образом располагать приобретенными в обмен товарами. Изолированный рациональный обмен такого типа является собой один из пограничных случаев обобществления без органов управления. Из всех признаков целевого союза он обладает только одним – установленным по договоренности порядком. Он может быть структурирован гетерономно (правом или условностью) или располагать полной автономией, будучи обусловлен в своих ожиданиях обоюдным доверием, основанным для обеих сторон на том, что другая сторона, какими бы интересами она ни руководствовалась, будет следовать договоренности. Однако обмен этого типа не может быть назван ни автокефальным, ни гетерокефальным общественным действием, так как он вообще не есть устойчивое образование. В такой же степени и наличие актов обмена в качестве массового явления, даже в качестве внутренне

каузально связанных массовых явлений (рынка), конечно, ни в коем случае не может рассматриваться как целевой союз, более того, он, в принципе отличен от него.

Случай с обменом одновременно наглядно иллюстрирует тот факт, что действия, которые ведут к объединению в общества (обобществленные действия), совсем не обязательно должны быть ориентированы только на ожидания соответствующих действий со стороны общественно объединенных лиц. Напротив, как показывает данный пример, они ориентированы также и на ожидание того, что третьи, не причастные к акту обмена лица, отнесутся с уважением к результату обмена, к смене владельца. До сих пор это просто общностные действия того типа, который мы впоследствии будем называть действиями, основанными на солидарности. В истории мы обнаруживаем шкалу, ступени которой ведут от объединения в общество по случаю вплоть до устойчивого образования.

Типовой зародыш того обобществленного объединения, которое мы сегодня называем государством, находится, с одной стороны, в свободных объединениях в общество по случаю, созданных любителями добычи, отправлявшимися в поход во главе с избранным ими вождем; с другой – в таких объединениях в общество по случаю, к которым прибегали те, кому грозило нападение. Здесь полностью отсутствует какое-либо имущество, используемое как средство осуществления цели, и длительность. Как только поход за добычей завершен (удачно или неудачно) и добыча распределена, как только опасность нападения предотвращена – объединенность в общество перестает существовать. Отсюда до длительного обобществления военнообязанных, систематического налогообложения женщин, тех, кто не состоит на военном учете, покоренных народов, и далее – до узурпирования судебных и административных общественных функций – длинный непрерывный путь. Наоборот, из существующих для удовлетворения потребностей длительных общественных объединений может в результате распада – и это один из различных сопутствующих возникновению народного хозяйства процессов – сложиться аморфное, представляющее собой общественно объединяющие действия образование – рынок. Психическое отношение к такому акту его участников, т.е. вопрос, какими глубокими внутренними побуждениями они руководствуются, объединяясь и ориентируя свои действия на принятые установления, – поступают ли они таким образом, исходя из трезвых соображений целесообразности, из горячей приверженности совместно принятым или предполагаемым общим целям, или неохотно принимая их как неизбежное зло, как нечто соответствующее их привычному поведению, или почему-либо еще, – все это для существования обобществленного объединения безразлично до той поры, пока в конечном итоге шансы на такую ориентацию на договоренность сохраняются в социологически релевантном размере.

В своих обобщественных действиях их участники могут ведь преследовать совершенно различные, противоположные и взаимоисключающие цели, и очень часто так оно действительно и бывает. Международный военно-правовой союз, правовая обобщественность для общественных действий на рынке с его процессом обмена и борьбой цен – лишь особенно яркие примеры этого постоянно встречающегося положения дел. Общественные действия всегда, разумеется, являются выражением констелляции интересов, направленной на ориентацию поведения, своего и чужого, на его правила, и ни на что более, и поэтому констелляцией интересов, весьма различной для каждого из участников.

В самой общей форме содержание указанной констелляции интересов можно чисто формально определить так, как это уже многократно определялось, а именно следующим образом: отдельный индивид полагает, что он может рассчитывать на совместно принятый посредством обобщественного объединения характер действий другого или других и что в его интересах полностью ориентировать на это свои действия.

Вебер М. О Некоторых категориях понимающей социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. – М.: Наука, 1996. – С. 491–507.

М. Вебер

Понятие социологии и «смысла» социального действия

Социология... есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие.

«Действием» мы называем действие человека, если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него.

1. Методологические основы

1. Слово «смысл» имеет здесь два значения. Он может быть: а) смыслом, действительно субъективно предполагаемым действующим лицом в данной исторической ситуации, или приближенным, средним смыслом, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций; б) теоретически конструированным чистым типом смысла, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации. Здесь вообще не идет речь о каком-либо объективно «правильном» или метафизически постигнутом «истинном» смысле.

2. Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть точно проведена. Значительная часть социологически релевантного действия, особенно чисто традиционного по своему характеру (см. ниже), находится на границе того и другого. Осмысленное, то есть доступное пониманию, действие в ряде психофизических случаев вообще отсутствует, в других – может быть обнаружено только специалистами. Мистические, то есть адекватно не передаваемые словами, переживания не могут быть полностью поняты теми, кому они недоступны. Полное сопереживание – важное, но не абсолютно непреложное условие понимания смысла.

3. Всякая интерпретация, как и наука вообще, стремится к «очевидности». Рациональная очевидность присуща тому действию, которое может быть полностью доступно интеллектуальному пониманию в своих преднамеренных смысловых связях. Посредством вчувствования очевидность постижения действия достигается в результате полного сопереживания того, что пережито субъектом в определенных эмоциональных связях. Наиболее рационально понятны, то есть здесь непосредственно и однозначно интеллектуально постигаемы, прежде всего смысловые связи, которые выражены в математических или логических положениях. Мы совершенно отчетливо понимаем, что означает, правило $2 \times 2 = 4$ или теорему Пифагора.

Напротив, высочайшие «щели» и «ценности» на которые, как показывает опыт, может быть ориентировано поведение человека, мы часто полностью понять не можем, хотя в ряде случаев способны постигнуть его интеллектуально-но; чем больше эти ценности отличаются от наших собственных, важнейших для нас ценностей, тем труднее нам понять их в сопереживании посредством вчувствования, силою воображения. В зависимости от обстоятельств нам в ряде случаев приходится либо удовлетворяться чисто интеллектуальным истолкованием названных ценностей, либо, если и это оказывается невозможным, просто принять их как данность. Сюда относятся многие высочайшие акты религиозности и милосердия. Аффекты и основанные на них иррациональные реакции мы способны эмоционально сопережить тем интенсивнее, чем более сами им подвержены; если же они значительно превышают по своей интенсивности доступные нам переживания, мы можем понять их смысл посредством вчувствования и рационально выявить их влияние на характер поведения индивида и применяемые им средства.

Для типологического научного исследования все иррациональные, эмоционально обусловленные смысловые связи, определяющие отношение индивида к окружающему и влияющие на его поведение, наиболее обозримы, если изучать и изображать их в качестве «отклонений» от чисто целерационально сконструированного действия. Так, например,

для объяснения «биржевой паники» целесообразно сначала установить, каким было бы рассматриваемое поведение без влияния иррациональных аффектов, а затем ввести эти иррациональные компоненты в качестве «помех».

Конструкция целерационального действия – вследствие своей понятности и основанной на рациональности однозначности – служит в социологии типом («идеальным типом»), с помощью которого реальное, обусловленное различными иррациональными факторами (аффектами, заблуждениями) поведение может быть понято как «отклонение» от чисто рационально сконструированного.

Лишь в этом смысле метод «понимающей» социологии «рационалистичен». Его надо рассматривать только как методический прием.

4. Во всех науках о поведении должны быть приняты во внимание такие чуждые смыслу явления, как повод к определенным действиям, результат каких-либо событий, стимулирование решений или препятствие их принятию. Поведение, чуждое осмыслению, не следует идентифицировать с «неодушевленным» или «нечеловеческим» поведением. Каждый артефакт, например «машина», может быть истолкован и понят только исходя из того смысла, который действующий человек (ориентированный на самые различные цели) связывает с его изготовлением и применением. Следовательно, пониманию в данном случае доступна только его соотнесенность с действиями человека, который видит в нем либо «средство», либо цель и ориентирует на это свое поведение.

Иную категорию образуют недоступные пониманию опытные данные о процессах, связанных с психическими и психофизиологическими явлениями (с утомлением, упражнениями памяти и т.п.), а также, например, такие процессы, как эйфории при различных аскетических самоистязаниях, расхождение индивидуальных реакций по темпу, виду, ясности и т.д. они принимаются как «данность», с которой надо считаться.

Различия в биологической наследственности (например, «расовые») – следовало бы принять в социологии как данность, наподобие того, как принимаются физиологические факты, такие, как потребность человека в питании или воздействие старения на его поведение. Признание каузального значения таких данных, безусловно, ни в какой мере не изменило бы задач социологии (и наук о поведении вообще), которые заключаются в интерпретирующем понимании осмысленно ориентированных человеческих действий.

5. Понимание может быть:

1) непосредственным пониманием предполагаемого смысла действия (в том числе и высказывания). Мы непосредственно «понимаем», например, смысл правила $2 \times 2 = 4$, когда мы слышим или читаем его (рациональное непосредственное понимание мыслей), или гневную вспышку, которая проявляется в выражении лица, междометиях, ирра-

циональных жестах (иррациональное непосредственное понимание аффектов), действие дровосека, человека, протягивающего руку к двери, чтобы закрыть ее, охотника, прицеливающегося, чтобы выстрелить в зверя (рациональное непосредственное понимание действий).

Но пониманием мы называем также:

2) объясняющее понимание. Мы «понимаем» мотивационно, какой смысл вкладывал в правило $2 \times 2 = 4$ тот, кто его высказал или записал, почему он это сделал именно теперь и в этой связи, если видим, что он занят коммерческой калькуляцией, демонстрацией научного опыта, техническими расчетами... Мы понимаем действия того, кто рубит дрова или прицеливается перед выстрелом, не только непосредственно, но и мотивационно, в том случае, если нам известно, что первый действует либо за плату, либо для своих хозяйственных нужд, либо отдыхая от других дел (рациональное действие), либо стремясь снять возбуждение (иррациональное действие), а прицеливающийся перед выстрелом человек действует либо по приказу, выполняя приговор или сражаясь с врагом (то есть рационально), либо из мести (под влиянием аффекта, то есть иррационально). Мы можем, наконец, мотивационно понять гнев, если знаем, что он вызван ревностью, ущемленным тщеславием, покушением на честь (действие, обусловленное аффектом, то есть иррациональное по своим мотивам). Все это – понятные нам смысловые связи, понимание их мы рассматриваем как объяснение фактического действия. Следовательно, в науке, предметом которой является смысл поведения, «объяснить» означает постигнуть смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие. Мы будем определять субъективный смысл событий, а также и смысловые связи как предполагаемый смысл.

б. «Понимание» во всех этих случаях означает интерпретирующее постижение: а) реально предполагаемого в отдельном случае (при историческом анализе событий), б) предполагаемого, взятого в среднем и приближенном значении (при социологическом рассмотрении массовых явлений), в) смысла или смысловой связи в научно конструируемом чистом типе («идеальном типе») некоего часто повторяющегося явления. Реальное поведение чрезвычайно редко (например, в ряде случаев на бирже), и то только приближенно, соответствует конструкции идеального типа.

Каждое толкование стремится, конечно, к ясности. Однако сколь бы ясным по своему смыслу ни было толкование, оно тем самым еще не может претендовать на каузальную значимость и всегда остается лишь наиболее вероятной гипотезой, а) «Мотивы», часто настолько маскируются В этом случае задача социологии — выявить связь между отдельными мотивами и посредством истолкования установить ее подлинный характер, б) В основе поведения, представляющегося нам «одинако-

вым» или «похожим», могут лежать самые различные смысловые связи, в) Действующие в определенных ситуациях люди часто испытывают противоречивые, борющиеся друг с другом импульсы, которые мы, несмотря на их различия, «понимаем». Подлинное решение данного вопроса дает лишь результат мотивационной борьбы. Следовательно, здесь, как и при любой другой гипотезе, необходимую верификацию нашего понимания смысла и его истолкования дает результат, фактический ход событий. К сожалению, такая верификация может быть с относительной точностью достигнута при проведении психологических экспериментов только в редких, специфических по своему типу случаях – с самой различной степенью приближенности (также в ограниченном числе случаев) при статистическом исчислении однозначных массовых явлений. В остальном мы располагаем только возможностью сравнивать наибольшее число доступных нам исторических процессов или явлений повседневной жизни, одинаковых во всем, кроме одного решающего пункта – «мотива» или «импульса», исследуемого нами в его практическом значении. Часто, правда, остается только возможность применить столь ненадежное средство, как «мысленный эксперимент»; он состоит в том, что мы мысленно устраним отдельные компоненты мотивационного ряда и конструируем затем вероятный процесс развития, чтобы таким образом применить метод каузального сведения.

7. «Мотивом» называется некое смысловое единство, представляющее действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия. «Адекватным смыслу» мы назовем единое в своих проявлениях действие в той мере, в какой соотношение между его компонентами представляется нам с позиций нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным (мы обычно говорим, правильным) смысловым единством. «Каузально адекватной» мы назовем последовательность событий, если в соответствии с опытными правилами можно предположить, что она всегда будет таковой. (Адекватным смыслу является правильное в соответствии с принятыми нормами исчисления или мышления решение задачи. Каузально адекватной – в рамках статистической повторяемости – основанная на опытных правилах вероятность «правильного» или «неправильного» – решения, следовательно, и вероятность типичной «ошибки в вычислениях» или типичного «смещения проблем».) Следовательно, каузальное объяснение означает, что в соответствии с правилом вероятности (каким-либо образом выраженным, редко – в идеальном случае – квантитативно.) за определенным наблюдаемым (внутренним или внешним) событием следует определенное другое событие (или сопутствует ему).

Правильное каузальное толкование типичного действия (понятого типа действия) означает, что процесс, принятый в качестве типичного, представляется адекватным смыслу и может быть установлен как кау-

зально адекватный. Если же адекватность смыслу отсутствует, то, не взирая на высокую степень регулярности (внешнего или психического процесса), допускающую точное цифровое выражение его вероятности, мы имеем дело только с непонятной (или не вполне понятной) статистической вероятностью. С другой стороны, даже самая очевидная адекватность смыслу имеет для социологии значение правильного каузального определения лишь в той мере, в какой может быть доказана вероятность того, что рассматриваемое действие в самом деле обычно протекает адекватно смыслу с повторяемостью, допускающей достаточно точное или приближенное выражение (в среднем или идеально-типическом случае). Лишь такого рода статистические виды регулярности, являются типами понятного действия, то есть «социологическими закономерностями». Объектом статистических исчислений могут быть как лишённые смысла, так и осмысленные процессы. Социологическая же статистика занимается исчислениями только осмысленных процессов (статистика уголовных преступлений, профессий, цен, посевной площади). Само собой разумеется, что часто встречаются случаи, объединяющие оба типа; сюда относится, например, статистика урожая.

8. События и единообразия, которые, не могут быть определены как «социологические факты» или закономерности, конечно, не становятся от этого менее важными. Они просто перемещаются – и это методически необходимо – в другую сферу, сферу условий, поводов, помех, благоприятных факторов и т.п.

9. «Поведение» в качестве понятной по своему смыслу ориентации собственных действий всегда являет собой для нас действие одного или нескольких отдельных лиц.

Для других (например, юридических) познавательных целей или для целей практических, может быть, напротив, целесообразно и даже неизбежно рассматривать социальные образования («государство», «ассоциацию», «акционерное общество», «учреждение») совершенно так же, как отдельных индивидов (например, как носителей прав и обязанностей или как субъектов, совершающих релевантные в правовом отношении действия). Для понимающей социологии, интерпретирующей поведение людей, эти образования – просто процессы и связи специфического поведения отдельных людей, так как только они являют собой понятных для нас носителей осмысленных действий. Несмотря на это, однако, социология и для своих целей не может игнорировать коллективные мысленные образования, полученные с других позиций. Ибо толкование поведения связано с этими коллективными понятиями следующим образом:

а) Социология также часто вынуждена пользоваться подобными коллективными понятиями (нередко совершенно одинаково обозначая их), для того чтобы вообще обрести понятную терминологию. Если в

социологии речь идет о «государстве» или «нации», об «акционерном обществе» или о «семье», о «воинском подразделении» и других «образованиях» такого рода, то имеется в виду только определенный тип поведения отдельных людей, конкретный или конструированный в качестве возможного.

б) Коллективные образования, являют собой определенные представления в умах конкретных людей, на эти представления люди ориентируют свое поведение, эти коллективные образования имеют огромное, подчас решающее каузальное значение для поведения людей. В первую очередь как представления о том, что должно (или не должно) иметь значимость. в) Метод так называемой «органической» социологии (классическим примером может служить интересная книга Шеффле «Структура и жизнь социального тела») направлен на то, чтобы объяснить совокупность социальных действий, отправляясь от «целого». В интерпретирующей социологии такой метод может служить следующим целям:

1. Практической наглядности и предварительной ориентации.

2. В ряде случаев только указанный метод позволяет нам выявить тот тип социального поведения, интерпретирующее понимание которого важно для объяснения определенных связей. Однако на этой стадии социологическое исследование (в нашем понимании) только начинается. Мы понимаем поведение отдельных индивидов, участвующих в событиях, тогда как поведение клеток мы «понять» не можем, а можем только постигнуть его функционально, а затем установить правила данного процесса. Преимущество интерпретирующего объяснения по сравнению с объяснением, основанным на наблюдении, достигается, правда, за счет большей гипотетичности и фрагментарности полученных выводов, но тем не менее именно оно является специфическим свойством социологического познания.

Для понимания субъективного смысла в поведении животного мы либо вообще не располагаем верными средствами, либо располагаем ими в очень незначительной степени: Мы знаем, что в животном мире существуют сообщества – моногамные и полигамные «семьи», стада, стаи, даже «государство» с разделением функций. Само собой разумеется, что в настоящий момент очень часто решающим является чисто функциональный подход, то есть выявление главных функций в сообществах животных – добывание пищи, защита от нападения, забота о потомстве, образование новых сообществ, – функций, которые выполняют отдельные типы этих сообществ. Впрочем, все серьезные исследователи единодушно полагают, что применение одного функционального метода в данной области лишь временное, как они надеются, явление, вызванное необходимостью удовлетвориться доступным науке в данный момент. Мы хотим также знать:

1) какие решающие факторы определяют первичную дифференциацию типов внутри нейтрального недифференцированного вида;

2) что заставляет дифференцировавшийся вид действовать (в среднем) именно таким образом, чтобы дифференцированная группа продолжала существовать.

Когда Отмар Шпанн в ряде своих работ акцентирует значение для социологии – никем, впрочем, серьезно не оспариваемое – предварительной функциональной постановки вопроса, называя это «универсальным методом», он, безусловно, прав. Важно поставить вопрос, как возникает подобное действие и какие мотивы его определяют. Сначала надо знать, что делает «король», «чиновник», «предприниматель», «сутенер», «колдун», то есть какое действие индивида данного типа (которое только и позволяет подвести его под одну из таких категорий), следовательно, важно для анализа и должно быть известно, прежде чем мы перейдем к такому анализу. (Риккертовское понятие «отнесения к ценности».) Что касается невероятного заблуждения, будто «индивидуалистический» метод означает (в каком бы то ни было смысле) индивидуалистическую оценку, то его следует отвергнуть.

Социалистическая экономика должна быть социологически исследована, то есть интерпретирована и понята, совершенно так же «индивидуалистично», то есть исходя из поведения отдельных людей, из действующих в ней типов «функционеров», как явления товарно-денежного обмена интерпретируются с помощью теории предельной полезности (или какого-либо другого «лучшего» – если таковой будет найден, — но в этом пункте аналогичного метода). Исследование основных проблем эмпирической социологии всегда начинается с вопроса: какие мотивы заставляли и заставляют отдельных «функционеров» и членов данного «сообщества» вести себя таким образом, чтобы подобное «сообщество» возникло и продолжало существовать?

10. «Законы», являют собой подтвержденную наблюдением типическую вероятность того, что при определенных условиях социальное поведение примет такой характер, который позволит понять его, исходя из типических мотивов и типического субъективного смысла, которыми руководствуется действующий индивид. Понятны и однозначны эти «законы» могут быть при оптимальных условиях постольку, поскольку типический наблюдаемый процесс основан на чисто целерациональных мотивах.

Неверно считать основой понимающей социологии какую бы то ни было «психологию». Результаты психологической науки, которая исследует средствами естественных наук и естественнонаучной методики действительно только «психическое» и, следовательно, не стремится – что уж совсем другое – истолковать человеческое действие с точки зрения его предполагаемого смысла. Социология не находится в более близком отношении к ней, чем ко всем другим наукам.

11. Социология конструирует – типовые понятия и устанавливает общие правила явлений и процессов. Для образования своих понятий социология берет в качестве парадигм материал в значительной степени (хотя и не исключительно) из тех же реальных компонентов поведения, которые релевантны также с точки зрения истории. Ее понятия по сравнению с конкретной реальностью истории неизбежно (относительно) лишены полноты содержания. Вместо этого социология дает большую однозначность понятий. Такая однозначность достигается смысловой адекватностью. Во всех случаях, как рациональных, так и иррациональных, она отходит от действительности и служит познанию этой действительности, показывая, что при определении степени приближения исторического явления к одному или ряду социологических понятий оно может быть подведено под них. Одно и то же историческое явление может быть, например, в одних своих составных частях «феодалным», в других – «патримониальным», в третьих – «бюрократическим», в некоторых – «харизматическим». Для того чтобы перечисленные слова имели однозначный смысл, социология должна в свою очередь создавать «чистые» («идеальные») типы такого рода, чтобы в них могла быть выражена наибольшая смысловая адекватность; однако именно потому они столь же редко встречаются в реальности в абсолютно идеальной чистой форме. Лишь с помощью чистого («идеального») типа возможна социологическая казуистика. Само собой разумеется, что социология сверх того в ряде случаев пользуется и средним типом, эмпирико-статистическим по своему характеру; это понятие не требует особого методологического разъяснения. Однако когда в социологии говорится о «типических» случаях, всегда имеется в виду идеальный тип, который сам по себе может быть рациональным или иррациональным, в большинстве случаев (в политической экономии, например, всегда) он рационален, но всегда, независимо от этого, конструируется адекватно смыслу.

«Средние типы» можно в некоторой степени однозначно образовать только там, где речь идет о различии в степени качественно однородных, определенных по своему смыслу поведений. В большинстве случаев, поведение свести к некоему «среднему» в подлинном смысле слова совершенно невозможно. Тем самым поведение, в котором какую-то роль, безусловно, играют также традиции, аффекты, заблуждения, воздействие внеэкономических целей и соображений, может быть понято, во-первых, в той мере, в какой оно в данном конкретном случае определяется также и экономически целерационально, или – если речь идет о поведении в среднем – обычно именно так и определяется; во-вторых, понимание его подлинных мотивов облегчается именно установлением отличия реального процесса от идеальной-типической конструкции. Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем дальше они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их

роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение. Например, объясняя, как проходила кампания 1866 г., необходимо сначала (мысленно) установить, как в случае идеальной целерациональности расположили бы свои войска Мольтке и Бенедикт, чтобы посредством такого расположения каузально объяснить отклонение от идеального случая, которое могло быть обусловлено ложной информацией, заблуждением, логической ошибкой.

«Предполагаемый смысл» реального поведения в подавляющем большинстве случаев сознается смутно или вообще не сознается. Действующий индивид лишь неопределенно «ощущает» этот смысл, а отнюдь не знает его, «ясно его себе не представляет»; в своем поведении он в большинстве случаев руководствуется инстинктом или привычкой. Очень редко люди, а при массово-однородном поведении лишь отдельные индивиды отчетливо осознают его (рациональный или иррациональный) смысл. В социологическом исследовании, объектом которого является конкретная реальность, необходимо постоянно иметь в виду ее отклонение от теоретической конструкции; установить степень и характер такого отклонения – непосредственная задача социологии.

Исследователю очень часто приходится делать выбор между методологически неясными и ясными, но нереальными «идеально-типическими» процессами. При такой альтернативе в научном анализе следует отдавать предпочтение вторым.

2. Понятие социального действия

1. Социальное действие (включая невмешательство или терпеливое принятие) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других.

2. Не все типы действия – в том числе и внешнего – являются «социальными» в принятом здесь смысле. Внешнее действие не может быть названо социальным в том случае, если оно ориентировано только на поведение вещных объектов. Внутреннее отношение носит социальный характер лишь в том случае, если оно ориентировано на поведение других. Так, например, действия религиозного характера несоциальны, если они не выходят за пределы созерцания, прочитанной в одиночестве молитвы и т.д. Хозяйствование (отдельного индивида) социально только тогда и постольку, если и поскольку оно принимает во внимание поведение других.

3. Социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других.

4. Социальное действие не идентично ни а) единообразному поведению многих людей, ни б) тому, на которое влияет поведение других, а) Если многие люди на улице открывают во время дождя зонты, это просто однотипные действия для защиты от дождя, б) Реакции опреде-

ленного типа становятся возможны только благодаря тому факту, что индивид ощущает себя частью «массы», другие реакции, напротив, этим затрудняются. Вот почему какие-либо события или действия могут вызвать у человека в толпе самые разнообразные чувства – веселость, ярость, воодушевление, отчаяние и любые другие аффекты, которые не возникли бы в результате тех же причин у индивида в одиночестве.

Далее, просто «подражание» поведению других (чему Г. Тард с полным основанием придает большое значение) не является специфически «социальным поведением», если оно только реактивно и не ориентировано на поведение другого лица. Ориентация здесь не на поведение другого; индивид посредством наблюдения ознакомился с известными объективными возможностями, и на них он ориентируется в своем поведении. Его действие каузально, но не осмысленно определено поведением другого лица. Феномен обусловленности массовостью и феномен подражания не разделяются четкими границами, являют собой пограничные случаи социального действия. Причина недостаточной четкости границ объясняется в данном, как и в других случаях, тем, что не всегда можно уверенно разграничить простое «влияние» и осмысленную «ориентацию».

3. Мотивы социального действия

Социальное действие, подобно любому другому поведению, может быть:

1) *целерациональным*, если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели;

2) *ценностнорациональным*, основанным на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет;

3) *аффективным*, прежде всего эмоциональным, то есть обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида;

4) *традиционным*, то есть основанным на длительной привычке.

1. Чисто традиционное действие, находится на самой границе, а часто даже за пределом того, что может быть названо «осмысленно» ориентированным действием. Ведь часто это только автоматическая реакция на привычное раздражение в направлении некогда усвоенной установки.

2. Чисто аффективное действие также находится на границе и часто за пределом того, что «осмысленно», осознанно ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реагированием на совершенно необычное раздражение. Если действие, обусловленное аффектом, на-

ходит свое выражение в сознательной эмоциональной разрядке, мы говорим о сублимации. В таком случае этот тип уже почти всегда близок к «ценностной рационализации», или к целенаправленному поведению, или к тому и другому.

3. Ценностно-рациональная ориентация действия отличается от аффективного поведения осознанным определением своей направленности и последовательно планируемой ориентацией на нее.

Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности «предмета» любого рода. Ценностно-рациональное действие (в рамках нашей терминологии) всегда подчинено «заповедям» или «требованиям», в повиновении которым видит свой долг данный индивид.

4. Целерационально действует тот индивид, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего не эмоционально) и не традиционно. Ценностно-рациональная ориентация действия может, следовательно, находиться в различных отношениях с целерациональной ориентацией. С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда иррациональна, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение.

5. Эта классификация, конечно, не исчерпывает типы ориентаций действия.

4. Социальное отношение

Социальным «отношением» мы будем называть поведение нескольких людей, соотнесенное по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это.

1. Тем самым признаком данного понятия служит – пусть даже минимальная – степень отношения одного индивида к другому. Содержание этого отношения может быть самым различным: борьба, вражда, любовь, дружба, уважение, рыночный обмен.

2. Речь здесь идет о предполагаемом участниками эмпирическом смысле – о действительном или усредненном в конкретном случае, о конструированном в «чистом» типе, но никогда – о нормативно «правильном» или метафизически «истинном». Социальное отношение имеется даже в тех случаях, когда речь идет о таких социальных образованиях, как «государство», «церковь», «сообщество», «брак» и т.д., и полностью и исключительно состоит в возможности того, что доступное определению действие, соотнесенное с действием другого по своему смыслу, было, есть и будет.

«Государство», например, перестает «существовать» в социологическом смысле, как только исчезает возможность функционирования определенных типов осмысленно ориентированного социального действия.

3. Мы никоим образом не утверждаем, что индивиды, соотносящие свое поведение друг с другом, вкладывают в социальное отношение одинаковый смысл или что каждый из них внутренне принимает смысл установки своего контрагента, что, следовательно, в этом смысле здесь существует взаимность. «Дружба», «любовь», «уважение», «верность договору», «чувство национальной общности», присущие одной стороне, могут наталкиваться на прямо противоположные установки другой. Если данные индивиды связывают со своим поведением различный смысл, социальное отношение является объективно «односторонним» для каждого из его участников. Однако и в этом случае их поведение соотносено, поскольку действующий индивид предполагает (может быть, ошибаясь или в какой-то степени неверно), что определенная установка по отношению к нему (действующему лицу) присуща и его партнеру.

Объективно «двусторонним» отношение может быть лишь постольку, поскольку его содержание соотносено таким образом, что оно соответствует ожиданиям партнеров. Однако отсутствие обоюдности лишь тогда исключает (по нашей терминологии) «социальное отношение», когда в результате этого исчезает взаимная соотносённость поведения сторон. Здесь, как и всегда, есть множество самых разнообразных промежуточных стадий.

4. Социальное отношение может быть преходящим или длительным, то есть основанным на возможности того, что повторяемость поведения, существует. Следовательно, наличие вероятности повторения соответствующего данному смыслу поведения, означает, что социальное отношение в данном случае «существует»; на основании определенного рода установки определенных людей поведение их обычно проходит в рамках усредненно предполагаемого смысла.

5. Содержание социального отношения может изменяться; так, например, в политических отношениях солидарность может превратиться в коллизию, вызванную столкновением интересов. Содержание социального отношения может быть также частично неизменным, частично меняющимся.

6. Смысловое содержание, констатирующее социальное отношение на длительное время, может быть сформулировано в «максимах» Чем рациональнее – по цели или ценности – ориентировано данное поведение, тем более применим такой метод. Очевидно, что в случае эротических или вообще аффективных отношений (например, основанных на уважении) возможность рациональной формулировки предполагаемого

смыслового содержания значительно меньше, чем, скажем, при заключении делового контракта.

7. Содержание социального отношения может быть сформулировано по взаимному соглашению. Это означает, что все его участники дают определенные заверения (то ли друг другу, то ли вообще) по поводу своего поведения в будущем. В этом случае каждый участник соглашения рассчитывает – в той мере, в какой он рассуждает рационально, – прежде всего обычно на то (с различной степенью надежности), что другой будет в своем поведении ориентироваться на смысл соглашения так, как он (то есть первое действующее лицо) этот смысл понимает.

5. Типы социального поведения. Нравы. Обычай

Последовательность действий с типически идентично предполагаемым смыслом повторяется отдельными индивидами или (эвентуально одновременно) многими.

Фактически существующую возможность единообразия в установках социального поведения мы будем называть нравами, в том случае, если (и в той мере, в какой) их существование внутри определенного круга людей объясняется просто привычкой. Нравы мы будем называть обычаем, если фактические привычки укоренились в течение длительного времени. Обычай мы будем определять как «обусловленный интересами».

1. К нравам относится и «мода». «Мода» будет причисляться к нравам в том случае (обратном тому, что было сказано об обычае), если причиной ориентации становится нечто новое в поведении. Мода близка «условности», так как, подобно «условности», она (большей частью) связана с сословными престижными интересами.

2. «Обычаем» мы будем называть не гарантированное внешним образом правило, которым действующее лицо фактически руководствуется добровольно – то ли просто «не задумываясь», то ли из «удобства» или по каким-либо другим причинам – и вероятного следования которому оно из тех же соображений может ждать от людей того же круга. В этом смысле обычаи не являются чем-то «значимым»; ни от кого не «требуют» их соблюдения.

3. Многочисленные бросающиеся в глаза проявления единообразия в социальном поведении, прежде всего (но не только) в экономическом поведении, объясняются отнюдь не ориентацией на какую-либо считающуюся «значимой» норму, но и не обычаем, а просто тем фактом, что данный тип социального поведения, по существу, больше всего в среднем соответствует, по субъективной оценке индивидов, их естественным интересам. Чем более целерационально их поведение, тем более сходны их реакции на данные ситуации – возникают единообразия, регулярность и длительность установок и поведения, которые часто

обладают значительно большей стабильностью, чем поведение, ориентированное на нормы и обязанности, считающиеся «обязательными» в определенном кругу. Одним из существенных компонентов «рационализации» поведения является замена внутреннего следования привычным обычаям планомерной адаптацией к констелляции интересов.

4. Стабильность обычая (как такового) основана, в сущности, на том, что индивид, не ориентирующийся на него в своем поведении, оказывается вне рамок «принятого» в его кругу, то есть должен быть готов переносить всякого рода мелкие и крупные неудобства и неприятность, пока большинство окружающих его людей считается с существованием обычая и руководствуется им в своем поведении.

6. Понятие легитимного порядка

Поведение, особенно социальное поведение, а также социальные отношения могут быть ориентированы индивидами на их представление о существовании легитимного порядка. Возможность такой ориентации мы будем называть «значимостью» данного порядка.

1. Под «значимостью» порядка следует понимать нечто большее, чем простое единообразие социального поведения, обусловленное обычаем или констелляцией интересов.

2. Содержание социальных отношений мы будем называть «порядком» только в тех случаях, когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на отчетливо определяемые максимы.

Порядок, устойчивость которого основана только на целерациональных мотивах, в целом значительно лабильнее чем тот порядок, ориентация на который основана только на обычае, привычке к определенному поведению (наиболее распространенный тип внутреннего отношения). Однако последний еще несравненно более лабилен, чем порядок, обладающий престижем, в силу которого он диктует нерушимые требования и устанавливает образец поведения, то есть чем порядок, обладающий «легитимностью». Совершенно очевидно, что в реальной действительности нет четких границ между чисто традиционно или чисто ценностно-рационально мотивированной ориентацией на порядок и верой в его легитимность.

3. В тех случаях, когда этот (усредненно понятый) смысл «обходят» или сознательно «нарушают», на поведение в ряде случаев продолжает оказывать действие возможность того, что порядок в какой-то мере сохраняет свою значимость (в качестве обязательной нормы). Вор, скрывая свой поступок, ориентируется на значимость законов уголовного права.

Социологу не представляет труда признать сосуществование значимости различных противоречащих друг другу систем внутри одного и того же круга людей. Ведь даже отдельный индивид может ориентировать свои действия на противоречащие друг другу системы. И не только последовательно, как это случается каждодневно, но и в рамках одного

действия. Человек, участвующий в дуэли, ориентирует свое поведение на кодекс чести; скрывая же свои действия или, наоборот, представ перед судом, он ориентируется на уголовное законодательство. Напротив, здесь границы между обоими случаями стерты: «значимы», как мы уже указывали, могут быть одновременно противоположные друг другу системы, каждая из них – в той мере, в какой существует вероятность того, что поведение действительно будет ориентировано на нее.

Штаммлер не только не разделяет эмпирическую значимость и значимость нормативную, но, более того, не понимает, что социальное поведение ориентируется не только на «порядок»; и прежде всего порядок превращается у него, логически совершенно неправомерно, в «форму» социального поведения, а затем ему приписывается та роль по отношению к «содержанию», которую играет «форма» в теоретико-познавательном смысле.

7. Типы легитимного порядка: условность и право

I. Легитимность порядка может быть гарантирована только внутренне, а именно:

- 1) чисто аффективно: эмоциональной преданностью;
- 2) ценностно-рационально: верой в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших непреложных ценностей (нравственных, эстетических или каких-либо иных);
- 3) религиозно: верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка.

II. Легитимность порядка может быть гарантирована также (или только) ожиданием специфических внешних последствий, следовательно, интересом, причем это ожидание особого рода.

Порядком мы будем называть:

- а) условность, если ее значимость внешне гарантирована возможностью того, что любое отклонение натолкнется внутри определенного круга людей на (относительно) общее и практически осязаемое порицание;
- б) право, если порядок внешне гарантирован возможностью (морального или физического) принуждения, осуществляемого особой группой людей, в чьи непосредственные функции входит охранять порядок или предотвращать нарушение его действия посредством применения силы.

1. Условностью мы будем называть «обычай», который считается в определенном кругу людей «значимым» и невозможность отклонения от которого гарантируется порицанием. В отличие от права (в принятом нами смысле слова) здесь отсутствует специальная группа людей, осуществляющая принуждение.

При нарушении условности (например, «профессиональной этики») социальный бойкот со стороны людей одной профессии часто оказыва-

ется значительно более действенной и ощутимой карой, чем та, которую мог бы вынести судебный приговор. Здесь отсутствует только специальная группа людей, гарантирующая повиновение (у нас это судьи, прокуроры, чиновники, судебные исполнители и т.д.).

2. Мы в данном случае считаем решающим для понятия «права» наличие специальной группы принуждения, совсем не обязательно наличие «судебной» инстанции. Как известно, международное право часто не признавалось «правом», ввиду того что оно не гарантировано наличием надгосударственной принудительной власти. Для принятой здесь (из соображений целесообразности) терминологии порядок, гарантированный извне только ожиданием порицания и репрессий – следовательно, конвенционально и констелляцией интересов, – где отсутствует группа людей, действия которых специально направлены на его сохранение, не может быть определен как «право». Следовательно, «право» может быть иерократическим и политическим, может быть гарантировано статутами какого-либо объединения или авторитетом главы дома, сообществами или ассоциациями.

3. Значимый порядок не обязательно должен быть общим, абстрактным по своему характеру.

4. «Внешне» гарантированные системы могут быть гарантированы и «внутренне». «Этическим» социология считает тот критерий, для которого специфическая ценностно-рациональная вера людей служит нормой человеческого поведения, пользующегося предикатом «хорошего» в нравственном отношении, так же как поведение, применяющее предикат «красивый», прилагает к своему определению эстетический критерий. В этом смысле этические нормативные представления могут очень сильно влиять на поведение людей, без какой-либо внешней гарантии. Подобное обычно происходит в тех случаях, когда нарушение указанных норм серьезно не затрагивает чужих интересов. Однако часто соблюдение норм гарантируется религией; они могут гарантироваться и конвенционально (в смысле используемой здесь терминологии) посредством вынесения порицания при их нарушении или бойкота, а также юридически посредством санкций уголовного и гражданского права или вмешательства полиции.

Подлинно значимая в социологическом смысле этика в большинстве случаев обычно гарантируется тем, что ее нарушение может вызвать неодобрение, то есть гарантируется конвенционально на этическую нормативность, правовые, в ряде случаев чисто целерациональные по своему характеру, претендуют еще в значительно меньшей степени, чем конвенциональные.

Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Наука, 1990. – С. 602–643.

М. Вебер

Основные понятия стратификации

Экономически детерминированная власть и легальный порядок

Закон существует тогда, когда есть вероятность того, что некоторый порядок будет поддержан определенным штатом людей, которые используют физическое или психологическое принуждение с целью добиться лояльности по отношению к данному порядку либо налагают санкции на тех, кто нарушает его. Структура любого легального порядка непосредственно влияет на распределение экономической или какой-либо другой власти в пределах соответствующего сообщества. Это справедливо для всех типов легального порядка, а не только для государственного. В общем и целом мы понимаем под «властью» возможность одного человека или группы людей реализовать свою собственную волю в совместном действии даже вопреки сопротивлению других людей, участвующих в указанном действии.

«Экономически обусловленная» власть, конечно же, не идентична власти как таковой. Напротив, проявление экономической власти может быть всего лишь следствием власти, возникшей из иных источников. Человек может и не стремиться к власти с единственной целью обогатить себя экономически. Власть, включая экономическую власть, может быть оценена «ради нее самой». Очень часто стремление к власти обуславливается также социальными «почестями», которые она влечет за собой. Тем не менее не всякая власть ведет к социальным почестям: типичный американский бизнесмен, как и типичный спекулянт, намеренно избегает социальных почестей. Если говорить достаточно обобщенно, то «лишь экономическая» власть, особенно «явная» денежная власть, никоим образом не выступает общепринятой основой социальных почестей. Но и власть как таковая не представляет собой единственную основу социальных почестей. В самом деле, социальные почести, или престиж сами могут служить базисом политической или экономической власти, и очень часто так и происходит. Власть, как и почести, может гарантироваться легальным порядком, но чаще всего он является первичным источником почестей. Легальный порядок – это, скорее, дополнительный фактор, который повышает шансы добиться власти или почестей, но он никогда не гарантирует их.

Способ, каким социальные почести распределяются в сообществе между типичными группами, участвующими в таком распределении, мы будем называть «социальным порядком». Социальный порядок и экономический порядок в равной мере связаны с «легальным порядком». Тем не менее социальный и экономический порядки не идентичны. Для нас экономический порядок – всего лишь способ, каким экономические товары и услуги распределяются и используются. Конечно,

социальный порядок обусловлен экономическим порядком в очень высокой степени, но в то же время он также и влияет на него.

Сейчас мы часто можем сказать: «классы», «статусные группы» и «партии» – явления, относящиеся к сфере распределения власти внутри сообщества.

Детерминация классово́й ситуации рыночной ситуацией

Согласно употребляемой нами терминологии, «классы» не являются сообществами; они представляют чаще всего только возможную основу совместных действий. Мы вправе говорить о «классе» лишь в тех случаях, когда 1) некоторое множество людей объединено специфическим причинным компонентом, касающимся их жизненных шансов; 2) такой компонент представлен исключительно только экономическими интересами в приобретении товаров или в получении дохода; 3) этот компонент обусловлен ситуацией, складывающейся на рынке товаров или на рынке труда. (Указанные пункты относятся к «классовой ситуации», которую более сжато мы могли бы выразить как типичные шансы получения прибавочного продукта, внешние условия жизни и личный жизненный опыт, поскольку эти шансы детерминированы объемом и видом власти, либо недостатком таковой, распоряжаться товарами или квалификацией в целях получения дохода в рамках данного экономического порядка. Термин «класс» относится к любой группе людей, которая возникла в данной классовой ситуации.)

Самый элементарный экономический факт заключается в том, что способ, каким происходит распределение каналов распоряжения материальной собственностью среди множества людей, которые встречаются на рынке и конкурируют между собой в терминах обмена, сам по себе уже определяет специфические жизненные шансы. Согласно закону предельной полезности, подобный способ распределения исключает из соревнования за обладание высоко ценимыми товарами не-собственников; предпочтение отдается собственникам, которые в действительности устанавливают монополию на приобретение подобных товаров. Надо учесть и другое: такой способ распределения монополизирует возможности заключить выгодный контракт для всех, кто, запасаясь товарами, не обменивает их. В тенденции это усиливает позицию собственников в «войне за цены» в сравнении с теми, кто, не владея собственностью, не способен ничего предложить, кроме как свои услуги в их природном виде или товары в той форме, которая создается их собственным трудом, и кто, кроме всего прочего, вынужден избавляться от этих продуктов для того, чтобы как-то жить. Данный способ распределения предоставляет имущим определенную монополию, которая позволяет им перемещать свою собственность из той сферы, где она используется «наудачу», в ту сферу, где она превращается в «основной

капитал». Другими словами, этот способ придает имущим функцию предпринимателя и обеспечивает всеми необходимыми шансами для прямого или косвенного участия в распределении прибыли, полученной от оборота капитала. Такое положение дел, правда, характерно только для чисто рыночной ситуации. «Собственность» и недостаток «собственности» являются, таким образом, базисными категориями классовых ситуаций любого типа. При этом не имеет значения то, насколько эффективны подобные категории в «войне за цены» или конкурентной борьбе.

Классовая ситуация, в общих чертах охватываемая двумя категориями, постепенно предстает перед нами в более дифференцированном виде: с одной стороны, благодаря виду собственности, которую используют для извлечения прибыли, с другой – благодаря виду услуг, которые предоставляются на рынке. Владение семейными постройками, производственные заведения, товарные склады, магазины, сельскохозяйственные угодья, средние и малые холдинговые компании – все они разнятся количественно, хотя количественное различие влечет за собой качественные последствия. Собственность на шахты, крупный рогатый скот, людей (рабов); распоряжение мобильными средствами производства или «основным капиталом» любого сорта, особенно деньгами и предметами, которые можно обменять на деньги легко и в любое время; распоряжение перемещаемой монополией любого сорта – все это, вместе взятое, дифференцирует классовые ситуации, характерные для собственников, в той же мере, в какой делает «значимым» использование собственности, особенно той, которая имеет денежный эквивалент. В соответствии с этим собственники могут принадлежать к классу ратье либо к классу предпринимателей.

Те, кто не владеет собственностью, но кто предоставляет услуги, дифференцируются как по виду этих услуг, так и по способу, каким они делают полезными данные услуги, предоставляемые их получателю на постоянной или временной основе. Но в любом случае мы можем сказать: таково сопутствующее значение понятия «класс». Иными словами, разновидность шанса на рынке – решающий момент, определяющий общие предпосылки индивидуальной судьбы. Таким образом, «классовая ситуация» есть по существу «рыночная ситуация». Следствие явного владения самого по себе, которое, если обратиться к примеру собственников крупного рогатого скота, позволяет властвовать над немущими рабами или крепостными, есть всего лишь предвестник реального процесса формирования «класса». Тем не менее при займе крупного рогатого скота, как и при суровом взыскании долга, что характерно для таких сообществ, только фактор «владения» оказывался, во всяком случае на ранних этапах развития, решающим в определении индивидуальной судьбы. Совершенно иная ситуация складывалась в земледельческих сообществах, основанных на использовании живого труда. Отно-

шения кредитора и должника стали базой «классовой ситуации» только в тех деловых и коммерческих центрах, где плутократия сформировала «рынок кредитов», пусть даже примитивный, но способный определять норму роста прибыли в зависимости от степени дефицита кредитов и фактической монополии на них. С того и началась «классовая борьба».

Те категории людей, судьба которых не детерминирована возможностями (или шансами) приобретать на рынке товары в личное пользование или обслуживать самих себя, например рабов, нельзя называть «классами» в техническом смысле слова. Они, скорее всего, относятся к статусным группам.

Совместные действия как следствие классового интереса

Согласно нашей терминологии, фактором, создающим «класс», вне всяких сомнений выступает экономический интерес. Действительно, только экономические интересы вовлечены в бытие «рынка». Тем не менее, понятие «классовый интерес» вряд ли является таковым. Даже в качестве эмпирического понятия оно двусмысленно постольку, поскольку «классовый интерес» познается посредством отнесения к тому, что не есть фактическое устремление интересов, с определенной долей вероятности вычлененных из классовой ситуации и приведенных к «среднему» знаменателю. Действительно, классовая ситуация и сопутствующие ей факторы остаются теми же самыми, хотя устремление интересов каждого отдельного рабочего, к примеру, может варьироваться очень широко, а это зависит от того, в какой степени – низкой, средней или высокой – его формальная квалификация соответствует реально выполняемому заданию. Точно также устремление интересов может варьироваться в соответствии с тем, в какой степени совместные действия участников «классовой ситуации» отвечают общим чаяниям. Так, «профсоюзы» выросли из классовой ситуации, в которой индивиды не получили того, на что надеялись или что им было обещано. (Совместные действия относятся к тому типу действий, которые ориентированы на ощущение принадлежности людей к единому целому. Социетальные действия, с другой стороны, ориентированы на рационально мотивированное согласие интересов.) Зарождение социетального или даже совместного действия из общей классовой ситуации никак не является универсальным феноменом.

По своим последствиям классовая ситуация может закончиться возбуждением сходных реакций, которые, согласно нашей терминологии, нельзя называть «массовыми действиями». Но это не единственное последствие. Часто из такой ситуации рождается совместное действие. К примеру, так называемое «ворчанье» рабочих известно из древневосточной этики: таково моральное недовольство поведением мастера по отношению к рабочим, которое по своему практическому значению,

вероятно, было эквивалентно распространенному в позднеиндустриальную эпоху явлению, известному под именем «замедления» (сознательное ограничение трудовых усилий), возникшему в результате молчаливого сговора пролетариев. Вероятность, с какой из «массовых действий» членов данного класса рождаются «совместное действие» и, возможно, «социальное действие», определяется общими культурными условиями, особенно интеллектуальными. Это зависит также от того, до какой степени обнаружили себя противоречия, особенно – в какой степени стала прозрачной связь между причинами и последствиями «классовой ситуации». «Классовое действие» (совместное действие членов одного класса) никоим образом не рождается разницей жизненных шансов. Условия и результаты классовой ситуации по-разному осознаются людьми. Только тогда может ощущаться противоположность жизненных шансов, и то не как абсолютная данность, а как результат, проистекающий из 1) конкретного распределения собственности или 2) структуры конкретного экономического порядка. Такое, наконец, возможно лишь в тех случаях, когда реакция людей на классовую структуру принимает форму не импульсивного и иррационального протеста, но форму рационального взаимодействия. «Классовые ситуации», относимые к первой категории, особенно наглядно проявляются в античных и средневековых городах, там, где судьба улыбалась тем, кто добился успеха, монополизировав торговлю промышленными и пищевыми продуктами в данном районе. То же самое происходило при определенных условиях в аграрном секторе в самые разные исторические периоды, когда сельскохозяйственные ресурсы подвергались чрезмерной эксплуатации ради получения прибыли. Самый важный исторический образец второй категории представлен классовой ситуацией у современного «пролетариата».

Типы «классовой борьбы»

Любой класс может быть носителем одной из бесчисленных форм «классового действия», но это не обязательно должно происходить. В любом случае сам по себе класс не конституирует сообщество. Считать, что «класс» имеет тот же смысл, что и «сообщество», значит искажать данное понятие. Простейший факт, помогающий лучше понять исторические события, заключается в следующем: индивиды, находящиеся в одной и той же классовой ситуации, при массовом действии проявляют среднетипичные реакции на экономические стимулы. Этот факт не должен служить поводом к научным спекуляциям о «классе» и «классовых интересах», что зачастую происходит в наше время. Классическим примером является выражение одного талантливого автора о том, что индивид способен заблуждаться по поводу собственных интересов, но «класс» никогда не ошибается по поводу своих интересов. Даже если классы как таковые не являются сообществами, тем не менее классовые

ситуации возникают на базе коммунализации. Совместное, или коммунальное действие, формирующее классовую ситуацию, тем не менее не является базисным взаимодействием членов одного и того же класса; оно является взаимодействием индивидов, принадлежащих к разным классам. К совместным действиям, непосредственно детерминирующим классовую ситуацию рабочего и предпринимателя, относятся: рынок труда, рынок потребительских товаров, капиталистическое предприятие. В свою очередь, существование капиталистического предприятия предполагает, что существует очень специфическое совместное действие и что оно специфически структурировано для защиты власти индивидов, которые в принципе совершенно свободно распоряжаются средствами производства. Существование капиталистического предприятия обусловлено специфическим типом «легального порядка». Любая разновидность классовой ситуации, особенно если речь идет о власти над собственностью, в наивысшей степени проявит свои сильные стороны только тогда, когда по возможности элиминированы все другие факторы, детерминирующие взаимозэквивалентные отношения. В таком случае наибольшую важность приобретает использование в рыночных условиях власти над собственностью.

«Статусная группа» – та вещь, которая может помешать полному осуществлению рыночных принципов. В данном контексте она представляет для нас интерес только с этой точки зрения. Перед тем, как в общих чертах мы рассмотрим статусные группы, сделаем уточняющие замечания об антагонизме «классов» в нашем понимании... Борьба, в которой весьма эффективна классовая ситуация, прогрессивно перемещалась от потребления кредитов вначале к конкурентной борьбе на рынке товаров, а затем к «войне за цены» на рынке труда. «Классовая борьба» в античные времена – в той степени, в какой она была истинной борьбой классов, а не борьбой между статусными группами, – первоначально велась крестьянами-должниками, а, возможно, также ремесленниками, которым угрожала долговая кабала, вступившими поэтому в борьбу с городскими кредиторами. Долговая кабала – нормальный результат дифференциации богатства в коммерческих центрах, особенно в портовых городах. Похожая ситуация наблюдалась и среди скотовладельцев. Долговые отношения сами по себе продуцировали классовую ситуацию во времена Катилины. Наряду с этим и по мере увеличения поставок зерна в город из близлежащих деревень росла борьба за средства существования. Главным образом она концентрировалась вокруг снабжения хлебом и установления цен на него. Борьба продолжалась на протяжении всей античности и в средние века. Лишенные собственности сообщца выступили против тех, кто реально или предположительно был заинтересован в создании дефицита хлеба. Борьба постепенно расширялась, вовлекая всех тех, для кого предметы потребления играли

первостепенную роль в образе жизни и в работе, которая заключалась в ручном ремесле. Таковой была начальная фаза спора по поводу заработной платы в античности и средневековье. Он еще сильнее разгорелся в наше время. В более ранний период этот спор играл второстепенную роль в сравнении с восстаниями рабов и борьбой на рынке товаров.

Античные и средневековые неимущие протестовали против различного рода монополии, преимущественного права на покупку, скупку товаров, которые перехватывались по дороге к рынку с целью незаконного повышения цен, припрятывания товаров и отказа сдавать их на рынок с целью повышения цен. Сегодня центральный вопрос – установление цены на труд.

Подобные изменения выражены борьбой за доступ на рынок, за господство на установление цен на продукты. Такого рода бои происходили прежде между купцами и рабочими в системе домашней промышленности в переходный к современности период. Поскольку это достаточно общее явление, мы должны напомнить, что классовый антагонизм, обусловленный рыночной ситуацией, обычно бывал самым острым между теми, кто реально и непосредственно участвовал в качестве оппонентов в «войне за цены». Ими являлись не рантье, акционеры или банкиры, страдавшие от недостатка воли у рабочих, но почти исключительно промышленники и бизнесмены, которые непосредственно противостояли рабочим в «войне за цены». Подобное происходит вопреки тому очевидному факту, что «незаработанные» деньги чаще оседали в сундуках рантье, акционеров и банкиров, нежели в карманах промышленников и бизнесменов. Такое положение дел очень часто оказывалось решающим фактором в создании классовой ситуации, которая играла значительную роль при формировании политических партий. Примером являются различные виды патриархального социализма и попытки, по крайней мере, раньше, статусных групп, не имеющих прочного положения, создать союз с пролетариатом, чтобы объединенно выступить против «буржуазии».

Статусные почести

В противоположность классам статусные группы являются нормальными сообществами. Правда, в большинстве своем они аморфны. В противоположность чисто экономически детерминированной «классовой ситуации» мы понимаем под «статусной ситуацией» любой типичный компонент жизненной судьбы людей, который детерминирован специфическим, позитивным или негативным, социальным оцениванием почести. Такая почесь может обозначать любое качество, оцениваемое большинством людей и, конечно же, оно тесно связано с классовой ситуацией: классовые различия самыми разнообразными способами связаны со статусными различиями. Собственность как таковая не все-

гда признается в качестве статусной характеристики, но со временем она стала проявлять себя таковой, причем с удивительной регулярностью. В экономике соседской общины очень часто самые зажиточные люди становились вождями, что означает всего лишь проявление к ним уважения. К примеру, в так называемой современной чистой «демократии», которая означает порядок, при котором никто не имеет узаконенных привилегий, случается, что партнера по танцам выбирают из среды своего же класса. Сообщения об этом поступили из небольших шведских городов. Однако статусная почесть не обязательно связана с «классовой ситуацией». Напротив, статусная почесть, и это нормальное положение дел, находится в четкой оппозиции всему, что связано с собственностью.

И имущие, и неимущие могут принадлежать к одной и той же статусной группе, и часто это имеет весьма недвусмысленные последствия. Видимое «равенство», создаваемое социальным оцениванием, с точки зрения долговременной перспективы, ненадежно. «Равенство» статусов среди американских «джентльменов», к примеру, выражено тем фактом, что за пределами той субординации, которая определена различными функциями «бизнеса», встретившиеся на вечеринке в клубе за игрой в карты или бильярд «шеф» и его «подчиненный» обращаются друг с другом как равные. Непризнание того, что люди от рождения имеют равные права, оценивается негативно. Считается отвратительным поступком, когда «шеф» свысока дарит «подчиненного» своей благосклонностью, всячески подчеркивая разницу «позиций». В то же время шеф-немец не боится причинить себе вред, высказав свои истинные чувства. Такова одна из главных причин того, почему в Америке немецкая форма «дружеского общения между людьми одного круга» не получила той популярности, какую приобрели чисто американские формы клубного общения.

Гарантии статусной стратификации

По содержанию статусную почесть можно выразить следующим образом: это специфический стиль жизни, который ожидается от тех, кто высказывает желание принадлежать к данному кругу людей. Связанные с этим стилем ожидания представляют собой ограничения «социального» общения (т.е. общения, которое не обслуживает экономические или любые другие «функциональные» цели бизнеса). Подобные ограничения могут предписывать заключение брака в рамках своего статусного круга, а также могут привести к эндогамному закрытию (closure). «Статус» развивается постольку, поскольку он не является индивидуально и социально иррелевантной имитацией другого стиля жизни, но представляет собой основанное на достигнутом согласии совместное действие закрытого типа.

Традиционная демократия Америки представляет ныне характерную форму стратификации по «статусным группам», основанную на конвенциональных стилях жизни. Здесь, в частности, к социальному общению, визитам и приглашениям допускаются только жители определенной улицы, которые считаются принадлежащими к «обществу». Дифференциация развивается до такой степени, при которой люди вынуждены подчиняться даже условностям господствующей в данный момент и в данном обществе моды. Подчинение моде среди американцев развито в такой мере, какая неизвестна немцам. Такого рода подчинение служит показателем, того, что данный человек претендует называться джентльменом. На основании подобного подчинения решается, по крайней мере *prima facie*, что он будет рассмотрен в таком качестве. И это признание настолько важно, что оно определяет его шансы к трудоустройству в «шикарное» учреждение, а кроме того, возможности социального общения и заключения брачных уз с представителями «уважаемых» семейств. Это у немцев кайзеровской Германии квалифицировалось как должный порядок вещей. Старые и богатые семьи с хорошей родословной, например, «П.С.В.», т.е. «Первые Семьи Вирджинии», реальные или мнимые потомки «индейских принцев» Покахонтов, отцы-пилигримы, жители Нью-Йорка, члены тайных сект, а также представители всевозможных кругов, отделяющих себя от других членов общества какими-либо обозначениями и характеристиками, – все они суть элементы узурпированной «статусной» почести. Развитие статуса – важный вопрос стратификации, основанной на узурпации. Узурпация – естественный источник почти всех статусных почестей. Однако путь от этой чисто конвенциональной ситуации к легальным привилегиям, позитивным или негативным, легко прокладывается, как только достигнута стабильность благодаря упорядоченному распределению экономической власти...

Статусные привилегии

С точки зрения практических целей, стратификация по статусам идет рука об руку с монополизацией идеальных и материальных товаров и возможностей. Помимо специфической статусной почести, которая всегда основывается на дистанции и исключительности, мы обнаруживаем все разновидности материальной монополии. Почетное выделение может состоять в привилегии носить специальный костюм, кушать специальные блюда, запрещенные для остальных, жестикулировать руками, играть на музыкальных инструментах, как это делают только профессиональные артисты. Конечно, материальная монополия предоставляет самый эффективный мотив для исключительности статусной группы, хотя сама по себе она не всегда достаточное условие. Внутри статусного круга такая монополия проявляет себя в браках меж-

ду представителями разных групп. Брачующиеся семьи заинтересованы в монополизации будущей комнаты для новобрачных, которая одинаково нужна тем и другим. Параллельно с этим проявляется активный интерес к монополизации дочерей. Принадлежащие к данному статусному кругу дочери должны быть обеспечены всем необходимым. По мере того как усиливается закрытие статусной группы, условные предпочтительные возможности для специальной занятости перерастают в легальную монополию на специальные должности, учреждаемые для членов этой группы. Конкретные товары становятся объектами монополизации, проводимой статусными группами. В типичном случае это включает «унаследованное земельное владение», а также часто собственность на рабов, крепостных и, наконец, специальные виды торговли. Такого рода монополизация происходит позитивно, если конкретная статусная группа имеет исключительное право на собственность и на распоряжение ею, и негативно, если статусная группа для поддержания своего специфического образа жизни не наделяется правами собственности и распорядителя.

Решающая роль «стиля жизни» в статусных «почестях» означает, что статусные группы выступают специфическими носителями всякого рода «условностей». В какой бы форме это ни выражалось, все «стилизации» жизни либо проистекают из статусных групп, либо поддерживаются ими. Даже если главные статусные условности разнятся очень сильно, они все равно остаются определенными типичными чертами, особенно среди тех страт, которые считаются самыми привилегированными. Говоря достаточно общо, среди привилегированных статусных групп существует статусная дисквалификация, направленная против выполнения физического труда. Дисквалификацией можно назвать переоценку нынешними американцами традиционного подхода к физическому труду. Очень часто занятия рациональной экономической деятельностью, особенно «предпринимательской деятельностью», выглядят как дисквалификация статуса. Артистическая и литературная деятельность, если они нацелены на получение дохода, или просто связаны с тяжелыми физическими усилиями, также рассматриваются как унижительная работа. Примером является работа скульптора, если он трудится в своей пыльной мастерской, подобно каменщику, одетый в пыльный халат. Напротив, деятельность художника в студии-салоне и все формы музицирования более подходят образу данной статусной группы...

Понятия класса и классового статуса

Термин «классовый статус» применяется для обозначения типичной вероятности, с какой: а) обеспечение товарами, б) внешние условия жизни, в) субъективная удовлетворенность или фрустрация характерны для индивида или группы. Эти вероятности определяют классовый статус на-

столько же, насколько сами они зависят от вида и степени полного или частичного контроля, который индивид осуществляет над товарами или услугами и наличными возможностями их использования ради получения дохода или прибыли в рамках сложившегося экономического порядка.

«Класс» – это любая группа людей, имеющих один и тот же классовый статус. Можно выделить следующие типы классов: а) класс как «класс собственников», в котором классовый статус индивидов детерминирован прежде всего дифференциацией размеров владений; б) класс как «стяжательский класс», в котором классовая ситуация индивидов детерминирована прежде всего их возможностями эксплуатировать услуги на рынке; в) класс как «социальный класс», структура которого состоит из разнообразного множества классовых статусов, между которыми вполне возможно или наблюдается как типичный факт взаимное изменение индивидов, происходящее на персональной основе или в рамках нескольких поколений. На базе любого из этих трех типов классовых статусов могут возникать и развиваться ассоциативные отношения между теми, кто разделяет одни и те же классовые интересы, например, корпоративный класс. Тем не менее, это не обязательно всегда так и происходит. Понятия класса и классового статуса как таковые обозначают только факт тождественности или схожести в типичной ситуации, где данный индивид и многие другие люди определились в своих интересах. Классовые статусы, во всем своем многообразии и различиях, конституируются благодаря контролю над различными сочетаниями потребителей товаров, средств производства, инвестиций, основных капиталов и рыночных способностей. Только те, кто совсем не имеет квалификации и собственности, кто зависит от случайных заработков, в строгом смысле обладают одним и тем же классовым статусом. Очень сильно варьируются между собой традиции, характеризующие различные классы. Они разнятся друг от друга по текучести кадров и той легкости, с какой индивиды входят в данный класс и покидают его. Таким образом, единство «социальных» классов очень относительно и подвижно.

Значение позитивно привилегированного класса собственников основывается прежде всего на следующих фактах: 1) они способны монополизировать приобретение дорогих товаров; 2) они могут контролировать возможности систематической монопольной политики в продаже товаров; 3) они могут монополизировать возможности накопления собственности благодаря непотреблению прибавочного продукта; 4) они могут монополизировать возможности аккумуляции капитала благодаря сохранению за собой возможности предоставлять собственность взаем и связанной с этим возможности контролировать ключевые позиции в бизнесе; 5) они могут монополизировать привилегии на социально престижные виды образования так же, как на престижные виды потребления.

Позитивно привилегированные классы собственников обычно живут на доходы от собственности. Источником может служить право собственности на людей, как, например, у рабовладельцев, на землю, рудники, фиксированное оборудование, скажем, на заводы, машины, корабли, как это происходит у кредиторов, ссужающих под проценты. Ссуда может включать домашних животных, деньги или зерно. Наконец, они могут жить на доходы от ценных бумаг.

Классы, называемые негативно привилегированными по отношению к собственности, обычно принадлежат к одному из следующих типов: а) они не владеют, а сами являются объектом чужого владения, поэтому они не свободны; б) они стоят «вне каст», т.е. являются «пролетариатом» в том смысле, в каком понимали его в античности; в) они принадлежат к классу должников и, следовательно, г) к «беднякам».

Между ними находятся «средние классы». Этим термином описывают тех, кто владеет всеми видами собственности или обладает конкурентоспособностью на рынке труда благодаря соответствующей подготовке, тех, чья позиция укрепляется благодаря таким источникам. Кого-то из них можно отнести к «стяжательским» классам. Предприниматели попадают в эту категорию благодаря своим внушительным позитивным привилегиям; пролетарии – благодаря негативным привилегиям. Но многие типы, в частности, крестьяне, ремесленники и чиновники не попадают в эту категорию. Дифференциация классов единственно только по критерию собственности не является «динамичной», иначе говоря, она не является результатом классовой борьбы или классовых революций. Вовсе не редкость даже для чисто привилегированных классов собственников, скажем, для рабовладельцев, существовать бок о бок с совершенно непривилегированными группами, например, крестьянами, и даже с внекастовыми группами без какой-либо классовой борьбы. Между привилегированными классами собственников и несвободными элементами иногда могут возникать даже отношения солидарности. Тем не менее, конфликты, возникающие между землевладельцами и внекастовыми элементами или между кредиторами и должниками, которые принимали форму (во втором случае) столкновения городских патрициев с крестьянами и городскими ремесленниками, могли перерасти в революционный конфликт. Но это не должно было с необходимостью вести к радикальному изменению экономической организации. Напротив, такие конфликты касались большей частью перераспределения богатств. Поэтому их правильнее именовать «революциями собственности».

Ярким примером отсутствия классового антагонизма является отношение бедняков из белого населения южных штатов, происходивших из тех людей, кто никогда не имел рабов, к плантаторам Юга Соединенных Штатов. «Белые бедняки» испытывали гораздо большую враждебность к неграм, нежели к плантаторам, которым были не чужды элемен-

ты патриархальных отношений и чувств. Конфликт между внекастовыми элементами и классами собственников, между кредиторами и должниками, между землевладельцами и внекастовыми прекрасно иллюстрирован античной историей.

Значение стяжательских классов

Значение позитивно привилегированного «стяжательского» класса обнаруживается в двух основных направлениях. С одной стороны, для них открывается возможность присвоения монополии на управление производственными предприятиями в пользу членов своего класса и их деловых интересов. С другой стороны, этот класс стремится к гарантии и неприкосновенности своей экономической нормы, оказывая влияние на экономическую политику представителей власти и других групп.

Члены позитивно привилегированных «стяжательских» классов – это типичные предприниматели. Другими наиболее важными типами являются: купцы, судовладельцы, промышленные и сельскохозяйственные предприниматели, банкиры и финансисты. При определенных условиях к представителям таких классов могут быть отнесены два других типа, а именно: лица «свободных» профессий, обладающие привилегированной позицией благодаря своим способностям и образованию, а также рабочие, которые занимают монополистическую позицию благодаря специальным навыкам (квалификации), независимо от того, являются эти навыки унаследованными или приобретены в результате обучения.

К «стяжательским» классам, находящимся в негативно привилегированной ситуации, относятся рабочие самых разных типов. В целом их можно разделить на квалифицированных, полуквалифицированных, неквалифицированных.

В связи с этим независимых крестьян и ремесленников следует отнести к «средним классам». Эта категория обычно включает чиновников, занятых в общественном и частном секторах, лиц свободных профессий, а также рабочих, занимающих исключительную монополистическую позицию.

Примером «социальных классов» выступают: а) «рабочий» класс как целое (занятый в механизированном процессе); б) «нижние средние» классы; в) «интеллигенция» без самостоятельной собственности и лица, чье социальное положение прежде всего зависит от технических знаний так же, как положение инженеров, коммерческих и других служащих, а также гражданских чиновников, эти группы сильно различаются между собой, особенно в зависимости от стоимости обучения; г) классы, занимающие привилегированную позицию благодаря собственности и образованию.

В неоконченной главе «Капитала» Карл Маркс, очевидно, намеревался рассмотреть проблему пролетариата, внутрикласовое сходство которого он утверждал вопреки вопиющим качественным различиям внутри его. Решающий фактор – возрастание важности полуквалифицированных рабочих, приобретших подготовку за относительно коротких период времени непосредственно у станков. Возрастание произошло за счет «квалифицированных» рабочих старого типа, а также неквалифицированных рабочих. Тем не менее, даже такой тип квалификации может оказаться монополией. К примеру, ткач достигает наивысшей производительности труда, лишь имея пятилетний стаж.

Раньше каждый рабочий стремился прежде всего стать независимым мелким буржуа, но возможности достичь своей цели со временем сужались. От поколения к поколению наиболее удобным способом сделать карьеру для квалифицированных и полуквалифицированных рабочих становился переход в класс технических специалистов. В большинстве высокопривилегированных классов, по крайней мере на протяжении более чем одного поколения, деньги превращаются во всепоглощающую цель. Через банки и промышленные корпорации представители нижнего среднего класса и группы, живущие на жалование, получают определенные возможности подняться в привилегированный класс.

Организованная деятельность классовых групп осуществляется благодаря следующим обстоятельствам: а) возможности сосредотачиваться на оппонентах там, где возникает непосредственный конфликт интересов (так, рабочие организуются в борьбе против руководства, но не против акционеров, хотя это единственная группа, получающая доходы не работая, точно так же крестьяне не ведут организованных действий против лендлордов); б) существованию классового статуса, который сходен у большинства масс людей; в) технически реализуемой возможности примирения (это справедливо для тех мест, где на небольшом пространстве трудится большее число людей, например, на современной фабрике); г) лидерству, направляемому к очевидным и понятным целям. Такие цели навязываются или по крайней мере интерпретируются такими группами, как интеллигенция, которая в сущности и не является классом.

Социальные страты и их статус

Термином «социальный статус» мы будем обозначать реальные притязания на позитивные или негативные привилегии в отношении социального престижа, если он основывается на одном или большем количестве следующих критериев: а) образ жизни, б) формальное образование, заключающееся в практическом или теоретическом обучении и усвоении соответствующего образа жизни, в) престиж рождения и профессии.

Основными практическими проявлениями статуса в отношении к социальной стратификации выступают статус женатого или замужней, статус сотрапезника и монополистическое присвоение привилегированных экономических возможностей либо запрещение на определенные способы присвоения (стяжательства). Наконец, существуют условности или традиции другого рода, приписываемые социальному статусу.

Стратификационный статус может быть связан с классовым статусом прямо или косвенно множеством сложных путей, а не единственным. Собственность и менеджерские позиции сами по себе еще недостаточны, чтобы представить их держателям определенный социальный статус, хотя способны повлиять на него.

Напротив, социальный статус частично или полностью может определять классовый статус, хотя и не идентичен ему. Классовый статус, скажем, военного офицера, гражданского служащего или студента, поскольку они зависят от получаемых доходов, может сильно различаться, хотя во всех отношениях их образ жизни определяется общим для всех них образованием.

Социальная «страта» – это множество людей внутри большой группы, обладающих определенным видом и уровнем престижа, полученного благодаря своей позиции, а также возможности достичь особого рода монополии.

Существуют следующие наиболее важные источники развития тех или иных страт: а) наиболее важный – развитие специфического стиля жизни, включающего тип занятия, профессии; б) второе основание – наследуемая харизма, источником которой служит успех в достижении престижного положения благодаря рождению; в) третье – присвоение политической или иерократической власти, такой, как монополии, социально различающимися группами.

Развитие наследственных страт – обычная форма наследственного присвоения привилегий организованной группой или индивидуально определенными лицами, осуществляющими власть, ведет к развитию различающихся между собой страт. В свою очередь, развитие страт ведет к монополистическому присвоению управленческой власти и соответствующих экономических преимуществ.

«Стяжательским» классам благоприятствует экономическая система, ориентированная на рыночные ситуации, в то время как социальные страты развиваются и поддерживаются скорее всего там, где экономическая организация носит монополистический и литургический характер, где экономические потребности корпоративных групп удовлетворяются на феодальной или патримониальной основе. Класс, ближе всего расположенный к страте, – это «социальный» класс, а класс, дальше всего отстоящий от нее по времени образования, – это «стяжательский» класс. Класс собственников чаще всего конституирует ядро страты.

Любое общество, где страты занимают важное место, в огромной степени контролируется условными (конвенциональными) правилами поведения. Они создаются экономически иррациональными условиями потребления и препятствуют развитию свободного рынка благодаря монополистическому присвоению и ограничению свободного перемещения экономических способностей индивидов. Этот вопрос мы обсудим в другом месте.

Вебер М. Основные понятия стратификации //Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 169–183.

Ф.Г. Гиддингс О социологии

«Точное знание общества... принадлежит к числу наших самых недавних приобретений... Первые попытки научного наблюдения и классификации социальных фактов и истинного обобщения их сохранились для нас в «Республике» и «Законах» Платона и в «Политике» Аристотеля, но все это были лишь первые попытки. В этих сочинениях, однако, общество рассматривается в своем целом как организованное в гражданскую общину или в государство, тогда как во времена Римской империи, в Средние века и в век Просвещения все научные исследования социальных явлений были крайне отрывочны. Некоторые из этих исследований носили характер экономический, другие – юридический, третьи – церковный, четвертые – политический. Никто не пытался описать ассоциативную и социальную организацию во всей их полноте, никто не постарался понять конкретное жизненное целое. Только в текущем столетии научные методы были систематически приложены к решению этой обширной задачи...

Слово «социология» было впервые употреблено Огюстом Контом в его «Курсе позитивной философии» в качестве обширной социальной науки, составляющей часть позитивной философии. Конт первый ясно увидел необходимость очищения элементов этой науки от всяких посторонних материалов, идей и методов, и первый соединил в одно понятие все действительно необходимые элементы. Платон и Аристотель никогда не отделяли политику от этики или научу политики от искусства политики: В восемнадцатом веке политическая наука была безнадежно смешана с революционным духом, Ни Гоббс, ни Монтескье, ни экономисты не изучали общества во всех его видах и, несмотря на влияние Юма, которому Конт обязан всем, что есть истинного в его понятии причинности, социальные объяснения оставались еще в значительной степени теологическими и метафизическими.

Итак, Конт первый пролил рационалистический свет на это неустойчивое, утверждая, что общество должно рассматриваться как недели-

мое и организм, и пытаюсь основать науку о социальных явлениях в их полноте – науку позитивную по ее методам, основанную на широком наблюдении фактов и, как науку, отделенную раз навсегда от политического искусства и от революционных целей. Социология, как ее представлял себе Конт, должна вполне соответствовать социальной физике, так как задача социологии должна состоять в открытии естественных причин и естественных законов общества и в удалении из истории, политики и экономики всех метафизических и сверхъестественных следов подобно тому, как они были изгнаны из астрономии и химии. Конт полагал, что, следуя позитивному методу, социология могла бы сделаться в достаточной степени наукой предвидения, указующего ход прогресса.

После Конта социология развилась, главным образом, благодаря трудам тех лиц, которые вполне почувствовали всю силу учения, навсегда переменившего ход научного мышления. Эволюционное объяснение естественного мира проникло во все области знания. Закон естественного отбора и понятие жизни как процесса приспособления биоорганизма к окружающей среде сделали душою современной биологии и психологии... Наука, проследившая жизнь от протоплазмы до человека, не могла остановиться на объяснении его внутреннего устройства. Она должна была ознакомиться и с его многообразными внешними отношениями, с этническими группами, с естественными человеческими обществами и со всеми теми явлениями, какие в них обнаруживаются, а также исследовать, не является ли все это продуктом всемирной эволюции. Поэтому мы находим не только в ранних произведениях Герберта Спенсера, но также и в произведениях Дарвина и Геккеля намеки на эволюционное объяснение социальных отношений. Эти намеки сами не составляют еще социологии... Но такие намеки достаточно показывали, где должны лежать некоторые основания новой науки...

Понятие общества как организма у Спенсера более определено, чем у Конта. По мнению Спенсера, общество есть организм, не только в виде простой фантастической аналогии, как в «Левиафане» Гоббса, но и в действительности, не только нравственно, но также и физиологически, потому что в строении общества наблюдается разделение труда, переходящее от отдельных личностей на группы и организации этих личностей. В нем имеется питающая система, состоящая из промышленных групп; распределительная система, состоящая из торговых действий; регулирующая система, состоящая из политической и религиозной деятельности. Спенсер прилагает немало старания, чтобы показать, что этический прогресс и счастье человеческого рода зависят от этой функциональной организации общества, но он не развивает настолько полно, насколько мы могли бы желать, мысль Платона который находил в социальном разделении труда основание и истинный тип этической жизни и, таким

образом, прокладывая дорогу для понятия общества как средства усовершенствования человеческой личности.

Если Спенсер не совсем удовлетворителен в этом отношении, зато оставляет желать очень немногого относительно той полной определенности, с какой он объединяет социальную организацию с всемирным физическим процессом...

Надо признать, однако, что наиболее важные сочинения в социологии вполне открыты научной критике, которую выдвигают против нее те, кто не верят в её возможность общей науки об обществе. Социология... выступила с тем, чтоб объяснить общество как целое, а сама не сумела достичь единства метода. Она внушила то впечатление, что социальная наука есть наука общая, но не связная, что она может описать общество в его целом только путем перечисления его частей, и что она должна неизбежно потерпеть неудачу при объяснении лежащего в основании его единства.

Можно было бы думать, что социология, приняв во внимание эти критические замечания, передаст все субъективные объяснения другим наукам, а сама ограничится выработкой объективного объяснения. Но это значило бы отказаться вполне от всякой претензии свести к единству социальные явления...

В значительной степени благодаря экономической мысли, установилось общее мнение, будто взаимопомощь и разделение труда являются отличительными признаками общества. В действительности, однако, взаимопомощь и разделение труда наблюдаются и среди клеточек и органов живого организма так же, как среди, членов общества, тогда как социальные сношения часто не носят никакого следа кооперации. Пока ошибочное мнение, будто социальные различия могли быть открыты в органических или экономических фактах, не потрясло всякого среди ученых, до тех пор не могло быть действительного прогресса. Мнение это потеряло всю силу благодаря попыткам некоторых даровитых ученых коснуться поглубже этой проблемы. Профессор Людвиг Гумплович сделал попытку доказать, что истинные элементарные социальные явления суть конфликты, смешения и ассимиляции разнородных этнических групп. Новиков, продолжая обобщение еще дальше, утверждает, что социальная эволюция есть в сущности прогрессивное видоизменение конфликта союзом, вследствие чего сам конфликт преобразовывается из борьбы физической в борьбу интеллектуальную. Профессор Де-Греф, смотря на вопрос совсем иначе, находит отличительный признак социального явления в договоре и измеряет социальный прогресс соответственно замещению принудительной власти сознательным соглашением. Габриэль Тард в своих оригинальных и интересных исследованиях, оставивших долгий след в области психологических и социологических идей, доказывает, что первичный социальный факт состоит в подражании, в явлении, предшествующем всякой взаимопомощи, разделению

труда и договору. Профессор Эмиль Дюркгейм, не соглашаясь с заключением Тарда, пытается доказать что существенный социальный прогресс, а потому и первоначальное социальное явление, состоит в подчинении каждого индивидуального ума внешним по отношению к нему видам действия, мысли и чувства.

Из всех этих писателей Тард и Дюркгейм несомненно ближе всех подошли к решению вопроса о существенной природе социальных явлений и к установлению первого принципа социологии. Они разошлись в понимании друг друга, но для беспристрастного читателя этих авторов вполне ясно, что они оба смотрят с различных точек зрения на явления, тесно между собой связанные; профессор Дюркгейм рассматривает впечатление, оказываемое многими умами на ум единичный; Тард – подражательный ответ многих на заразительную изобретательность одного...

Социология отныне должна пойти по верному пути по той же причине, которая, по мнению Спенсера, удерживает и человечество на его надлежащем пути, а именно потому, что она испытывает все иные ошибочные пути».

Гиддингс Ф. Г. Основания социологии. – Л.: Наука, 1898. – С. 5–18.

П.А. Сорокин.

Социокультурная динамика и эволюционизм

1. XIX век. Наши сегодняшние представления о социокультурной динамике значительно отличаются от представлений бытовавших в XVIII и XIX веках. Мы до сих пор пользуемся термином О.Конта «социальная динамика», но подразумеваем под этим нечто отличное от того, что имели в виду Конт и представители общественных и гуманитарных наук в XIX веке. В социологии, общественных и гуманитарных науках XX века по сравнению с общественными и гуманитарными науками двух предшествующих столетий произошел значительный сдвиг в изучении «что», «как» и «почему» социокультурных изменений их единообразия.

Социокультурное изменение представляет собой сложный многоплановый процесс. Оно имеет множество различных аспектов, каждый из которых может стать самостоятельным предметом исследования социальной динамики, и внимание исследователей может быть сосредоточено то на одном, то на другом его аспекте. Аспекты социокультурного изменения, находящиеся в центре внимания сегодня, уже не те, что интенсивно изучались в XVIII и XIX веках. Общественно научная мысль XVIII и XIX веков была занята большей частью изучением разнообразим линейных тенденций развития, разворачивающихся во времени и в пространстве. Она оперировала главным образом понятием человечества вообще и стремилась отыскать «динамические законы эволюции и

прогресса», определяющие магистральное направление человеческой истории. Сравнительно мало внимания уделялось социокультурным процессам, повторяющимся в пространстве (в разных обществах), во времени или в пространстве и во времени. В противоположность интересу, доминировавшему в XVIII и XIX веках, главный интерес философии общественных и гуманитарных дисциплин в XX веке сместился в сторону изучения социокультурных процессов и связей, остающихся неизменными везде и всегда или повторяющихся во времени и пространстве или во времени и в пространстве ритмов флуктуаций, осцилляций, «циклов» и их периодичности.

В XVIII и XIX веках подавляющее большинство ученых, философов, представителей общественных и гуманитарных наук твердо верили в существование вечных линейных тенденций изменения социокультурных явлений. Основное содержание исторического процесса заключалось для них в развертывании и все более полной реализации этой «тенденции прогресса и эволюции», стабильной «исторической тенденции» и «закона социокультурного развития». Одни изображали эти тенденции в виде прямой линии, другие – в виде «спирали», третьи – в виде волнообразной линии разветвления с небольшими временными возвращениями в исходное положение. Это все лишь разновидности концепции поступательного развития как основы социокультурного процесса. Поэтому главной целью и главной заботой естествоиспытателей, философов, представителей общественных и гуманитарных наук в эти столетия были отыскание и описание этих «вечных законов прогресса и эволюции» и разработка основных стадий, или фаз, которые проходит этот процесс, все более полно реализуясь во времени. На отыскании, описании и подтверждении существования тенденций и соответствующих им стадий были сосредоточены усилия биологии и социологии, философии, истории, социальной философии и других общественных и гуманитарных наук XIX века. Хотя, например, в истории эти тенденции занимают сравнительно немного места, в самом изложении исторических событий, однако, они служат как бы путеводной звездой, принципом обоснования при упорядочении и интерпретации конкретного фактического материала. В этом смысле вся общественная мысль XVIII и XIX веков отмечена верой в линейные законы эволюции и прогресса...

В биологии господство этой точки зрения проявилось в открытии и всеобщем понятии «закона эволюции», почти единодушно толкуемого как линейная тенденция в прямолинейной, спиралевидной, разветвляющейся и других разновидностях прогрессивного нарастания дифференциации и интеграции; перехода от простого к сложному, от «низшего к высшему», от «менее совершенного к более совершенному», «от амебы к человеку», от рефлексов и инстинктов к рассудку и разуму, от отдельного индивида к семье, племени, современному государству; и также в

убеждении, что несмотря на узколюбых и реакционных политиков, не мы, так наши потомки увидят весь человеческий род объединенным в «Сообщество наций», «Всемирную федерацию». «Весь ход эволюции характеризуется непрерывным исчезновением менее приспособленных и выживанием более приспособленных...». Линейная интерпретация биологической и социальной эволюции была до сих пор и остается (пусть и не столь явной сегодня) главной догмой биологии.

То же самое справедливо в отношении концепции социокультурного изменения, господствовавшего в философии, социальной философии, философии истории XVIII и XIX веков. Типичны в этом смысле концепции Гердера, Фихте, Канта и Гегеля. И Гердер и Кант видели главную тенденцию исторического процесса в прогрессивном сокращении насилия и войн, стабильном расширении сферы мира и росте справедливости, разума и нравственности. Для Фихте человеческая история в целом представляет собой последовательность 5 стадий – все более полную реализацию свободы, истины, справедливости и красоты. По Гегелю, основное направление исторического процесса заключается в прогрессирующем росте свободы: от свободы для никого на заре человеческой истории, через стадии свободы для одного, свободы для некоторых и кончая свободой для всех.

Для социологии и социальной философии XIX века показательны общие теории социальной динамики Тюрго, Кондорсе, Бурдена, Сен-Симона, Конта и теория эволюции Герберта Спенсера. Для Конта весь исторический процесс есть последовательный переход человеческого мышления, культуры и общества от теологической стадии к метафизической и затем к позитивной. Поэтому «социальная динамика» Конта вряд ли может иметь дело с какими-либо повторяющимися социокультурными процессами, она целиком посвящена выведению и подтверждению его «закона трех стадий». «Социальная динамика» Спенсера представляет собой простое приложение его формулы эволюции-прогресса, согласно которой весь социокультурный универсум переходит со временем из состояния неопределенной бессвязной однородности в состояние определенной согласованной разнородности с растущей дифференциацией и интеграцией человеческой личности, культуры и общества.

Находясь во власти таких линейных представлений о социокультурном изменении, большинство социологов и ученых-обществоведов XIX века сводили изучение динамики социокультурных явлений даже в чисто фактографических исследованиях главным образом к выявлению и определению различных линейных тенденций, последовательных стадий развития, исторических тенденций и законов эволюции исследуемых явлений. В результате большинство открываемых ими «единообразии изменения» приобрело линейный характер. Вот лишь несколько

тому примеров. Теория Фердинанда Тенниса, согласно которой человечество со временем переходит от объединений типа *Gemeinschaft* к объединениям типа *Gesellschaft*, является линейной теорией. Теория постепенной эволюции от общества, Основанного на «механической» солидарности, сопровождающейся заменой «репрессивного» права «реститутивным», тоже линейная теория. К разряду линейных относятся и... законы перехода обществ от «простых» к «составным» («двух-», «трех-составным» и т.д.) Герберта Спенсера и Дюркгейма. Не менее линеен и сформулированный Д. Новиковым закон эволюции борьбы за существование: от самых ранних форм кровавого «физического истребления» к менее кровавой «экономической» борьбе, а затем к политической борьбе и от нее к последней бескровной форме чисто «интеллектуального» соревнования; и разделяемая десятками обществоведов точка зрения на историю как на прогрессивное увеличение сферы мира и сокращение сфер войны...; и утверждаемое А. Гобино историческое движение от чистых и неравноценных рас к смешанным и равноценным с вырождением «человеческого стада, застывшего в своем ничтожестве»; и конец человеческой цивилизации как последний пункт этого движения; и сформулированный Л. Винарским закон социальной энтропии, ведущей ко все большему социокультурному выравниванию каст, социальных групп, классов, рас и индивидов и в конце концов – к безжизненному социокультурному равновесию и концу человечества; и извечная тенденция ко все более глубокому и полному равенству, понимаемая как положительное направление истории (в противоположность ее пониманию как смерти общества и культуры), отстаиваемая множеством социологов, антропологов, политологов, этиков, философов и историков. Даже теории социальной динамики Е. де Роберти и Карла Маркса были не вполне свободны от этого линейного «наваждения» XIX века: если сам Маркс не дал ясно очерченной теории последовательных стадий социальной эволюции, то тем не менее он постулировал единственное эсхатологическое направление истории: тенденцию к социализму как конечной стадии социального развития человечества. Его последователи, начиная с Энгельса, Бебеля и Каутского и кончая Г. Куновым и целым легионом менее выдающихся марксистов, изобрели целый ряд исторических законов эволюции – экономических, политических, ментальных, религиозных, семейных и других социокультурных явлений с соответствующими стадиями развития.

Как и Маркс, Е. де Роберти и некоторые другие ученые не слишком стремились изобретать разнообразные извечные тенденции и стадии развития, но даже они считали основной тенденцией исторического процесса рост концептуальной мысли в одной из четырех ее форм (научной, философской или религиозной, эстетической и рационально-прикладной), как их сформулировал Е. де Роберти. Г. де Гриф, как и

многие другие политологи, исходил из тенденции политической эволюции, направленной от ранних режимов, основанных на силе, к общественной организации, основанной на свободных договорных отношениях. Направление движения от «состояния войны» к «культурному» состоянию, указанное Г. Ратценхофером и Албионом Смоллом, или противоположное, как у П. Лиленфельда, – от раннего типа децентрализованных и неуправляемых политических групп к режимам централизованного, авторитарного и организованного политического контроля: или направление социального развития, по Л. Т. Хобхаузу: общество, основанное на родстве; общество, основанное на власти, и, наконец, конечная стадия – общество, основанное на гражданстве; или у Ф. Гиддинга: «зоогенетическая, антропогенетическая, этногенетическая и демогенетическая» стадии социокультурного развития (последняя стадия в свою очередь делится на несколько линейных подстадий: военно-религиозную, либерально-легальную и экономико-этическую – все эти теории являются разновидностями концепций линейного развития, большое число которых было предложено обществоведами XIX и начала XX века. К ним вполне могут быть отнесены десятки описанных социологией и антропологией, историей и правом тенденций эволюции семьи, брака и родства – все эти отношения имеют однообразные стадии развития: от промискуитета «первобытных» половых отношений к моногамной семье (проходя 3, 4 или 5 стадий в зависимости от воображения таких авторов, как Дж. Бахофен, Дж. Ф. Макленнап, сэр Джон Люббок, Ф. Энгельс, А. Бабель, Л. Г. Морган и многие другие); от патриархальной семьи – к родственной семье, основанной на равенстве полов; от патрилинейной к матрилинейной системе наследования и родства или наоборот; от равенства к неравенству полов или наоборот – предлагались все возможные направления развития.

В этих и других общественных и гуманитарных науках громогласно «открывались» все новые и новые вечные исторические тенденции и их стадии развития: от фетишизма или тотемизма к монотеизму и иррелигиозности; от религиозных и магических суеверий к рациональному научному мышлению; от этической дикости к разумному нравственному человеку; от первобытного уродства к возрастающей и совершенствующейся красоте и т. д. и т. п. Ученые, работавшие в области политических наук, без колебаний формулировали целый ряд разнообразных «законов прогрессивной политической процесс-эволюции»: от «авторитарных монархий к демократической республике» или наоборот (в зависимости от политических симпатий ученого); от прямой демократии к представительной демократии или наоборот; от первобытной анархии к централизованному управлению или наоборот; от «правительства силы к правительству общественного служения»; и каждое направление – с последовательными промежуточными стадиями, опре-

деленным образом сменяющими друг друга в более или менее единообразной последовательности. И в экономике многие выдающиеся мыслители были заняты экономическими тенденциями развития и стадиями, которые должны проходить, как они полагали, все народы. Стадии экономического развития, по Ф. Листу: варварская, пастушеская, земледельческая, земледельческо-промышленно-коммерческая...; закон 3 стадий Карла Бучера: натуральное хозяйство, город и национальная экономика; теория 5 стадий Густава Шмоллера – все они могут служить типичными примерами таких линейных «экономических динамик». Экономическая наука прошлого века также линейно рассматривала и экономическую эволюцию от коллективного сельского хозяйства к индивидуальному или наоборот; от первобытного коллективизма к капиталистическому индивидуализму или наоборот и т.д., вплоть до еще более частных тенденций, якобы имеющих место в процессе экономического изменения.

Такая же линейная концепция исторического изменения господствовала в археологии и истории. Если в фактологических работах при непосредственном изложении исторических событий обсуждение тенденций, направлений и законов эволюции-прогресса не занимало много места, то такие тенденции и законы (разделяемые социологами и историками) служили путеводными звездами и полномочными принципами организации хаотического материала и особенно его интерпретации. Археологический и исторический «закон технологической эволюции» с его стандартизированными стадиями – Палеолит, Неолит, Медный, Бронзовый, Железный и Машинный век – лишь один из линейных законов, которым историки руководствуются как фундаментальным принципом при упорядочении материала. Другим таким принципом является и сама линейно истолкованная идея прогресса, послужившая действительным основанием для большей части исторических трудов XIX века.

Итак, социологии, другим общественным, философским и даже естественным наукам XIX века центральная проблема физической, биологической и социокультурной динамики казалась очень простой – следовало лишь отыскать и описать линейные тенденции, которые якобы разворачиваются во времени. В области социокультурных изменений задача упростилась невероятно: все было сведено к построению главной линии развития – прямой, волнообразной, ветвящейся или спиралеобразной, ведущей от «первобытного» человека, общества, культуры к современным. Вся история была расписана как школьная программа, по которой «первобытный» человек или общество – первоклассник – заканчивает начальную школу, затем среднюю (или проходит другие ступени, если их в классификации больше 4) и, наконец, оказывается в выпускном классе, который называется «позитивизм», или «свобода для всех», или еще как-нибудь в зависимости от фантазии и вкусов автора.

2. XX век. Уже в XVIII и XIX веках изредка раздавались голоса, остро критиковавшие эту догму и предлагавшие иные теории социокультурной динамики. В XX веке эти голоса умножились и, наконец, возобладали. Первым результатом этого изменения стала все расширяющаяся критика положений линейной теории социокультурного изменения и линейных законов, сформулированных биосоциальными науками прошлого столетия. Эта критика имеет под собой как логическую, так и фактологическую почву.

Критиковавшие логику линейных теорий показали, что, во-первых, линейный тип изменения лишь один из многих возможных; во-вторых, для того чтобы линейное движение или изменение было возможно, изменяющийся объект должен либо находиться в абсолютном вакууме и не испытывать воздействия внешних сил, либо действие этих сил на протяжении всего процесса изменения должно быть скомпенсировано, т.е. эти силы должны находиться в таком «замечательном равновесии», чтобы они могли нейтрализовать друг друга в каждый момент времени и, таким образом, позволить изменяющемуся объекту двигаться в одном направлении, будь движение прямолинейным, спиралеобразным или колебательным.

Очевидно, что реализовать обе эти предпосылки практически невозможно; даже «материальная точка» в механике никогда не движется ни в абсолютном вакууме, ни под действием полностью компенсирующих друг друга сил; даже материальные тела находятся под влиянием хотя бы двух сил: инерции и гравитации, которые силой инерции превращают их прямолинейное и единообразное движение в круговое или криволинейное. Это также верно и в отношении нематериальных объектов. А если принять во внимание тот факт, что человек, общество и культура – гораздо более сложные «тела», что они подвержены постоянному влиянию неорганических, органических и социокультурных сил, то их линейное изменение на протяжении всего исторического времени становится еще менее вероятным. Прибавьте к этому и тот неоспоримый факт, что каждая из этих «единиц изменения» сама постоянно изменяется в процессе своего существования и таким образом может изменять направление социокультурного изменения, и тогда утверждение о вечной линейности потеряет всякий смысл.

В силу этой и других подобных причин теория вечных линейных тенденций все чаще отвергалась и заменялась другой, которую можно было бы назвать принципом предела в линейной тенденции изменения. Согласно данному принципу, линейно развиваются лишь некоторые социокультурные явления на протяжении ограниченных отрезков времени, которые различны для разных социокультурных единиц. Из-за постоянных изменений самих единиц, изменения и непрекращающегося воздействия огромного числа внешних по отношению к ним сил вре-

менно линейный характер их движения нарушается и сменяется «поворотами и отклонениями»; в результате глобальный процесс социокультурного изменения приобретает нелинейный характер.

В-третьих, многие другие предположения, лежащие в основе линейных теорий, такие как спенсеровский принцип «нестабильности однородного», оказались необоснованными – логически и фактологический.

В-четвертых, было показано, что логическая структура линейных теорий внутренне противоречива. Например, теория Спенсера утверждает, что высшим проявлением единообразия всех видов изменения, начиная с движения материальных тел и кончая социокультурными процессами, является ритм, в котором чередуются фазы эволюции и разложения, интеграции и дезинтеграции, дифференциации и дедифференциации. Если последовательно применить эту теорию к изменению социокультурного явления, то она будет противоречить любой неограниченной линейной теории эволюции. Она предполагает, что; «эволюция» и ее направление должны смениться «разложением» с направлением, противоположным или хотя бы отличающимся от направления «эволюции». Находясь во власти линейной концепции, Спенсер пренебрегает этим требованием своей собственной теории и, выделяя лишь направление эволюции, не только противоречит своим собственным принципам, но и сталкивается с целым рядом других трудностей. То же самое с небольшими поправками можно сказать практически обо всех линейных теориях изменения.

В-пятых, в линейных теориях уязвимо для критики оперирование «человечеством» как единицей изменения. Большинство этих теорий прослеживает соответствующую линейную тенденцию в истории человечества в целом. Линейные теории, не касающиеся важнейшего вопроса о том, может ли «человечество», – ни в коей мере не объединенное в какую-либо реальную систему в прошлом, – рассматриваться как единица изменения, происходящего с «начала человеческой истории по настоящее время», вряд ли имеют какое-либо реальное значение. Очевидно, что такая тенденция не может реализоваться и в жизни-истории каждого человека, потому что миллионы людей в прошлом жили и умирали, не достигая позднейших ступеней заданного пути и не проходя всех его якобы необходимых этапов. Таким же образом подавляющее большинство человеческих сообществ существовало и исчезало, находясь на начальных стадиях того или иного направления развития, а тысячи современных обществ до сих пор находятся на самых ранних ступенях развития. В то же время многие сообщества никогда не проходили начальных стадий развития, а возникали уже с характеристиками более поздних этапов.

Далее, огромное число обществ и групп прошли в своем развитии не те этапы, которые описываются соответствующими «законами эволюции-прогресса», и в отличной от предписанной этими «законами» временной последовательности. Иные группы показали регресс от более поздних стадий к более ранним. И, наконец, в жизни каждого индивида, группы и человечества в целом в каждый данный момент времени можно обнаружить сосуществование множества стадий развития – от самых ранних до наиболее поздних. Если теперь из «человечества», к которому предположительно относится этот закон, исключить всех индивидов и все группы людей, развитие которых отклоняется от направления «закона эволюции» с его стадиями, то останется (если вообще что-нибудь останется) совсем небольшая группа, «историческое изменение» которой подчиняется так называемым универсальным тенденциям и законам линейного развития. Одного этого довода достаточно, чтобы считать эти тенденции и законы в лучшем случае частными закономерностями, относящимися лишь к очень небольшой части человечества, а никак не универсальными законами социокультурной эволюции.

К этой и аналогичной логической критике положений и принципов разнообразных линейных теорий социокультурного изменения может быть добавлена не менее существенная фактологическая критика. Суть этой критики в подборе обширного фактического материала, явно противоречащего провозглашенным тенденциям и законам. Социологи, психологи, философы, историки, этнографы и другие ученые показали, что эмпирические процессы жизни-истории индивидов и групп людей не соответствуют воображаемым тенденциям развития и не проходят соответствующих этапов развития. Факты явно противоречат утверждениям о существовании каких-либо универсальных и вечных линейных тенденций или каких-либо универсальных стадий эволюции, относящихся ко всему человечеству, к любым группам и индивидам.

Результатом логической и фактологической критики линейной динамики на протяжении двух последних столетий стал наблюдаемый в XX веке спад энтузиазма открывателей таких тенденций и законов. Попытки продолжить создание таких динамик конечно, не исчезли полностью, но их становится все меньше и меньше и они все чаще ограничиваются отдельными обществами временными и многими другими рамками и оговорками.

Находя теории социальной динамики линейного толка мало продуктивными, исследователи сосредоточились на других аспектах социокультурного изменения, и прежде всего на его постоянных и повторяющихся чертах, силах, процессах, взаимосвязях, проявлениях единобразии.

Внимание социологии и других общественных наук к постоянным чертам социокультурного изменения проявлялось по разному.

Во-первых, тщательно изучались постоянные силы, или факторы, социокультурного изменения и постоянные проявления социокультурной жизни и организации. Странники механической и географической школ, например, исследовали с этой точки зрения различные формы энергии (В. Оствальд, Е. Солвэй, Л. Винарский, В. Бехтерев и др.) или особые космические силы – климат, солнечные пятна и другие географические факторы (Э. Ханнингтон, В.С. Дживанс, Г-Л. Мур и др.), и описали и постоянные воздействия на социальные и культурные явления начиная с экономических изменений и кончая подъемом и падением наций. Приверженцы биологической и физиологической школ в социологии и общественных науках брали в качество таких постоянных сил наследственность, расу, инстинкты, рефлексy, различные физиологические порывы, жизненные процессы, эмоции, чувства, желаниия, идеи и пытались доказать постоянное социокультурное действие каждой биопсихологической переменной (Зигмунд Фрейд, психоаналитики, сторонники теории наследственности, такие как Ф. Гальтон, Карл Пирсон и др., Г.С. Чемберлен, О. Аммон, В. де Лапуж, К-Ломброзо, Е.А. Хутон и другие представители расово-антропологической школы; биогеографист Джон Б. Уотсон; психологи Уильям Мак-Дугалл, Ч.А. Эллвуд, Е.А. Росс, Е.Л. Торндайк, У.И. Томас, Вильфредо Парето, Л. Петражицкий, Г. Блюхер, Уильям Троттер, Грэхем Уоллес, Лестер Ф. Уорд, Уильям Грэхем Саммер, Габриэль Тард, Торстейн Веблен и др.). Другие социологи пытались выявить действие на остальные социокультурные явления таких разнообразных условий, как плотность и численность населения, «изобретательность», «экономический» или «религиозный» и другие факторы вплоть до «мобильности», «моральной плотности», «общественной аномии». Во всех этих исследованиях делались попытки высветить постоянную роль каждого из этих «факторов-переменных» в поведении людей, в социальной структуре и культурной жизни, постоянное действие каждого из этих факторов и, наконец, объяснить «как» и «почему» колебаний и изменений самих этих факторов.

Во-вторых, внимание к постоянным и повторяющимся чертам социокультурного изменения проявилось в глубоком изучении постоянных и всегда повторяющихся процессов в социокультурном универсуме. Значительное место в социологии XX века занимают исследования таких всегда повторяющихся процессов, как изоляция, контакт, взаимодействие, амальгамация, культивация, изобретение, имитация, адаптация, конфликт, отчуждение, дифференциация, интеграция, дезинтеграция, организация, дезорганизация, диффузия, конверсия, миграция, мобильность, метаболизм etc., с одной стороны, а с другой стороны – исследования этих повторяющихся процессов, поскольку они касаются вопросов групповой динамики, того, как общественные группы возникают, организуются, обретают и теряют своих членов, как распределяют

их внутри группы, как они меняются, дезорганизуются, как они умирают и т.д. (Габриэль Тард, Георг Зиммель, Леопольд фон Визе, Роберт Е. Парк, Эрнст У.Берджесе, Е.А.Росс, Эмори Богардус, Коррадо Джини, П. Карли, Питирим Сорокин и авторы почти всех учебников социологии). Таким образом, в социологии XX века был проведен тщательный анализ основных социокультурных процессов, постоянно повторяющихся в жизни-истории любого общества в любое время.

Третьим проявлением внимания к повторяющимся процессам было интенсивное изучение устойчивых и повторяющихся значимо-причинно-функциональных связей между различными космосоциальными, биосоциальными и социокультурными переменными, как они выступают в постоянно изменяющемся социокультурном мире... Основные условия географической, биологической, психологической, социологической и механической школ в социологии XX столетия были направлены как раз на отыскание и описание причинно-функциональных или причинно-значимых единообразии во взаимосвязях между двумя или несколькими переменными: между климатом, мышлением и цивилизованностью; между солнечными пятнами, деловой активностью и уровнем преступности; между наследственностью и той или иной социокультурной переменной; между технологией и философией или изобразительным искусством; между плотностью населения и идеологией; урбанизацией и преступностью; формами семьи и формами культуры; общественным разделением труда и формами солидарности; общественной аномией и числом самоубийств; состоянием экономики и преступностью, душевными расстройствами, внутренней напряженностью, беспорядками или войнами; между формами религии и формами политической и экономической организации и т.д. и т.п., начиная с самых узких и кончая предельно широкими. Эти исследования дали множество формул причинно-функциональных и причинно-значимых единообразии, повторяющихся в развитии различных обществ и в каждом обществе в различные периоды. Проверив многие подобные обобщения, сделанные ранее, ученые нашли их либо совершенно ложными, либо нуждающимися в серьезных исправлениях.

Наконец, четвертым проявлением внимания к устойчивым и повторяющимся аспектам социокультурного изменения стало изучение постоянно повторяющихся ритмов, осцилляций, флуктуаций, циклов и периодичностей в ходе социокультурного процесса. Занятые поисками линейных тенденций, социология и все общественные науки XIX века уделяли мало внимания этим повторяющимся чертам социокультурного изменения. За небольшим исключением (Гегель, Тард, Феррара, Данилевский и некоторые другие), обществоведы и социологи прошлого века пренебрегали богатой традицией китайских и индийских мыслителей, традицией Платона, Аристотеля и Полибия, Ибн Хальдуна и Дж. Вико,

сосредоточивших свои исследования социальной динамики на повторяющихся циклах, ритмах, осцилляциях, периодичностях, а не на вечных линейных тенденциях. XX век подвел итоги работы этих мыслителей и энергично их продолжил.

Самые первые в общественных и гуманитарных науках XX века и наиболее глубокие исследования циклов, ритмов, флуктуаций и периодичностей появились в теории и истории изобразительного искусства, а затем в экономике, в исследованиях промышленных циклов. Большинство же социологов и других представителей общественных и естественных наук несколько отстали в изучении повторяющихся единообразий, так как они с опозданием обратились к новой области исследований. Даже сегодня многие социологи не отдают себе отчета в том, что произошел решительный отход от линейных тенденций и что научный интерес сместился на повторяющиеся ритмы и периодичности. Раньше или позже, но во всех общественных, философских и даже естественных науках произошла или происходит смена исследовательского интереса. Со значительным опозданием осознали это естественные науки, и теперь даже открыт Институт изучения циклов в области физико-химических и биологических явлений. Что касается всей совокупности философских, общественных и гуманитарных дисциплин XX века, то они уже дали значительное число научных работ, посвященных социокультурным ритмам, циклам и периодичностям в изобразительном искусстве и философии, этике и праве, экономике, политике, религии и других социокультурных процессах... Целый ряд ритмов с двумя, тремя, четырьмя и большим числом фаз, периодических и не периодических, коротких и продолжительных, в узких и широких, простых и сложных социокультурных процессах выявили и проанализировали: в искусстве – М.Ф. Петри, О.Г. Кроуфорд, П. Лигети, Г.Вельфлин, Ф. Мантре, Дж. Петерсен, Е.Уэкслер, У.Пиндер, П.Сорокин и многие другие; в философии – К. Джоел, П. Сорокин и другие; в экономических процессах – большая группа экономистов, начиная с М. Туган-Барановского и кончая Уэсли Митчелом и Джозефом Шумпетером; в политических процессах – О. Лоренц; в культурных образцах – А.Л. Кребер; в жизни-истории функционирования обширных социокультурных систем и суперсистем – М. Вебер, Альфред Вебер, Освальд Шпенглер, Арнольд Дж. Тойнби, Сорокин и многие другие. Линейная последовательность стадий, или фаз, социокультурного процесса во времени тоже получала более надежную основу благодаря изучению ритма и последовательности фаз. Оставив охоту за какими-то странными и сомнительными последовательностями стадий линейного процесса, проходящего через всю человеческую историю, которой занимались в XIX веке, и сосредоточившись на изучении повторяющихся процессов, исследователи XX века смогли показать существование многих

ритмов с определенной повторяющейся временной последовательностью фаз...

Итак, социология и все общественные науки XX века нашли изучение ритмов, циклов, темпов и периодичностей более продуктивным, дающим более богатые и определенные результаты, чем поиски извечных исторических путей развития, которыми они занимались в XIX веке. Не остается сомнений, что ритмы и повторяющиеся процессы будут изучаться еще тщательнее, усерднее, интенсивнее в последующие десятилетия и, по всей вероятности, на этом пути общественные науки ждут гораздо большие достижения, чем в XIX веке.

Таковы вкратце основные изменения в изучении социальной динамики, происшедшие в социокультурной мысли XX века в сравнении с XIX.

Параллельно с обрисованным выше сдвигом в рассмотрении «что» социокультурного изменения ряд изменений произошел и в изучении «почему» и «как», его причин и механизмов. Опять-таки данные изменения не представляют собой нечто абсолютно новое, совершенно неизвестное социологии и общественным наукам XIX века. Они скорее явились результатом смещения основного исследовательского интереса и смены господствующей модели мышления, дальнейшим проявлением того, что было недостаточно ясно в XIX столетии, и более отчетливой дифференциацией того, что было тогда недостаточно дифференцировано.

Во-первых, сегодня придается больше веса социокультурным переменным как факторам социокультурного изменения. Несмотря на то что теории, в которых подчеркивается важная роль географического, биологического и психологического факторов в социокультурном изменении, продолжают развиваться, они вряд ли добавили что-либо к тому, что уже было сказано ими в прошлом веке. Основные достижения и основной взгляд принадлежат социологическим теориям, которые рассмотрели различные социальные и культурные факторы как главные движущие силы социокультурного изменения. Тщательные исследования изменения числа самоубийств и преступлений, экономических колебаний, войн и революций, смены политических режимов, стилей в изобразительном искусстве или динамики обширных культурных и социальных систем со всевозрастающей надежностью подтверждают догадку о том, что основные факторы этих изменений находятся в самих социокультурных явлениях и тех социокультурных условиях, в которых они происходят и функционируют. Оказывается, что внешние по отношению к ним географические и биологические силы являются второстепенными факторами, способными облегчить движение социокультурной системы или подорвать и даже сокрушить ее, но, как правило, не определяющими ее нормальное развитие, взлеты падения, основные качественные и количественные изменения в ее жизни-истории. На-

правление факторного анализа получило свое естественное завершение в ряде систематических теории имманентного социокультурного изменения, согласно которым каждая социокультурная система несет в себе семена своего собственного изменения и гибели. Таким образом, в нашем столетии возродились и развиваются старые теории имманентного изменения Платона и Аристотеля, Полибия и Вико, Гегеля и Маркса, Момзена и Конта, которыми так или иначе пренебрегали в прошлом веке.

С развитием этих теорий в социологической мысли нашего века произошло второе изменение, состоявшее в придании все большего значения и особой роли имманентным, или внутренним, силам каждой данной социокультурной системы в ее жизнедеятельности и в придании меньшего веса и лишения особого значения факторов, внешних по отношению к данной социокультурной системе. Господствующим направлением факторного анализа социального изменения в XIX веке было объяснение изменения каждого данного социокультурного явления – будь то семья или деловое сообщество, литература или музыка, наука или право, философия или религия – посредством изучения внешних по отношению к данному явлению факторов (географических, биологических и других социокультурных условий, внешних по отношению к данной социокультурной системе). В XX веке ученые все чаще обращаются к основаниям главных изменений в функционировании данной социокультурной системы во всей совокупности ее собственных актуальных и потенциальных свойств и ее связях с другими социокультурными явлениями. Все внешние силы (географические, биологические и социокультурные), с которыми система непосредственно не связана, должны рассматриваться, как правило, лишь как второстепенные факторы, подрывающие либо облегчающие (а иногда даже уничтожающие) реализацию потенциалов системы.

Третьим изменением в области «почему» социокультурного развития стали возрастание внимания к роли отдельных факторов (переменных) в отдельных социокультурных изменениях, особенно к роли социокультурных факторов, и большая точность в их изучении. В XX веке социология не открыла ни одного нового фактора социокультурных изменений, неизвестного социологии прошлого века. Но, изучая причинные связи, социология XX века гораздо точнее определила эти факторы – географические, биологические и особенно социокультурные, весьма неопределенно именовавшиеся ранее экономическими, религиозными, идеологическими, юридическими и т.д. В интересах точности эти широкие и довольно неопределенные факторы были разложены на множество более определенных и четких «независимых переменных» и гораздо более тщательно изучены в их причинных связях с рядом более частных «зависимых социокультурных переменных». Разложив всеобъ-

емлющий и неопределенный «экономический фактор» марксизма на такие переменные, как экспорт, импорт, цена товаров, уровень заработной платы и доходов, структура расходов, индекс деловой активности и т.д., и исследовав связи каждой из этих переменных с особыми формами преступлений, психических расстройств, самоубийств или сменой политических идеологий, социология XX века дала нам более определенное знание о связях между этими переменными, чем социология прошлого века. Таким же образом социология нашего века поступила и с другими предельно широкими факторами.

Взросшая точность факторного анализа явилась также результатом накопления в социологии и общественных науках XX столетия богатого фактического материала. Поскольку идеалом науки была «социология, нацеленная на факт», ею был накоплен более обширный систематизированный фактический материал столь необходимый для выдвижения и проверки любой гипотезы о причинной связи. Этот более обширный и более качественный фактический материал позволил социологии и общественным наукам XX века надежно проверять обоснованности причинных гипотез. В результате часть прежних теорий причин социокультурного изменения была признана ложной, другие объяснения пришлось уточнить и ограничить, а некоторые оказались даже более обоснованными, чем это казалось раньше. Этому возросшему стремлению к точности и надежности теории «почему» социокультурных изменений мы обязаны значительными достижениями современной социологии, но в нем же коренится и один из ее самых больших грехов – принесение приблизительной действительности в жертву обманчивой точности.

Главным изменением в социологии и общественных науках XX века стали, однако, нарастание разногласий и раскол на две противоборствующие направления в изучении каузально-факторных проблем «почему» социокультурного изменения. В менее явной скрытой форме это противоречие существовало уже в XIX веке. В XX веке оно углубилось, расширилось и переросло в открытый конфликт. Первый подход состоит в некритическом применении методов и принципов причинно-функционального анализа в том виде, в каком они утвердились в естественных, физико-химических науках. Второй подход заключается в специфически социокультурном понимании причинности, существенно отличающемся от сформулированного в естествознании, разработанном для изучения особой природы социокультурных явлений, причинных и функциональных связей между ними как в статическом, так и в динамическом аспекте. Сторонники «естественнонаучной модели причинности» в области социокультурных явлений считают, что эти явления по своей структуре подобны, даже идентичны физико-химическим и биологическим явлениям; следовательно, такие плодотворные в своей области

методы и принципы причинного анализа естественных наук будут вполне адекватными для причинного анализа – как статического, так и динамического аспекта социокультурных явлений.

В соответствии с этими посылками сторонники «естественнонаучной причинности в общественных явлениях» в XX веке, во-первых, стремились к тому, чтобы выбираемые ими факторы, или «переменные» (изменения), были «объективными, поведенческими, операциональными» – чем-то материальным и осязаемым.

Во-вторых, их образ действий был «механическим и атомистическим» в том смысле, что они брали за переменную любой «трансубъективный» фактор, независимо от того, является ли он неотъемлемой частью какого-либо реального единства или изолированным явлением. Начиная с причин преступлений или «счастья в браке» и кончая более масштабными явлениями факторный анализ такого типа пытается перебрать по одному длинные или короткие ряды возможных факторов (например, для супружеского согласия или счастья: телосложение, цвет кожи, экономическое положение, вероисповедание, профессия, доход, климат, раса, национальность, etc., etc) и оценить, причем количественно, их относительную значимость для исследуемого явления, приписывая каждому из факторов строго определенный «индекс влияния». Эта процедура повторяется при выявлении любых причинных связей.

В-третьих, опять же в полном соответствии с этими предпосылками, для упорядочения и «обработки» данных заимствуются разнообразные принципы естественных наук: физики и механики (от теории относительности Эйнштейна до современных теорий физики микрочастиц), принципы химии и геометрии, биологии и математики (современные течения «социальной физики», «социальной энергетике», «геометрической и топологической социологии», квазиматематические теории социального изменения и причинности, социометрические, «рефлексологические», «эндокринологические», «психоаналитические», «биологические» и другие социологические теории причинности и изменения).

В-четвертых, некоторые энтузиасты особенно усердно стараются применить «точный количественный метод» причинного анализа в форме различных псевдоматематических процедур и сложных статистических операций, твердо уверовав в возможность достижения истины посредством сложных механических операций, предписываемых их псевдоматематикой и псевдостатистикой.

В результате приверженности к этой якобы «естественнонаучной причинности» теоретические и конкретные исследования социокультурных явлений и факторный анализ XX века создал обилие «исследований», переполненных цифрами, диаграммами показателями, сложными формулами – очень точными и «научными» на вид – простых и сложных причин существования и изменения любых социокультурных

явлений, которые мы приходилось изучать. Несмотря на шумные заявления и претензии сторонников этого направления, реальные результаты их весьма энергичных усилий разочаровывают. При тщательном рассмотрении их утверждения и посылки оказываются разновидностью грубейшей материалистической метафизики, непоследовательной и внутренне противоречивой, искажением методов и принципов естественных наук, логики и математики. А действительные результаты, полученные посредством этих «точных на вид» формул и операций, как правило, оказываются либо тщательной разработкой очевидного, либо формулами, обманчивыми в своей точности и противоречащими друг другу: с высокими показателями у одного и того же фактора в одной серии исследований и низкими в следующей, с высокими положительными коэффициентами корреляции между какими-либо переменными в одних работах и низкими или отрицательными коэффициентами между теми же переменными в других.

Логико-математическая несостоятельность большинства этих предположений вместе с фактической бесплодностью достигнутых результатов вызвала значительное и растущее противодействие этой праздной игре в «естественнонаучную причинность» в общественных явлениях со стороны других социологов и обществоведов. Следуя традиции великих мыслителей прошлого, таких как Платон и Аристотель, и некоторых выдающихся ученых XIX века, таких как сам Конт, Г.Риккерт, В.Дильтей и другие, они представили целый ряд ясных и убедительных доводов против этой «игры».

Во-первых, они констатируют, что каждая зрелая естественная наука имеет специфические принципы, методы и методики анализа причинных связей, соответствующие природе исследуемых явлений. Принципы, методы и методики чисто математических наук отличны от физических или биологических; методы и методики биологии отличаются от методов физики или химии; даже в рамках одной науки принципы, методы и методики физики микромира не те же самые, что в физике макромира.

Поэтому, возражают они, неправомерно утверждать, что существуют какие-то общие «естественнонаучные принципы, методы и методики», и тем более некритически применять их к изучению социокультурной причинности.

Во-вторых, они указывают на коренные различия в природе и структуре социокультурных и физических, биологических явлений; следовательно, изучение социокультурной причинности требует набора принципов, методов и методик, отличных от тех, которые применяются в физике или биологии, и соответствующих характеру причинных связей в социокультурном мире.

В-третьих, они утверждают, что, имея в виду «нематериальный» компонент этих явлений, невозможно безусловно оперировать «объективными», «материальными», «поведенческими», «операциональными» переменными, взятыми атомистически и механически, так как каждая социокультурная переменная (включая религиозные, экономические, юридические, этические, эстетические, политические и другие, которыми оперируют «социологи-естественники») объективно воплощается во множестве «материальных носителей», различающихся химически, физически, биологически, перцептивно, материально, и ни одна из этих переменных не ограничена в своих материальных проявлениях каким-либо одним классом материальных явлений. Поэтому никому, даже «социологам-естественникам», непозволительно рассматривать какой-либо «объективный» материальный объект или неизменное проявление какого-либо из этих факторов, классов или групп социокультурных явлений; любая такая попытка, где бы и когда бы она ни предпринималась, оборачивается самыми грубыми ошибками.

Четвертое возражение состоит в том, что атомистическое изучение любого социокультурного фактора в его взаимосвязи с другими переменными невозможно, так как один и тот же социокультурный фактор А может совершенно по-разному относиться к переменной В в зависимости от того, являются ли А и В частями одной социокультурной системы (unity) или изолированными явлениями (congeries), дан ли фактор А в данной социокультурной констелляции или же в другой, например, фактор принадлежности к одной расе (А) оказывает осязаемое влияние на выбор партнера в браке (В) в обществе, где придается большое значение общности или различию рас партнеров, и небольшое (если вообще оказывает) влияние на тот же выбор В в обществе, где общности или различию рас партнеров придается небольшое значение или вообще не придается никакого значения; объективно одно и то же действие, скажем, А дает В тысячу долларов, может иметь десятки социокультурных значений – от выплаты долга или зарплаты до пожертвования или взятки. Подобно этому причинная связь данного действия с другими действиями А и В и с другими социокультурными явлениями находится в диапазоне от теснейшей причинной связи до нулевой, от связей с С и D или М и до связей с десятками других социокультурных переменных.

В-пятых, следует признать, что причинные связи в социокультурных явлениях вообще совершенно отличны от связей в атомистических несистемных совокупностях, агрегатах (congeries). силу этих и многих других причин вряд ли можно говорить, что между социокультурными явлениями существуют чисто причинные связи, такие как в физических, химических и даже биологических явлениях. Скорее в этой области мы находим большей частью связи по значению и типологические связи... или взаимосвязи динамической групповой..., или то, что я называю

значаше-причинными связями. Вряд ли возможно изучать эти специфические связи, механически применяя к ним догматические правила статистических методов, методы индукции или любые другие правила и методы той или иной естественной науки. Точность результатов таких исследований обманчива. Необходимы иной подход, иные методики, учитывающие «значашую составляющую» социокультурных явлений (отсутствующую в физико-биологическом мире), так как эта составляющая играет ведущую и решающую роль и является «ключом» как к простейшим, так и к сложнейшим системам значаше-причинных, статистических и динамических связей в социокультурном мире.

Ряд социологов и обществоведов, рассуждая таким образом, на протяжении последних 20 лет пытаются создать систематическую теорию социокультурной причинности. Некоторые из них попытались применить эту теорию к конкретному анализу социокультурных систем – как широких, так и узких, не избегая даже предсказаний, касающихся дальнейшего развития этих малых и крупномасштабных социокультурных процессов.

Несмотря на то, что эти теории специфической социокультурной причинности в настоящий момент весьма приблизительны и далеки от завершения, их развитие в ближайшее десятилетие обещает поставить причинный анализ в общественных науках на гораздо более твердое основание, чем то, которым он обладал до сих пор. А с улучшением инструмента исследований мы вправе ожидать и более значительных и плодотворных результатов, чем прежде.

Таковы вкратце основные различия в изучении социальной динамики в XIX и в XX столетиях.

Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. – М., 1996. – С. 372–392.

Сорокин П.А.

Общедоступный учебник социологии

Глава IX. Краткая история социологии и характеристика главных направлений в области социологической мысли

История социологии

Коснемся в двух словах истории социологии как науки. Формально она ведет свое начало со времени Огюста Конта. Он впервые предложил название социологии для нашей науки, ясно и определенно указал ее место в ряду других наук и набросал ее систему. Однако элементы и отдельные вопросы этой дисциплины задолго до Конта ставились и решались рядом мыслителей. Общественная жизнь людей издавна привлекала к себе внимание последних. Разработкой и изучением ее с различных точек зрения занимались и мыслители Востока, и философы

древней Греции, и юристы Римской империи, и средневековые богословы и философы, и арабские ученые, и историки древнего и нового времени, и моралисты, короче, множество мыслителей, разрабатывавших в своих работах те или иные вопросы общественной жизни. Из множества этих имен следует отметить имена Платона, Аристотеля, Тита Лукреция Кара, блаженного Августина и Фомы Аквината, арабского ученого Ибн-Хал-дуна, имена Макиавелли и Гвичардини, Бодена и Вико, Монтескье и Тюрго, Руссо и Кондорсе, Мальтуса и Ад. Смита, Гердера и Сен-Симона. Трудami их и ряда других писателей была подготовлена почва для появления социологии в качестве самостоятельной науки.

Согласно О. Конту, социология является наукой о порядке и прогрессе общества. Место, занимаемое ею в ряду других наук, определяется классификацией наук О. Конта. Располагая основные науки в порядке возрастающей сложности изучаемых ими объектов и в порядке убывающей общности объема последних, он дает ряд таких наук: математика, астрономия, физика, химия, физиология и социология. Каждая последующая дисциплина этого ряда изучает предметы менее общие и более сложные, чем предыдущая. Социология, следовательно, имеет своим объектом наиболее сложный и наименее общий предмет.

Определив ее место в ряду других наук, Конт дает ее основной абрис; он делит ее на две основные части: на социальную статику, соответствующую анатомии и изучающую условия равновесия или порядка человеческого общества, и на социальную динамику – физиологию общества, изучающую законы развития и прогресса человеческого общества.

После Конта разработка социологии продолжалась как в работах ученых, занимавшихся исследованием отдельных сторон общественной жизни, так и в работах мыслителей, посвятивших себя разработке социологии как таковой. Имена Спенсера, Кетле, Милля, Бокля и множества других лиц неразрывно связаны с историей социологии. При этом, как и следовало ожидать, обнаружилась взаимная связь между прогрессом отдельных наук и социологией: рост биологии и биологических наук способствовал усовершенствованию социологии и социальных наук, развитие этих последних имело своим результатом прогресс социологии; и обратно: прогресс этой последней оказывал благотворное влияние на развитие и научное усовершенствование первых.

Характеристика главнейших школ в области социологии

В настоящее время социология ушла далеко вперед по сравнению с тем, чем она была во времена Конта. Однако сложность изучаемого ею предмета и бесконечные трудности, встречаемые при разработке социальных вопросов, обусловили собою то, что до сих пор нет еще единой, принятой всеми системы социологии, до сих пор между социологами

существуют серьезные разногласия по ряду важных вопросов; иными словами, вплоть до нашего времени в области социологической мысли существует не одно, а множество направлений, различно понимающих и задачи социологии, и вопросы ею изучаемые, и способы объяснения социальных явлений и т.д. Смущаться этим фактом не приходится. Разногласия – вещь нормальная не только в молодых науках, начинающих свое существование, но и в науках развитых, имеющих ясные очертания и насчитывающих сотни лет своего существования. Нужно помнить, что «из столкновения мнений рождается истина». В результате в процессе борьбы различных социологических школ мало-помалу рождаются общие пункты согласия, устанавливаются общеобязательные теоремы, растет «научный корпус» социологии. Классификация авторов в те или иные группы – вещь условная. Наиболее целесообразным я считаю нижеследующую группировку социологов в отдельные течения. В зависимости от того, какие явления признаются тем или иным социологом лежащими в основе социальных явлений, можно различить три основные школы: 1) биологическую, 2) психологическую, 3) автономно-социологическую.

Биологическая школа, в лице отчасти Спенсера, а в особенности в лице Новикова, Лилиенфельда, Иоффе и др., утверждает, что социальные явления по своей природе есть явления биологические, что общество – это организм, что социальные процессы тождественны с биологическими процессами, что, наконец, первые следует объяснять принципами и законами биологии. Короче, согласно биологистам, социология есть лишь глава биологии.

В отличие от этого направления психологическая школа в социологии выдвигает иное положение. Она, в лице Тарда, Уорда, Болдуина и множества других социологов, настаивает на психической природе общественных явлений. Согласно ей, общество само по себе есть психическое явление; его «думую» является обмен идеями, чувствами, волевыми устремлениями, т. е. чисто психическими актами. Вне их – нет общества. Вот почему социальные законы суть законы человеческой психики; вот почему основой социологии должна быть психология, вот почему авторы этой школы пытаются все социальные явления объявлять данными индивидуальной или массовой психологии.

Наконец, социологическая школа расходится с обоими очерченными направлениями. В лице Дюркгейма, Леви-Брюле, Де-Роберти, Зиммеля и др. она выдвигает тезис полной автономности социологии и своеобразности социальных явлений. Да, в основе социальных явлений лежат явления биологические, говорит эта школа, но из этого не следует, что социальное явление суть простой вид явлений жизни. Ведь и в основе явлений жизни лежат процессы физико-химические. Но из этого не следует, что жизненные явления тождественны с последними. Если

бы даже целиком удалось свести жизненные явления к физико-химическим, то и тогда биология продолжала бы существовать, ибо явления жизни оставались бы своеобразным видом физико-химических явлений. То же приходится сказать и об отношении социологии к биологии. Попытки свести социальные явления к биологическим до сих пор оставались тщетными. Первые резко отличаются от вторых. Поэтому нельзя социологию делать простой главой биологии. Нельзя общественные факты свести к чисто биологическим. Нельзя общество отождествлять с организмом. Бесплодны попытки объяснить общественную жизнь одними биологическими законами. Первая имеет свою закономерность, отличную от вторых. Вот почему социология имеет право на самостоятельное существование, независимое от биологии.

С другой стороны, это течение борется и против попыток свести социологию к психологии. В противоположность психологическому направлению, «социологи-автономисты» говорят: хотя социальные явления и имеют по преимуществу психическую природу, но из этого не следует, что социология должна основываться на психологии, что факт общественности есть произведение психики, что общественные процессы – простое проявление процессов индивидуальной психики, что социальные законы тождественны с законами последней. Дело обстоит как раз наоборот, говорит социологическое направление. Не общественность есть продукт психики, а сама психика – сознание, идеи, воля, ум и т. д. – возникла из недр общественности, взаимодействия биологических особей; без общественности ни появление, ни рост сознания были бы невозможны; значит, саму психику приходится объяснять общественностью, а не наоборот. Не социология должна опираться на психику, а напротив, вторая на первую как основную науку. Не законы индивидуальной психологии способны объяснить общественные процессы, а напротив, только законами последних можно сделать понятной явление индивидуальной психики. Такова позиция «социологов» по адресу психологического течения.

Таковы три основных направления современной социологии, выделяемые в зависимости от понимания или природы общественных явлений.

Я не буду рассматривать, какое из этих направлений наиболее, правильно, скажу только, что наиболее правильной методологически является позиция, «социологизма»; но и она требует ряда поправок.

Такова одна классификация современных социологических течений. Рядом с нею может быть дана и другая, кладущая в основу своего деления принцип «фактора» или той силы, которая данным социологом признается главной причиной общественных явлений, действием которой он объясняет все социальные процессы.

С этой точки зрения все социологические теории можно разделить на две основные группы: 1) на теории, пытающиеся все общественные

явления свести и объяснить действием одного фактора или, по меньшей мере, выделяющие из ряда многих факторов один главный и основной. Будем называть их теориями монистическими, 2) на теории, которые объясняют общественные явления действием многих факторов и не выделяют из них ни одного в качестве главного. Это будут теории плюралистические.

«Монисты»

Большинство социологических теорий по своему типу до последнего времени принадлежали к первой категории, монистической. Главнейшие из них таковы. 1) Одни, подобно Риттеру, Ратцелю, Демолену, Л Мечникову, в качестве главного фактора считали географические условия (Географическая школа в социологии). По их мнению, характер общественных явлений, история того или иного народа прежде всего обуславливается характером географической среды и условиями последней. 2) Другие, подобно Гобино, Лапужу, Аммону, Гумпловичу, Вольтману и др., таким фактором считают антропологически-расовые свойства человека (антропологически-расовая школа). Вся история для них есть прежде всего борьба рас, этой борьбой объясняются судьбы народов, прогресс и регресс, революции и реакции, ей обязаны своим возникновением и право, и религия, и хозяйственные институты и т. д. Короче – антропологически-расовый фактор – первый и главный для этой школы. 3) Третьи, как Маркс, Энгельс, Лориа, отчасти Де-Греф и др., главным фактором считают экономический фактор: характер производства и состояние техники (школа экономического или исторического материализма). 4) Четвертые, подобно Конту, Де-Роберти, отчасти Боклю, и не говоря уже о многих представителях французской философии 18 в., таким фактором считают идеи, знание (школа социологов-интеллектуалистов). 5) Пятые, напр., Кидд, главным фактором признают религию. 6) Шестые – те или иные чисто психические явления, напр., стремление к наслаждению и избегание страдания (Уорд, Пагтэн) или же подражание (Тард). 7) Седьмые, вроде Коста, основным фактором считают рост населения. Таковы главнейшие виды монистических теорий в социологии.

«Плюралисты»

Рядом с ними есть немало плюралистических систем социологии, объясняющих социальные явления совокупным действием многих факторов и отказывающихся проводить раз навсегда данное разделение факторов на главные и второстепенные. К числу сторонников этого течения принадлежит немало социологов, работающих в ряде отдельных социальных дисциплин, а равно и теоретиков общей социологии. К этой категории относятся: Дюркгейм, Леви-Брюль, Парето, Эллвуд, Ковалевский, Кареев, Зиммель, Петражицкий и др. Все они смотрят на историческое явление не как на

уравнение с одним неизвестным, а как на уравнение со многими неизвестными, которые невозможно решить с помощью одного фактора.

После всего сказанного выше нет надобности критиковать «монистов». Мы указали их ошибки и все предыдущее служит сплошной их критикой.

Таковы, вкратце, основные течения современной социологии.

Очертив их, укажем тут же, что в данное время споры различных школ и направлений теряют свою былую остроту. Теряют потому, что от «философствования» социология переходит к изучению фактов, к точному наблюдению, к кропотливому анализу. В такой стадии работы место споров, часто пустых, ради того или иного «принципа», что вдобавок неясного и неточного, занимает вопрос: правильно ли констатирована связь данных явлений? Правильно ли сделано наблюдение? Точны ли выводы автора? Если ответы будут положительными, то исследования социолога будут научным вкладом, независимо от того, психологист или биологист он, монист или плюралист. Эти клички и подразделения скорее относятся к прошлому, чем к современному состоянию социологии.

Но познакомиться с ними все же не вредно.

Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. – М.: Наука, 1994. – С. 223–246.

П.А. Сорокин О стратификации

«Социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб), в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию, или же два генерала одного звания и одной армии, один из которых в Америке, а другой – в Китае), могут быть очень близки социально...

Для того, чтобы дать определение социальному пространству, вспомним, что геометрическое пространство обычно представляется нам в виде некоей «вселенной», в которой располагаются физические тела. Местоположение в этой вселенной определяется путем определения положения того или иного объекта относительно других, выбранных «за точки отсчета». Как только такие ориентиры установлены (будь то Солнце, Луна, Гринвичский меридиан, оси абсцисс и ординат), мы получаем возможность определить пространственное положение всех физических тел, сначала относительно этих точек, а затем – относительно друг друга.

Подобным же образом социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли. Там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь никакого отношения к другим. Она может находиться только в геометрическом, но не в социальном пространстве. Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета». Сам же выбор «точек отсчета» зависит от нас: ими могут быть отдельные люди, группы или совокупности групп. Когда мы говорим, что «мистер Н.-младший – сын мистера Н.-старшего», мы стремимся определить положение этого мистера Н. в человеческой вселенной. Ясно, однако, что такое местоположение очень неопределенно и несовершенно, поскольку в расчет принимается только одна из координат – семейное родство – в сложной социальной вселенной. Данный способ столь же несовершенно, как и определение геометрического положения с помощью фразы: «Дерево расположено в двух милях от холма». Чтобы местоположение нас удовлетворило, мы должны знать, где находится этот холм... Определение более или менее удовлетворительного геометрического положения требует учета целой системы пространственных координат геометрической вселенной. То же относится и к определению «социального положения» индивида.

Простого указания степени родства одного человека по отношению к другому явно недостаточно. Указание его отношения к десятку или сотне людей дает уже больше, но все еще не может определить положения человека во всей социальной вселенной. Это было бы сходным с определением местоположения объекта в геометрическом пространстве путем детального указания положения различных объектов вокруг него, но без указания широты и долготы этих объектов. На нашей планете живет более полутора миллиардов людей. Указание на отношение человека к нескольким десяткам людей, в особенности если люди эти недостаточно известны, может не дать ничего. Помимо этого данный метод очень сложен и требует немало времени. Поэтому социальная практика уже выработала другой, более надежный и простой метод, сходный с системой координат, используемый для определения геометрического положения объекта в геометрическом пространстве. Составные части данного метода таковы:

- 1) указание отношений человека к определенным группам;
- 2) отношение этих групп друг к другу внутри популяции;
- 3) отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество.

Дабы определить социальное положение человека, необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, его происхождение и т.д. Только так можно точно определить его социальное положение. Но и это еще не все. Поскольку внутри одной и той же группы существуют совершенно различные позиции (например, король и рядовой гражданин внутри одного государства), то необходимо также знать положение человека в пределах каждой из основных групп населения. Когда же наконец определено положение населения как такового среди всего человечества (например, население США), тогда можно считать и социальное положение индивида определенным в достаточной степени. Перефразируя древнюю поговорку, можно сказать: «Скажи мне, к каким социальным группам ты принадлежишь и каковы твои функции в пределах каждой из этих групп, и я скажу, каково твое социальное положение в общества и кто ты в социальном плане»...

Итак, резюмируем:

- 1) социальное пространство – это народонаселение Земли;
- 2) социальное положение – это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами;
- 3) положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этих связей;
- 4) совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида...

Социальная стратификация – это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны. Если экономический статус членов некоего общества неодинаков, если среди них имеются как имущие, так и неимущие, то такое общество характеризуется наличием экономического расслоения независимо от того, организовано ли оно на коммунистических или капиталистических принципах, определено ли оно конституционно как «общество равных» или нет. Никакие этикетки, вывески, устные высказывания не в состоянии изменить или затушевать реальность факта экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, уровня жизни, в существовании богатых и бедных слоев населения. Если в пределах какой-то группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют

управляющие и управляемые, тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, хозяева, начальники) это означает, что такая группа политически дифференцирована, что бы она ни провозглашала в своей конституции или декларации. Если члены какого-то общества разделены на различные группы по роду их деятельности, занятиям, а некоторые профессии при этом считаются более престижными в сравнении с другими и если члены той или иной профессиональной группы делятся на руководителей различного ранга и подчиненных, то такая группа профессионально дифференцирована независимо от того, избираются ли начальники или назначаются, достаются ли им руководящие должности по наследству или благодаря их личным качествам... Если даже в первобытнообщинной древности невозможно найти общества без расслоения, то тем более бесполезны попытки отыскать его в более поздние эпохи развитых и сложных цивилизаций. Здесь факты расслоения становятся уже всеобщими, без единого исключения. Различаются, правда, его формы и пропорции, но расслоение существовало повсюду и во все времена. Среди всех аграрных и в особенности индустриальных обществ социальная стратификация становится ясной и заметной. Не составляют исключения из правила и все современные демократии. Хоть в их конституциях и записано, что «все люди равны», только совершенно наивный человек может предположить в них отсутствие социальной стратификации...

Резюмируем: социальная стратификация – это постоянная характеристика любого организованного общества «Изменяясь по форме, социальная стратификация существовала во всех обществах, провозглашавших равенства людей». Феодализм и олигархия продолжают существовать в науке и искусстве, политике и менеджменте, банде преступников и демократиях уравнивателей – словом, повсюду».

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Наука, 1992. – С. 297–307.

Т. Парсонс

Система координат действия и общая теория систем

действие: культура, личность и место социальных систем

...В центре данного исследования стоит разработка теоретической схемы. Систематическое рассмотрение ее эмпирического использования будет предпринято отдельно.

Главным отправным пунктом является понятие социальных систем действия. Имеется в виду, что взаимодействие индивидов происходит таким образом, что этот процесс взаимодействия можно рассматривать как систему в научном смысле и подвергать ее теоретическому анализу, успешно примененному к различным типам систем в других науках.

Основные положения системы координат действия подробно излагались ранее, и здесь их нужно лишь кратко резюмировать. Эта система координат описывает «ориентацию» одного или многих действующих лиц – в исходном случае биологических организмов – в ситуации, включающей в себя другие действующие лица. Данная схема, описывая таким образом элементы действия и взаимодействия, является схемой отношений. При помощи ее анализируются структура и процессы систем, состоящих из отношений таких элементов к их ситуациям, включающим другие элементы. Эта схема касается внутренней структуры элементов в той мере, в какой структура затрагивает непосредственно системы отношений.

Ситуация определяется как то, что состоит из объектов ориентации, т.е. ориентации данного субъекта действия, дифференцируется по отношению к различным объектам и их классам, составляющим его ситуацию. С точки зрения действия удобно классифицировать все объекты как соотносящие из трех классов объектов: социальных, физических и культурных. Социальным объектом является деятель, которым в свою очередь может быть любой другой индивид («другой»), субъект действия, который принимается сам за центр системы («Я»), или некоторый коллектив, который при анализе ориентации рассматривается как нечто единое. Эмпирические сущности, не «взаимодействующие» или не «реагирующие» на «Я», представляют собой физические объекты. Они являются средствами и условиями действия «Я». Культурными объектами являются символические элементы культурной традиции, идеи или убеждения, экспрессивные символы или ценностные стандарты в той степени, в какой они рассматриваются как объекты ситуации со стороны «Я», а не «интериоризованы» как элементы, вошедшие в структуру его личности.

Действие – это некоторый процесс в системе «субъект действия – ситуация», имеющий мотивационное значение для действующего индивида или – в случае коллектива – для составляющих его индивидов. Это значит, что ориентация соответствующих процессов действия связана с достижением удовлетворения или уклонением от неприятностей со стороны соответствующего субъекта действия, как бы конкретно с точки зрения структуры данной личности это ни выглядело. Лишь поскольку отношение к ситуации со стороны субъекта действия будет носить мотивационный характер в таком понимании, оно будет рассматриваться в данной работе как действие в строгом смысле. Предполагается, что конечный источник энергии или «усилия» в процессах действия происходит из организма, и в соответствии с этим всякое удовлетворение и неудовлетворение имеют органическую значимость. Но с точки зрения теории действия конкретная организация мотивации не может анализироваться в терминах потребностей организма, хотя и корни мотивации

находятся именно здесь. Организация элементов действия прежде всего является функцией отношения действующего лица к ситуации, а также истории этого отношения, в этом смысле «опыта».

Фундаментальное свойство действия, определенного таким образом, заключается в том, что оно состоит не только из реакций на частные «стимулы» ситуации. Кроме этого, действующее лицо развивает систему ожиданий, относящихся к различным объектам ситуации. Эти ожидания могут быть организованы (structured) только относительно его собственных потребностей-установок (need-despositions) и вероятности удовлетворения или неудовлетворения в зависимости от альтернатив действия, которые может осуществить данное действующее лицо. Но в случае взаимодействия с социальными объектами добавляются новые параметры «Я». Часть ожиданий «Я», во многих случаях наиболее значительная часть, сводится к вероятным реакциям «другого» на возможное действие «Я». Эта реакция предусматривается заранее и таким образом влияет на собственные выборы «Я».

Однако и на том и на другом уровне различные элементы ситуации приобретают специальные «значения» для «Я» в качестве «знаков» или «символов», соответствующих организации его системы ожиданий. Знаки и символы, особенно там, где существует социальное взаимодействие, приобретают общее значение и служат средством коммуникации между действующими лицами. Когда возникают символические системы, способные стать посредниками в коммуникации, мы говорим о началах культуры, которая становится частью систем действия соответствующих действующих лиц...

Таким образом, сведенная к самым простым понятиям социальная система состоит из множества индивидуальных действующих лиц, взаимодействующих друг с другом в ситуации, которая обладает по меньшей мере физическим аспектом или находится в некоторой среде действующих лиц, мотивации которых определяются тенденцией к «оптимизации» удовлетворения, а их отношение к ситуации, включая отношение друг к другу, определяется и опосредуется системой общепринятых символов, являющихся элементами культуры.

Понимаемая таким образом социальная система является всего лишь одним из трех аспектов сложной структуры конкретной системы действия. Два других аспекта представляют собой системы личности отдельных действующих лиц и культурную систему, на основе которой строится их действие. Каждая из этих систем должна рассматриваться как независимая ось организации элементов системы действия в том смысле, что ни одна из них не может быть сведена к другой или к их комбинации. Каждая из систем необходимо предполагает существование других, ибо без личностей и культуры не может быть социальной системы. Но эти взаимозависимость и взаимопроникновение существ-

венным образом отличаются от сводимости, которая означает, что важные свойства и процессы одного класса систем могут быть теоретически выведены из теоретического знания об одной или двух других системах. Система координат действия является общей для всех трех, благодаря чему между ними оказываются возможными определенные трансформации. Но на принятом здесь теоретическом уровне эти системы не могут быть объединены в одну, хотя это может быть допустимо на каком-то другом теоретическом уровне.

Можно придти к тому же, утверждая, что на современном уровне теоретической систематизации наше динамическое знание о процессах действия весьма фрагментарно. Поэтому мы вынуждены пользоваться типами эмпирической системы, описательно представленными в понятиях системы координат в качестве необходимой точки отсчета. В соответствии с этой позицией мы понимаем динамические процессы, рассматривая их как «механизмы», влияющие на «функционирование» системы. Описательное представление эмпирической системы должно быть осуществлено под углом зрения «структурных» категорий, которым соответствуют определенные мотивационные образования, необходимые для того, чтобы создать пригодное знание о механизмах.

...В самом общем смысле система потребностей-установок индивидуального действующего лица, по-видимому, состоит из двух первичных, или элементарных, аспектов, которые можно назвать аспектом «удовлетворения» и аспектом «ориентации». Первый из них относится к содержанию взаимообмена действующего лица с миром объектов, к тому, что он получает из этого взаимодействия, и к тому, что это «стоит» для него. Второй аспект относится к тому, каково его отношение к миру объектов, к типам или способам, с помощью которых организуется его отношение к этому миру.

Выделяя аспект отношения, мы можем рассмотреть первый аспект как «катектическую» ориентацию, которая придает значимость отношению «Я» к рассматриваемому объекту или объектам при поддержании баланса удовлетворения – неудовлетворения его личности. С другой стороны, наиболее элементарной и фундаментальной категорией «ориентации», по-видимому, является когнитивность, которая в самом широком смысле может трактоваться как определение соответствующих аспектов ситуации в их отношении к интересам действующего лица. Это – когнитивный аспект ориентации, или познавательное схематизирование, по Толмену. Оба эти аспекта должны быть представлены в чем-то, что может рассматриваться как единица системы действия, как элементарное действие (unit act).

Но действия не бывают единичными и дискретными, они организованы в системы. Этот момент даже на самом элементарном системном уровне заставляет рассматривать компонент «системной интеграции». С

точки зрения системы координат действия эта интеграция является упорядочением возможностей ориентации при помощи отбора. Потребности удовлетворения направлены на альтернативные объекты, имеющиеся в ситуации. Познавательное схематизирование сталкивается с альтернативой суждения или интерпретации относительно того, чем объект является или что он значит. По отношению к этим альтернативам должен существовать определенный порядок выбора. Этот процесс может быть назван оценением. Следовательно, существует оценочный аспект в любой конкретной ориентации действия. Самые элементарные компоненты любой системы действия могут быть сведены к действующему лицу и его ситуации...

Элементы действия на самом широком уровне распространяются по категориям трех основных видов мотивационной ориентации. Все три вида подразумеваются в структуре того, что названо ожиданием. Кроме катектических интересов, когнитивного определения ситуации и оценочного отбора в ожидание входит временной аспект ориентации относительно будущего развития системы «действующее лицо – ситуация» и памяти о прошлых действиях. Ориентация в ситуации обладает некоторой структурой, т.е. она соотнесена со своими стандартами развития. Действующее лицо делает «вклад» в определенные возможности развития. Для него важно, как они осуществляются, поскольку одни возможности должны быть реализованы скорее, чем другие.

Эта временная характеристика отношения действующего лица к развитию ситуации может быть расположена на оси активность – пассивность. На одном полюсе действующее лицо может просто «ожидать развития» и не предпринимать никаких активных действий относительно него. В другом случае оно может активно пытаться контролировать ситуацию в соответствии со своими желаниями или интересами. Будущее состояние системы «действующее лицо – ситуация», в которой действующее лицо занимает пассивную позицию, можно назвать предвосхищением. То же состояние системы в случае активного вмешательства (включая сюда предотвращение нежелательных событий) может быть названо целью. Целенаправленность действия, как мы увидим, в частности, при обсуждении нормативной ориентации, является основным свойством всех систем действия. Однако с аналитической точки зрения эта целенаправленность кажется стоящей на более низком уровне по сравнению с понятием ориентации. Оба типа должны быть четко отделены от понятия «стимул» – «реакция», поскольку в нем нет явной ориентации на будущее развитие ситуации. Стимулы можно рассматривать как непосредственно данные, не занимаясь теоретическим анализом.

Основное понятие «инструментального» аспекта действия может употребляться только в случаях, когда действие позитивно целенаправлено. В этом понятии формулируются соображения относительно си-

туации и отношения к ней действующего лица, открытые перед ним альтернативы и их возможные последствия, которые имеют значение для достижения цели.

Коротко остановимся на исходной структуре «удовлетворение потребностей». Конечно, общая теория действия в конце концов должна прийти к решению вопроса о единстве или качественной множественности исходных генетически данных потребностей, их классификации и организации. В частности, в работе, касающейся социальной системы на уровне теории действия, в высшей степени целесообразно тщательно рассмотреть принцип экономии в таких противоречивых сферах. Необходимо допустить, однако, крайнюю поляризацию той структуры потребностей, которая объединяется в понятии баланса удовлетворения – неудовлетворения и которая имеет свои производные в антитезе притяжение – отталкивание. Помимо сказанного выше и определенных общих положений об отношениях между удовлетворением потребностей и другими аспектами действия нет необходимости, по-видимому, переходить к весьма общим понятиям.

Основная причина этого состоит в том, что в своей значимости для социологии мотивации выступают перед нами как организованные на уровне личности, т.е. мы имеем дело с более конкретными структурами, понимаемыми как продукты взаимодействия генетически данных компонентов-потребностей с социальным опытом. Именно единообразие на этом уровне и является эмпирически значимым для социологических проблем. Для того чтобы пользоваться знанием об этом единообразии, вовсе не обязательно вскрывать генетические и опытные компоненты. Главное исключение здесь возникает в связи с проблемами пределов социальной вариабельности в структуре социальных систем, которые могут быть заданы биологической организацией соответствующей популяции. Конечно, при возникновении подобных проблем необходимо мобилизовать весь наличный материал, чтобы сформулировать суждение относительно более специфических потребностей удовлетворения.

Проблема, связанная с этим, относится не только к потребностям удовлетворения, но и к способностям. Любой эмпирический анализ действия предполагает биологически заданные способности. Нам известно, что между индивидами они распределены в высшей степени дифференцированно. Но с точки зрения самых общих теоретических целей здесь может быть применен тот же принцип экономии. Обоснованность данной процедуры подтверждена знанием того, что индивидуальные различия, вероятно, более важны, чем различия между большими популяциями, а потому маловероятно, чтобы наиболее важные различия крупных социальных систем обуславливались прежде всего биологическими различиями в способностях населения. Для большинства социологических

задач влияние генов и жизненного опыта можно учесть, не выделяя их в виде самостоятельных факторов.

Было отмечено, что самая элементарная ориентация действия у животных предполагает наличие знаков, являющихся по крайней мере началом символизации. Это внутреннее присуще понятию ожидания, включающему определенное «отвлечение» от частностей непосредственно существующей стимулирующей ситуации. Без знаков весь ориентационный аспект действия был бы бессмысленным, включая понятие «селекция» и лежащие в его основе «альтернативы». На уровне человека сделан определенный шаг от знаковой ориентации к подлинной символизации. Это – необходимое условие для возникновения культуры.

В основной схеме действия символизация включена как в когнитивную ориентацию, так и в понятие оценивания. Дальнейшая разработка роли и структуры систем символов и действия связана с рассмотрением дифференциации, обусловленной различными аспектами системы действия и аспектом признания и его отношением к коммуникации и культуре. Прежде всего нужно иметь в виду последнее.

Как бы ни были важны неврологические предпосылки, по-видимому, невозможно, чтобы истинная символизация, в отличие от использования знаков, могла возникнуть и функционировать без взаимодействия действующих лиц и чтобы отдельное действующее лицо могло усваивать символические системы только посредством взаимодействия с социальными объектами. По меньшей мере симптоматично, что этот факт хорошо увязывается с элементом «двойного совпадения» в процессе взаимодействия. В классических ситуациях, когда животное обучается, оно имеет альтернативы для выбора и развертывает ожидания, которые могут стать «спусковым крючком» посредством знаков или «ключей». Но знак – часть ситуации, которая является стабильной независимо от того, что делает животное; единственная «проблема», стоящая перед ним, сводится к умению правильно интерпретировать эту ситуацию... Но в социальном взаимодействии возможные реакции «другого» могут приобретать значительный размах, выбор внутри которого зависит от действия «Я». Итак, для того чтобы процесс взаимодействия оформился структурно, смысл знака должен быть еще более абстрагирован от частностей ситуации. Это значит, что смысл знаков должен остаться постоянным для весьма широкой совокупности обстоятельств, которая охватывает область альтернатив не только действия «Я», но и «другого», а также возможные перемены и комбинации отношений между ними.

Какими бы ни были происхождение и процессы развития символических систем, совершенно ясно, что удивительная сложность систем человеческой деятельности невозможна без относительно стабильных символических систем, значение которых в основном не связано с част-

ными ситуациями. Самым важным следствием из этого обобщения является возможность коммуникации, поскольку ситуации двух действующих лиц никогда не бывают идентичными и без способности к абстрагированию значений от отдельных частных ситуаций коммуникация была бы невозможной. Но в свою очередь стабилизация символических систем, распространяющаяся на всех индивидов в течение всего времени, вероятно, не могла бы поддерживаться, если бы она не функционировала в процессе коммуникации во взаимодействии множества действующих лиц. Именно такая общепринятая символическая система, которая функционирует во взаимодействии, и будет называться здесь культурной традицией.

Между этими аспектом и нормативной ориентацией действия существует глубокая связь. Символическая система знаний является элементом порядка, как бы налагающегося на реальную ситуацию. Даже самая элементарная коммуникация невозможна без некоторой степени согласия с «условностями» символической системы. Говоря несколько иначе, взаимная зависимость ожиданий ориентируется на общепринятый порядок символических значений. Поскольку удовлетворение «Я» зависит от реакции «другого», то условный стандарт начинает устанавливаться в зависимости от тех условий, которые будут или не будут вызывать реакцию удовлетворения, и отношение между этими условиями и реакциями становится частью значимой системы ориентации «Я» на ситуацию. Поэтому ориентация на нормативный порядок и взаимная блокировка ожиданий и санкций – что является основным для нашего анализа социальных систем – коренятся в глубочайших основах системы координат действия.

Это основное отношение является общим для всех типов и видов ориентации взаимодействия. Но тем не менее важно выработать определенные различия с точки зрения относительной важности трех очерченных выше модальных элементов: катектического, когнитивного и оценочного. Элемент общепринятой символической системы в качестве некоторого критерия или стандарта для выбора из имеющихся альтернатив ориентации может быть назван ценностью.

В каком-то смысле мотивация – это ориентация относительно улучшения баланса удовлетворения – неудовлетворения действующего лица. Но поскольку действие не может быть понято без когнитивного и оценочного компонентов, присущих его ориентации с точки зрения системы координат действия, постольку понятие мотивации будет употребляться здесь как включающее все три аспекта, а не только катектический. Но имея в виду роль символических систем, необходимо от этого аспекта мотивационной ориентации отличать аспект ценностной ориентации. Этот аспект касается не значения предполагаемого состояния дел для действующего лица с точки зрения баланса удовлетворения – неудовлетворе-

ния, а содержания самих стандартов выбора. В этом смысле понятие ценностной ориентации является логическим средством для формулировки одного из центральных аспектов выражения культурной традиции в системе действий.

Из определения нормативной ориентации и роли ценностей в действии следует, что все ценности включают то, что может быть названо социальным значением. Поскольку ценности являются скорее культурными, а не личностными характеристиками, постольку они оказываются общепринятыми. Даже если они у индивида индиосинкразичны, то все же благодаря своему происхождению они определяются в связи с принятой культурной традицией; их своеобразие состоит в специфических отклонениях от общей традиции.

Однако ценностные стандарты могут быть определены не только по своему социальному значению, но и с точки зрения их функциональных связей с действием индивида. Все ценностные стандарты, рассматриваемые в связи с мотивацией, имеют оценочный характер. Но все же в своем первичном значении стандарты могут быть связаны с когнитивным определением ситуации, с катектическим «выражением» или с интегративной системой действия как некоторой системы или ее части. Следовательно, ценностная ориентация может быть в свою очередь расчленена на три вида: когнитивные, оценочные (appreciative) и моральные стандарты ценностной ориентации.

Теперь несколько слов для объяснения этой терминологии. Как уже отмечалось, данная классификация связана с видами мотивационной ориентации. Познавательный аспект ориентации не вызывает больших трудностей. С точки зрения мотивации дело в познавательном интересе к ситуации и ее объектам, в мотивации познавательного определения ситуации. С другой стороны, позиции ценностной ориентации касаются стандартов, при помощи которых определяется обоснованность когнитивных суждений. Некоторые из них, подобно самым элементарным законам логики или правилам наблюдения, могут являться культурными универсалиями, в то время как другие элементы подвержены изменениям в культуре. В любом случае это составляет суть избирательного оценивания стандартов предпочтения среди альтернативных решений проблем познания или альтернативных интерпретаций явлений и объектов.

Нормативный объект когнитивной ориентации считается очевидным. С катектической ориентацией вопрос обстоит сложнее. Дело в том, что отношение к объекту может приносить или не приносить удовлетворение действующему лицу. Не следует забывать того, что удовлетворение является всего лишь частью системы действий, в которой действующие лица ориентированы нормативно. Не подлежит сомнению, что этот аспект должен рассматриваться вне связи с нормативными стандартами оценки. Это всегда связано с вопросом правильности и

уместности ориентации в данном отношении в связи с выбором объекта и установки относительно него. Поэтому сюда всегда включаются стандарты, посредством которых могут быть осуществлены выборы из возможностей, имеющих катектическое значение.

Наконец, оценочный аспект мотивационной ориентации также имеет соответствие в ценностной ориентации. Оценивание касается проблемы интеграции элементов системы действия, суть которой выражена в проблеме: «Нельзя съесть пирог и сохранить его». И когнитивный и оценивающий ценностные стандарты имеют к этому прямое отношение. Но любое действие имеет как когнитивный, так и катектический аспект. Следовательно, первичность когнитивных интересов еще не снимает проблему интеграции конкретного действия с точки зрения катектических интересов и наоборот. Поэтому в системе действия центр тяжести должен быть сосредоточен на оценочных стандартах, которые не являются ни когнитивными, ни катектическими, а представляют собой их синтез. По-видимому, их удобнее всего назвать моральными стандартами. В некотором смысле они устанавливают стандарты, с точки зрения которых рассматриваются более частные оценки.

Из общего характера систем действия с очевидностью следует, что моральные стандарты в принятом здесь смысле несут большое социальное содержание. Это объясняется тем, что любая система действия при конкретном рассмотрении является в каком-то аспекте социальной системой, хотя для определенных целей проблема личности остается весьма важной. Моральное содержание не сводится целиком к социальному, хотя без социального аспекта невозможно представить себе конкретную систему действия, интегрированную во всех отношениях. В частности с точки зрения любого действующего лица определение типов взаимных прав и обязанностей, а также стандартов, определяющих его взаимодействие с другими, является решающим аспектом общей ориентации этого действующего лица в ситуации. Благодаря этому специфическому отношению к социальной системе моральные стандарты становятся таким аспектом ценностной ориентации, который с точки зрения социологии приобретает величайшую важность...

Несмотря на существование прямой параллели между классификациями типов ценностей и мотивационной ориентации, очень важно подчеркнуть, что эти два исходных аспекта или компонента системы действия логически независимы в том смысле, что содержание этих классификаций может независимо изменяться. Из данного «психологического» катектического значения объекта нельзя вывести специфических оценочных стандартов, в соответствии с которыми происходит оценка объекта, и наоборот. Классификация видов мотивационной ориентации составляет основу для анализа проблем, которые связаны с интересом действующего лица. С другой стороны, ценностная ориентация

представляет стандартную основу того, что обеспечивает удовлетворительные решения этих проблем. Ясное осознание независимой изменчивости этих типов или уровней ориентации чрезвычайно важно для построения удовлетворительной теории в области культуры и личности. Можно сказать, что недостаточное понимание этого момента приводит ко многим трудностям в этой области; в частности, именно этим объясняется постоянное колебание многих общественных наук между «психологическим» и «культурным» детерминизмом. Действительно, можно сказать, что эта независимая изменчивость является логическим основанием для самостоятельного значения теории социальной системы в отличие от теории личности, с одной стороны, и теории культуры – с другой. Вероятно, это положение лучше всего рассмотреть на проблеме культуры. В антропологической теории не существует единодушия в определении понятия культуры. Но здесь можно выделить три основных момента этого определения: во-первых, культура передается, она составляет наследство или социальную традицию; во-вторых, это то, чему обучаются, культура не является проявлением генетической природы человека; и в-третьих, она является общепринятой. Таким образом, культура, с одной стороны, является продуктом, а с другой стороны – детерминантой систем человеческого социального взаимодействия.

Первый пункт определения – передаваемость – служит наиболее важным критерием для различения культуры и социальной системы, поскольку культура может распространяться из одной социальной системы в другую. По отношению к частной социальной системе она является «стандартным» элементом, аналитически и эмпирически абстрагируемым от этой социальной системы. Существует чрезвычайно важная взаимозависимость между культурными стандартами и другими элементами социальной системы, но эти элементы не интегрируются полностью ни с культурой, ни друг с другом.

Такой подход к проблеме культуры открывает широкие возможности для рассмотрения этих проблем. Символическая система обладает своими собственными видами интеграции, которые можно назвать стандартами устойчивости. Наиболее общий пример – логическая устойчивость когнитивной системы, но стили в искусстве и системы ценностной ориентации подлежат аналогичным стандартам интеграции. Примерами таких символических систем могут служить философские трактаты или произведения искусства.

Но в качестве интегрирующей части конкретной системы социального взаимодействия подобная норма интеграции культурной системы через стандарты устойчивости реализуется только приблизительно. Это происходит из-за напряжений, возникающих из условий взаимозависимости с ситуационными и мотивационными элементами конкретного

действия. К этой проблеме можно подойти, рассматривая процесс «обучения» культурным стандартам.

Это наиболее общее понятие в антропологической литературе, по-видимому, связано по своему происхождению с моделью усвоения интеллектуального содержания. Но далее оно было распространено на обозначение процессов, благодаря которым достигается интеграция элементов культуры в конкретном действии индивида. Под этим углом зрения следует рассматривать обучение языку и решению математических задач с помощью дифференциального исчисления. Таким же образом происходит и усвоение норм поведения и ценностей искусства. Следовательно, обучение в этом широком смысле означает включение стандартных элементов культуры в систему действия отдельного индивида.

При анализе способности к обучению возникает проблема: как система личности может осваивать элементы культуры? Один аспект этой проблемы состоит в условиях совместимости данного момента культуры с другими ее элементами, которые могут быть или уже освоены индивидом. Но кроме этого существуют и другие аспекты. Каждое действующее лицо – биологический организм, действующий в некоторой среде. Как генетическая природа организма, так и среда, выходящая за рамки культуры, накладывают на это усвоение определенные ограничения, хотя эти ограничения очень трудно вычленишь. И наконец, каждое действующее лицо ограничено пределами взаимодействия в социальной системе. Последнее соображение особенно важно при рассмотрении проблем культуры, поскольку оно затрагивает аспект общепринятой культурной традиции. Такая традиция должна быть «порождена» одной или несколькими социальными системами, и эту традицию можно признать функционирующей лишь тогда, когда она становится частью действительной системы действия.

С точки зрения теории действия эта проблема может быть выражена так: таким образом вполне устойчивая культурная система может быть связана с характеристиками как личности, так и социальной системы, чтобы обеспечивалось полное «соответствие» между стандартами культурной системы и мотивацией отдельных действующих лиц данной системы? Можно утверждать без дополнительного доказательства, что такой крайний случай не совместим с основными функциональными требованиями как личностей, так и социальных систем. Интеграция целостной системы действия, какой бы частичной и несовершенной она ни была, является своего рода «компромиссом» между стремлениями к устойчивости ее личных, социальных и культурных компонентов таким образом, что ни один из них не достигает совершенной интеграции. Проблема отношения культуры и социальной системы будет обсуждаться ниже. Самое главное здесь состоит в том, что «обучение» системе культурных стандартов действующего лица и ее существование не

могут быть поняты без анализа мотивации в конкретных ситуациях не только на уровне теории личности, но и на уровне механизмов социальной системы.

Существует определенный элемент логической симметрии в отношениях социальной системы к культуре, с одной стороны, и к личности – с другой. Но не стоит слишком сильно настаивать на том, что отсюда следует. Более глубокая симметрия лежит в том факте, что и личность и социальная система являются типами эмпирической системы действия, в которой соединены как мотивационный, так и культурный элементы. В этом смысле можно говорить об их параллельности друг другу. Основа интеграции культурной системы, как уже было замечено, лежит в стандартах устойчивости. Что же касается основы интеграции, то она состоит в структурных стандартах устойчивости и функционального соответствия мотивационного баланса и конкретной ситуации. Культурная система не функционирует иначе, как являясь частью конкретной системы действия, она просто существует.

Должно быть совершенно ясно, что взаимодействие не является тем что отличает социальную систему от системы личности. Более того, взаимодействие образует как личность, так и социальную систему. Главное различие между личностью и социальной системой состоит скорее в функциональных центрах организации и интеграции. Личность – это система отношений живого организма, взаимодействующего с некоторой ситуацией. Ее интегрирующим центром является единица организм-личность в качестве некоторой эмпирической данности. Механизмы личности должны пониматься и формулироваться в связи с функциональными проблемами этой единицы. Система социальных отношений, в которую включено действующее лицо, не просто имеет ситуационное значение, а непосредственно образует саму личность. Но даже тот факт, что эти отношения имеют единообразную социальную структуру, не означает, что каждая личность определяется этими единообразными «ролями» одинаковым образом. Каждая из этих «ролей» включается в иную личностную систему, и поэтому она, строго говоря, не имеет одного значения ни для каких двух индивидов. Это отношение личности к единообразной ролевой структуре является взаимозависимым и взаимопроникающим, но не существует такого «включения», при котором свойства личности целиком определяются теми ролями, в которых она участвует.

Из этих соображений следует, что и структура социальных систем, и мотивационные механизмы их функционирования должны быть выражены в категориях, находящихся на уровне, не зависящем ни от личности, ни от культуры. Грубо говоря, хотя таковая процедура есть, неприятности возникают либо из попытки трактовать социальную структуру как часть культуры. либо рассматривать социальную мотивацию

как прикладную психологию или непосредственное приложение теории личности.

Правильный путь иной. Он определяется тем, что краеугольные камни теории социальных систем, теории личности и культуры общи для всех наук о действии. Это является истинным не для некоторых из них, а для всех. Но способы, при помощи которых эти концептуальные материалы должны быть введены в теоретические структуры, будут не идентичными во всех трех случаях теории действия. Психология как наука о личности, таким образом, не является основанием теории социальных систем, а является всего лишь одной из ветвей большого дерева теории действия, в которой теория социальных систем оказывается другой ветвью. Общим основанием является не теория индивида как единицы общества, а теория действия как тот «материал», из которого строятся и личностные и социальные системы...

...Среди систем действия социальная система, как было замечено, является независимым центром реальной эмпирической организации действия и теоретического анализа.

Поскольку эмпирическая организация системы является главной осью системы, то нужна концепция эмпирически самообеспечивающейся социальной системы. Если мы учтем ее продолжительность, достаточно большую, чтобы превзойти срок жизни обычного индивида, то ее возобновление путем биологического воспроизводства и социализации новых поколений становится существенным аспектом такой социальной системы. Социальная система такого типа, которая отвечает всем существенным функциональным требованиям, связанным с продолжительным существованием за счет собственных ресурсов, будет называться обществом. Для понятия общества существенно не то, будет ли оно каким бы то ни было образом взаимосвязано эмпирически с другими обществами, а то, что оно должно содержать все структурные и функциональные основания, чтобы быть независимо существующей системой.

Любая другая социальная система будет называться частной социальной системой. Очевидно, большинство социологических эмпирических исследований относится скорее к такому типу социальных систем, а не к обществам в целом. Это совершенно законно. Но использование понятия как некоторой нормы в теории социальных систем обеспечивает разработку такой концептуальной схемы, благодаря которой будет найдено место исследуемой частной социальной системы в том обществе, частью которого она является. Тем самым почти исключается возможность, что исследователь упустит существенные черты общества, которое выходит за пределы данной частной социальной системы и предопределяет ее свойства. Не стоит говорить о том, насколько важно определить ту систему, которая является объектом социологического анализа, составляет ли она общество, а если нет, то какое место в обще-

стве занимает данная частная социальная система, являющаяся его частью...

Представление процессов социальной системы как процессов действия... делает возможным обращение к существующим теориям мотивации, развитым в современной психологии, и тем самым доступ к огромному резерву знаний.

Особенно важным аспектом нашей системы категорий является структурный аспект. Мы не в состоянии «схватить» закономерности динамического процесса в социальной системе целиком и полностью. Но для того чтобы осуществить это, мы должны получить картину той системы, которой они соответствуют, и там, где имеются изменения, мы должны проследить все промежуточные стадии. Система структурных категорий является такой концептуальной схемой, которая обеспечивает упорядочение динамического анализа. С расширением динамического знания исчезает независимая объясняющая значимость структурных категорий. Но кардинальная важность их научной функции тем не менее не уменьшается...

Из-за фрагментарного характера нашего динамического знания тщательное и систематическое внимание к этим проблемам в высшей степени необходимо для социологии. Но в то же время должно быть совершенно ясно, что такой морфологический интерес сам по себе не является целью, но его продукты составляют незаменимые инструменты для решения других задач.

Если у нас есть достаточно обобщенная система категорий для систематического описания и сравнения структуры систем, то тем самым мы имеем порядок, при помощи которого становится возможным мобилизовать наше динамическое знание о мотивационных процессах с максимальной эффективностью. Но в связи с проблемами, которые являются содержательными с точки зрения социальной системы, знание, которым мы обладаем, является по своим аналитическим достоинствам фрагментарным, очень неровным и неадекватным. Самым эффективным способом организации этого знания для наших целей является приведение его в связь со схемой категорий, описывающих социальную систему. Именно здесь вступает в силу столь много обсуждавшееся понятие функции. Конечно, динамический процесс в социальной системе мы должны «расположить» структурно. Но помимо этого мы должны проверить значение соответствующих обобщений. Эта проверка значимости принимает форму функциональных аспектов процесса. Проверка состоит в том, чтобы ответить на вопрос, какими будут для системы последствия двух или более альтернативных результатов динамического процесса. Такие последствия будут выражены в понятиях поддержания стабильности или изменения, интеграции или разрушения системы в некотором смысле.

Определение места мотивационных процессов в этом контексте функциональной значимости для системы обеспечивает основу для формулировки введенного выше понятия механизма. Мотивационная динамика в социологической теории в первом случае должна выступать в форме указания механизмов, которые «отвечают» за функционирование социальных систем, за поддержание или разрушение данных структурных типов, для типичного процесса перехода от одного структурного типа к другому.

Такие механизмы всегда представляют собой механическое обобщение относительно действия мотивационных сил в данных условиях. Однако аналитическая основа таких обобщений может быть крайне изменчивой. Иногда мы только эмпирически знаем, что это происходит таким-то образом, в других случаях могут быть более глубокие основания для обобщения, как, например, приложение установленных законов обучения или действия защитных механизмов на уровне личности.

Выражение мотивационных проблем через понятие механизма необходимо для того, чтобы установить, в какой мере наше знание мотивов является существенным для понимания функционирования социальной системы, ибо для научной плодотворности некоторого обобщения это определение существенности столь же важно, как и правильность самого этого обобщения.

Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. – М.: Наука, 1996. – С. 462 – 478.

Г. Моска Правящий класс

Во всех обществах (начиная со слабо развитых вплоть до наиболее развитых) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время, как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу материальные средства существования.

Человек, стоящий во главе государства, определенно не в состоянии был бы управлять без поддержки со стороны многочисленного класса, не мог бы заставить уважать его приказы и их выполнять. Этот человек определенно не может ссориться с данным классом или вообще покончить с ним. Если бы это было возможно, то ему пришлось бы сразу же создавать другой класс. В то же время, утверждая, что неудовле-

творенность масс может привести к свержению правящего класса, неизбежно должно было бы существовать другое организованное меньшинство внутри самих масс для выполнения функций правящего класса. В противном случае вся организация и вся социальная структура будет разрушена.

Суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна. Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противопоставит тотальности организованного меньшинства. В то же время меньшинство организовано именно потому, что оно меньшинство. Сто человек, действуя согласованно, с общим пониманием дела, победят тысячу несогласных друг с другом людей, которые общаются только один на один. Между тем, для первых легче будет действовать согласованно и с взаимопониманием просто потому, что их сто, а не тысяча. Отсюда следует, что чем больше политическое сообщество, тем пропорционально меньше правящее меньшинство по сравнению с управляемым большинством и тем труднее будет для большинства организовать отпор меньшинству.

Как бы то ни было, в дополнение к большому преимуществу – выпавшей на долю правящего меньшинства организованности – оно так обычно сформировано, что составляющие его индивиды отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство; или же они являются наследниками людей, обладающих этими качествами. Другими словами, представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут.

В примитивных обществах, находившихся еще на ранней стадии развития, военная доблесть – это качество, которое быстро обеспечивает доступ в правящий, или политический класс. В высокоцивилизованных обществах война – исключительное явление. А в обществах, находящихся на ранних стадиях развития, ее можно, по существу, считать нормальным явлением, и индивиды, проявляющие большие способности в войне, легко добиваются превосходства над своими товарищами, а наиболее смелые становятся вождями. Это непреложный факт, однако формы, которые он может принимать в зависимости от набора условий, весьма многообразны. Превосходство военного сословия над мирным большинством обусловлено перемещением рас и народов, связано с захватом со стороны агрессивной группы относительно мирной части общества. Иногда это действительно так: в качестве примера можно привести Индию после ее захвата ариями, Римскую империю после вторжения в нее германцев и Мексику после захвата ацтеками. Однако гораздо чаще при определенных социальных условиях возвышение воин-

ственного правящего класса наблюдается там, где нет никаких признаков иностранного вторжения. До тех пор, пока орда живет исключительно охотой, все индивиды без труда могут стать воинами. В ней, конечно, будут свои лидеры, руководящие племенем, но невозможно обнаружить класс военных, начинающих эксплуатировать и в то же время защищать другой класс, занимающийся мирным трудом. По мере того как племя переходит от занятия охотой к земледелию и пастушесству, наряду со значительным ростом населения и обретением большей устойчивости среди социального воздействия происходит более или менее четкое деление на два класса, один из которых занимается преимущественно сельским хозяйством, а другой – военным делом. В таком случае неизбежно, что класс военных будет шаг за шагом добиваться такого доминирования над другим классом, чтобы иметь возможность довлеть над ним безнаказанно.

Польша дает характерный пример постепенной метаморфозы военного класса в абсолютно доминирующий. Первоначально поляки имели организацию сельских поселений, преобладающую среди всех славянских народов. Не существовало различий между воинами и сельскими тружениками, другими словами, между знатью и крестьянами.

Но после того, как поляки заселили широкие равнины, орошаемые водами Вислы и Немана, они начали заниматься земледелием. Однако сохранялась необходимость бороться с воинственными соседями, племенные вожди, или воеводы, собирали вокруг себя определенное число отборных людей, специальным занятием которых было владение оружием. Эти воины были распределены между различными сельскими общинами. Они были освобождены от сельскохозяйственного труда, и вместе с тем получали свою долю продуктов земли наряду с другими членами коммуны. Вначале их положение было не слишком привлекательным, и иногда сельские жители отказывались от освобождения от сельскохозяйственного труда, чтобы избежать участия в войне. Однако постепенно по мере укрепления этого порядка, когда один класс привык к военной деятельности и организации, в то время как другой закалился, работая за плугом и с лопатой, воины стали знатью и владельцами, а крестьяне, некогда их сотоварищи и братья, – вилланами и крепостными. Шаг за шагом воины-владельцы повышали свои требования увеличить долю, которую они имели как члены общины, до размеров всей продукции общины за вычетом того, что жизненно необходимо для земледельцев; и когда последние пытались бороться с таким насилием, они были силой прикреплены к земле, и все это было характерным проявлением откровенного, явного крепостничества.

В ходе этой эволюции примерно в 1333 г. король Казимир Великий тщетно пытался обуздать высокомерную наглость воинов. Когда крестьяне явились к нему с жалобами на знать, он довольствовался тем, что

спросил: нет ли у них палок и камней? Через несколько поколений, в 1537 г., знать заставила всех торговцев в городах продать принадлежавшие им имения, и отныне земельная собственность стала прерогативой одной лишь знати. В это же время знать усилила давление на короля, требуя начать переговоры с Римом и установить, что только знатные люди отныне могут в Польше вступать в святые ордена. Это практически полностью лишало горожан и крестьян права на почетные посты и какой бы то ни было социальной значимости. Точно такой же процесс мы наблюдаем в России. Здесь воины, входящие в дружину или охрану древнерусских князей (ведущих свою родословную от Рюрика) также имели свою долю от доходов мира (сельских крестьянских общин) как средство существования. Постепенно эта доля увеличивалась. Пока земля была в избытке и работников не хватало, крестьяне часто сами заботились о своей выгоде и переезжали с места на место. Поэтому в конце XVI века царь Борис Годунов разрешил знати прикреплять крестьян к своим землям, закрепив тем самым крепостное право. Однако вооруженные силы в России никогда не формировались исключительно из знати. Мужики (крестьяне) шли воевать как простые солдаты при дружине. Еще в XVI веке Иван Грозный создал стрелецкое войско, которое практически представляло собой постоянную армию, просуществовавшую вплоть до того времени, когда Петр Великий заменил его полками, организованными по западноевропейскому образцу. В этих полках члены старой дружины наряду с иностранцами стали офицерами, в то время как мужики составляли основной контингент рядовых.

У народов, только вступивших в земледельческую стадию развития и сравнительно цивилизованных, именно класс военных, вне всякого сомнения, являлся политическим или правящим классом. Иногда владение оружием разрешалось только этому классу, так было в Индии и Польше. Представители класса управляемых при возможности записывались в армию, однако чаще всего как простые солдаты и в самые непрестижные подразделения. Так, в Греции во время войны с мидийцами граждане, принадлежащие к наиболее состоятельным и влиятельным классам, составляли отборные части (кавалерию и тяжеловооруженных пехотинцев), а менее обеспеченные сражались как пельтасты или метальщики из пращи, в то время как рабы, т.е. массы трудящихся, полностью были отстранены от военной службы.

Аналогичную организацию мы обнаруживаем в республиканском Риме вплоть до Пунических войн и даже до времени Мария; в латинской и германской Европе в эпоху средневековья; как только что было показано, в России и у многих других народов.

Везде – в России и Польше, в Индии и средневековой Европе – правящие военные классы обладали почти исключительным правом собственности на землю. Земля является основным средством произ-

водства и источником благосостояния в тех странах, которые не достигли вершин цивилизации. С прогрессом пропорционально увеличиваются доходы от земли. С ростом населения в определенные периоды рента, в рикардианском смысле этого термина, увеличилась, поскольку появились огромные центры потребления – таковыми во все времена были столицы и другие большие города, как древние, так и современные. В результате происходили важные социальные изменения. Доминирующей чертой правящего класса стало богатство, а не воинская доблесть: правящие скорее богаты, чем храбры.

Основным условием подобной трансформации является то, что социальная организация должна быть упорядочена и усовершенствована до такой степени, чтобы обеспеченная публичной властью защита превосходила защиту с помощью неофициальной силы. Другими словами, частная собственность должна быть так защищена реализуемыми на практике действенными законами, чтобы власть самого собственника стала излишней. Происходит это путем постепенных изменений в социальной структуре, и в результате тип политической организации, который можно назвать «феодалным государством», трансформируется в принципиально другой тип, который можно назвать «бюрократическим государством».

Как только осуществляется такая трансформация, богатство создает политическую власть, точно так же, как политическая власть создает богатство. В обществе, достигшем определенной степени зрелости, где личная власть сдерживается властью общественной, власть имущие, как правило, богатые, а быть богатым – значит быть могущественным. И действительно, когда борьба с бронированным кулаком запрещена, в то время как борьба фунтов и пенсов разрешается, лучшие посты неизменно достаются тем, кто лучше обеспечен денежными средствами.

В Соединенных Штатах вся власть является прямым или косвенным результатом всеобщих выборов, и во всех штатах существует всеобщее избирательное право для всех мужчин и женщин. Более того, демократия характеризует не только институты, но и влияет в определенной степени на мораль. Богачи чувствуют обычно определенную неприязнь к участию в общественной жизни, а бедняки испытывают неприязнь, выбирая богатых в выборные органы. Но это не мешает богачу быть более влиятельным по сравнению с бедняком, поскольку он может оказывать давление на политиков, контролирующих государственную администрацию. Это не мешает проводить выборы под музыку звенящих долларов и не извывает всю законодательную власть и значительное число конгрессменов от ощущения влияния мощных корпораций и крупных финансистов.

В Китае еще несколько лет назад академические степени обеспечивали доступ к государственным учреждениям, а степени давались на

основе экзаменов без какой бы то ни было видимой ссылки на семью и состояние. Только парикмахеры и некоторые категории лодочников и их дети были лишены права претендовать на различные степени чиновников. Но нередко за деньги покупалась не только снисходительность экзаменаторов. Порой само правительство продавало различные академические степени и разрешало несведущим людям, нередко выходцам из низших социальных слоев, занимать посты в государственных учреждениях.

Во всех странах мира все прочие факторы, оказывающие социальное влияние, – личная известность, хорошее образование, специальная подготовка, высокий сан в церковной иерархии, public administration и армия – всегда доступнее богатым, чем бедным. У богатых по сравнению с бедными путь странствий всегда короче, не говоря уже о том, что богатые избавлены от наиболее тернистой и тяжелой части пути.

В обществах, где сильна религиозная вера и главы церкви образуют особый класс, всегда возникает церковная аристократия. Ярким примером могут служить Древний Египет, брахманская Индия и средневековая Европа. Священники не только выполняют религиозные функции, они обладают правовым и научным знанием, образуют класс носителей высочайшей интеллектуальной культуры. Сознательно или бессознательно, иерархия священников проявляет тенденцию монополизировать обучение и препятствовать распространению процедур, которые облегчают приобретение нового знания. Возможно, именно из-за этой тенденции мучительно медленно распространялся демотический алфавит в Древнем Египте, хотя он был несомненно проще иероглифического письма. Примером можно считать употребление мертвых языков, которое мы обнаруживаем в Халдее, Индии, средневековой Европе. Иногда, как в Индии, низы были строго отстранены от постижения знаний священных книг.

Специальные знания и подлинно научная культура становятся политической силой только на высокой ступени цивилизации, и тогда доступ в правящий класс получают лишь те, кто владеет ими. Но не столько знание само по себе обладает политической ценностью, сколько его практическое применение. Иногда все, что требуется, – это простое овладение механическими процессами, нужными для достижения более высокой культуры. Так, в истории Древнего Египта профессия писца открывала дорогу в государственное учреждение и вела к власти, возможно, потому, что для обладания навыками письма иероглифами надо было долго и упорно учиться. Также и в современном Китае изучение бесчисленных иероглифов составляет основу обучения чиновника. В западном мире так же, как и в Древнем Риме, в привилегированном положении находятся юристы. Они знают сложное законодательство всех народов, обладают красноречием.

Продолжительное руководство военной организацией и гражданским обществом развило у правящего класса искусство управления. В таких условиях возникают аристократии функционеров, подобно римскому сенату, венецианским нобилям и английской аристократии. Однако даже если сейчас искусство управления престижно для классов, долго выполнявших политические функции, оно не служило никогда общепринятым критерием привлечения на государственную службу людей, далеких от нее по своему социальному положению.

В некоторых странах мы находим наследственные привилегированные касты. В таких случаях правящий класс явно ограничен числом семейств, и рождение является единственным критерием, определяющим принадлежность к нему. Примеров тому чрезвычайно много. Нет практически страны с продолжительной историей, в которой не было бы в то или иное время наследственной аристократии. Мы обнаруживаем ее в Китае и Древнем Египте, в Индии, Греции до войны с мидийцами, в Древнем Риме, у славянских народов, у латинян и германцев в эпоху средневековья, в Мексике в период открытия Америки и в Японии еще несколько лет назад.

В этой связи два предварительных замечания. Во-первых, все правящие классы стремятся стать наследственными, если не по закону, то фактически. Все политические силы обладают качеством, которое в физике называют силой инерции. Они имеют тенденцию оставаться на том же месте и в том же состоянии. Богатство и военная доблесть поддерживаются в семьях моральной традицией и наследованием. Годность для получения важного поста гораздо проще достигается теми, кто привычен к этому с детства. Хотя экзамен и конкурс теоретически доступны для всех, на деле большинство не имеет ни средств для продолжительной подготовки, ни связей и титулов, которые быстро ставят индивида на правильную дорогу, помогают не двигаться на ощупь и избежать грубых ошибок, неизбежных в том случае, если человек оказывается в неизвестном для него окружении без всякого руководства и поддержки. В английском, французском и итальянском парламентах часто можно видеть сыновей, внуков, братьев, племянников и зятьев настоящих и бывших членов парламента и депутатов.

Во-вторых, когда мы анализируем наследственную знать, монополизировавшую политическую власть, можно быть уверенным, что такому статусу *de jure* предшествует статус *de facto*. До провозглашения их исключительного и наследственного права на власть семьи и касты, о которых идет речь, должны твердой рукой взять руль управления, полностью монополизировав все политические силы своей страны. В противном случае такая претензия с их стороны вызвала бы только сильный протест и спровоцировала острую борьбу.

Из всех факторов, учитывающихся при рассмотрении социального превосходства, превосходство в интеллекте менее всего связано с наследственностью. Дети людей, отличающихся высоким интеллектом, зачастую обладают посредственными способностями. Именно поэтому наследственные аристократии никогда не защищают свое правление на основе только интеллектуального превосходства, но чаще ссылаются на свое превосходство характера и богатства.

Опровергая данное заявление, утверждают, что образование и окружение позволяют объяснить лишь превосходство умственных способностей, а не различия душевного склада – силу воли, смелость, гордость, активность.

Истина заключается в том, что социальное положение, семейные традиции, привычки того класса, в котором мы живем, в большей степени, нежели полагают, влияют на степень развития упомянутых выше качеств. Внимательно присмотревшись к индивидам, которые к лучшему или худшему изменили свой социальный статус и, следовательно, находятся в непривычном для них окружении, мы увидим, что их умственные способности меньше подвержены влиянию по сравнению с моральными качествами. Приобретя широкий кругозор, который дает образование, если он только не совсем туп, каждый индивид, останется ли он простым служащим или станет министром, будет в чине сержанта или дослужится до генеральского звания, будет министром или нищим, неизменно тем не менее останется на том уровне умственных способностей, который дала ему природа. И все же с изменением социального статуса и благополучия гордый нередко становится раболепным, раболепие становится самонадеянностью, честный по натуре человек приучается лгать или, по крайней мере, притворяться под давлением необходимости, в то время как имеющий коренившуюся привычку лгать и блефовать, изменяется или, по крайней мере, создает видимость честности и покладистости характера. Конечно, верно, что человек, утративший свое состояние, зачастую приобретает черты покорности, самоотречения и изобретательности, в то время как поднимающийся наверх обретает чувство справедливости и честности. Короче говоря, меняется человек к лучшему или худшему, он должен быть исключительно хладнокровным, чтобы значительно изменить свой социальный статус и в то же время не претерпеть изменений в своем характере. По мнению Мирабо, во всяком человеке любое значительное перемещение по социальной лестнице вызывает кризис, который залечивает все его раны и порождает новые.

Смелость в бою, запальчивость в наступлении, стойкость сопротивления – качества, которые постоянно превозносились как отличительные свойства высших классов. В этом отношении между индивидами могут быть заметные и, если так можно выразиться, врожденные

различия, но в еще большей степени высокое, низкое или среднее положение в любой значительной группе людям обеспечивают традиции и влияние окружающей среды. Мы обычно индифферентны к опасности, если окружающие говорят о ней безразлично, оставаясь хладнокровными и невозмутимыми. Многие альпинисты и моряки по природе своей люди неуверенные, и в то же время они смело идут навстречу опасности. Таким же образом привыкшие к борьбе народы и классы сохраняют на самом высоком уровне воинскую доблесть.

Также верно и то, что не привыкшие к оружию народы и классы обретают воинское мужество, если представители становятся членами организаций, в которых традиционно культивируются доблесть и отвага. Мухаммед II набирал своих внушающих ужас янычар в основном из мальчиков, взятых в плен у вырождающихся византийских греков. Всеми презираемый египетский феллах, отвыкший за многие столетия от войны, смиренный и беззащитный под плетью угнетателя, превращался, определенный в турецкий или албанский полк, в хорошего солдата.

Французское дворянство всегда отличалось большой доблестью, но этим качеством в той же степени вряд ли обладала к концу XVIII века французская буржуазия. Однако борьба между республиканцами и сторонниками империи ясно показала, что в проявлении поразительной смелости природа была удивительно щедра по отношению ко всем жителям Франции. И пролетариат, и буржуазия дали хороших солдат, более того, прекрасных офицеров, хотя способность к командованию всегда считалась исключительно прерогативой дворянства. Теория Гупповича, согласно которой дифференциация в социальных классах в большей степени зависит от этнологических приоритетов, по крайней мере нуждается в доказательстве. Всякому легко придет на ум множество примеров противоположного толка, и среди прочих тот неоспоримый факт, что часто ветви одной семьи принадлежат к совершенно разным социальным классам.

Если правящий класс действительно принадлежит к другой породе и если качества, обеспечивающие его доминирование, являются прежде всего врожденными, тогда трудно понять, как, уже сформировавшись, он должен прийти в упадок и утратить свою власть. Отличительные свойства рода чрезвычайно устойчивы. Согласно эволюционной теории, приобретенные родителями качества в их детях становятся врожденными и по мере смены поколений постепенно оттачиваются. Тогда потомки правителей должны бы все более приспосабливаться к управлению, а на долю других классов выпадало бы мало шансов бросить им вызов или попытаться их выжить. Однако сейчас есть множество примеров, убеждающих в том, что события развиваются не в данном направлении.

С изменением баланса политических сил, когда назревает необходимость проявления в государственном управлении новых черт, а ста-

рые способности отчасти утрачивают свою значимость или же происходят изменения в их распределении, меняется и способ формирования правящего класса. Если в обществе существует новый источник богатства, если возрастает практическая значимость знания, находится в упадке старая или появилась новая религия, если распространяется новое идейное течение, тогда одновременно и в правящем классе происходят далеко идущие перемены. Правящие классы приходят в упадок, если перестают совершенствовать те способности, с помощью которых пришли к власти, когда не могут более выполнять привычные для них социальные функции, а их таланты и служба утрачивают в обществе свою значимость. Так, римская аристократия сошла на нет, когда перестала быть единственным источником пополнения числа офицеров высокого ранга, должностных лиц сообщества, губернаторов провинций. Именно так венецианская знать пришла в упадок, когда ее представители перестали командовать галерами и проводить в море большую часть жизни, торгуя и воюя.

В неорганической природе есть пример такого же рода, когда стремление к неподвижности, порожденное силой инерции, постоянно находится в конфликте со стремлением к перемене, и все это – результат неравномерного распределения тепла. Каждая из этих тенденций время от времени превалирует в разных регионах нашей планеты, вызывая одна затишье, другая – ветер и шторм. Подобно этому и в человеческих обществах преобладает то тенденция формирования закрытых, устойчивых, кристаллизованных правящих классов, то тенденция, ведущая к более или менее быстрому их обновлению.

Восточные общества, которые мы считаем устойчивыми, в действительности не всегда являются таковыми, иначе они не могли бы достичь вершин цивилизации. Точнее будет сказать, что мы узнали о них в то время, когда их политические силы и политические классы находились в состоянии кристаллизации. То же самое происходит в обществах, которые мы обычно называем «стареющими», где религиозные убеждения, научные знания, способы производства и распределения благ столетиями не претерпевали радикальных изменений. Так, мы видим, что в Индии кастовая система укоренилась после подавления буддизма. Греки обнаружили наследственные касты в Древнем Египте, но нам известно, что в периоды расцвета и величия египетской цивилизации политическая власть и социальный статус не носили наследственный характер.

Самый известный и, возможно, наиболее впечатляющий пример общества, склонного к кристаллизации, – это общества того периода римской империи, который принято называть ранней империей. Тогда после нескольких столетий почти полной социальной неподвижности все отчетливее стало просматриваться выделение двух классов – класса крупных землевладельцев и чиновников высокого ранга и класса рабов,

земледельцев и городского плебса. Особенно впечатляет то, что государственная служба и социальное положение стали наследственными по обычаю раньше, чем по закону, и эта тенденция в указанный период распространялась очень быстро. В истории народа может случиться и так, что торговые отношения с иноземцами, вынужденная эмиграция, открытия, войны порождают новую бедность и новое богатство, способствуют распространению неизвестного ранее знания и новых моральных идей. Правящий класс также может быть полностью или частично побежден и уничтожен иностранным вторжением или может быть лишен власти с приходом новых социальных элементов, сильных политических сил. Тогда наступает период обновления либо революции, в ходе которой проявляется свобода действий индивидов, часть которых, наиболее пассионарные, энергичные, бесстрашные или просто самые практичные, прокладывает себе дорогу с нижних ступеней социальной лестницы наверх.

Если началось такое движение, сразу остановить его невозможно. Пример индивидов, которые начинали «ни с чего» и достигли заметного положения, вызывает честолюбивые замыслы, алчность, новые усилия, и это молекулярное обновление правящего класса продолжается до тех пор, пока не сменится продолжительным периодом социальной стабильности. Вряд ли есть необходимость приводить примеры наций, испытавших такие периоды обновления. В наши дни их множество. Быстрое пополнение правящих классов – поразительное и частое явление не только в колонизованных странах. Когда общественная жизнь начинается в таких условиях, а правящий класс находится только в процессе формирования, доступ в него прост. Овладение землей и другими средствами производства не совсем невозможно, но во всяком случае труднее, чем где бы то ни было. Именно поэтому греческие колонии, по крайней мере в определенный период, были большим полигоном реализации устремлений и предприимчивости греков.

Поэтому именно в Соединенных Штатах, где освоение новых земель продолжалось на протяжении всего XIX века и постоянно создавались новые отрасли промышленности, немало примеров людей, которые начинали «с нуля», добивались известности и состояния, и все это питает в жителях данной страны иллюзию, что демократия реально существует.

Предположим теперь, что общество переходит постепенно от лихорадочного состояния к покою. Поскольку у человеческого существа всегда одни и те же психологические устремления, те, что принадлежат к правящему классу, начнут обретать чувство солидарности с ним. Они все более становятся недоступными, все лучше овладевают искусством использовать к своей выгоде необходимые для достижения и удержания власти качества и способности. Далее появляется и носящая консервативный характер сила – сила привычки. Многие люди смиряются со

своим низким положением, в то время как члены привилегированных семей или классов все более убеждаются в том, что обладают почти абсолютным правом на высокое положение и правление.

Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. – 1994. – № 10. – С. 186-196.

Брайан Тернер Статус

...Прежде чем я изложу свою собственную точку зрения, необходимо дать ряд определений статуса, чтобы проиллюстрировать сложность категории и разнообразие подходов к ее применению. Прежде чем перейти к более усложненным аналитическим вопросам в отношениях между статусными общинами (community) и экономическим классом, я начну с одного из наиболее простых определений статуса.

В своем повседневном значении понятие статуса выведено из латинского слова «положение» и означает просто чью-то позицию в обществе. Мы сразу же можем увидеть, что понятие статуса ведет к идее политических и юридических прав личностей в социально-политической общности (community), в результате чего вопросы, касающиеся статуса, оказываются связанными с гражданством. Мы можем дать предварительное определение статуса как позиции в обществе, возлагающей на личность как гражданина права и обязанности в пределах политического сообщества (community).

Понятие статуса в социологии часто связывается понятием социальной роли. Роль – это набор ожиданий, характеризующих позицию личности в обществе. Роли могут определяться как «совокупность социально детерминированных атрибутов и ожиданий, ассоциирующихся с социальными позициями». В пределах такой терминологии социальный статус является как бы статической стороной роли. Одна из наиболее влиятельных школ в социологии США – структурно-функциональный анализ – берет статусно-ролевую единицу (unit) как базовый элемент социальной стратификации. Эта теория стремилась объяснить, как индивиды в обществе мотивируются к занятию этих позиций в социальной структуре.

Однако этот описательный подход к статусу не особенно интересен с социологической точки зрения; статус становится важен для социологического анализа потому, что статусные позиции в обществе обычно иерархически ранжированы с точки зрения объема привилегий и престижа. Более того, измерения, с помощью которых определяется чей-то статус в обществе, многомерны, а отношения между самими измерениями могут быть изменчивы и сложны. Например, мой статус в обществе может определяться одновременно по моему доходу, уровню образования, моему этническому происхождению и моему полу. Когда эти

переменные измерения согласованы, социологи часто говорят о наличии статусной согласованности (consistency) или статусной кристаллизации (Lanski 1961). Эта идея статусной согласованности привела к ряду интересных социологических исследований возникновения политического радикализма в социальных группах, характеризующихся отсутствием статусной кристаллизации; это толкает к некоторым психологическим предположениям относительно уровня фрустрации, переживаемой индивидами, чьи позиции в обществе характеризуются напряжением или противоречиями между различными измерениями их статусных позиций. Например, в американской социологии правые и реакционные политические движения часто ассоциируются с беспокойством, напряжением и фрустрацией тех социальных групп, которые переживают «статусную панику» по поводу своей нестабильной позиции в современном обществе. Эти статусные беспокойства характерны для социальных групп, чьи позиции в обществе находятся под угрозой в результате социальных и экономических перемен. Например, лавочникам в традиционном бизнесе угрожает развитие супермаркетов, которые могут подорвать их бизнес и, соответственно, их престиж в обществе.

В литературе по статусам они различаются по двум важным критериям. Во-первых, принято различать «приписываемый статус» (относящийся к таким атрибутам личности, которые слабо или вообще не контролируются, например, раса, пол или возраст) и «достигаемый статус» (относящийся к позиции, которая может быть достигнута личностью, например, через конкуренцию в сфере образования). Часто утверждают, что в то время как приписываемый статус характерен для домодерновых (pre-modern) обществ, достигаемый статус играет гораздо большую роль в современном индустриальном обществе, где определенные ценности или нормы вытекают из общей приверженности равенству, особенно равенству возможностей для граждан. Например, в современных США закон вынуждает многих работодателей предпринимать позитивные или поощрительные (affirmative) программы по найму женщин на том основании, что открывая дискриминация по признаку пола уже более нетерпима.

Для некоторых социологов развитие современного общества видится в терминах перехода от партикуляристско-предписательных (particularistic-ascriptive) стандартов или ценностей к социальной системе, основанной на универсалистско-достигаемых (universalistic-achievement) ценностях, поскольку такое общество делает больший упор на индивидуальной социальной мобильности, а не на почестях или традиционных стандартах престижа и чести. Поскольку современные общества делают упор на личном достижении, успехе в учебе и приобретении дипломов об образовании, что становится ключевым в распределении престижа и вознаграждений, то это приводит некоторых социологов к определению современного общества как «общества дипломов».

Во-вторых, проводится различие между субъективным и объективным статусом или между самоощущением статуса и извне определяемой статусной позицией. Понятие субъективного статуса, как мы увидим, особенно влиятельно в американской социологической традиции. Так, следуя одному из аспектов веберовского анализа статуса, С. Липсет определил статус как «позитивную или негативную оценку знатности (honour) или престижа, получаемую индивидами или позициями». В американской системе упор на потребление, социальную мобильность и персональные достижения создают культурную среду, в которой самоощущение ранга становится особенно важным. Эта черта американской жизни нашла отражение в исследовании социальной стратификации социологами, которые особенно интересовались самоощущением и престижем. Эта традиция особенно заметна в традиции изучения местных общин (community), начиная с 1930-х годов. Ее важность можно объяснить так:

«Престиж – это социально-психологическая категория: индивид или социальная группа могут пользоваться им до тех пор, пока их требования престижа признаются другими, желающими выразить им почтение. Следовательно, статусные различия зависят от осознания ранжирования по престижу».

... Важно признать, что этот американский подход к индивидуальному престижу представляет собой отход от европейской традиции, в которой статус характеризует объективную позицию в обществе и объем прав и привилегий, а не просто самоощущение. В традиции изучения местных общин У. Уорнера статус часто выступает как эквивалент личного престижа, а не социальных обязательств, прав и обязанностей.

Таким образом, статус – это позиция в социальной структуре, по которой индивид в соответствии с приписываемым или достигаемым критерием оценивается с точки зрения престижа или знатности (honour). Эта оценка будет как личностной, так и объективной, поскольку самооценка тесно связана с внешней оценкой, которую индивид получает в соответствии со своим местоположением в общественной иерархии. В социологической литературе, как мы уже отметили, имеется «субъективное» измерение статуса (индивидуальное ощущение престижа) и «объективное» измерение (социально-правовое положение индивида).

Статусная группа и стиль жизни

В обзоре различных определений статуса я до сих пор фокусировал внимание на статусе как позиции индивида в обществе. Однако, с социологической точки зрения, статус гораздо более интересен как атрибут социальных групп или коллективов. Поэтому нам надо перейти от определений индивидуальных статусов к понятию статуса группы, статуса общин (communities) и коллективных стилей жизни. В то время как

американская социологическая традиция часто концентрировала внимание на индивидуальном статусе, традиция, идущая от Вебера, более интересовалась происхождением, поддержанием и социальными последствиями существования статусных групп и статусных общин (communities) как сплоченных и воинственных социальных коллективов. В книге «Экономика и общество» Вебер признавал различные значения понятия статуса и престижа, но, по-моему, лишь два аспекта статуса он рассматривал особенно серьезно. Во-первых, понятие статуса как системы «сословий», посредством которой общество (особенно феодальная система) делилось на основании юридических, социальных и культурных привилегий, порождавших разделенные между собой, различные кастоподобные группы. Статусные группы превращаются в сословия, когда их привилегии кристаллизуются в систему юридических и экономических иммунитетов, вытекающих из внешнего контроля или регулирования, защищенных обычаем, религией и законом.

Во-вторых, Вебер интересовался анализом исторических и социальных функций статусных групп или статусных общин, которые являются коллективами, имеющими схожий стиль жизни, общую моральную систему, общий язык или культуру, религиозные отличия. В результате эти общины порождены изолированные, внутренне солидарные общины, организуемые для защиты или расширения своих возможностей пользоваться культурными и социальными выгодами и привилегиями. С этой точки зрения социальная стратификация создает, поддерживает и распределяет в обществе различные формы власти через механизмы политической монополии, культурного воспроизводства и социального исключения. Идея о том, что статусные различия поддерживаются посредством культурной исключительности получила особое развитие в социологии культуры Пьера Бурдьё. С точки зрения этих социологических подходов, мы можем вывести два соответствующих понятия статуса: статуса как стиля жизни (культурный статус) и статуса как политико-правовых прав (гражданский компонент статуса).

Вебер определял статусную позицию (Stadische Lage) как действительную социальную претензию на знатность (honour) или уважение в форме позитивных и негативных привилегий. Статус обычно основывается на специфическом стиле жизни, формальном обучении или формальном престиже, вытекающих из определенного рода деятельности. Статус, к тому же, поддерживается и выражается через ранжировку условий жизни и питания, через монопольное пользование привилегированным доступом к власти и богатству, через социальную солидарность, порождаемую брачным союзом, и, наконец, через определенные обычаи и статусные условности. Под статусной группой он понимал множество социальных субъектов (actors), которые в более широком социальном окружении успешно претендуют на специфический почет (honour) и

пользуются определенными социальными привилегиями. Статусные группы – это общности, имеющие привилегированный доступ к ограниченным ресурсам, особенно если эти ресурсы влекут за собой культурные, моральные или символические атрибуты.

Вслед за Фрэнком Паркинсом мы можем отметить, что статусные группы или общины (communities) обычно возникают в результате социальной и политической узурпации, вызывающей коллективную борьбу за расширение доступа к ограниченным ресурсам и за укрепление таким способом коллективной позиции в системе почета (honour). Вебер продолжил сравнение экономических классов и статусных общин (communities) с точки зрения их внутренней солидарности и воинственности. В отличие от экономических классов статусные группы – это характерные социальные коллективы общинного характера, который предполагает воспроизводство типичного стиля жизни и культурного наследия. Экономические же классы наоборот являются просто агрегатами индивидов, связанных вместе обменом и другими экономическими отношениями. Следовательно, статусные общности организованы как общины с целью защиты и укрепления своих социальных привилегий и прав.

Смысл этих формальных определений позволил Веберу предпринять серию сравнительных исторических исследований социальной структуры и социальных изменений. Вебер хотел показать, что экономическое богатство – не единственный критерий социальной власти и влияния. Кроме того, он хотел исследовать общества, в которых престиж, достигаемый через образование или культуру, был значительнее, чем власть, основанная на собственности на средства производства. Например, в своем исследовании китайского общества Вебер придавал особое значение политическому и культурному статусу образованных. Он писал, что «в течение двенадцати веков социальный ранг в Китае определялся в большей мере служебной квалификацией, чем богатством. Эта квалификация, в свою очередь, определялась образованием и особенно экзаменом. Китай сделал образование буквально единственным мерилем социального престижа, придав ему большую роль, чем это имело место в Европе в период гуманистов или в Германии».

С точки зрения Вебера, этот культурный слой вносил вклад в укрепление социальной стабильности и традиционализма в Китае, поскольку имелось сходство между конфуцианской этикой слоя и стилем жизни гражданских чиновников. В книге «Религия Индии» Вебер показал, как религиозные убеждения относительно загрязнения играли важную роль в организации и сохранении кастовой системы. Эти примеры подчеркивают тот факт, что Вебер предпочитал проводить историческое исследование властных отношений в человеческом обществе, а не заниматься формальным развитием концептуальных различий между классом, ста-

тусом и партией. В последующей социологии веберовское подчеркивание значимости истории было утрачено. Но статическая категоризация различных слоев или сегментов не является заменой исторической социологии.

Развитие Вебером идеи статусных групп было использовано для противопоставления марксистскому анализу экономического класса. Вебер хотел показать, что статусные группы более сплоченные, социально и политически более сознательные, чем экономические классы, которые Вебер определял как действующие на рынке агрегаты. Статусные группы в решающей мере зависят от поддержания исключительного стиля жизни, направленного на сохранение определенных культурных монополий. Статусные группы стремятся воспроизводить себя через механизмы образования с тем, чтобы предотвратить социальную мобильность посторонних и подчеркнуть свою исключительность и партикуляризм. Полезно сравнить книгу Т.Веблена «Теория праздного класса» с веберовской трактовкой статусных групп:

«Для Вебера, как и для Веблена, функция престижного потребления, то есть подчеркивание бессмысленного с прагматической точки зрения потребления, требующего многих лет изучения, состояла в том, чтобы предотвратить мобильность и институционализировать привилегии тех, кто поднялся на вершину в предшествующие годы или эпохи. Поэтому статусные группы определяются по специфическим стилем жизни».

Таким образом, статусная группа – это сообщество индивидов, которые организовались для поддержания или расширения своих социальных привилегий посредством механизма социального закрытия с целью защитить существующие монопольные привилегии от посторонних. ...Существование статусных групп неизбежно вызывает социальный конфликт и социальную борьбу, хотя эти формы социальной борьбы часто могут быть замаскированы или скрыты.

Конфликтная социология

Один большой спор в социологии возник по поводу вопроса, характеризуются ли социальные отношения прежде всего согласием или конфликтом. Теории социального согласия стремятся объяснить, как формируется социальный порядок, они обычно утверждают, что социальная стабильность создается общими ценностями и ожиданиями. Представители же конфликтной социологии находятся под впечатлением скорее от распространенности конфликтов, напряженности и беспорядка, чем от сфер согласия и консенсуса. Если смотреть из нашего времени, то многие из этих споров кажутся сейчас чем-то непродуктивным, поскольку на уровне здравого смысла ясно, что все социальные отношения порождают одновременно как согласие, так и конфликт. Од-

нако в анализе статусных групп и статусной борьбы есть сильные аргументы в пользу подхода конфликтной социологии, так как в этой работе я утверждаю, что статус по самому своему характеру влечет бесконечную борьбу из-за распределения ограниченных ресурсов, особенно культурных. Конфликтная социология в своей наиболее разработанной форме дает общий и теоретически важный подход к социальным отношениям.

...Историческое развитие статусной стратификации в Соединенных Штатах отличалось от развития классовых систем в Европе по ряду важных моментов. Прежде всего Соединенные Штаты не унаследовали феодальной знати, а миграция играла ключевую роль в формировании в качестве главного компонента ценностной системы чувства индивидуального успеха, социальная же система организовывалась в отдельные конкурирующие этнические общности. Эти исторические различия частично объясняют и различие подходов к социальной стратификации в американской и европейской социологии. В то время как европейская социальная теория прежде всего интересовалась ролью экономических классов в индустриальном обществе, американские социологи больше интересовались изучением социальной мобильности индивидов, анализом структуры занятий и субъективным восприятием престижа.

В американском контексте веберовский конфликтный подход к статусным привилегиям был трансформирован и перекрыт «Уорнеровской социологической школой». Понятия «статуса» и «класса» были слиты, а важность конфликта в формировании сознания игнорировалась. Социальная стратификация теперь рассматривалась как непрерывная градация позиций, которые приравнивались к ранжированию по престижу. Индивиды рассматривались как движущиеся через эти ранжированные позиции благодаря своим личным усилиям; понятие социально замыкающихся статусных групп, стремящихся монополизировать ресурсы, было оставлено в пользу образа Америки как бесклассового общества, имеющего большие возможности для социальной мобильности. Упор на классовый конфликт и конкуренцию статусных групп, составляющие существенные элементы в динамическом процессе исторических преобразований общества (что мы отмечали в социологии как Маркса, так и Вебера) был вытеснен подчеркиванием консенсуса в исследованиях общин (communities) школой Уорнера и структурно-функционалистской теорией стратификации Л.Дэвиса и У.Мура. Конечно, эти подходы к социальной стратификации в американской социологии в конечном счете подверглись широкой критике за то, например, что функционалистский подход к статусу игнорировал существенное неравенство, роль порожденных им интересов, монополизацию ресурсов и масштабные межгрупповые конфликты, имеющие место в американской жизни.

Обрисовав разнообразие определений и подходов к статусу, я теперь хотел бы более ясно сформулировать мой собственный подход. В первых, я особо подчеркиваю политико-правовые черты понятия статуса. Как я уже отмечал, в латинском языке это слово первоначально означало правовую позицию или положение в обществе, в соответствии с которой гражданин мог претендовать на различные формы избавления от политических и налоговых обязательств. Поэтому под статусом я подразумеваю прежде всего комплекс социально-политических претензий к обществу, которое дает индивиду (или, выражаясь более социологически – группе) определенные блага и привилегии, выделяя его из числа других индивидов или групп. Эти социально-политические претензии (claims) касаются ограниченных ресурсов, особенно образования, культуры и символических ресурсов. Этот культурный аспект статуса порождает второе измерение: понятие статуса как культурно специфического стиля жизни, выделяющего в обществе статусную группу с особой идентичностью. В феодальных обществах доступ к привилегиям был организован исключительно через сословия (духовенство, дворянство и простые люди), которые имели свои культурные и ценностные системы. В современном обществе борьба по поводу социальных привилегий и отличительных символов более подвижна и открыта, она вовлекает в себя бесчисленное количество групп, коллективов и слоев.

Подчеркивая социально-политический аспект, легче поддерживать более четкую грань между статусом и идеей экономического класса, поскольку класс касается системы экономического неравенства в обществе, используя категории производства, собственности и потребления. Поэтому я бы предпочел использовать понятие «экономический класс» как эквивалент «социального класса». ...С одной стороны, я хочу разграничить экономические классы и статусные общности, а с другой – я считаю, что классовый и статусные анализы -далеко не взаимоисключающие вещи, их эффективнее всего использовать в комбинации... Мой анализ социальной стратификации показывает экономическую структуру общества (классы), распределение юридических прав (гражданство) и организацию престижа и почета в терминах «культурного капитала» (статус как культурно-своеобразный стиль жизни).

Хотя читатель, вероятно, уже почувствовал, что идея статуса окружена достаточно непростыми терминологическими сложностями, все же в целях анализа я ввожу в этой работе еще одно разграничение: между статусными общинами и статусными колоннами или блоками. Статусная община – это, так сказать, подлинная форма прочной общины (или говоря социологическим языком – отношения Gemeinschaft); это общины, где индивиды на протяжении относительно долгого периода времени имеют общие атрибуты, например, язык, культуру или этническую принадлежность. Например, уэльская община в Южной Австралии

или ирландская община Нью-Йорка являются, согласно моей терминологии, статусными общинами устоявшихся, внутренне солидарных коллективов. И наоборот, статусные колонны (columns) или блоки – это скорее ассоциации или организации (отношения Gesellschaft), в которых индивиды создают организационные структуры для достижения особых целей, например, получения пособий или налоговых льгот. Примером статусной колонны являются все лица, принадлежащие к неполным домашним хозяйствам (с одним родителем), которые претендуют на пособия или другие привилегии в социальном государстве (welfare state). Другие примеры – это ассоциации пенсионеров, группы защиты потребителей, благотворительные организации для солдат-инвалидов... Это группы лоббирования, которые часто во имя защиты гражданских прав создают ассоциации для оказания давления на местное или национальное правительства. Таким образом, статусные колонны появляются для достижения весьма ограниченных и возможно краткосрочных политических и социальных целей, в то время как статусные общины имеют тенденцию быть устойчивыми, многомерными, сложными, первичными группами.

Статусные колонны или блоки оказываются вовлеченными в статусную политику, которая включает заявление претензий к государству на социальные права группами, испытывающими некоторую дискриминацию и апеллирующими к современному, универсалистскому законодательству. Поскольку уравнительный универсализм является главным критерием современных демократий, граждане будут испытывать разные формы неравенства с точки зрения таких особенностей статуса как возраст, пол или национальность. Там, где эти статусные колонны становятся получателями государственной помощи, мы имеем статусную политику... В политико-правовом смысле я подразумеваю под статусом (комплексом социальных требований к общественному хозяйству или государству) современное гражданство...

Б. Тернер. Статус (Из книги: Bryan S.Turner. Status. Open University, Milton Keynes, 1988).[Электрон. ресурс] /Переводс англ. и редакция В.И. Ильина. Доступно из URL: <http://www.socnet.narod.ru/library/authors/Pyin/hrest/turner.htm> [Дата обращения: 25 декабря 2004 г.]

Л. Уорнер

Социальный класс и социальная структура

Класс и социальная структура

Начиная исследование в Янки Сити, руководитель проекта подробно написал о том, что, с его точки зрения, является основополагающим в нашей социальной системе – для того, чтобы его предположения стали

ясны и впоследствии не превратились в неосознанные предубеждения, искажающие работу в поле, последующий анализ и окончательные выводы. Эти предположения были сформулированы как гипотезы, поэтому их можно было критически рассматривать в процессе сбора данных, подтверждающих, модифицирующих или опровергающих их. В большинстве высказанных гипотез поведение человека в нашем обществе объяснялось прежде всего с экономической точки зрения. Считалось, что в первую очередь экономическая структура контролирует и определяет мнение и действия людей, и что движущая американцами влиятельная система жизненно важных ценностей связана с экономическим устройством. Наши первые интервью подтвердили эти гипотезы. В них часто шла речь о «важных людях, имеющих деньги», и «простых бедных людях». Высокий статус приписывался банкирам, владельцам крупной собственности, людям, получающим высокую зарплату, и специалистам; низкий статус – рабочим, копателям канав и получателям низкой зарплаты. Другие схожие экономические термины были использованы для определения высших и низших социальных позиций.

Все интервьюируемые отмечали, что некоторые группы, о которых речь пойдет дальше, находились в самом низу социальной пирамиды, хотя члены этих групп имели больший доход, чем люди, отнесенные нашими респондентами к более высоким социальным позициям. Становилось понятно, что какие-то другие факторы повлияли на то, что социальная позиция первых была ниже, чем вторых.

В дальнейшем собранные данные показали ограниченность простой экономической гипотезы. В исследуемом нами сообществе несколько человек были врачами: одни из них, как показали интервью, имели высокий социальный статус, другие – более низкий, хотя вторые часто считались лучшими специалистами, чем первые. Такое ранжирование обычно осуществлялось неосознанно, поэтому было достовернее сознательной оценки статуса индивида. Подобное статусное неравенство мы обнаружили среди священников, адвокатов и других специалистов, а также в сфере бизнеса и промышленности: банкирам, крупным промышленникам и главам корпораций приписывался различный статус. Анализ относительного богатства и профессионального статуса по отношению к другим факторам, выражающим участие индивида в жизни общества, показал, что хотя профессия и богатство могли влиять и на самом деле сильно влияли на ранг-статус индивида, тем не менее они были только двумя из многих факторов, определяющих положение человека в сообществе. Например, банкиров никогда не относили к низам общества, никто из них не опускался ниже среднего класса, однако не все они занимали места на вершине социальной пирамиды. Огромное богатство не гарантировало высших социальных позиций. Было еще нечто, более важное.

В попытках определить, что же скрывалось за этим «еще нечто», мы, в конечном итоге, разработали гипотезу социального класса, подтвердившуюся в ходе сбора данных и последующего тщательного анализа. Социальный класс – это два или более слоя людей, в существование которых верят члены местного сообщества и которым они приписывают более высокие или более низкие позиции. Члены определенного класса обычно заключают браки с себе равными, хотя система ценностей классового общества и не накладывает запрет на браки с людьми из классов, расположенных выше и ниже. Классовая система также обеспечивает детям с момента рождения социальный статус их родителей. В классовом обществе у низших и высших классов разные права и привилегии, обязанности и обязательства. Система ценностей классового, в отличие от кастового, общества, позволяет перемещение вверх и вниз по социальной лестнице. Это в разговорной речи называется социальным подъемом, а на научном языке – социальной мобильностью. Мы обнаружили, что в социальной системе Янки Сити господствовала классовая организация.

Для того чтобы определить, почему человек, названный «самым богатым в городе», не занимает более высокой социальной позиции, мы решили изучить его образ жизни. Из интервью мы выяснили, что «он не ведет себя правильно». С его моральным обликом все было «в порядке», однако он и его семья «не вели себя должным образом». Хотя они были янки по происхождению и не относились ни к каким этническим группам, нам говорили о том, что «они не принадлежат к правильным семьям» и «не общаются с подобными себе людьми». Наши респонденты также отмечали, что члены такой семьи «не умеют себя вести» и что они не входили и не могли входить в «избранные» группы. Тем не менее интервью свидетельствовали, что все члены этой семьи были «хорошими людьми» и для молодой девушки «хорошего происхождения» брак с ними был достаточно заманчив, хотя и таил в себе опасность «снижения статуса». Наш анализ показал, что аналогичная ситуация возникала, когда речь шла о мужчинах, имеющих более низкое положение в сфере бизнеса или промышленности.

Интервью с людьми, отнесенными к высоким социальным позициям, но при этом не располагающими большими суммами денег или не имеющими высокого профессионального статуса, а также беседы с респондентами об этих людях подтвердили нашу первую пробную теорию классовой системы. Эти интервью показали, что «тебе не надо много денег, чтобы вести себя должным образом в Янки Сити», или говорили, что «важно не сколько у тебя денег, а как ты их тратишь». На вопросы об этих людях мы получили ответы: «Джон Смит принадлежит к группе Х», причем «Генри Тейлор, Франк Диксон и другие видные люди из высших слоев общества тоже к ней принадлежат». Все эти люди, как

нам говорили, «были из компании приятелей Фреда Брауна» или «общались с людьми Кантри-клуба», представлявшими собой небольшие группы близких друзей.

И наконец, эти интервью показали, что для того, чтобы респонденты могли однозначно определить статус индивида, последний должен был обладать некими особыми характеристиками, связанными с его «местом в обществе», и общаться с «подходящими людьми». Если образование человека, его профессия, благосостояние, доход, семья, близкие друзья, клубы и общества, в которых он состоял, а также его манеры, речь и поведение на людях были известны, то жители города с легкостью довольно точно определяли его статус. Если же было известно только то, из какой семьи, компании или общества индивид, то большинство респондентов помещало его в ту же социальную позицию, что и его окружение.

Пытаясь выяснить критерии класса и разместить людей в классовой иерархии, мы выявили важную закономерность. Оценивая уровень благосостояния и профессиональный статус, респонденты использовали определенные географические названия не только для того, чтобы указать на место проживания человека в городе, но и для того, чтобы определить его относительную позицию в ранжированной структуре. Первым обобщением такого рода было определение небольшого процента населения как «хилл-стритовцев» или людей «с улицы Хилл», что было эквивалентно «брахманам», называемых реже «аристократами», или, менее лестно, «надутыми индюками», «шишками». Мы вскоре обнаружили, что термин «хилл-стритовец» использовался как теми, кто попал под это определение, так и теми, кто под него не попадал. Индивиды, считавшиеся хилл-стритовцами (о чем свидетельствовали собранные данные), занимали места на вершине социальной пирамиды или близлежащие к ней социальные позиции.

«Ривебруковец» – другой географический термин, раскрывающий классовую принадлежность индивидов. Если о ком-то говорили, что он «ривебруковец» или «с Ривебрука», подразумевалось, что этот человек принадлежал к низам общества. Данный термин использовался респондентами вне зависимости от их позиции на социальной шкале. О живущих на Ривебруке все отзывались с презрением, их поведение считались нелепым и грубым, а сами они – безнравственными. Наши респонденты-мужчины неоднократно рассказывали непристойные (с их точки зрения), занимательные истории о кровосмесительных и гомосексуальных связях рыбаков с Ривебрука. Однако легко доказать, что поведение, о котором шла речь в этих историях, унижающих достоинство жителей Ривебрука, было свойственно им не больше, чем членам других классов. Ривебруковец часто был хорошим высококвалифицированным рабочим на обувной фабрике. Он довольно часто получал приличную заработ-

ную плату. Обычно был хорошим семьянином, одним из тех, кого называют типичным янки. «Недостойное» же поведение ему приписывалось из-за его низкой социальной позиции (что обычно и происходит в подобных ситуациях), и такие убеждения людей, ощущающих себя выше его, поддерживали дистанцию между ними.

Выделив термины «хилл-стритовец» и «ривебруковец» для определения двух крайних классов, мы поставили перед собой следующие цели: 1) выяснить, кто попадал под эти определения; 2) изучить, какие особенности (если они существовали) брались за основу для выделения других, кроме двух вышеупомянутых, групп; 3) определить, кто использовал все эти термины или некоторые из них.

В наших интервью речь довольно часто шла о «классах и массах». Это выражение редко использовалось теми, кого приписывали к «массам», и довольно часто теми, кто относил себя к «классам». Об имеющих высокий статус члены сообщества, расположенные ниже на социальной шкале, отзывались как о «высших классах», что обычно служило эквивалентом «хилл-стритовцев». Вскоре мы обнаружили, что к «массам» были отнесены не все ривебруковцы: большинству из них был приписан более высокий статус. Принадлежащие к массам ривебруковцы и люди, имеющие чуть более высокий статус, разграничивались.

«Сайд-стритовец» – другой географический термин, часто встречающийся в интервью и использовавшийся для определения тех, кто не относился к хилл-стритовцам. Иногда к сайд-стритовцам относили всех, кто не принадлежал «жителям Хилл-стрит», однако более тщательное интервьюирование показало, что хилл-стритовец всегда отличал сайд-стритовца от ривебруковца. Большинство респондентов утверждало, что «люди, живущие на Ривебруке, находятся на самом дне» и, «несомненно, жители Сайд-стрит лучше жителей Ривебрука». Сайд-стритовец не занимал такой высокой социальной позиции, как хилл-стритовец, но и не находился на дне общества, как ривебруковец. Его социальная позиция находилась между двумя крайними полюсами. Проживающие на Сайд-стрит, соединяющей Ривебрук и Хилл-стрит, были промежуточным территориальным и социальным звеном.

Мы выяснили, что сайд-стритовцы также отличались друг от друга. Одни из них занимали более высокие социальные позиции, другие – более низкие, для выделения первых использовался географический термин – «хоумвиллы». «Хоумвиллы» были «хорошими людьми», хотя только некоторые из них были «социально приемлемыми». Некоторые респонденты относили их к «классам». (Хоумвилл – это довольно четко очерченная территория в северной части Янки Сити.) Люди Хоумвилла, по предварительным подсчетам, находились в середине социальной шкалы, в целом ближе к вершине социальной пирамиды, чем к ее дну. Как эквивалент Хоумвилла использовался термин «средний класс» или

«высший средний класс». Хоумвиллы и им подобные, что выяснилось в результате нашего дальнейшего анализа, обычно разграничивались на две группы (высшие-средние и низшие-средние классы) и были отделены от сайд-стритовцев, по многим характеристикам напоминавших ривебрукцев, которые не могли соответствовать высокому статусу «сайд-стритовцев». Тем не менее различия между низшей группой хоумвиллов и низшей группой сайд-стритовцев не были ярко выражены.

В конечном итоге, мы определили, что «жители Хилл-стрит» обычно относились к высшему классу, «живущие на Хоумвилл» составляли большую часть среднего класса, а «люди с Ривебрука» – низший класс. Мы выяснили, что эти географические термины, хотя абсолютно точно и не определяли классовую принадлежности индивида, использовались часто. Впоследствии обнаружилось, что люди, классифицированные как хилл-стритовцы, не всегда жили на улице Хилл, и далеко не все жители этой улицы относились к хилл-стритовцам (высшему классу). Многие люди высшего класса жили в других районах Янки Сити (две больших концентрации «хилл-стритовцев» были обнаружены в двух других частях местного сообщества). То же самое мы выяснили о проживании хоумвиллов и ривебрукцев. Исследование в дальнейшем показало, что все эти термины использовались членами «демократического» общества как окольный путь для выделения высших и низших статусных позиций в сообществе.

Подробные интервью с теми, кто был отнесен к хилл-стритовцам показали, что те подразделяли высший класс на высший и низший. Неоднократно наши респонденты упоминали «старые» и «новые» семьи. Считалось, что предки индивидов из первых семей на протяжении трех или более поколений по материнской и отцовской линии вели образ жизни, свойственный высшему классу. Для целей нашего исследования такую генеалогию высшего класса мы далее будем называть родословной. Длительное проживание в Янки Сити имело очень большое значение, хотя продолжительность проживания сама по себе и не гарантировала принадлежности семьи к высшему классу, поскольку во всех шести классах, выделенных нами позже, были семьи, чьи предки проживали на территории сообщества Янки Сити уже двести-триста лет назад, что подтверждалось их зафиксированными в документах родословными. Некоторые из низших членов высшего класса, хотя и имели длинные родословные, тем не менее не стремились их обнародовать, так как только в недавнем прошлом «поднялись снизу» в результате восходящей мобильности. Их ближайшие предки не вели образ жизни, свойственный высшему классу, и не занимали высших социальных позиций. Разграничив высших-высших от низших-высших, и высших-средних от низших-средних, мы выделили пять классов и отметили существование шестого. Мы предположили, что шестой класс находился где-то между

средним и низшим классом, однако у нас не было уверенности в том, что это был один, а не несколько классов. В конечном итоге, нам удалось установить существование шести классов: высшего-низшего и низшего-низшего в дополнение к высшим и низшим подразделениям среднего и высшего классов...

В дальнейшем мы обнаружили, что все три высших, в отличие от трех низших, класса принадлежали к ассоциациям, которые можно назвать социальными клубами. Люди из всех высших классов были членами благотворительных организаций; одни из которых были чисто мужскими, другие – чисто женскими, а третьи – смешанными. Некоторые женские клубы включали женщин из трех высших классов, однако интервью показали, что женщинам, не принадлежавшим к самому высшему классу, было довольно трудно в них попасть. Некоторые женские клубы не принимали «рядовых людей из высших классов», так как среди них должны были быть только им «равные».

Хилл-стритовцы, в отличие от хоумвиллов, обычно не принадлежали к профессиональным ассоциациям. Они старались избегать тайных организаций, обществ с кассой взаимопомощи и ассоциаций, членство в которых определялось возрастом. Члены высшего-среднего класса также не стремились входить в тайные общества и ассоциации, имеющие филиалы. В то время как члены низшего-среднего класса отдавали предпочтение именно тайным обществам и филиалам. Члены высшего-среднего класса желали войти в благотворительные организации и допускались в них, в то время как члены низшего-среднего класса не имели в них доступа или не хотели в них вступать. Тот факт, что члены двух средних классов принадлежали к разным ассоциациям (обществам), облегчил нашу работу по созданию классификации и определению того, членом какого из средних классов был индивид.

Члены низшего-среднего класса не принадлежали к женским и смешанным клубам, и так как в Янки Сити женщины хорошо осознавали свою классовую принадлежность, эта информация нам помогла при последующем интервьюировании. Если человек был членом нескольких благотворительных организаций, одного или нескольких социальных клубов и, возможно, какой-то профессиональной ассоциации, но не принадлежал к тайным обществам и не относился к новым или старым семьям хилл-стритовцев, он, вероятно, был членом высшего-среднего класса. Небольшое количество интервью позволило проверить справедливость этого утверждения. Обычно все люди, о которых шла речь выше, имели семьи и были членами нескольких компаний близких друзей; информацию об этих компаниях мы к тому времени обычно уже имели из предыдущих интервью. Имея все эти данные, уже было несложно точно определить место индивида в классовой структуре.

Информация о членстве в различных ассоциациях оказала неоценимую услугу для достаточно точного определения статуса больших групп людей в классовой системе. Впоследствии мы смогли с еще большей точностью определить социальные позиции этих людей, поскольку они также входили в другие социальные структуры – такие, как семья или компания приятелей – точнее отражающих отличительные признаки статуса. Исследование состава семьи показало, что ее члены обычно принадлежали к одному и тому же классу. В конечном итоге, мы определили, что семьи, в которых были только люди из высшего-высшего класса составляли 95,15%, низшего-высшего – 87,26%, высшего-среднего – 91,36%, низшего-среднего – 90,17%, 86,33 – высшего-низшего и низшего-низшего – 95,98%.

В одной компании близких друзей можно было найти членов двух или трех классов, однако, в целом, классовый отсев проводился довольно жестко. 36,59% индивидов из высшего-высшего класса состояли в приятельских компаниях, где не было представителей других классов; 20,74% низших-высших, 20,12% высших-средних, 14,47% низших-средних, 15,68% высших-низших и 26,64% низших-низших также принадлежали к компаниям близких друзей, члены которых были из их же класса.

Все типы социальных структур и все члены каждой из тысяч семей, тысяч компаний и сотен ассоциаций были взаимосвязаны в нашем исследовании. Принимая во внимание участие в различных социальных структурах общества, дополнительные сведения о районе проживания, типе дома, полученном образовании, манерах и других символах класса, мы довольно быстро приблизительно определяли социальную позицию индивида. Однако при заключительном анализе индивиды размещались на основе оценки их социальной позиции жителями Янки Сити, например, таких откровенных высказываний, как «она не принадлежит к нашему кругу» или «они не являются членами нашего клуба». Естественно, было много пограничных случаев. В классовой системе, в отличие от кастовой или других систем с четко фиксированным ранжированным устройством, постоянно происходят перемещения многих людей вверх и вниз по социальной лестнице. Например, во время нашего исследования некоторые члены высшего-среднего класса опустились в низший-средний. Интервью показали, что это произошло в результате давления на этих людей со стороны тех, кто располагался выше них на социальной лестнице, а также в силу изменения социального поведения и появления новых членов в их собственном классе. В этом и других аналогичных случаях (когда люди из других классов оказывались в аналогичных ситуациях) было трудно определить, к какому классу они относились. Однако для завершения анализа необходимо было всех их размес-

тить в одном из шести классов, что мы и постарались сделать на основе всех полученных данных.

Различия между высшими-высшими и низшими-высшими классами, старыми и новыми семьями были абсолютно очевидны. Их отличие от высшего-среднего класса можно было легко обнаружить, так как люди из высшей-средней группы хотя и не принадлежали к новым семьям, тем не менее состояли с ними в одних и тех же ассоциациях и считались «лучшим классом» в Хоумвилле и подобных местах. Отличить высший-средний от низшего-среднего класса было легко, а вот провести разграничение между людьми из низшего-среднего и высшего-низшего классов иногда было сложнее всего. Для того чтобы определить, принадлежал ли человек к низшему-низшему или высшему-низшему классу, достаточно было выяснить, говорят ли о нем, что «он ривебруковец» или что он «такой же, как все с Ривебрука».

Конечно, не следует считать, что все жители Янки Сити осознавали мельчайшие отличия, о которых идет речь в этой книге. В зависимости от того, к какому классу индивид относился и как долго он жил на территории местного сообщества, он использовал различные из тех терминов, о которых у нас шла речь. Термины «хилл-стритовец», «сайд-стритовец», «хоумвилл» и «ривебруковец» были знакомы всем классам. Иногда они использовались как географические названия, но гораздо чаще определяли статус и ранг индивида.

Семья в классовой структуре

Сохранение в течение длительного времени социальной позиции семьи в любом иерархическом обществе в значительной степени зависит от вертикального соответствия социальных позиций вступающих в брак. В кастовом обществе брачующиеся принадлежат к одной и той же касте; своим браком они утверждают свое социальное равенство и содействуют сохранению социальной позиции своих семей. Система ценностей и санкций кастовой системы принуждает к заключению равных браков.

Несколько иная ситуация складывается в классовом обществе, система ценностей и санкций которого только отчасти содействует заключению равных браков. Одобряется «повышение своего социального статуса» при составлении себе «удачной партии» и осуждается «понижение своего социального статуса» в результате «мезальянса». В классовой системе это противоречие разрешается, и человек после брака сохраняет примерно ту же социальную позицию, что и до него. Несмотря на давление заключать браки среди равных, неравные браки с расположенными выше и ниже на социальной лестнице имеют место. Такое поведение свойственно людям классового общества; его причина за-

ключается в нехватке средств, навязывающих физическую или социальную сегрегацию и тем самым препятствующих неравным бракам.

Лучше всего поддерживает социальную дистанцию в Янки Сити высший класс. Этот класс имеет больше механизмов для выражения социальной дистанции, что часто осуществляется через поддержание географической и пространственной дистанции. Частные школы, большие участки земли, няни для детей, огромные дома и редкое использование общественного транспорта географически отражают социальную дистанцию и содействуют ее поддержанию между членами этой группы и теми, кто стремится сократить эту дистанцию и приблизиться к ним.

Для вступающих в брак в классовом обществе стремление сохранить свою социальную позицию осложняется еще и тем, что необходима равноценность позиций не только брачующихся, но и нескольких предшествующих поколений их семей. В классовой системе, в отличие от кастовой, есть три возможности заключить брак: с тем, кто равен тебе по статусу, имеет статус ниже или выше. Таким образом, сохранение социальной позиции намного сложнее, поскольку сменяющие друг друга поколения брачующихся должны повторять цикл равных браков.

Наши респонденты ссылались на ряд «старых семей» как на высшую группу в Янки Сити. Некоторые из этих семей воспринимались выше, чем остальные. Членов семей, занимающих самую вершину социальной пирамиды, мы проинтервьюировали не только для того, чтобы определить, как они жили и о чем думали, но и для того, чтобы определить, кого они относили к старым семьям или высшей-высшей группе, а кого – к новым семьям или низшему-высшему классу. Подобный опрос мы провели и среди имеющих более низкую социальную позицию. Выделенные при помощи интервью группы семей мы разместили в непрерывный вертикальный ряд от самых верхних позиций до самых низов общества Янки Сити, и каждого индивида поместили в один из нескольких классов. Семейные родословные и поведение ныне живущих потомков были изучены для того, чтобы определить, почему они занимали определенные позиции в классовой иерархии...

Наше исследование показало, что к высшему-высшему классу принадлежали те семьи, чьи члены на протяжении нескольких поколений вели образ жизни высшего класса. Только через какой-то промежуток времени семья могла перейти из низшего-высшего класса в высший-высший. Когда члены какой-либо семьи на протяжении нескольких поколений принадлежали к двум высшим слоям и, в конечном итоге, к самому высшему, у семьи появлялась родословная. Мы определяем родословную как непрерывную череду предков, (по материнской или по отцовской линии, или же по обеим) принадлежавших к высшему классу.

Один из респондентов четко определил факторы, определяющие поведение класса: «Чтобы чего-то добиться в Янки Сити, необходимо

иметь семью и деньги. Денег может быть не слишком много, но их должно хватать на правильный образ жизни». Иначе говоря, деньги имеют значение постольку, поскольку они позволяют вести образ жизни, считающийся неотъемлемой чертой высшего класса; то есть такой образ жизни, который, как полагают, был свойствен и предкам семей высшего класса, и его настоящим членам. Необходимо подчеркнуть, что происхождение ныне живущих семей можно проследить еще со времен, предшествовавших американской революции, а некоторые семьи были заметными уже во времена первого поселения.

Необходимо отметить, что родословная (по тому определению, которое мы ей дали для американского общества) обычно двусторонняя; происхождение необязательно рассматривается только по отцовской линии. Наши респонденты, составляя списки тех, кто, по их мнению, принадлежал к высшему классу, опустили имена некоторых людей, которых мы однозначно отнесли бы к высшему классу. О членах этих семей говорили, что они принадлежали к семье А. или семье В., то есть для подтверждения высоты их социальной позиции родословная прослеживалась скорее по материнской линии, чем по отцовской. Эти люди считались высшими-высшими на основании родословной и имени предка высшего класса. Через одно, два поколения их собственные имена проникнут в группу и станут самостоятельными именами с родословной...

Некоторые родословные людей высшего-высшего класса признаются членами как высшей-высшей группы, так и низшей-высшей. Такие семьи относят к одной группе (между членами этой группы существует тесная связь) на основании убеждения в превосходстве членов этой группы относительно других групп сообщества. Вера в их превосходство выражается через общее поведение, способствующее поддержанию социальной дистанции. Одна из респонденток сказала: «Когда я приехала сюда, мой муж объяснил мне, что в Янки Сити может произойти все, что угодно, кроме смешения социальных классов». Другой человек из высшего-высшего класса утверждал, что старые семьи никогда никого не принимали в свой круг. Члены самого высшего слоя обращались друг к другу как к родственнику даже тогда, когда между ними не прослеживалось никакого родства; например, индивид мог называть других членов высшей-высшей группы, не являвшихся его родственниками, «кузеном» или «кузиной». Один из респондентов объяснил это следующим образом: «Она мне кузина не по крови, а потому что мои мать и отец выросли вместе с ней». Наглядные примеры подтвердили, что высший-высший класс в Янки Сити вел себя как группа биологически родственных людей, чтобы выразить чувство взаимной социальной близости по отношению друг к другу и подчеркнуть социальную дистанцию между собой и теми, при разговоре с кем такие обращения не употреблялись.

Некоторые родственные связи в высшем-высшем классе «сочиняются» на основе членства в одной и той же группе, однако родственные связи между всеми его членами существуют. Класс очень эндогамен, и практически каждый имеет какие-то родственные связи с другими членами класса. Один из старейших и наиболее сведущих членов этой группы отметил: «Мой предок приехал сюда [в Янки Сити] после 1650 года. Из всех прибывших все нашли жен в Янки Сити, кроме двоих, женившихся на женщинах из Х. [пригорода Янки Сити]; и вы видите, какое образовалось сообщество. Все браки заключаются внутри него». Часто родственные связи являются очень отдаленными, но каждый член класса стремится найти родственные связи между своей семьей и другими. Один из наиболее надежных респондентов сказал о своей жене следующее: «Я не знал, что она «существовала», пока мне не исполнился 21 год. Затем я выяснил, что ее прадед и моя прабабка были братом и сестрой». Первое, что он и его жена сделали при знакомстве – сравнили родословные.

Этот краткий анализ показывает сложные, часто дальние, родственные связи, объединяющие этих людей. Временами далекий или достаточно близкий родственник, не принадлежащий этой группе, спокойно ею «не признавался». В Янки Сити члены двух семей, имеющих одну и ту же фамилию, находятся в состоянии длительной междоусобной вражды; человек, принадлежащий к низшему классу, настаивает на том, что он проследил свою родословную до общих предков с семьей высшего класса, и для подтверждения своей правоты он назвал своего сына именем первоначального предка, принадлежащего к высшим-высшим кругам. На самом деле, родственная связь между членами этих двух семей существует, хотя и по другой линии. Семья, принадлежащая к высшему классу, чувствовала, что на их законные права покушались и что семья низшего класса стремилась повисить свой социальный престиж, присоединяя себя к родословной высшего класса. Несомненно, именно к этому и стремилась семья низшего класса: в Янки Сити члены каждой семьи рассматривались в их социальном контексте.

В этой полуэндогамной группе часто случаются браки между двоюродными братьями и сестрами, и на это практически не накладывается никакого табу. Микаджа Х. женился на своей двоюродной сестре, после его смерти вдова вышла замуж за своего другого двоюродного брата. Проследить родословную тех, кто принадлежит к высшему-высшему классу очень трудно, так как браки между родственниками случались на протяжении многих поколений; члены этой группы испытывают определенное чувство гордости по поводу близости родственных связей вступающих в брак. Х.У.З., член этой группы, сказал: «Моя жена в таких же родственных отношениях с семьей Т., как и я; мои дети – потомки «первых переселенцев» Т. через шестнадцать родственных

связей: девять с материнской стороны и семь – с отцовской. Вот настолько часты у нас здесь браки между родственниками».

Ввиду того, что класс в значительной степени эндогамен, и у мужчин больше возможностей уехать из города, чем у женщин, последние часто остаются одиночками вследствие необходимости заключать браки с членами своего класса. Многие из наших респондентов говорили о некоторых женщинах, оставшихся незамужними, отмечая, что те никогда не вышли бы замуж за людей, расположенных ниже их на социальной лестнице, так как «их социальные позиции были для этого слишком высокими». S.S. – член высшего-среднего класса, один из наиболее уважаемых капиталистов в сообществе – в молодости был влюблен в женщину из высшего-высшего класса, однако «она, конечно же, никогда бы не согласилась на брак с ним». Такие браки случаются редко; если же они все-таки случаются, то человеку из низшего класса приходится перенимать образ жизни людей высшего класса.

Исследования низших-высших семей показали совсем другое положение вещей, чем в высших-высших семьях. Анализируя жизнь людей, приехавших на постоянное проживание в Янки Сити, мы кое-что выяснили о структуре их семей. Чаще всего вновь прибывшие в Янки Сити семьи были нуклеарными, состоявшими из детей и родителей, так как родители родителей чаще всего оставались в прежнем сообществе. С переездом из своего сообщества в Янки Сити индивиды избавлялись от контроля старшего поколения и одновременно они обычно расставались со своими братьями, сестрами и прочими родственниками, оставаясь изолированными. Они были не только отделены от своих родственников, но также имели очень мало социальных отношений с членами нового сообщества. В течение непродолжительного времени после переезда все непосредственные контакты семьи были связаны в первую очередь с профессией мужа или отца. Обычно вновь прибывшие семьи имели в сообществе семьи-покровители. Те семьи, которым не удалось заручиться поддержкой таких покровителей, могли навсегда остаться в изоляции; и, как показали интервью, были случаи, когда семьи покидали сообщество, не будучи им принятыми. Если семьям-«переселенцам» оказывалось должное покровительство, и они, кроме того, соответствовали другим необходимым требованиям, через несколько лет они могли стать членами низшего-высшего класса.

Не все члены низшего-высшего класса являются вновь прибывшими в сообщество из-за пределов Янки Сити. Многие из них родились в сообществе, но только недавно поднялись с более низкой ступени на социальной лестнице. Они обычно занимают ту же позицию, что и люди, прибывшие в сообщество недавно, и имеют схожую тенденцию к изоляции – хотя пространственно они и не отделены от своих старших поколений и многочисленной родни. Схожая тенденция к отсутствию

связей существует между старшим поколением и повывисившим свою социальную позицию младшим.

Одно из наиболее характерных свойств низшего-высшего класса – нестабильная ситуация в семье, возникающая, как уже отмечалось, из-за недостатка контроля со стороны старшего поколения и подчинения нормам поведения, перенятым у класса, членами которого они недавно стали. Посредством социальной мобильности семья поднимается в низший-высший класс, где нормы поведения, которым члены этой семьи обучались в юности, считаются вульгарными и недостойными. У них нет старшего поколения, к которому было бы можно обратиться за помощью. Наиболее сложные аспекты и детали поведения, являющиеся признаками их новой позиции, нельзя впитать самостоятельно, их можно лишь приобрести на примере группы, отчасти настроенной враждебно к своим новым членам. Приобретенное поведение им чуждо, они считают его внешним и странным. Классовая среда, в значительной мере враждебно настроенная по отношению к ним, не позволяет им с легкостью стать частью группы и приобрести необходимый для укрепления своей новой социальной позиции тип поведения. Они постоянно вынуждены обороняться. В отличие от них, член высшей-высшей группы высказывает свое мнение о чем-либо легко и свободно даже тогда, когда оно не совпадает с мнением других членов группы. Он может себе позволить критиковать других и быть критикуемым.

Члены низшего-высшего класса имеют тенденцию достигать совершенства в каком-то одном из аспектов общего поведения, ожидаемого от человека, принадлежащего к высшему классу, и этот аспект поведения часто заменяет им все поведение. Например, А. Н., молодой человек из низшего-высшего класса, владел большим самолетом, который, как он сам говорил, стал центром его существования. Он тратил на этот самолет огромные суммы денег, показывал его всем и посвящал много времени тому, чтобы поддерживать его в исправности. Для него самолет стал символом его социальной позиции, и когда он его продал, «он чувствовал себя так, будто продал свою невесту» или «будто умер член его семьи». В то же время, когда он являлся владельцем этого самолета, он часто подвергался насмешкам со стороны высшего-высшего класса.

Хотя высший класс и подразделяется на эти две группы, дети одного возраста ходят в одни и те же школы и, проводя время друг с другом, в целом занимаются одним и тем же. Это искажает отношения между двумя поколениями и двумя классами. В высшем-высшем классе между детьми и родителями существуют явные отношения субординации, и дети намного больше подчиняются поколению своих родителей, чем дети из семьи низшего класса. Взрослые низшего-высшего класса находятся в отношениях субординации с высшим-высшим классом и, в соответствующем общественном месте, они подчиняются детям высшего-

высшего класса. Однако дети из низшего-высшего класса дружат с детьми из высшей-высшей группы, и благодаря этому общению они часто занимают более высокую позицию, чем их родители. Продолжительное общение между растущими детьми из высшего-высшего и низшего-высшего классов помогает последним подняться по социальной лестнице, с другой же стороны, это увеличивает социальную дистанцию между родителями и детьми низшей-высшей группы.

Супружеский статус в Янки Сити

На первый взгляд, структура семьи в Янки Сити показалась одинаковой во всех шести классах, однако детальный анализ выявил определенные различия. Значительные различия также были выделены и при рассмотрении этнических групп.

Мы выяснили, что возраст вступления в брак находится в прямой зависимости от статуса индивида. Член высшего класса заключает брак в зрелом возрасте; низшего класса – в юном. После брака человек из высшего класса имеет небольшую семью; из низшего класса – большую. Таким образом, принадлежность к определенному классу по-разному влияет на семейную жизнь индивида; с другой стороны, семья является влиятельным механизмом, поддерживающим классовую систему. Класс, с его настоящей организацией, перестал бы существовать без «покровительства» семьи, сохраняющей его ценности и формирующей отношения между его членами.

Примерно одна треть всех жителей Янки Сити старше пятнадцати лет ни разу не состояла в браке. Около половины одиноких людей – мужчины, половина – женщины. Группа людей, состоящих в браке и разведенных, составляет 58% населения. Среди вдовых было обнаружено больше женщин.

Число не состоящих в браке коренных жителей очень невелико, оно значительно больше в некоторых этнических группах – ирландцев, французов, поляков, греков, евреев и итальянцев. И напротив, довольно много коренных жителей состоят в браке, в то время как только малая часть ирландцев и поляков женаты или замужем. Среди вдовых много людей коренной национальности и совсем немного французов, греков, итальянцев и евреев.

В противоположность группам, составляющим в городе этнические меньшинства, в группе коренного населения больше удельный вес женатых и овдовевших индивидов и меньше удельный вес одиноких. В этнических группах больше одиноких людей, чем среди коренного населения, поскольку многие индивиды из этнических групп недавно оставили свою родину, а такие иммигранты, как правило, одиноки.

Хотя в целом среди групп, составляющих в городе этнические меньшинства, удельный вес женатых людей меньше, чем среди корен-

ного населения, в трех этнических группах доля женатых индивидов довольно велика. Эти три группы – негры, франко-говорящие канадцы и русские. Среди греков удельный вес женатых людей также довольно велик, однако он несколько меньше, чем среди коренных жителей. Меньше всего женатых среди ирландцев.

Средний возраст вступления в брак в Янки Сити – 24 года. Для женщин средний возраст – 23 года, для мужчин – 26 лет. Одна четверть населения вступает в брак до двадцати одного года. Большинство из них – женщины; менее 200 человек – мужчины.

Доля несовершеннолетних женатых мужчин намного меньше, чем доля несовершеннолетних замужних женщин; с другой стороны, мужчины женятся в возрасте от 30 до 40 лет намного чаще, чем женщины.

В Янки Сити 71,67% мужчин женаты на женщинах моложе себя, 10,75% имеют жен-ровесниц и 17,58% – жен старше себя.

Во всех классах, кроме высшего-высшего, более половины населения старше пятнадцати лет состоит в браке. В высшем-высшем классе эта цифра немногим менее пятидесяти процентов. Удельный вес овдовевших в каждом классе уменьшается вниз по социальной шкале. Вспомнив, что доля пожилых людей, в большинстве своем женщин, наиболее велика в высшем классе, мы сможем понять, почему столь высок процент овдовевших среди высших классов. Вновь прибывшие этнические группы, находящиеся в самом низу классовой иерархии, имеют относительно небольшое число пожилых людей. Например, среди поляков менее одного процента составляют люди в возрасте 65 лет и более, в то время как среди коренного населения эта группа составляет 19,25%.

Как мы уже отметили, средний возраст вступления в брак для всех классов – 24,4 лет; однако эта цифра увеличивается по мере повышения социального статуса. Для наших шести классов мы имеем такие данные: 27,9 лет – для высшего-высшего класса, 27,6 – для низшего-высшего, 26,1 – для высшего-среднего, 25,1 – для низшего-среднего, 24,4 – для высшего-низшего и 23,2 – для низшего-низшего.

Уорнер Л. Социальный класс и социальная структура. Глава из книги: Л. Уорнер. Янки Сити [Электрон. ресурс] /Перевод с англ. О. Лукаша // Рубеж 1999. – Т. 10–11. Доступно из URL: <http://www.ieie.nsc.ru> :8101/ [Дата обращения: 20 ноября 2004 г.]

Жан Пиаже

Схемы действия и усвоение языка

Нам хотелось бы в нескольких словах объяснить, почему мы считаем, что язык согласуется со всем, что усвоено на уровне сенсомоторного интеллекта. Действительно, сенсомоторный интеллект уже содержит некоторую логику – логику действий, когда нет еще ни мышления, ни

представления, ни языка. Эти действия скоординированы согласно некоторой логике, уже содержащей множество структур, которые разовьются позднее самым ярким образом. Прежде всего имеется, конечно, обобщение (генерализация) действий. Например, ребенок пытается схватить висящий предмет, ему это не удастся, но он раскачивает его; тогда, весьма заинтересованный, ребенок продолжает ударять по нему, чтобы заставить качаться, и в результате всякий раз, когда он видит висящий предмет, он начинает толкать его и раскачивать. Этот акт, несомненно, свидетельствует о начале логического обобщения, или интеллекта, у ребенка. Основным феноменом на уровне этой логики действий является ассимиляция; ассимиляцией я называю интеграцию новых объектов или новых ситуаций и событий в предшествующие схемы; я называю схемой то, что является результатом обобщения, пример которого я только что привел выше. Эти схемы ассимиляции являются своего рода концептами, но концептами практическими. Они являются концептами в том смысле, что предполагают содержание понятия (comprehension) (я противопоставляю термин «содержание понятия» и «экстенционал» (extension), согласно их употреблению французской логической школой); концепты с содержанием понятия, следовательно, распространяются на качества и предикаты, но еще не имеют объема (экстенционала); иначе говоря, ребенок узнает висящий предмет, то есть производит акт опознания, но у него нет средства представить себе совокупность висящих предметов. А если нет еще экстенционала, значит, нет и припоминания, поскольку, для того чтобы прийти к представлению о совокупности предметов, обладающих одним и тем же качеством, необходима, естественно, способность к припоминанию, то есть к представлению тоже. Последнее позволяет осуществить символическая или семиотическая функция, которая возникает значительно позже и которая не дана с самого начала; этим и объясняется ограниченность практических концептов, которые я называю схемами ассимиляции.

Однако хотя еще нет экстенционала, существует координация между схемами, и именно эти координации образуют всю сенсомоторную логику. Вот один пример координации: представьте себе некий предмет, который положен на какой-то другой предмет; отношение «положен на» может быть скоординировано с действием «тянуть», и ребенок потянет к себе одеяло, на которое положен предмет, с целью получить его. Что же касается способа проверки действительного наличия координации, то достаточно положить предмет чуть подальше от одеяла: если ребенок его продолжает тянуть, значит, он ничего не понял, и координация отсутствует; если же он ожидает, что предмет должен быть на одеяле и тянет его – координация существует. Более того, в этой сенсомоторной логике мы находим все виды соответствий или практических морфизмов, морфизмов в математическом смысле этого термина; мы находим

ожидаемое отношение порядка: средства предшествуют достижению цели, они должны быть упорядочены согласно определенной последовательности; мы находим включения, то есть одна схема может быть включена в другую в виде частной схемы или подсхемы; короче говоря, мы находим постоянную структуру, которая предвещает структуру логики.

Вернемся к моей первой проблеме: как субъект переходит от этой логики действий к концептуальной логике? Под концептуальной логикой я понимаю такую логику, которая предполагает представление и мышление и, следовательно, концепты с экстенционалом, а не только с содержанием (*comprehension*). Этот переход к концептуальной логике является, по сути дела, особым преобразованием ассимиляции. До этого момента ассимиляция представляет собой включение некоторого объекта в схему действия; например, один предмет может быть схвачен, другой тоже может быть схвачен, и т. д., - все объекты хватания ассимилированы, включены в схему действия- действия хватания. В то время как новая форма ассимиляции, которая вскоре возникнет и сделает возможной концептуальную логику, это ассимиляция между предметами, а не только между предметами и схемой действия; иначе говоря, одни предметы будут ассимилироваться другими, что и обусловит возникновение экстенционала. Но это, естественно, предполагает воспроизведение в памяти; а для этого, разумеется, необходима потребность воспроизвести в памяти, то есть подумать о каком-либо предмете, который в настоящее время не является непосредственно воспринимаемым. Так откуда же возникает это воспроизведение в памяти? Именно здесь мы видим, как возникает символическая или семиотическая функция, о которой я говорил выше.

Символическая или семиотическая функция формируется в течение второго года жизни ребенка и, как мне кажется, имеет чрезвычайно важное значение для нашей проблемы. Язык же является лишь частным случаем семиотической функции (безусловно, важным, я этого не отрицаю), но всего лишь частным случаем, и притом весьма ограниченным в совокупности проявлений символической функции.

Вполне возможно, что Хомский мне возразит, что все это относится к семантике и что семантика менее интересна для нашей проблемы, чем синтаксис. Но я считаю, что здесь мы имеем дело с синтаксисом, логическим синтаксисом, разумеется, поскольку речь идет о таких координациях схем, которые играют фундаментальную роль в последующей логике. Как мне кажется, имитация играет очень важную роль в формировании семиотической функции. Под имитацией я понимаю не подражание человеку, не имитацию его жестов, а имитацию некоторого предмета, когда с помощью жестов передаются характеристики этого предмета. Например, в предмете есть отверстие, которое нужно увеличить, и именно эта потребность имитируется, когда ребенок открывает и

закрывает рот. Эта имитация играет чрезвычайно большую роль, поскольку она может быть моторной, как в случае, который я только что рассмотрел, но она продолжается затем в интериоризованной имитации, и я утверждаю, что ментальный образ вначале есть не что иное, как интериоризованная имитация, порождающая затем репрезентацию.

Другой формой символической функции является символическая игра. До того возраста, который мы в настоящий момент рассматриваем, игра, вне всякого сомнения, существует; ребенок начинает играть очень рано, но ранние игры, предшествующие этому уровню, заключаются в повторении какого-то предшествующего действия, первоначально серьезного. Ребенок может попытаться попробовать свои силы, например, в раскачивании висящего предмета, затем он забавляется просто из желания упражнять свою способность; это игра, состоящая в простом упражнении или повторении, и в ней нет еще никакого символизма. На уровне, который мы теперь рассматриваем, начинается символическая игра, то есть игра, которая воскрешает в памяти прошлую ситуацию с помощью жестов.

Мне бы хотелось указать в качестве третьего примера отсроченную имитацию; отсроченной имитацией в психологии называют такую, которая начинается в отсутствие модели. Это тот контекст, в котором начинается язык. Моя гипотеза сводится к тому, что условия возникновения языка составляют часть более широкой совокупности условий, подготовленной различными стадиями развития сенсомоторного интеллекта. Можно выделить шесть стадий, значительно различающихся тем, что именно последовательно приобретает на той или иной из них, но мне здесь было достаточно охарактеризовать сенсомоторную логику в целом и эту символическую функцию. Именно в этот момент появляется язык, и, следовательно, он может использовать все, что было достигнуто сенсомоторной логикой и символической функцией в широком смысле, в котором я употребляю этот термин, язык же является лишь ее частным случаем. Я думаю, таким образом, что есть некий смысл в этом синкретизме и в этом родстве между сенсомоторным интеллектом и формированием языка; формирование символической функции, которая является необходимым результатом сенсомоторного интеллекта, позволяет усвоение языка. Вот почему со своей стороны я не вижу необходимости придавать характер врожденности структурам (субъект, предикат, отношение и т.д.), которые Хомский называет «фиксированным ядром». Я согласен с Хомским, когда речь идет о необходимости этого ядра, но я не верю, что факты предшествующего развития вполне объясняют его образование, если признать врожденность ядра. Иначе говоря, и в этом я целиком придерживаюсь того же мнения, что и Хомский, — язык есть особый продукт интеллекта, а не интеллект есть продукт языка. Вот те

несколько фактов, которые я хотел предложить вашему вниманию по поводу дискуссии об отношении языка и интеллекта, или мышления.

Кроме того, следует еще уточнить, какое значение имеет синхронизация языка и развития интеллекта, поскольку гипотеза о врожденности фиксированного ядра не объясняет, почему язык не появляется шестью месяцами ранее или годом позднее. Откуда появляется такая синхронизация? Это не кажется мне случайным. Да и если признавать гипотезу о врожденности языка, почему не признать того же и для символической функции во всем ее объеме, и, наконец, для чего-либо еще более общего?

Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: «Радуга» 1983. – С. 133–137.

Жан Пиаже

Психогенез знаний и его эпистемологическое значение

Пятьдесят лет экспериментальных исследований убедили нас, что знания не являются результатом простой регистрации наблюдений. Процесс познания невозможен без структуриации, осуществляемой благодаря активности субъекта. Не существует также (у человека) априорных или врожденных когнитивных структур; наследственным является лишь функционирование интеллекта, которое порождает структуры только через организацию последовательных действий, осуществляемых над объектами. Отсюда следует, что эпистемология, или теория познания, в соответствии с данными психогенеза, не может быть ни эмпирической, ни «преформистской», а может лишь основываться на «конструктивизме» т.е. на длительной выработке новых операций и структур. Основная проблема, следовательно, заключается в том, чтобы понять, как осуществляются такие действия и каким образом они, не будучи результатом предопределенных заранее конструкций, становятся в процессе развития логически необходимыми.

1. *Эмпиризм.* Критика эмпиризма заключается не в том, чтобы отрицать значение экспериментирования; дело в том, что «эмпирическое» исследование генезиса знаний сразу же выявляет недостаточность «эмпирической» интерпретации эксперимента. В действительности знание это не результат чистого восприятия, поскольку восприятие всегда направляется и ограничивается схемами действия. Познание начинается с действия, а всякое действие повторяется или обобщается (генерализуется) через применение к новым объектам, порождая тем самым некоторую «схему», т.е. своего рода практический (praxique) концепт. Основная связь, лежащая в основе всякого знания, состоит не в простой «ассоциации» между объектами (поскольку это понятие отрицает активность субъекта), а в «ассимиляции» объектов по определенным схемам, которые присущи субъекту. Этот процесс является продолжением раз-

личных форм биологической ассимиляции, среди которых когнитивная ассимиляция представляет собой лишь частный случай и выступает как процесс функциональной интеграции. В свою очередь, когда объекты ассимилированы схемами действия, возникает необходимость приспособления («аккомодации») к особенностям этих объектов (ср. фенотипические «аккомодаты» в биологии), это приспособление (аккомодация) является результатом внешних воздействий, т.е. результатом опыта. Этот экзогенный механизм вполне согласуется со всем, что есть ценного в эмпирическом тезисе, но (и эта оговорка очень важна) приспособление не существует в «чистом» виде само по себе, а всегда является приспособлением схемы ассимиляции: именно в этой последней заключается движущая сила когнитивного акта.

Этот механизм, доступный наблюдению с момента своего возникновения, является универсальным и встречается на различных уровнях научного мышления. Роль ассимиляции здесь сводится к тому, что нечто «наблюдаемое в опыте», т.е. некоторый «факт», всегда интерпретируется параллельно с его расшифровкой: для этого всегда с самого начала требуется использование логико-математических рамок – таких, как установление связи или соответствия, смежности или разделения, навешивание кванторов «больше» или «меньше», ведущих к понятию меры, – короче говоря, всей концептуализации, присущей субъекту и исключающей существование чистых «фактов», равно как и фактов, целиком внешних по отношению к активности субъекта; и это тем более справедливо, поскольку субъект должен варьировать наблюдаемые феномены, чтобы их ассимилировать.

Что же касается процессов научения, на которые ссылаются эмпирики-бихевиористы в поддержку своих тезисов, то Инельдер, Синклер и Бове показали, что эти процессы не только не объясняют когнитивного развития, но и сами подчиняются его законам, поскольку стимул как таковой выступает лишь на определенном уровне «компетенции» (другое биологическое понятие, близкое ассимиляции). Одним словом, действие стимула предполагает наличие некоторой схемы, которая и является реальным источником ответа на стимул (что ведет к инверсии схемы SR или делает ее симметричной $S \leftrightarrow R$). Прибрам к тому же показал, как осуществляется выбор входов (inputs), начиная с неврологических уровней.

2. *Преформация.* Необходимо ли в таком случае ориентироваться на врожденность (преформацию) знаний? Мы еще вернемся к этой проблеме, а сейчас ограничимся лишь критикой гипотезы предопределенности. Если придерживаться фактов психогенеза, то прежде всего можно констатировать существование стадий, по которым, по-видимому, происходит процесс длительной последовательной структуризации. Это начальный сенсомоторный период, предшествующий языку, когда у

человека формируется некоторая логика действий (отношение порядка, вхождение схем, пересечение, постановка в соответствие и т. д.), изобилующая открытиями и даже изобретениями (перманентные объекты, организация пространства, причинности и т.п.). С 2 до 7 лет имеет место концептуализация действий (т.е. их репрезентаций): характеризующаяся открытием функций между ковариациями явлений, идентичностью и т.д., но еще без реверсивных операций и операций хранения. Две последние операции формируются на уровне конкретных операций (в 7–10 лет) одновременно с логически организованными «группировками», которые, однако, еще связаны с манипулированием предметами. Наконец, к 11–12 годам формируется гипотетико-дедуктивная пропозициональная логика, параллельно с комбинаторикой, «совокупностью частей», кватернарными группами (*de quaternarité*) и т. д.

Только эти хорошо структурированные и последовательные построения (в которых одно звено необходимо для следующего) могут рассматриваться как прогрессивная актуализация (связанная со становлением центральной нервной системы и т.п.) некоторого набора преформаций, в процессе которой генная программа как бы регулирует органический эпигенез, хотя этот последний и остается во взаимодействии со средой и ее объектами. Таким образом, необходимо отдать предпочтение одной из двух гипотез: либо реальным конструктивным построениям с постепенным открытием новых возможностей, либо последовательной актуализации некоторого набора возможностей, заданного с самого начала. Заметим прежде, что аналогичная проблема существует и в истории науки: являются ли различные достижения в истории математики итогом поэтапного созидания, или же они представляют собой лишь реализацию множества всех возможностей, которое в данном случае соответствует универсуму платоновских идей? Однако «множество всех возможностей» – это понятие антиномическое, так же как и «множество всех множеств», поскольку само слово «всех» предполагает лишь некую возможность. Более того, современные исследования показывают, что за трансфинитным числом «каппа нуль» (предел предикативности) возможно открытие новых чисел, но эта возможность эффективно непредсказуема, поскольку нельзя опираться на комбинаторику. Итак, или математика является частью природы и тогда она возникает вследствие конструктивной деятельности человека, или же ее источником является некий сверхчувственный платоновский универсум. Какими психологическими методами можно обнаружить этот универсум – это вопрос, на который никогда никто не мог ответить.

И мы вновь возвращаемся к ребенку, поскольку он всего лишь за несколько лет спонтанно осваивает базисные операции, создает структуры логико-математической природы, без которых он не понял бы ничего из того, чему его будут обучать в школе. Именно после долгого

предоперационального периода, в возрасте около 7 лет, когда ребенку еще не хватает когнитивных инструментов, он открывает для себя обратимость, транзитивность, рекурсивность, взаимное соответствие отношений, включение классов, сохранение числовых ансамблей, меру, организацию пространственных отношений (координат), морфизм, некоторые функторы и т.п., иначе говоря – все основы логики и математики. Если бы все это было врожденным, это означало бы, что младенец уже в момент своего рождения виртуально владеет всем тем, что Галуа, Кантор, Гильберт, Бурбаки или МакЛейн смогли, актуализовать впоследствии. А поскольку дитя человеческое является своего рода «суммой всех составляющих», мы должны, видимо, обратиться к простейшим одноклеточным организмам, к вирусам, с тем чтобы локализовать там «множество возможностей».

Одним словом, теории врожденных знаний, так же как и эмпирические объяснения, кажутся нам далекими от конкретной истины, поскольку логико-математические структуры при их бесконечности невозможно локализовать ни в объектах, ни в субъекте в момент его возникновения. Таким образом, единственно приемлемым для нас является конструктивизм, но на его долю выпадает сложнейшая задача объяснить механизм формирования нового, обосновать характер логической необходимости, которую это новое приобретает в процессе развития.

3. *Отражающая абстракция.* Если логико-математические структуры не являются врожденными, то следует вернуться очень далеко вспять, чтобы найти их корни, т.е. элементарные действия, обеспечивающие их выработку. Именно на сенсомоторном уровне, т.е. задолго до появления языка, прослеживаются такие исходные точки (впрочем, точки не абсолютного начала, поскольку для этого необходимо было бы обратиться к функционированию самого организма). Каковы же в таком случае механизмы, обеспечивающие построение различных структур от одной стадии к другой? Первым будет то, что мы назовем «отражающей абстракцией».

В самом деле, можно выделить три различных вида абстракции: (1) назовем «эмпирической абстракцией» ту, которая распространяется на физические объекты, внешние по отношению к субъекту; (2) абстракцию логико-математическую в противоположность первой назовем «отражающей» («*réfléchissante*»), поскольку она ведет начало от действий и операций субъекта. Она является «отражающей» в двойном смысле, поскольку в ее основе лежат два согласованных, но различных процесса: процесс проекции на более высокий уровень того, что было извлечено из низшего уровня (речь идет о своего рода «отражении» («*réfléchissement*»)); и процесс своеобразной «рефлексии» («*réflexion*») как перестройки на новом уровне. В этой перестройке вначале используются операции, достигнутые на предыдущем уровне, лишь в качестве

инструментальных, но с целью (отчасти бессознательной) скоординировать их в некую новую общность. (3) Наконец мы выделим «рефлексирующую («обдуманную») абстракцию» или «рефлексивное мышление», чтобы обозначить тематизацию того, что оставалось операциональным или инструментальным в (2). Фаза (3) представляет собой, таким образом, естественное завершение фазы (2), но предполагает, кроме того, явное сравнение на более высоком по отношению к «отражениям» уровне инструментальных операций и построений в процессе становления фазы (2). Таким образом, важно различать отражающую абстракцию, участвующую в любом конструктивном построении при решении новых задач, и абстракцию рефлексирующую, которая добавляет к первой некоторую систему эксплицитных соответствий между тематизированными указанным образом операциями.

Отражающая и рефлексирующая абстракции являются, таким образом, источниками структурных новообразований по следующим соображениям. Во-первых, «отражение» на более высокий уровень элемента, извлеченного с низшего уровня (например, интериоризация некоторого действия в некое концептуализованное представление), означает постановку в соответствие данных элементов, что само по себе является новым актом, который в свою очередь открывает дорогу другим возможным соответствиям, что уже является подлинным «открытием». Когда элемент, перенесенный на новый уровень, компонуется с элементами, которые прежде находились на этом уровне или которые еще будут сюда добавлены, то перед нами уже результат рефлексии, а не отражения (при этом рефлексия порождена этим последним): отсюда следуют новые комбинации, которые могут привести к созданию новых операций, осуществляемых «над» предыдущими, а это и есть обычный путь математического развития (например для ребенка – это правила сложения, порождающие умножение) Иначе говоря, всякое отражение на некоторый новый уровень влечет за собой и делает неизбежным некоторую определенную реорганизацию, и именно такую продуктивную перестройку мы называем «рефлексией»: задолго до своего превращения в тематизированное целое оно вступает в действие через процессы ассимиляции и координации, еще инструментальных, причем структура как таковая не осознается (и это также встречается на протяжении всей истории математики). Наконец становится возможной рефлектирующая абстракция, или ретроспективная тематизация, которая, хотя и распространяется лишь на уже конструктивно добытые элементы, естественно, представляет собой некоторую новую конструкцию, поскольку с помощью перекрестных вертикальных соответствий она представляет симультанным то, что было уже до этого выработано последовательными связями в горизонтальных направлениях (ср. в научном мышлении тематизацию «структур» у Бурбаки).

4. *Конструктивная генерализация.* Само собой разумеется, абстракция и генерализация тесно связаны между собой и даже опираются друг на друга. Отсюда следует, что эмпирической абстракции соответствует индуктивная генерализация, развивающаяся от «некоторых» ко «всем» путем простого экстенционального расширения, в то время как рефлексирующей абстракции соответствует конструктивная генерализация, и в частности, «дополнительная» или «комплетивная».

Первая проблема, которую необходимо решить, это проблема построения последовательных уровней (*paliers*), которые мы просто назвали в предыдущих параграфах: каждый из них есть результат ассимиляции или новой операции, предназначенной заполнить некоторую лакуну на предшествующем уровне и актуализующей таким образом некую возможность, открытую данным уровнем. Прекрасный тому пример – переход от действия к представлению благодаря формированию семиотической функции. Суть сенсомоторной ассимиляции состоит в ассимиляции объектов схемами действия, в то время как суть репрезентативной ассимиляции заключается в ассимиляции объектов друг другу, что приводит к возникновению концептуальных схем. Между тем эта новая форма ассимиляции уже была потенциально заложена в сенсомоторной форме, поскольку эта последняя распространялась на многие, последовательно возникающие объекты: достаточно, однако, было дополнить эти последовательные ассимиляции симультанным действием постановки в соответствие, чтобы перейти на следующий уровень. Но такое действие содержит в себе восстановление в памяти объектов, не наблюдаемых в данный момент, а это восстановление в памяти требует формирования специфического инструмента, которым и является семиотическая функция (отсроченная имитация, символическая игра, мысленный образ, который является интериоризованной имитацией, язык жестов и т.п. в добавление к звуковому языку). Таким образом, существуют сенсомоторные означающие, которые являются признаками или сигналами, но они представляют собой лишь один какой-то аспект или часть обозначаемых объектов: семиотическая же функция появляется тогда, когда означающие отличаются от означаемых и могут соответствовать множеству этих последних. Таким образом, очевидно, что между концептуальной ассимиляцией объектов друг с другом и семиотизацией существует взаимозависимость, и оба эти процесса ведут свое происхождение от дополнительного, «комплетивного» обобщения сенсомоторной ассимиляции, которой соответствует отражающая абстракция элементов, непосредственно заимствуемых из нее.

Было бы легко показать, что новоприобретения, свойственные уровням конкретных, а затем – гипотетико-дедуктивных операций, также ведут свое происхождение от дополнительного, «комплетивного» обобщения. Так, например, своими новыми возможностями конкретные

операции обязаны овладению обратимостью, что подготовлено уже предоперациональной обратимостью, но требует, кроме того, систематической отладки, регулировки утверждений и отрицаний, другими словами саморегуляции, впрочем всегда существующей в рамках конструктивного обобщения. Что же касается гипотетико-дедуктивных операций, то они становятся возможными без комбинаторики при переходе от структур «группировок», элементы которых разобщены, к структурам «множество частей» с комбинаторикой и обобщением разбиений.

Эти последние успехи обязаны своим появлением очень важной форме конструктивного обобщения, суть которой заключается в том, чтобы придать определенной операции роль более высокого ранга: так, сочетания – это классификации классификаций, перестановки – это сериации сериаций, множества частей – это разбиения разбиений и т. д.

Отметим, наконец, более простую, но не менее важную форму, которая состоит в обобщении аналогичных структур через синтез, – такую, как координация двух систем референций, внутренней и внешней по отношению к пространственному положению или движению (в возрасте 11–12 лет).

5. *Биологические корни знания.* Все, что мы рассмотрели до сих пор, говорит именно в пользу систематического конструктивизма. Нам остается лишь отыскать его источники в самом организме, поскольку последовательность построений не может предполагать абсолютного начала. Но прежде чем предложить какое-то решение, уместно задаться вопросом о том, что означало бы с биологической точки зрения решение в пользу преформизма, иначе говоря, чем бы стал априоризм, выраженный в терминах доктрины врожденности.

Это со всей ясностью показал великий ученый К. Лоренц, считавший себя кантианцем и остававшийся приверженцем наследственного происхождения основных структур разума, поскольку они предшествуют любому приобретению знания из опыта. Но как биолог, Лоренц прекрасно сознавал, что, кроме «общей» наследственности, присущей всем живым существам или их большим группам, существует специфическая наследственность, которая варьируется от одного вида к другому: так наследственность человека свойственна только человеческому виду. Отсюда следовало что, честно веря во врожденный характер как некое предварительное условие основных категорий нашего мышления, Лоренц не мог, даже исходя из этого факта, утверждать их общность, вот почему и появилась его очень глубокая формулировка, согласно которой «априорность» разума будет состоять просто из «врожденных рабочих гипотез». Другими словами, Лоренц сохраняет для «априорного» его исходную точку, предшествующую построениям субъекта, но устраняет из нее необходимость, значительно более важную (тогда как мы

поступаем наоборот, настаивая на необходимости, но помещая ее в конце конструктивного процесса, без предварительного программирования).

Позиция Лоренца сама показывает свою слабость: если разум является врожденным, или всеобщим, то он должен восходить к простейшим одноклеточным механизмам; если же он является видовым (или же родовым и т. д.), то необходимо объяснить, через какие мутации и под влиянием какого естественного отбора он смог появиться (хотя бы и лишенный своего основного качества – необходимости). Но при современном состоянии наших знаний обычные объяснения этой частной проблемы сводятся к простой игре словами: они состояли бы в том, чтобы сделать из разума продукт случайной мутации, т.е. простого случая.

По нашему мнению, сторонники врожденности самым удивительным образом забывают о существовании некоего механизма, такого же всеобщего, как и наследственность, и, в некотором смысле, управляющего ею: это саморегуляция, которая играет определенную роль на всех уровнях, начиная с гена, и все более важную роль по мере приближения к высшим уровням и к поведению. Саморегуляция, корни которой, очевидно, являются органическими, присуща жизненным и мыслительным процессам, и ее действие имеет, кроме того, то огромное преимущество, что может быть непосредственно проконтролировано: вот почему именно в этом направлении, а не в простой наследственности, надлежит искать биологическое объяснение когнитивных построений, тем более что в процессах регуляций саморегуляция по самой своей природе является в высшей степени конструктивистской (и диалектической).

Теперь понятно, почему мы, симпатизируя трансформационным аспектам доктрины Н. Хомского, не можем принять его гипотезу о «врожденном фиксированном ядре». И этому есть две причины. Первая заключается в том, что биологически такая мутация, свойственная человеку как виду, была бы необъяснима: совершенно неясно уже одно то, почему случайные мутации сделали человеческое существо способным «понимать» звуковой язык, и если, кроме того, необходимо было бы приписать ему врожденность лингвистической структуры, заложенной в разуме, то это обесценило бы саму эту структуру, поскольку поставило бы ее в зависимость от тех же; случайностей и превратило бы разум, согласно К. Лоренцу, в набор простых «рабочих гипотез». Вторая причина для нас заключается в том, что «врожденное фиксированное ядро» сохранило бы все свои достоинства «фиксированного ядра», если бы оно было не врожденным, а представляло бы собой «необходимый» результат конструктивных построений, свойственных сенсомоторному интеллекту, предшествующему языку и являющемуся результатом саморегуляции, одновременно органической и поведенческой, которая определяет этот эпигенез. Именно данное объяснение «фиксированного ядра» не врожденного, но являющегося продуктом сенсомоторного

интеллекта, в конечном счете принимают такие авторы, как Р. Браун, Э. Леннеберг и Д. Мак Нейл. Все это достаточно ясно показывает, что гипотеза о врожденности бесполезна для поддержания единства пре-красной концепции Хомского.

б. *Необходимость и уравнивание.* Нам осталось лишь выяснить, почему конструктивные построения, которых требует формирование разума, приобретают все возрастающую необходимость несмотря на то, что каждое из них начинается с разных проб, частью случайных и содержащих до достаточно позднего времени значительную часть иррационального (нонконсервация, дефекты обратимости, недостаточный контроль отрицаний и т. д.). Гипотеза, естественно, будет такова: эта возрастающая необходимость есть результат саморегуляции, и она выражается через также возрастающее уравнивание когнитивных структур; необходимость вытекает, следовательно, из их «закрытости».

С этой точки зрения, можно выделить три формы уравнивания. Наиболее простая и, как следствие, наиболее ранняя это уравнивание ассимиляции и аккомодации. Начиная с сенсомоторного уровня, на котором равновесие стремится одновременно сохранить схему и учесть свойства объекта, оно может, если эти последние являются неожиданными и интересными, повлечь за собой образование некоторой подсхемы или даже новой схемы, которые потребуют своего собственного уравнивания; само собой разумеется, что схема действий, примененная к новым объектам, должна быть иной в зависимости от свойств этих объектов. Но эти функциональные механизмы мы находим на всех уровнях. Даже в науке ассимиляция линейных и угловых скоростей включает одновременно ассимиляцию по отношению к пространственно-временной общности и аккомодацию к этим различным ситуациям; точно так же инкорпорация открытых систем в общие термодинамические системы требует как дифференцирующей аккомодации, так и ассимиляции.

Вторая форма равновесия устанавливается между подсистемами, идет ли речь о подсхемах в какой-то единой схеме действия или о подклассах какого-то одного общего класса, или же о подсистемах в множестве операций, которым располагает субъект, как, например, числа и пространственные измерения при оценках, когда может быть использовано и то, и другое. Но, поскольку подсистемы обычно развиваются с различной скоростью, между ними могут возникать конфликты. Их уравнивание предполагает в этом случае определенное различие между их общими частями и их отличающимися свойствами и, как следствие, компенсаторную регулировку между утверждениями и частичными отрицаниями, так же как и между прямыми и обратными операциями, или же, в дополнение к этому, использование взаимности. Теперь ясно, как уравнивание ведет к логической необходимости:

развивающаяся внутренняя непротиворечивость (системы), которую ищет и в конце концов достигает субъект, проистекает из простой причинной регуляции действий, результаты которых раскрываются потом как совместимые или противоречащие, затем она приводит к включению связей или импликаций, становящихся выводимыми дедуктивно и, следовательно, необходимыми.

Третья форма уравнивания опирается на предшествующую, но отличается от нее построением некой новой всеобщей системы: а именно, той, которую обуславливает необходимость самого процесса дифференциации новых подсистем и которая требует, следовательно, компенсаторного действия интеграции в некое новое целое. По-видимому, здесь мы имеем дело с простым уравниванием противоположных сил: дифференциации, угрожающей единству целого, и интеграции, ставящей под угрозу необходимые различия. Действительно, своеобразие когнитивного равновесия (но, впрочем, это имеет место уже и в органических системах) заключается, наоборот, в том, чтобы обеспечить обогащение целого в зависимости от важности дифференциации и умножение этих последних (а не только их связности) в зависимости от внутренних (или становящихся таковыми) изменений целого и его свойств. Здесь вновь отчетливо проявляются отношения между уравниванием и развивающейся логической необходимостью; необходимостью иметь *terminus ad quem* [«верхний предел»], вытекающей из конечной интеграции или «закрытости» систем.

Одним словом, когнитивное уравнивание «играет на повышение», т.е. нарушения равновесия ведут не к возвращению к предыдущей форме равновесия, а к некоей лучшей форме, характеризующейся возрастанием взаимозависимостей или необходимых импликаций.

Что же касается знаний, являющихся результатом опыта, то их уравнивание включает, кроме предшествующих законов, последовательный переход внешнего (экзогенного) во внутреннее (эндогенное) в том смысле, что все возмущающие воздействия (неосуществившееся предвидение и т.п.) вначале уничтожаются или нейтрализуются, а затем мало-помалу интегрируются (с изменением равновесия) и наконец включаются в систему в качестве внутренних вариаций, поддающихся дедуктивному выводу и реконструирующих экзогенное посредством эндогенного. Биологический эквивалент этого процесса (см. работу Г. фон Фёрстера «От шума к порядку») нужно искать в явлении «фенокопии», которое мы попытались проинтерпретировать и обобщить в одной из более ранних работ.

7. Психогенез и история науки. Как сказал Холтон, можно найти определенное совпадение между психогенезом и историческим развитием когнитивных структур, и именно это мы попытаемся уточнить в книге, над которой мы сейчас работаем совместно с физиком Р. Гарсиа.

До XVII в. в развитии психогенеза и когнитивных структур в ряде случаев можно наблюдать полный параллелизм. Так, для отношений между силой и движением можно выделить 4 периода: 1) период теории движителя и движимого Аристотеля и как следствие модель антиперистасиса; 2) глобальное объяснение, в котором остаются недифференцированными сила, движение и импульс; 3) теория импетуса или порыва, созданная Буриданом в качестве необходимого посредника между силой и движением; 4) заключительный предньютонковский период, когда импульс начинают связывать с ускорением. У ребенка же можно констатировать последовательность четырех очень сходных стадий. Первая – когда два двигателя довольно систематически выступают как пережиток анимизма, но с большим числом спонтанных примеров антиперистасиса (часто в очень неожиданных ситуациях и не только для движения метательных снарядов). На второй стадии появляется некоторое глобальное понятие, сравнимое с «действием», которое можно выразить следующим образом mve , где m – масса, v – скорость, и e – пройденный путь. На третьем этапе (7–10 лет) спонтанно появляется «импульс» в смысле среднего термина Буридана, но, сверх того, со способностью «проникать» в неподвижные посредники, проходя через их «внутренность», когда какое-то движение передано через их посредство. Наконец, на четвертом этапе (к 11–12 годам) появляются зачатки ускорения.

Для более широких исторических периодов, само собой разумеется, мы не находим полного параллелизма, но можно найти общие механизмы. Так, история западной геометрии обнаруживает некий процесс структуризации, этапы которого таковы: этап центрации на отношениях интрафигуральных (внутри фигур) по Эвклиду; этап конструирования отношений интерфигуральных (между фигурами) с помощью декартовых координат, затем этап развивающейся алгебраизации, начиная с Клейна. В сокращенном виде мы находим аналогичный процесс и у детей, которые начинают, естественно, с интрафигурального, но к 7 годам открывают, что для того, чтобы определить некую точку на плане, недостаточно одного измерения: их необходимо два, и они должны быть расположены ортогонально. На этом этапе «интерфигуральное» (необходимое также для построения горизонталей) следует за тем, что мы назвали «трансфигуральное», в котором подлежащие открытию свойства не могут выявляться на одной-единственной фигуре, но требуют определенной дедукции или некоторого исчисления, например; механические кривые, относительные движения и т.п.

Эти аналогии с историей науки убедительно говорят в пользу нашего конструктивизма. Антиперистасис не был передан наследственным путем от Аристотеля к маленьким жителям Женевы, но сам Аристотель начал с того, что был ребенком, потому что детство предшествует зрелому возрасту у всех людей, включая и пещерного человека.

Что же касается того, что именно человек науки извлекает из своих детских лет, то это не набор врожденных идей, поскольку в обоих случаях есть пробы и ошибки, но некая конструктивная сила, и один из нас сказал, что гениальный физик – это человек, который сумел сохранить способность к творчеству, свойственную своему детству, а не потерял ее в школе.

Семиотика / Сост., вст. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: «Радуга», 1983. – С. 90–101.

Н. Луман **Понятие общества**

I.

Если такие науки, как биология, психология или социология рассматривать с дистанции безучастного наблюдателя, то можно прийти к мысли о том, что биология имеет дело с жизнью, психология – с душой или с сознанием, а социология – с обществом. Однако при ближайшем рассмотрении замечают, что эти дисциплины имеют характерные трудности с понятиями, которые должны обозначить единство их предмета... Понятие аутопойесиса нацелено непосредственно на эту проблему. Впервые оно было введено Хумберто Матураной применительно к феномену жизни, но его применение возможно также и к сознанию, и к обществу. Речь идет о таком понятии, которое фактически не играет какой-либо роли в этих дисциплинах, так что наш вопрос о том, почему имеется проблема обозначения единства предмета этих дисциплин с помощью научного понятия, остается.

В принципе не следует удивляться тому, что социология тоже имеет трудности в обозначении единства своего предмета. Можно ли использовать для этого понятие «социальное»? Но ведь это понятие слишком приятно, слишком приветливо, слишком добросердечно. Где были бы тогда асоциальное, преступность, аномия Дюркгейма? Можно было бы воспользоваться понятием общества, ведь в других дисциплинах и в публичной дискуссии привыкли причислять социологию к общественным наукам. Однако когда пытаются определить понятие общества, то сталкиваются с трудностями: на передний план выходит слово, однако напрасно ищут понятие, которое обозначало бы подразумеваемый предмет с точностью, достаточной для теоретических целей.

Для отказа от использования понятия общества хотелось бы сначала получить исторические основания. Когда в конце прошлого столетия социология начала создаваться как академическая дисциплина, понятие общества уже имелось в наличии и имело собственную историю, было проблематичным, и некоторые даже считали его непригодным к употреблению в новой дисциплине. Отчасти это понятие было компонентой различения, которое вело к исчезновению того, что нужно было обозна-

чить им: государство и общество или общество и сообщество (исчезновению среди деталей, или лучше выразиться, среди фалд?). Им часто злоупотребляли в идейно-политическом отношении, вследствие чего оно было предметом идеологических споров. Если не желали полностью отказаться от него вслед за «формальной социологией», то следовало бы уточнить его по отношению к собственной истории. Однако этого все-таки никогда не удавалось сделать в действительности.

Итак, то были проблемы наших уважаемых классиков. Это не наши проблемы. Если социология и сегодня остается в нерешительности перед этими препятствиями, то здесь должны играть роль другие причины. Я полагаю, что можно говорить в том смысле, который связал с этим понятием Гастон Башляр. У традиционных ожиданий по отношению к понятию, которые не могут быть устранены или заменены (или это может быть сделано лишь с трудом, лишь в контексте совершенно новой парадигмы) имеются известные преимущества.

Я хотел бы привести три таких obstacles, которые мне кажутся наиболее важными:

1) Первое касается допущения о том, что общество состоит из людей или из отношений между людьми. Я называю его гуманистическим предубеждением. Как следует это понимать? Что оно состоит из рук и ног, мыслей и энзимов? Что парикмахер стрижет волосы общества? Нужно ли при случае вводить ему немного инсулина? Какого рода операции характеризуют общество, если химия клетки относится к нему в такой же степени, как и алхимия бессознательных вытеснении? Очевидно, что гуманистическое предубеждение намерение основывается на нестрогости понятий, но тогда следует задать вопрос: почему? И теоретик сам нуждается в помощи.

2) Второе предубеждение, которое блокирует развитие понятий, заключается в допущении территориального многообразия обществ. Китай – это одно общество, Бразилия – другое; Парагвай – одно, следовательно, Уругвай – другое. Однако все усилия, направленные на строгое отграничение обществ, не удаются, безразлично, ориентируются ли они на государственную организацию или на язык, культуру, традиции. Хотя на этих территориях имеются необозримые различия в жизненных условиях, но они должны быть объяснены в качестве различий внутри общества, а не допускаться в качестве различий между обществами. Иначе получается, что социология пытается решить свою центральную проблему посредством географии?

3) Третье предубеждение носит теоретико-познавательный характер. Оно следует из различия субъекта и объекта. Согласно теории познания, господствовавшей вплоть до нашего столетия, субъект и объект (также как мышление и бытие, познание и предмет познания) следует полагать разделенными исчислять наблюдение и описание мира воз-

можными *ab extra*; признавать познание как таковое только тогда, когда удалось избежать всякого переплетения со своим предметом. Лишь субъекты обладают привилегией самореференции, а объекты являются такими, каковы они есть.

Однако совершенно очевидно, что общество является самоописывающимся объектом. Общественные теории являются теориями общества в обществе. Если это было бы недопустимо в теоретико-познавательном отношении, то невозможно было бы дать понятие общества соответствующей строгости. Иначе говоря: понятие общества должно быть образовано автологично. Оно должно содержать и само себя. Вне социологии такое положение дел является совершенно привычным. Впрочем, понятие автологии, само являющееся автологичным понятием, возникло в лингвистике. О распространенности этого воззрения свидетельствуют такие имена, как Витгенштейн или Хайнц фон Фюрстер, Георг Спенсер Браун или Готхард Гюнтер. Лингвистический поворот в философии делает его неизбежным, точно так же, как и требование Квинеса о натуралистической эпистемологии. Почему же тогда социология должна противиться себе как раз там, где ее предмет особенно близок ей? Наверно, именно поэтому! Наверно, она знает общество слишком хорошо, а также слишком критически для того, чтобы чувствовать себя в нем уютно. Тогда следовало бы считать ее смелой. Но ведь тогда не требовалось бы сводить дело к утвердительным суждениям, консенсусу, конформизму. Совсем наоборот: теологическим прототипом наблюдателя системы в самой системе является дьявол! Или Персей, который обезглавливал Медузу окольным путем и с такой легкостью, которую прекрасно изобразил Итало Кальвино в своей «*Lezioni Americane*».

Во всяком случае ничего не происходит оттого, что держатся на плаву с помощью мелкой эмпирии или, как во Франкфурте, культивируют страх перед изменениями, закоснели в упорном отказе от них или настраиваются враждебно по отношению к каждому, кто не разделяет веру в утопию нормативно требуемой рациональности. Проблема является скорее проблемой выдвижения теории, однако развитие в междисциплинарных или трансдисциплинарных науках, таких как: *cognitive sciences* или кибернетика, системная теория, теория эволюции, теория информации, дает достаточно стимулов для ее решения.

II.

При осуществлении такой попытки я предлагаю исходить из понятия системы. Конечно, это еще не обещает многого, так как это понятие употребляется в совершенно разных смыслах. Первое уточнение, немедленно приводящее в необычную область, состоит в том, чтобы понимать под системой не определенные сорта объектов, а определенное

различение, а именно: различение системы и окружающей среды. Это следует уяснить точно. Для этого я заимствую понятия, с помощью которых Георг Спенсер Браун осуществляет введение в свое произведение «Laws of Form». Система является формой различения, но есть имеет две стороны: систему (как внутреннюю сторону формы) и окружающую среду (как внешнюю сторону формы). Лишь обе стороны производят различение, производят форму, производят понятие. Таким образом, окружающая среда является для этой формы столь же важной, столь же необходимой, как и сама система. Форма в качестве различения является закрытой. У Спенсера Брауна это называется: «Distinction is perfect continence». Это означает, что все, что можно описать и наблюдать с помощью этого различения, относится либо к системе, либо к окружающей среде. Уже здесь обращает на себя внимание нечто необычное. Относится ли единство системы к системе или к окружающей среде? Где находится граница формы? То, что разделяет обе стороны формы – граница между системой и окружающей средой, – обозначает единство формы и именно поэтому не может быть отнесена ни к одной, ни к другой стороне. Граница существует лишь как указание пересечь ее – будь то изнутри вовне, будь то извне вовнутрь.

Пока оставим в стороне трудные вопросы такого рода. Их невозможно обсуждать на уровне развития я теории такой малой сложности.

Вместо этого мы должны выяснить вопрос о том, каким образом производится различение системы и окружающей среды, так как понятие исчисления форм у Спенсера Брауна предполагает время, работает со временем, истолковывается посредством времени, подобно логике Гегеля.

При этом понятие производства (или понятие «poesis») в отличие от понятия «praxis») выбрано сознательно, так как оно предполагает различение в качестве формы и допускает, что произведение может быть изготовлено также и тогда, когда производитель не может сам создать все необходимые для этого причины. Как легко можно заметить, это подходит для различения системы и окружающей среды. Система располагает внутренними и внешними причинами производства своего продукта, а внутренние причины можно задать таким образом, что возникнут достаточные возможности для комбинации внешних и внутренних причин.

Однако сама система является производимым произведением, или точнее, формой системы, различением системы и окружающей среды. Именно это обозначается понятием аутопойесиса. Оно введено эксплицитно в противоположность возможному понятию аутопраксиса. При этом не идет речь о действиях, направленных на самоудовлетворение: курении, плавании, болтовне, *raisonner* (это невозможно выразить по-немецки). Тогда понятие аутопойесиса с необходимостью ведет к труд-

ному, часто неправильно понимаемому понятию оперативной закрытости системы. Это понятие, конечно, еще ничего не означает в отношении производства. Оппоненты часто усматривают в нем причинную изолированность, аваркию, когнитивный солипсизм. В большей степени оно является необходимым следствием того тривиального факта (а в понятийном отношении тавтологичного), что никакая система не может оперировать за своими границами. Это приводит нас к заключению о том, что речь должна идти об оперативно закрытой аутопойетической системе (если вообще есть желание применять понятие формы системы), образуящему первый этап прояснения понятия общества.

III.

Нам еще только предстоит наиболее важная часть работы над понятием общества. Она вызвана вопросом о том, какие именно операции производят общественную систему, причем из собственных продуктов, т.е. воспроизводят ее.

Речь должна идти о точно указанном способе оперирования. Если, как это часто бывает, называют для надежности много операций, такие как мышление и действие, образование структуры и протекание процессов, то искомое единство исчезает в блеклости и безвкусице «И» (следовало бы запретить всякие «И» при построении теории). Мы должны несколько рискнуть при определении способа оперирования, при помощи которого общество производит и воспроизводит себя. Иначе понятие теряет всякие очертания.

Мое предложение: положить в основу понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия. Это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций. В случае понятия действия едва ли возможно избежать внешних референций. Действие, поскольку оно должно быть отнесено, требует отнесения к несоциально конституированным обстоятельствам: к субъекту, к индивидууму, а исходя из всех практических целей – даже и к живому телу; то есть, к месту в пространстве. Лишь с помощью понятия коммуникации социальную систему можно мыслить как аутопойетическую систему, которая состоит из элементов, а именно: из коммуникаций, производящих и воспроизводящих себя посредством сети именно этих элементов, посредством сети коммуникаций.

Таким образом, теоретическое решение в пользу воззрения на общество как на аутопойетическую систему и в пользу характеристики операций, воспроизводящих систему, как коммуникаций, должно быть принято изначально. Они взаимно обуславливают друг друга. Это означает также, что понятие коммуникации становится решающим факто-

ром для определения понятия общества. В зависимости от того, как определяют коммуникацию, определяют и общество, а определение понимается здесь в точном смысле этого термина как определение границ. Иными словами, построение теории должно осуществляться с двух точек зрения: с одной, направленной на понятие системы, и с другой, направленной на понятие коммуникации. Лишь таким образом оно приобретает требуемую строгость.

В этой ситуации изменяется уже само понятие коммуникации. Его невозможно свести ни к понятию коммуникативного действия и констатировать участие другого, будь то в качестве простого эффекта этого действия, будь то в качестве нормативного вывода в смысле Хабермаса, ни к пониманию коммуникации как переносу информации от одного места к другому. В случае подобных воззрений тем или иным образом предполагались бы носители происходящего, которые не были бы сами конституированы посредством коммуникации. Напротив, комбинация системной теории и теории коммуникации требует понятия коммуникации, позволяющего сказать, что все коммуникации производятся только коммуникацией – само собой разумеется, что в окружающей среде, допускающей и выдерживающей это.

Для этого можно воспользоваться различием, ставшим обычным со времен Карла Бюлсра и восходящим к античным традициям. Я переформулирую его как различие информации, сообщения и понимания. Коммуникация осуществляется лишь тогда, когда можно синтезировать эти три аспекта. В отличие от простых восприятий поведения, в основу понимания должно быть положено различие акта сообщения и самой информации. Именно из него и следует исходить. Без такого «primery distinktion» коммуникация вообще не осуществляется. Если эта предпосылка удовлетворяется, а в случае языка это всегда имеет место, то дальнейшая коммуникация может заниматься сама собой. Тогда и только тогда она достаточна и достаточно сложна для этого. Тогда она может заниматься информацией или основаниями того, почему нечто высказывается непосредственно здесь и теперь; или трудностями понимания смысла коммуникации, или, наконец, следующим шагом: должен ли предложенный смысл быть принят или отклонен. Таким образом, различие информации, сообщения и понимания является тем различием, которое производит различения и которое, будучи однажды совершенным, поддерживает деятельность системы. Как легко можно заметить, это корреспондирует с понятием информации Бетсона как различения, производящего различение. Коммуникация есть не что иное как та операция, которая осуществляет такую трансформацию различений в различения.

При этом важно учитывать, что отдельное событие коммуникации завершается вместе с пониманием. Тем самым еще не решено, будет ли

понятое положено в основу дальнейшей коммуникации или нет. Это может быть, но также может и не быть. Коммуникации могут быть восприняты или отклонены. Всякое иное воззрение имело бы абсурдное следствие о том, что отклоненные коммуникации вообще не являлись коммуникациями. Отсюда следует, что неверно приписывать коммуникации имманентную, квази-телеологическую тенденцию к консенсусу. Иначе все давно бы уже кончилось и мир был бы безмолвен, как вначале. Однако коммуникация не исчерпывает себя, как раз на пути провоцирования самой себя она производит больше, создавая на каждом шагу бифуркацию восприятия и отклонения. Каждое коммуникативное событие закрывает и открывает систему. И только вследствие этой бифуркации может иметь место история, ход которой зависит от того, какое направление будет избрано: «да» или «нет».

IV.

Если принято это понятие коммуникации, то сразу снимаются все обычные *obstacles epistemologiques* обычной теории общества; на их место заступают проблемы, которые лучше подходят для теоретически обоснованного научного исследования.

Исходя из этого становится ясно, что конкретные люди являются не частью общества, а частью его окружающей среды. Нет большого смысла утверждать, что общество состоит из «отношений» между людьми. Понятие коммуникации содержит в себе гораздо более точное предположение (но и реконструирует то, что полагают обычные социологи, когда говорят об «отношениях»). Например, недостаточно того, что один человек видит или слышит другого, даже если он наблюдает его поведение с помощью различения сообщения и информации. Если о ком-то говорят или пишут, этого также еще недостаточно для того, чтобы отношение к нему считалось социальным отношением. Социальной операцией является лишь сама коммуникация.

Понятие территориальных границ также становится излишним, и тем самым излишне предположение о многообразии региональных обществ. То, какое значение имеет пространство и пространственные границы, следует из их коммуникативного использования, но сама коммуникация не имеет пространственного места. Вследствие своего материального субстрата она, конечно, может быть зависима от пространственных условий. В мире животных пространственные отношения являются одним из важнейших, если не единственным способом выражения социального порядка, но эволюция социокультурного мира благодаря языку, письменности, телекоммуникации настолько уменьшает значение пространственных отношений, что сегодня следует исходить из того, что коммуникация определяет оставшееся значение пространства, а не наоборот, не пространство допускает и ограничивает коммуникацию.

Наконец, с помощью понятия коммуникации можно хорошо пояснить, что общество является самоописывающей и самонаблюдающей системой. Уже простая коммуникация возможна лишь в рекурсивной сети предшествующей и последующей коммуникации. Такая сеть может сама себя тематизировать, может информировать себя о собственных коммуникациях, может подвергать информацию сомнению, не принимать ее, нормировать коммуникации как допустимые или недопустимые и т.д. – так как все это происходит лишь с ее стороны в оперативной форме коммуникации. Тем самым становится ясным двойное положение вещей: что общество является самоописывающей и самонаблюдающей системой и что оно не только может использовать свой способ операций, но и должно это делать, чтобы осуществить такие самореферентные операции. Это также относится к науке, в том числе и к социологии. Все коммуникации об обществе связаны с их стандартизацией обществом. Какой-либо внешний наблюдатель со сколько-нибудь достаточной компетенцией отсутствует, хотя каждое отдельное сознание может размышлять о том, чем оно считает общество; а каждая иммунная система может наблюдать себя, принимая во внимание болезни, возникшие лишь за счет совместной общественной жизни людей и т.д.

Теперь мы можем определить понятие общества в качестве промежуточного результата. Общество является всеобъемлющей системой всех коммуникаций, воспроизводящих себя аутопоietически, в то время как она производит все новые (и все время другие) коммуникации в рекурсивной сети коммуникаций. Эмерджентность такой системы включает коммуникации, так как они способны к подключению лишь внутренним образом. Все другое она исключает. Таким образом, воспроизведение одной из таких систем требует способности различения системы и окружающей среды. Коммуникации могут опознавать коммуникации, отличать их от других обстоятельств, относящихся к окружающей среде в том смысле, что хотя и можно совершать коммуникацию через них, но не с ними.

Мы теряем возможность делать высказывания о «человеке» (в единственном числе) для того, чтобы начать с этого. Многими это воспринимается болезненно. Но если верно, что «человек» вообще появляется лишь с конца 18 века, то можно с достаточным основанием сказать: *forget it!* Он относится к переходному времени, когда еще было невозможно адекватно описать современное общество, вместо этого нужно было пускаться в иллюзии будущего для того, чтобы за счет семантической ассоциации «общество-будущее-человек» сохранить надежду на целостность, способную к улучшению. Эта проекция мнимого человека (или еще хуже: образа человека) должна была откатиться от того, чтобы определить человека через его отличие от минералов, растений и животных. Поэтому она предложила себя в форме понятия без противополо-

ложного понятия, что означает посредством различения плохих и хороших людей с большой вероятностью оказаться в сфере морали.

Пожертвuem этим, с легким или тяжелым сердцем, как угодно. Что же мы выигрываем, если вместо этого предлагаем дифференциальное понятие, а именно: понятие общества в форме, которая требует разделить все на систему и окружающую среду и избегать высказываний о единстве различения?

Этот вопрос следует обсудить на трех примерах: применительно к языку, применительно к отношению индивидуума и общества и применительно к понятию рациональности.

V.

Что касается языка, то системно-теоретическое понятие общества близко к отказу от представления о том, что язык является системой. Лингвисты вслед за Сосюром хотели бы придерживаться этого представления, так как им кажется, что оно защищает академическую самостоятельность их дисциплины: однако невозможно понять язык и общество одновременно как системы. Общая область была бы слишком велика, но не вела бы к полному совпадению понятий, так как имеется еще и невербальная коммуникация. Отношение двух этих систем друг к другу было бы неясным. Лингвисты, конечно, могут симпатизировать такому представлению, не будучи социологами, однако дифференциация дисциплины не является достаточным ответом на содержательные вопросы.

Если понятие системы не следует более применять к языку, то это, само собой разумеется, не означает, что феномен языка теряет значение. Имеет место как раз обратное. Освободившееся место в теории можно заполнить иначе, а именно: с помощью понятия структурного соединения. Это понятие было введено Хумберто Матураной для обозначения того, как оперативная закрытая аутопойетическая система может существовать в окружающей среде, которая, с одной стороны, является предпосылкой аутопойесиса системы, но с другой стороны, не вмешивается в этот аутопойесис. Проблема, которую решает это понятие, состоит в том, что система может определить себя лишь через собственные структуры, а именно: через структуры, которые можно построить и изменить посредством собственных операций; но, конечно, не может быть оспорено то, что такой вид оперативной автономии предполагает содействие окружающей среды, ее пригодность для этого. Жизнь существует лишь в определенных физических или химических условиях окружающей среды, даже тогда, когда мир не может определить, к чему идет дело. Или, как выражает это Матурана, структурные соединения расположены ортогонально к аутопойесису системы. Они не содействуют операциям, способным воспроизводить саму систему – т.е. в данном случае – коммуникациям. Но они некоторым образом нарушают

систему, приводят ее к возбуждению, которое затем внутренним образом приводится в форму, с которой система может работать. В этой связи можно напомнить о паре понятий Пиаже «ассимиляция» и «аккомодация» или о трактовке функционалистской психологией генерализованных ожиданий и разочарований.

Применительно к коммуникации это понятие позволяет сказать, что язык, благодаря своему очевидному своеобразию, служит структурному соединению языка и сознания. Язык обеспечивает отдельное существование коммуникации и сознания, а также общества и индивидуума. Мысль никогда не может быть коммуникацией, но и коммуникация – мыслью. В рекурсивной сети своих собственных операций коммуникация всегда имеет другие предшествующие и другие последующие события, протекающие в поле зрения индивидуального сознания. На оперативном уровне какие-либо пересечения отсутствуют, речь идет о двух оперативно закрытых системах. Решающее значение имеет то, что языку удастся соединять системы несмотря на это и при их различных способах оперирования. Язык достигает этого за счет своей искусственной необычности в акустической среде звуков и, затем, в оптической среде письменности. Он может очаровывать сознание, центрировать его и одновременно воспроизводить коммуникацию. Таким образом, его функция состоит не в опосредовании референции и в отношении внешней среды, а исключительно в структурном соединении.

Однако это все-таки одна сторона его вклада. Как и все структурные соединения, язык обладает эффектом включения и исключения. Он повышает возбудимость сознания посредством коммуникации и возбудимость общества посредством сознания, так что собственные состояния превращаются в язык и в понимание или, соответственно, в непонимание. Но одновременно для общественной системы исключаются другие источники возбуждения. Это значит: язык изолирует общество почти от всех событий окружающей среды физического, химического рода или событий, формирующих образ жизни, за исключением единственного возбуждения импульсами сознания. Подобно мозгу, который за счет исключительно малой способности глаз и ушей к резонансу почти полностью изолирован по отношению ко всему, что происходит в окружающей среде, общественная система почти полностью изолирована от всего, что происходит в мире, с помощью узких путей для раздражения, которые канализируются сознанием. Также, как в случае мозга, эта почти полная изоляция общества является условием оперативной закрытости и возможностью построения высокой собственной сложности.

VI.

Со всей категоричностью говоря: «участие» индивидуума в обществе исключается. Между индивидуумом и обществом нет никакой

коммуникации, так как коммуникация всегда является внутренней операцией общественной системы. Общество никогда не может выйти за свои пределы с помощью собственных операций и охватить индивидуума, с помощью собственных операций оно может воспроизводить лишь собственные операции, так как оно не может оперировать за пределами своих собственных границ. Это, собственно говоря, должно было бы быть легко понято (но почему же это не воспринимают?). Тоже самое справедливо в отношении жизни и сознания индивидуума. Операции, воспроизводящие систему, также и здесь остаются в системе. Ни одна мысль не может покинуть сознание, которое она воспроизводит. Не следует ли сказать: к счастью? Иначе что случилось бы со мной и как можно было бы мне развивать индивидуальность, если другие своими мыслями могли бы управлять моими мыслями? Как можно было бы представить себе общество в виде гипноза всех и всеми?

Конечно, остается возможность того, что индивидуум представляет общество, и что коммуникация в первую очередь использует личностей в качестве адресатов и в качестве тем. Но тогда следовало бы говорить не об индивидуумах (людях, сознании, субъектах и т.д.), а о личностях в точном античном смысле слова. Имена и местоимения, которые употребляются в коммуникации, не имеют ни малейшего сходства с тем, что они обозначают. Каждый не есть «я» точно также, как слово «яблоко» не является яблоком.

Говорить всерьез об индивидуальности – значит понимать индивидуумов как продукт их собственной деятельности, как самореферентные исторические механизмы, которые каждой своей операцией определяют исходное состояние для дальнейших операций и могут делать это лишь посредством собственных операций.

Отсюда следует, что не существует нормативной интеграции людей в обществе. Иначе говоря, не существует норм, от которых невозможно было бы отклонение, если это кому-нибудь нравится. Не существует и консенсуса, если он должен означать, что эмпирические состояния, в которых находятся индивидуумы, каким-либо образом согласуются. Имеется лишь соответствующая схема наблюдения, в которой наблюдатель сам себя детерминирует к установлению того, что поведение согласуется с нормой или отклоняется от нее. Этим наблюдателем может быть также система, осуществляющая коммуникацию, – суд, средства массовой информации и т.д. Если спрашивают о реальной основе норм или консенсуса, то нужно наблюдать наблюдателя; а если отказаться считать бога наблюдателем мира, то остается множество других возможностей определения наблюдателя.

Лишь когда впервые воспринимают теорию в такой ее радикальности, можно видеть, что дает дополнительное понятие структурного соединения. Оно поясняет, что несмотря на эту оперативную закрытость в

мире не происходит все, что угодно. Структурные соединения обеспечивают накопление определенных возбуждений и исключают другие. Тем самым возникают тенденции в развитии самодетерминации структур, которые зависят от того, с какими возбуждениями они имеют дело. Так, организмы настроены на силу тяготения Земли, причем часто очень специфическим образом. (Кит будет раздавлен весом своих собственных внутренних органов, если будет выброшен на берег). Человек, находящийся в особых шумах, которые функционируют в качестве языка, учится говорить. Каждое общество социализирует индивидуумов по ту сторону их структурных соединений и предназначено именно для этого. Язык является бинарно кодированным и может ответить на каждое сообщение утвердительно или отрицательно. Каждая норма будет направлена против возможности отклоняющегося поведения. Тем самым общество размещает (полностью бесконтрольных) индивидуумов в опциональную схему. Оно считает свободой то, что не может изменить, и делает это в настолько сильно схематизированной форме, что коммуникация может быть продолжена через «да» или «нет», через конформное или отклоняющееся поведение, в зависимости от того, как решит индивидуум. В этом мы видим эволюционно крайне невероятные, очень высоко селективные устройства разделения и соединения систем, систем свободы и порядка.

VII.

Свобода и порядок были проблемными терминами (или «переменными величинами») последнего убедительного понятия рациональности, которое создала Европа: как можно больше свободы при такой степени порядка, которая необходима, – так можно выразить кредо либерализма в форме, восходящей к Лейбницу. С тех пор имеются лишь продукты распада, будь то в виде различения нескольких понятий рациональности без определения рациональности *per se* (Вебер, Хабермас), будь то в форме различения рациональности и иррациональности, причем обе стороны различения являются справедливыми – и опять же: без указания того, в чем же именно состоят формулировки такого различения; или, иначе говоря, что обозначено в его форме. Этому соответствует элиминация понятия разума: из свойства человеческого существа он стал лишь аппроксимативно достижимым, в буквальном смысле слова утопическим идеалом.

Нелегко усмотреть, каким образом системно-теоретическое понятие общества вообще могло бы помочь в этой дилемме. В любом случае нет обратного пути к староевропейскому континууму рациональности бытия и мышления или природы и действия, при котором рациональность была бы непосредственно заложена в конвергенции этих различных понятий, то есть в том, что мышление присущим ему образом соот-

ветствовало бы бытию или действие присущим ему образом соответствовало бы природе. Все же при различении бытия и мышления, природы и действия всегда обращает на себя внимание своеобразная ассиметрия, в которой, смотря с сегодняшней точки зрения, кажется скрытой структура рациональности. Если принято, что мышление в собственном смысле соответствует бытию и что действие по своей натуре – природе, то различение, очевидно, еще раз производится на одной из обеих его сторон, на мышлении, или, соответственно, на действии. Георг Спенсер Браун называет операцию, которая реализует такую структуру «ge-entry» формы в форму – или различением в различном посредством самого себя. Контекст различения формы, в которой это происходит, близок к тому, чтобы при этом подумать о разрешении парадокса, а именно: парадокса применения различия, которое не может различить самого себя. Как всегда, при помощи этой активной (если не насильственной) интерпретации староевропейского понятия рациональности мы можем спросить о том, должно ли оно оставаться связанным с такими антропологическими (или гуманистическими) понятиями, как мышление и действие, или, как минимум, можно ли отделить от этого фигуру ge-entry. Именно этот шаг с легкостью удается системной теории, так как она и так уже определяет форму системы посредством (асимметричного) различения системы и окружающей среды.

Для общественной системы, точно так же как и для системы сознания, такое ge-entry является неизбежным. Оперативно осуществленная дифференциация системы и окружающей среды возвращается в систему в качестве различения самореференции и внешней референции. Коммуникация может быть осуществлена лишь таким образом, что система избегает совпадения своих операций с тем, о чем будут коммуницировать. Сообщение и информация должны быть различены и оставаться различенными, иначе вообще не состоится никакой коммуникации. Система оперирует в постоянном воспроизводстве различения самореференции и внешней референции. Это есть ее аутопойесис. Это впервые дает возможность осуществить оперативную закрытость. Точно так же сознание постоянно экстернализирует в каждой операции то, что ему внушает мозг, – орган для самонаблюдения состояния своего организма. Сознание также должно различать самореференцию и внешнюю референцию и посредством этого различения наблюдать себя самого в различении с окружающей средой. Именно потому, что оперативные вмешательства в окружающую среду являются невозможными, самонаблюдение с помощью этого различения является принудительным условием аутопойесиса системы, а именно: как в случае общества, так и в случае сознания.

Если желают найти понятие для космологической рациональности старого мира, то следовало бы исходить отсюда. Однако тогда это была

бы оперативно вынужденная, «само собой понимающаяся» рациональность, совершенно не идеальная и без возможности для нерациональных операций. Была бы только постоянно воспроизводимая внутренним образом двойная ориентация на то, что система идентифицирует как саму себя и что – как окружающую среду. Эта рациональность была бы рациональностью наблюдателя первого порядка. Лишь на уровне наблюдателя второго порядка приходят к понятиям с притязаниями. Это предполагает, что система наблюдает себя при осуществлении ге-*entry*. Тогда нужно положить в основу различие самореференции и внешней референции и ввести это различие в самореференцию. Следует получить ясность относительно того, что не только дифференциация системы по отношению к остальному миру, который становится тогда окружающей средой, будет осуществляться с помощью собственных операций и без них не состоялось бы мюнхаузенское собственное участие. Кроме того, следует заметить, что возможное тем самым различие самореференции и внешней референции само является различием и требует для этого собственных операций. Также и различие самореференции и внешней референции вновь входит в различное посредством него. Оно становится тем различием, с помощью которого система обеспечивает собственное единство. Согласно такому воззрению мир, различие которого постоянно формирует его, становится конструкцией. Мир тогда становится бесспорной реальностью, так как в конечном итоге будут фактически осуществлены различающие и конструирующие операции; и, бесспорно, конструкцией, так как без разделения посредством различения, которое может быть выполнено очень различным образом (посредством каждой системы по-разному), совсем ничего не будет видно. Тем самым мы оказываемся перед фактом, перед лицом которого такие философы, как Фихте или Деррида, повергли философию в отчаяние. Если мы желаем хоть как-нибудь оставаться в наследии европейских понятий, то рациональность может быть понята только отсюда. Но как?

Наиболее известным выходом является настаивание на внешней референции. Или, что сводится к тому же: перейти на метауровень. В подтверждение этого можно указать на Рассела, Тарского, Геделя. Это мыслится еще милосердно-теологически. Насколько я могу проследить не будучи философом, еще не существует какой-либо более точный анализ так называемой проблемы референции, который решил бы ее. Достаточно лишь вспомнить критику логического эмпиризма Квинесом и его допущение о том, что референция, истина и смысл (*ens et verum et bonum?*) сходятся. Мы уже извлекли следствие: проблема референции должна быть заменена различием самореференции и внешней референции – различием, которое, как энзимы в клетках, является одновременно продуктом и кодом соответствующих системных операций.

Однако, если общество понимают как такую систему, которой свойственна рациональность, всякий выход в экстернализацию, соответственно, на метауровень (геделизацию) и так уже неприемлем, так как где был бы здесь более высокий уровень или внешний мир, который мог бы влиять освобождающим или даже устанавливающим образом?

Ведет ли именно это к заключению о том, что общество в конечном итоге является той системой, в которой всякая рациональность показала себя рациональной? Нам достаточно поставить этот вопрос и, как на аукционе, ждать других предложений.

Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О. Бороновой. – СПб., 1994. – С. 25–42.

Пьер Бурдьё

Социальное пространство и символическая власть

Принимая во внимание ограниченность одной лекции, мне хотелось бы попробовать изложить теоретические принципы, положенные в основание исследования, чьи результаты представлены в книге «Различение», и показать возможные теоретические приложения, которые с большой вероятностью могут ускользнуть от читателя, особенно в другой стране, из-за расхождений в культурных традициях. Если бы мне нужно было охарактеризовать мою работу в двух словах, т.е., как это часто делается теперь, наклеить на нее этикетку, я говорил бы о *constructivist structuralism* или о *structuralist constructivism*, взяв при этом слово структурализм в смысле, сильно отличающемся от того, который ему придает сосюрровская или леви-строссовская традиция. С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире, а не только в символике, языках, мифах и т.п. существуют объективные структуры, независимые от сознания или воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями или группами, и что обычно называют социальными классами.

Я считаю, что здесь данное уточнение особенно необходимо: действительно, из-за превратности переводов знают, например, «Воспроизводство», а это приводит к тому – и некоторые комментаторы делают это, не колеблясь, – что меня определяют в структуралисты, в то время как совершенно не знакомы с более ранними моими работами (настолько ранними, что они предшествуют даже появлению типично «конструктивистских» работ на эту же тему), которые, несомненно, заставили меня воспринимать меня как «конструктивиста». Так, в книге, назы-

вающейся «Педагогические отношения и коммуникация» (*«Rapport pedagogique et communication»*), мы показываем, как строится социальное отношение понимания в и через непонимание, или несмотря на непонимание; как преподаватели и студенты приходят к согласию через некоторого рода негласные переговоры, подспудно направляемые заботой о минимизации издержек и риска, чтобы получить минимальную определенность ситуации коммуникации. В другом исследовании – «Категории профессорского понимания» (*«Les categories de l'entendement professoral»*) – мы пытаемся проанализировать генезис и функционирование категорий восприятия и оценивания, с помощью которых преподаватели строят образ своих учеников, оценивают их развитость, их ценность и с помощью практик кооптации, направляемых теми же категориями, формируют саму группу своих коллег и преподавательский корпус. Теперь, после этого отступления, я возвращаюсь к сути дела.

В самом общем виде социальная наука – антропология, социология или история – колеблется между двумя с виду несовместимыми точками зрения: объективизмом и субъективизмом или, если угодно, между физикализмом и психологизмом (который может принимать различные окраски: феноменологические, семиологические и т.п.). С одной стороны, согласно старой дюркгеймовской максиме она [социальная наука] может «рассматривать социальные факты как вещи» и устраниваться, таким образом, от всего, чему те обязаны своим существованием в качестве объектов познания (или незнания) в социальном бытии. С другой стороны, она может сводить социальный мир к представлениям о нем, конструируемым самими агентами; задача социальной науки заключается в таком случае в производстве «мнения о мнениях», производимых социальными субъектами.

Эти две социальные позиции редко выражаются и тем более применяются в научной практике столь радикальным и столь контрастным образом. Можно видеть, что Дюркгейм (вместе с Марксом) наиболее последовательно изложил объективистскую позицию: «Мы считаем плодотворной идею, что социальная жизнь должна раскрываться не через концепцию того, кто в ней принимает участие, а через глубинные причины, которые ускользают от сознания». Но, будучи хорошим кантианцем, он не отрицал, что понять эту реальность можно, лишь применяя к ней логические инструменты. Соответственно, объективистский физикализм сочетается с часто позитивистской склонностью понимать классификации как «операционное деление» или как механическую регистрацию «объективных разрывов и непрерывностей» (например, в распределениях). А наиболее чистые выражения субъективистского видения можно найти, конечно, у Шюца или этнометодологов. Так, Шюц двигается точно в противоположном направлении от Дюркгейма: «На-

блюдаемое поле *social scientist*, научная реальность, имеет специфические смысл и структуру соответствия для живущих, действующих и мыслящих в ней человеческих существ. Путем серии построений здравого смысла они предварительно отобрали и проинтерпретировали этот мир, который ими воспринимается как реальной повседневной жизни. И именно эти мысленные объекты определяют их поведение, мотивируя его. Мысленные объекты, сконструированные обществоведом для того, чтобы понять социальную реальность, должны базироваться на мысленных объектах, сконструированных здоровой мыслью людей, живущих своей обыденной жизнью в своем социальном мире. Таким образом, конструкции социальных наук являются, так сказать, конструкциями второго порядка, конструкциями конструкций, созданных актерами на социальной сцене». Противопоставление полное: в одном случае научное познание получается лишь через разрыв с первичными представлениями, называемыми «допонятийными» у Дюркгейма и «идеологическими» у Маркса, который происходит по бессознательным причинам. Во втором случае социальное познание неотрывно от обыденного познания, поскольку оно есть не что иное, как «построение построений».

Если я немного тяжеловесно привел эту оппозицию как пример одной из наиболее пагубных из тех «пар концептов», которыми кишат социальные науки, как нам это показали Ричард Бендикс и Беннет Бергер, то потому, что самое постоянное и, на мой взгляд, самое важное для работы мое желание – преодолеть ее. Рискую показаться очень непонятным, попробую дать в одной фразе резюме всего изложения, которое я вам предлагаю сегодня. С одной стороны, объективные структуры, которые конструирует социолог в рамках объективизма, отстраняясь от субъективных представлений агентов, лежат в основе субъективных представлений и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействия; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур. Это означает, что оба подхода – объективистский и субъективистский – находятся в диалектической связи и что, даже если субъективистский подход, когда его берут изолированно, кажется очень близким интеракционизму или этнометодологии, он отделен от них радикальным отличием: точки зрения фиксируются как таковые и соотносятся с позициями соответствующих агентов в структуре.

Чтобы действительно преодолеть искусственную оппозицию, установившуюся между структурами и представлениями, нужно порвать со способом мышления, который Кассирер называет субстанциалистским и который направлен на непризнание никаких других реалий, кроме тех, что поставляются непосредственной интуицией в обыденном опыте ин-

дивидов или групп. Главный вклад так называемой революции структурализма заключается в применении к социальному миру реляционного способа мышления, способа современной математики или физики, который идентифицирует реальность не с субстанциями, а со связями. «Социальная реальность», о которой говорил Дюркгейм, есть ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине. Социология в объективистском аспекте является социальной топологией, *analysis situs*, как называли эту новую область математики во времена Лейбница, анализом относительных позиций и объективных связей между позициями.

Этот способ реляционного мышления является отправной точкой построений, представленных в «Различии». Но существует большая вероятность того, что пространство, т.е. связи, ускользает от читателя, несмотря на обращение к диаграммам и к факторному анализу: во-первых, поскольку субстанциалистский способ мышления более легкий и «естественный»; во-вторых, поскольку часто случается, что средства, вынужденно использующиеся для конструирования и обнаружения социального пространства, могут заслонить полученные с их помощью результаты. Группы, конструируемые для объективации занимаемых ими позиций, заслоняют эти позиции; например, в «Различении» главу, посвященную фракциям доминирующего класса, кто-то может прочесть как описание различных стилей жизни этих фракций, не заметив там позиций в пространстве властных отношений – то, что я называю полем власти. Изменение терминологии является, как мы видим, одновременно условием и результатом разрыва с обыденным представлением, связанного с идеей *ruling class*.

С этого момента изложения можно сравнивать социальное пространство и географическое пространство, внутри которого выделяются области. Это пространство сконструировано таким образом, что агенты, группы или институции, размещенные в нем, имеют тем более общих свойств, чем более близки они в этом пространстве, и тем меньше, чем более они удалены друг от друга. Хотя пространственные дистанции – на бумаге – совпадают с социальными дистанциями, тем не менее они не существуют в реальном пространстве. Так, несмотря на то, что почти всюду можно наблюдать тенденцию сегрегации в пространстве, когда люди, близкие в социальном пространстве, стремятся стать близкими – по выбору или вынужденно – в географическом пространстве, все же люди, сильно удаленные в социальном пространстве, могут встречаться, вступать во взаимодействия в физическом пространстве, по меньшей мере, на короткий период или время от времени. Взаимодействия, даю-

щие непосредственное удовлетворение эмпирическим предрасположенностям – а их можно наблюдать, снимать, регистрировать, короче – трогать их пальцами, – заслоняют структуры, в которых они реализуются. Это один из тех случаев, когда видимое (непосредственная данность) скрывает невидимое, которым она определяется. Таким образом, не учитывается, что истина взаимодействия никогда не заключается целиком во взаимодействии в том виде, в каком то предстает наблюдению. Одного примера достаточно, чтобы показать различие между структурой и взаимодействием и, одновременно, между структуралистским видением, которое я защищаю как необходимый момент исследования, и так называемым интеракционистским видением во всех его формах (в частности, этнометодологией). Я думаю о том, что называю для себя стратегиями снисходительности, когда агенты, занимающие высшие позиции в одной из иерархий объективного пространства, символически отрицают социальную дистанцию (которая от этого не перестает существовать), обеспечивая себе таким образом выгоды от признательности, придаваемому этому чисто символическому отрицанию дистанции: «он простой», «не гордый» и т.п.; вместе с тем предполагается признание дистанции (приведенные мной фразы предполагают всегда подтекст: «он прост для герцога», «он не гордый для университетского профессора»). Короче, можно пользоваться объективными дистанциями таким образом, чтобы получать преимущества от близости и преимущества от дистанции, т.е. от дистанции и от признания дистанции, которое обеспечивается символическим ее отрицанием.

Как можно конкретно зафиксировать эти объективные связи, не сводимые к взаимодействиям, в которых они проявляются? Эти объективные связи суть связи между позициями, занимаемыми в распределении ресурсов, которые являются или могут стать действующими, эффективными, как козыри в игре, в ходе конкурентной борьбы за присвоение дефицитных благ, чье место – социальный универсум. Основными видами такой социальной власти являются, согласно моим эмпирическим исследованиям, экономический капитал в его различных формах, культурный капитал, а также символический капитал – форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные. Таким образом, агенты распределены в общем социальном пространстве в первом измерении по общему объему капитала в различных его видах, которым они располагают, и во втором измерении – по структуре капитала, т.е. по относительному весу различных видов капитала (экономического, культурного...) в общем объеме имеющего у них капитала.

Недопонимание при чтении предлагаемого мной (в частности, в «Различении») анализа является результатом того, что классы на бумаге могут восприниматься как реальные группы. Подобное чтение объек-

тивно поддерживается тем фактом, что социальное пространство сконструировано так, что агенты, занимающие сходные или соседние позиции, находятся в сходных условиях, подчиняются сходным обусловленностям и имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а следовательно, производить сходные практики. Диспозиции, приобретенные в занимаемой позиции, предполагают приспособление к этой позиции, которое Гоффман называл *sense of one's place*. Это чувство своего места, ведущее при взаимодействиях одних людей (которых французы называют «скромные люди») к тому, чтобы держаться на своем месте «скромно», а других – «держаться дистанцию», «знать себе цену», «не фамильярничать». Заметим, между прочим, что такие стратегии могут быть совершенно бессознательными и принимать формы застенчивости или высокомерия. В самом деле, социальные дистанции «вписаны» в тело, точнее в отношении к телу, к языку или времени (многие структурные аспекты практики игнорируются субъективистским видением).

Если добавить, что *sense of one's place* и переживаемое сходство габитуса, как, например, симпатия или антипатия, являются началом всех форм кооптации, дружбы, любви, брака, ассоциации и т.д., и, следовательно, всех устойчивых связей, иногда подтвержденных юридически, то можно увидеть, как все заставляет думать, что классы на бумаге являются реальными группами, тем более реальными, чем лучше сконструировано пространство, и чем меньше общности, вычлененные в этом пространстве. Если вы хотите создать политическое течение или же ассоциацию, у вас будет больше шансов объединить людей, находящихся в одном секторе социального пространства (например, на юго-западе диаграммы, со стороны интеллектуалов), чем если вы возьметесь сгруппировать людей, расположенных по четырем углам диаграммы.

Но как же, как субъективизм предрасположен редуцировать структуры к взаимодействиям, объективизм стремится выводить действия и взаимодействия из структуры. Таким образом, главная ошибка, ошибка теоретизирования, которую мы находим у Маркса, заключается в рассмотрении классов на бумаге как реальных классов, в выведении из объективной однородности условий, обусловленностей и, следовательно, диспозиций, которые вытекают из идентичности позиций в социальном пространстве, их существования в качестве единой группы, в качестве класса. Понятие социального пространства позволяет избежать альтернативы номинализма и реализма в области социальных классов: политическая работа, нацеленная на производство социальных классов как *corporate bodies*, постоянных групп, обладающих постоянными органами представительства, обозначениями и т.п., имеет тем больше шансов на успех, чем более агенты, которых хотят собрать, объединить, построить в группу, близки в социальном пространстве (следовательно, принадлежат к одному классу на бумаге). Классы в марксовом смысле

таковы, что их нужно строить с помощью политической работы, которая может быть тем более успешной, чем более она вооружена в действительности хорошо обоснованной теорией и, следовательно, более способна оказать *эффект теории – theorein*, что по-гречески означает «видеть», т.е. навязать видение деления.

С помощью эффекта теории мы выходим из чистого физикализма, но не бросаем достижения фазы объективизма: группы, к примеру, социальные классы, нужно еще «создавать». Они не даны в «социальной реальности». Нужно понимать буквально название известной книги Э.П. Томпсона «Формирование английского рабочего класса» («*The Making of English Working Class*»): рабочий класс, такой, каким он нам видится сегодня через слова, описывающие его, – «рабочий класс», «пролетариат», «трудящиеся», «рабочее движение» и т.д., через организации, предназначенные для его выражения, через обозначения, бюро, секретариат, знамена и т.п., является хорошо обоснованным историческим артефактом (в том смысле, в каком Дюркгейм говорил о религии, что это хорошо обоснованная иллюзия). Но это не означает, что можно сконструировать что угодно и неважно каким способом, ни в теории, ни на практике.

Таким образом, мы перешли от социальной физики к социальной феноменологии. «Социальная реальность», о которой говорят объективисты, есть также объект восприятия. А социальная наука должна брать в качестве объекта и эту реальность, и ее восприятие с перспективами и точками зрения, которые агенты имеют об этой реальности в зависимости от их позиции в объективном социальном пространстве. Спонтанные воззрения на социальный мир, «*folk theories*», о которых говорят этнометодологи (или то, что я называю спонтанной социологией), так же, как и ученые теории, и социология составляют часть социальной реальности и могут получить совершенно реальную власть конструирования, как в примере с марксистской теорией.

Объективистский разрыв с предпонятиями, идеологиями, спонтанной социологией, народной мудростью – неизбежный и необходимый момент научного подхода. Нельзя экономить на нем, не подвергая себя риску больших ошибок, что мы видим в интеракционизме, в этнометодологии и в социальной психологии во всех ее формах, стремящихся к феноменальному видению социального мира. Но нужно совершить второй разрыв, более трудный – разрыв с объективизмом, заново вводя в оборот на следующем этапе все то, от чего избавлялись при конструировании объективной реальности.

Социология должна включать в себя социологию восприятия социального мира, т.е. социологию конструирования воззрений на мир, которые в свою очередь участвуют в конструировании этого мира. Однако, принимая в расчет построенное нами социальное пространство, мы

знаем, что эти точки зрения, как говорит об этом само слово, являются взглядом с определенной точки, т.е. с определенной позиции в социальном пространстве. Мы знаем также, что точки зрения будут разные и даже антагонистические, ведь они зависят от точки, с которой смотрят, поскольку для каждого агента видение пространства зависит от его позиции в этом пространстве.

Вслед за этим мы отрекаемся от универсального субъекта, от трансцендентального Его феноменологии, которое этнометодологи переняли для собственных нужд. Конечно, агенты конструируют собственное видение мира. Но это конструирование осуществляется под структурным давлением. И можно даже объяснить в социологических терминах то, что проявляется как универсальное свойство человеческого опыта, а именно: освоенный мир имеет тенденцию быть воспринимаемым как нечто должное, что идет само по себе. Если социальный мир стремится восприниматься как очевидный и ощущаться (если пользоваться терминологией Гуссерля) согласно докситической модальности, то потому, что диспозиции агентов, их габитус, т.е. ментальные структуры, через которые агенты воспринимают социальный мир, являются в основном продуктами интериоризации структур социального мира. Поскольку диспозиции восприятия имеют тенденцию приспосабливаться к позиции, то даже наиболее обездоленные агенты стремятся воспринимать социальный мир как должное и мириться с гораздо большим, чем можно было бы вообразить, особенно, если смотреть социальным взглядом того, кто доминирует, на ситуацию тех, кто находится в подчиненной позиции.

Таким образом, исследование инвариантных форм восприятия или конструирования социальной реальности скрывает различные вещи: во-первых, это конструирование происходит не в социальном вакууме, но подвергается структурному давлению; во-вторых, структурирующие структуры, когнитивные структуры сами являются социальными структурами, поскольку имеют социальный генезис; в-третьих, конструирование социальной реальности – это не только индивидуальное предприятие: оно может стать и коллективным. Но так называемое микросоциологическое видение забывает о многих других вещах. Так случается, если смотреть с очень близкого расстояния: за деревьями леса не видно; в особенности, при отсутствии сконструированного пространства нет никакой возможности увидеть, откуда видят то, что видят.

Итак, представления агентов меняются в зависимости от их позиции (и связанных с ней интересов) и от их габитуса, взятого как система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающиеся структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оце-

нивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, к которой он был сформирован. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла. Так, габитус подразумевает *sense of one's place*, но еще и *sense of others' place*. Например, мы говорим об одежде, о мебели или о книге: «это мелкобуржуазно» или «это интеллигентно». Каковы же социальные условия, позволяющие такое суждение? Во-первых, предполагается, что вкус (или габитус) как система схем классификации объективно соотносится через породившие его социальные обусловленности с определенным социальным условием: агенты классифицируют сами себя и позволяют себя классифицировать, выбирая в соответствии с собственным вкусом различные атрибуты – одежду, еду, напитки, спорт, друзей, которые хорошо сочетаются и которые хорошо им подходят или, более точно, соответствуют их позиции. Точнее, в пространстве возможных благ и услуг выбирают блага, занимающие в этом пространстве позицию, гомологичную той, которую агенты занимают в социальном пространстве. Из чего получается, что ничто не классифицирует более, чем кто-то, кто сам себя классифицировал.

Во-вторых, классификационное суждение типа «это мелкобуржуазно» предполагает, что мы, как социализованные агенты, способны видеть связь между практиками или представлениями и позициями в социальном пространстве (как мы догадываемся о социальном положении кого-либо по акценту). Таким образом, через габитус мы получаем мир здравого смысла, социальный мир, который кажется очевидным.

До сих пор я был на стороне воспринимающих субъектов и говорил о главном факторе изменчивости восприятия, т.е. о позиции в социальном пространстве. Но в чем заключается изменчивость, чья первооснова находится со стороны объекта, со стороны самого этого пространства? Верно, что соответствие между позициями и практиками, видимыми предпочтениями, выраженными мнениями и т.п., которое устанавливается при посредстве габитусов, диспозиций, вкусов, заставляет воспринимать социальный мир не как чистый хаос, полностью свободный от необходимости и могущий быть построенным каким угодно образом. Но вместе с тем, социальный мир не предстает и как полностью структурированный и способный навязать любому воспринимающему субъекту принципы собственной конструкции. Социальный мир может быть назван и построен различным образом в соответствии с различными принципами видения и деления: например, деления экономического или деления этнического. Если и верно, что в наиболее развитых, с точки зрения экономики, обществах экономические и культурные факторы

имеют наибольшую дифференцирующую власть, то, тем не менее, сила экономических и социальных различий никогда не бывает такой, что невозможно организовать агентов в соответствии с другими принципами деления: этническим, религиозным или национальным, например.

Несмотря на эту потенциальную множественность возможного структурирования – то, что Вебер называет разносторонностью (*Vielseitigkeit*) данных, – социальный мир предстает как сильно структурированная реальность. И именно это я хочу раскрывать на примере одного простого механизма. Социальное пространство, такое, каким я его обрисовал выше, представляет собой совокупность агентов, наделенных различными и систематически взаимосвязанными свойствами: те, кто пьет шампанское, противопоставляются тем, кто пьет виски, но они противопоставляются также, другим образом, тем, кто пьет красное вино; однако у тех, кто пьет шампанское, больше возможностей иметь старинную мебель, заниматься гольфом, верховой ездой, ходить в театры и т.д., чем у тех, кто пьет виски, и бесконечно больше, чем у тех, кто пьет красное вино. Такие свойства, когда они воспринимаются агентами, наделенными соответствующими категориями перцепции, способными видеть, что игра в гольф «изображает» традиционную крупную буржуазию, функционируют в самой действительности социальной жизни как знаки. Различия функционируют как различительные знаки и как знаки отличия (позитивного или негативного), будучи даже вне какого-либо стремления отличиться, вне какого-либо поиска *conspicuous consumption* (мой подход не имеет ничего общего с подходом Веблена: так же, как различие, с точки зрения местных критериев, исключает поиск различия). Иначе говоря, через распределение свойств социальный мир объективно представляется как символическая система, пространство стилей жизни и группы по статусу, характеризующиеся различными стилями жизни.

Таким образом, восприятие социального мира есть продукт двойного структурирования. Со стороны объективной оно социально структурировано, поскольку свойства, атрибутированные агентам или институтам, предстают в сочетаниях, имеющих очень неравную вероятность: так же, как у животного, покрытого перьями больше вероятности иметь крылья, чем у животного, покрытого мехом, у обладателей изящной речи больше шансов быть увиденными в музее, чем у тех, кто ею не владеет. Со стороны субъективной оно структурировано в силу того, что схемы восприятия и оценивания, в особенности те, что вписаны в язык, выражают состояние отношений с символической властью; я думаю, например, о парах прилагательных: тяжелый – легкий, блестящий – тусклый и т.п., которые структурируют суждения вкуса в самых разных областях. Эти два механизма участвуют в производстве общего

мира, мира здравого смысла или самое малое – минимума консенсуса о социальном мире.

Но объекты социального мира, как я это уже показал, могут быть восприняты и выражены разным образом, поскольку они содержат всегда часть недетерминированности и неясности и, в то же время, некоторую степень семантической растяжимости: действительно, даже наиболее устойчивые комбинации свойств всегда основываются на статистических связях между взаимозаменяемыми чертами; кроме того, они подвержены изменениям во времени таким образом, что их смысл (в той мере, в какой он зависит от будущего) сам находится в ожидании и относительно недетерминирован. Этот объективный элемент неопределенности, который часто усиливается эффектом категоризации – одно и то же слово может покрывать различные практики – дает основание для множественности воззрений на мир, которая в свою очередь тесно связана со множественностью точек зрения, и, одновременно, для символической борьбы за власть производить и навязывать легитимное видение мира. (Именно на средних позициях в социальном пространстве, особенно в США, недетерминированность и объективная неопределенность связей между практиками и позициями является максимальной, и также, как следствие, велика интенсивность символических стратегий. Понятно, что этот универсум предоставляет исключительно благоприятную почву для интеракционистов и, в частности, для Гоффмана.)

Символическая борьба по поводу восприятия социального мира может принимать разные формы. С объективной стороны, она может проявляться через действия представления, индивидуальные или коллективные, направленные на то, чтобы заставить увидеть и заставить оценить определенные реалии. Я думаю, например, о манифестациях, имеющих целью показать группу, ее численность, ее силу, ее сплоченность, сделать видимым ее существование. На индивидуальном уровне все стратегии представления себя, очень хорошо проанализированные Гоффманом, предназначены манипулировать образом себя и, в особенности (это Гоффман не учитывает), – своей позицией в социальном пространстве. С субъективной стороны, можно действовать, пытаясь изменить категории восприятия и оценивания социального мира, когнитивные и оценочные структуры: категории перцепции, системы классификации, т.е. в главном – слова, названия, которые конструируют социальную реальность в той же степени, в какой они ее выражают, являются исключительными ставками в политической борьбе, в борьбе за навязывание легитимного принципа видения и деления, за легитимное осуществление эффекта теории. Я показал на примере Кабилии, что группы, дома, кланы или трибы и имена, обозначающие их, являются инструментами и ставками многочисленных стратегий, и что агенты заняты непрерывными переговорами о своей идентичности: например, они мо-

гут манипулировать генеалогиями, как мы манипулируем (и с теми же целями) текстами *founding fathers* какой-либо дисциплины. Таким же образом, на уровне ежедневной борьбы классов, которую социальные агенты ведут в изолированном и распыленном состоянии, это могут быть оскорбления, как магическая попытка категоризации (*kathegoresthai*, из которой пришли наши категории, означает на греческом «обвинить публично»), сплетни, молва, дискредитация, инсинуации и т.п. На уровне коллективном, более свойственном политике, все эти стратегии, нацеленные на внедрение нового конструирования социальной реальности через отказ от старой политической лексики или на сохранение ортодоксального видения через сохранение слов, которые являются часто эвфемизмами (я только что упоминал выражение «простые классы»), предназначенными называть социальный мир. Самыми типичными стратегиями конструирования являются те, которые нацелены на ретроспективное реконструирование прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый смысл настоящего.

Символическая борьба – как индивидуальная, за ежедневное существование, так и коллективная, организованная, в политической жизни, – имеет специфическую логику, придающую ей реальную автономию по отношению к структурам, в которых она берет начало. Поскольку символический капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия, постольку отношения символической силы стремятся воспроизвести и усилить отношения сил, конституирующих структуру социального пространства. Более конкретно, легитимация социального порядка не является продуктом сознательно направленного действия пропаганды или символического внушения, как в это верят некоторые; она вытекает из того, что агенты применяют к объективным структурам социального мира структуры восприятия и оценивания, произошедшие от этих объективных структур, и потому существует тенденция воспринимать социальный мир как должное.

Объективные властные отношения стремятся воспроизвестись в отношениях символической власти. В эту символическую борьбу за производство здравого смысла, точнее, за монополию легитимной номинации, агенты вовлекают символический капитал, полученный ими в ходе предшествующей борьбы, и иногда гарантированный юридически. Дворянские титулы так же, как и дипломы, представляют собой настоящий документ, подтверждающий обладание символической собственностью и дающий право на получение прибавки от ее признания. Теперь еще раз нужно порвать с маргиналистическим субъективизмом,

ведь символический порядок не устанавливается по образцу рыночной стоимости или через простое механическое сложение индивидуальных порядков. С одной стороны, при выработке объективной классификации и иерархии ценностей, предписываемых индивидам или группам, все суждения имеют разный вес; обладатели большого символического капитала – *nobiles*, т.е. этимологически, тот кто известен и признан, – способны навязать свою шкалу цен, наиболее благоприятную для их собственной продукции. Это происходит, в частности, потому, что на деле в нашем обществе они обладают квазимонополией на институции, официально устанавливающие, как, например, образовательная система, и обеспечивающие определенные ранги. С другой стороны, символический капитал может быть официально санкционирован, гарантирован и установлен юридически в результате официальной номинации. Официальная номинация, т.е. акт, по которому кому-либо присуждается определенное право или звание, как социально признанная квалификация есть одно из наиболее типичных проявлений монополии легитимного символического насилия, которая принадлежит государству или его официальным представителям. Тип диплома, например, является универсально признанным и гарантированным видом символического капитала, действующим на любом рынке. В качестве официального определения некой официальной идентичности, диплом как бы освобождает своего обладателя от символической борьбы против всех, предписывая ему общепринятую перспективу.

Государство, производящее официальную классификацию, является в определенном смысле высшим судом, на который ссылается Кафка в «Процессе», когда Блок говорит адвокату, который считает себя «крупным адвокатом»: «Конечно, каждый может называть себя «крупным», если ему это заблагорассудится, но в данном случае судебная терминология установлена твердо». Для науки не может быть выбора между релятивизмом и абсолютизмом: истина социального мира поставлена на карту в этой борьбе между агентами, имеющими неравные возможности для достижения совершенного, т.е. самоконтролируемого видения. Легализация символического капитала придает перспективе абсолютную и универсальную ценность, позволяющую вырваться, таким образом, из относительности, которая, по определению, свойственна любой точке зрения как взгляду с какой-то отдельной точки социального пространства.

Существует официальная точка зрения, которая есть точка зрения официальных лиц, выражающаяся в официальных высказываниях. Такие высказывания, как показал Аарон Сикурель, выполняют три функции: во-первых, функцию диагностики, т.е. акт узнавания, которое получает признание и которое достаточно часто направлено на подтверждение, что некая персона или вещь существует или что она существует

универсальным, возможным для любого человека и, следовательно, объективным образом. Как хорошо показал Кафка, это почти божественная речь, определяющая для каждого его идентичность. Во-вторых, функцию администрирования, когда при помощи директив, приказов, предписаний и т.д. людям указывается, что они могут делать, будучи тем, что они есть. В-третьих, с помощью официальных отчетов, полицейских рапортов и т.п. сообщается о том, что люди сделали в действительности. В каждом случае предписывается некая точка зрения, точка зрения институции, в частности, через вопросники, бланки, формуляры и др. Эта точка зрения установлена как легитимная, т. е. как такая, которую должны признавать все, по крайней мере в границах данного определенного общества. Уполномоченное лицо государства – носитель здравого смысла, поэтому официальные номинации и дипломы об образовании стремятся получить универсальную ценность на всех рынках.

Наиболее типичный результат действия «государственного интереса» – эффект кодификации, применяемой при таких достаточно простых операциях, как вручение удостоверения (диплома эксперта, доктора, юриста и т.д.), подтверждающего, что некто уполномочен высказывать точку зрения, признаваемую более высокой по отношению к частным точкам зрения. В форме справки о болезни, свидетельства о способности или о способности такие точки зрения дают общепризнанные права владельцу документа. Государство выступает как центральный банк, обеспечивающий все удостоверения. Рассуждая в терминах, используемых Лейбницем по поводу Бога, можно сказать о государстве, что оно суть «геометрическое место точек пересечения любых перспектив». Именно поэтому можно обобщить знаменитую формулу Вебера и увидеть в Государстве держателя монополии на легитимное символическое насилие, точнее арбитра, но очень могущественного, в борьбе за эту монополию.

Однако в борьбе за производство и навязывание легитимного видения социального мира держатели бюрократического авторитета никогда не получают абсолютной монополии, даже когда добавляют авторитет науки (как, например, экономисты на службе у государства) к бюрократическому авторитету. В действительности, в обществе всегда есть конфликт между символическими властями, стремящимися внедрить свое видение легитимных делений, т.е. конструировать группы. Символическая власть в этом смысле есть власть *worldmaking*. *Worldmaking* – конструирование мира, заключается, по Нелсону Гудмену, в том, чтобы «делить и объединять, часто одним и тем же действием», производить декомпозицию, анализ и композицию, синтез, что часто совершается одним наклеиванием ярлыка. Социальные классификации, оперирующие главным образом (как, например, в архаических обществах) бинарными противопоставлениями: мужской – женский, высокий – низкий,

сильный – слабый и т.п., организуют восприятие социального мира и при определенных условиях реально могут организовать сам этот мир.

Соответственно, теперь мы можем рассмотреть, при каких условиях символическая власть способна стать конструктивной властью. Будем брать этот термин, как Дьюи, одновременно в философском и политическом смыслах, т.е. как власть сохранять или трансформировать объективные основы для объединений и разделений, браков и разводов, ассоциаций и диссоциаций, действующие в социальном мире; как власть сохранять или трансформировать имеющиеся классификации в отношении рода, наций, регионов, возраста и социального статуса, – и все это при помощи слов, используемых для обозначения или описания индивидов, групп или институций.

Чтобы изменить мир, нужно изменить способы, по которым он формируется, т.е. видение мира и практические операции, посредством которых конструируются и воспроизводятся группы. Символическая власть, чьей образцовой формой служит власть образовывать группы (либо уже сложившиеся группы, которые нужно заставить признать, либо группы, которые еще нужно формировать, как марксистский пролетариат), базируется на двух условиях. Во-первых, как всякий вид перформативного (или производительного) дискурса, символическая власть должна быть основана на обладании символическим капиталом. Власть внедрять в чужой ум старое или новое видение социального деления зависит от социального авторитета, завоеванного в предшествующей борьбе. Символический капитал – это доверие, это власть, предоставленная тем, кто получил достаточно признания, чтобы быть в состоянии внушать признание. Таким образом, власть конструирования, власть формирования новой группы с помощью мобилизации, или формирования ее «по доверенности», говоря от ее имени, являясь ее официальным выразителем, может быть получена лишь в результате длительного процесса институционализации, к итоге которого учреждается доверенное лицо, получающее от группы власть формировать группу.

Во-вторых, символическая эффективность зависит от степени, в которой предлагаемый взгляд основан на реальности. Очевидно, что конструирование групп не может быть конструированием из ничего (*ex nihilo*). Оно может быть тем более успешным, чем в большей степени базируется на реальности, т.е., как я уже говорил, на объективных связях между людьми, которых предстоит объединить. Эффект теории тем сильнее, чем теория более адекватна. Символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов. И только тогда, когда описание верно, адекватно вещам, оно создает вещи. В этом смысле символическая власть есть власть утверждения или проявления, возможность утвердить или проявить то, что уже существует. Значит ли это, что она ничего не делает? В самом деле, как созвездие у Гудмена, которое начинает суще-

ствовать лишь тогда, когда найдено и описано в качестве созвездия, также и группа, класс, род, регион, нация начинают существовать для тех, кто туда входит, и для всех остальных лишь тогда, когда они отличаются по какому-либо основанию от других групп, т.е. узнаны и признаны.

Таким образом, я надеюсь, можно лучше понять смысл борьбы за существование или несуществование классов. Борьба классификаций есть фундаментальное измерение классовой борьбы. Власть навязывать определенное видение деления или делать видимыми, эксплицитными имплицитные социальные деления, является прежде всего политической властью, т.е. властью создавать группы и манипулировать объективной структурой общества. Как и с созвездиями, созидательная власть описывать, называть, производить на свет в учрежденном, конституированном состоянии, т.е. в качестве *corporate body* – сформировавшегося корпуса, в качестве *corrogiatio*, как говорили средневековые юристы канонического права, изученные Канторовичем, то, что до сих пор существовало лишь как *collectio personarum plurum* – собрание многих лиц, серия, получившаяся от чистого сложения индивидов, обычным образом рядоположенных.

Теперь, если мы еще помним о главной проблеме, которую я пытаюсь раскрыть сегодня, а именно, как можно делать вещи, т.е. группы, с помощью слов, нам нужно ответить на последний вопрос – о мистерии министерства, *mysterium ministerium*, как любили юристы канонического права: «Каким образом официальный представитель группы оказывается наделенным всей полнотой власти действовать и говорить от имени группы, которую он создал по магии призывов, лозунгов, приказов и самим своим существованием как олицетворение группы?». Так же, как правитель в архаических обществах, *Rex*, который, согласно Бенвенисту, наделен *regere fines* и *regere sacra*, властью прокладывать и указывать границы между группами и, тем самым, создавать их как таковые, профсоюзные или партийные руководители, функционеры или эксперты, наделенные государственным авторитетом, являются в равной степени персонификациями социальной фантастики, которую они произвели на свет, в недрах и посредством самого своего существования, и чью власть они получают взамен этого.

Официальный представитель группы является ее субститутотом, который существует только через это делегирование, в его лице группа действует и говорит. Юристы канонического права говорили: «*Status* (позиция) есть *magistratus* (должностное лицо, занимающее ее)»; или, как говорил Людовик XIV: «Государство – это я»; или еще у Робеспьера: «Народ – это я». Класс (народ, нация или любая другая социальная действительность, нефиксируемая другим образом) существует, если существуют люди, которые могут сказать, что они и есть этот класс,

благодаря тому, что они говорят публично, официально, со своего места, и что они признаны как уполномоченные на это людьми, каковые признаются тем самым членами класса, народа, нации или другой социальной действительности, которую реалистическое конструирование мира может изобрести и внедрить.

Я надеюсь, что смог убедить вас, в рамках, обусловленных моими лингвистическими способностями, что сложность коренится в самой социальной реальности, а не в немного декадентском желании сказать, что это сложно. «Простое, – как говорил Башляр, – есть всегда упрощенное». И он показал, что наука никогда не развилась бы, если бы не сомневалась в простых вещах. Подобное сомнение особенно необходимо, как мне кажется, в социальных науках, поскольку, по всем приведенным мной причинам, мы слишком охотно стремимся удовлетворяться очевидным, которое нам поставяет наш обыденный опыт и знакомство с научными теориями.

П. Бурдьё. Начала. Choses dites. – М., 1994 [Электрон. ресурс] / Перевод с фр. Н.А. Шматко, редакция В.И. Ильина. Доступно из URL: <http://www.socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/hrest/burde.htm> [Дата обращения: 25 декабря 2004 г.]

Г. Ленски

Власть и стратификация. Динамика систем распределения

В анализе социальной стратификации есть соблазн сразу же приступить к интересным и активно обсуждаемым структурным проблемам природы, количества и состава классов. Хотя эти вопросы неизбежно должны быть частью любого адекватного изучения предмета, все же они являются вторичными по сравнению с вопросами относительно процессов, формирующих структуры. Более того, пытаться разбираться со структурными проблемами, не уделив предварительно внимания процессам, как это иногда делается, это то же самое, что поставить телегу впереди лошади и оконфузиться...

Два закона распределения

Когда стремятся построить теорию распределения, исходя из постулатов о природе человека, отодвигая общество на задний план, то обнаруживается, что это ведет к любопытному, но важному дуализму. Если эти постулаты обоснованы, тогда почти все продукты человеческого труда будут распределяться на основе кажущихся противоречивыми принципов потребности и власти.

При обсуждении природы человека было постулировано, что, когда речь идет о важных решениях, большинство человеческих действий мотивируется либо эгоистическим интересом, либо интересами своих

групп. Это предполагает, что лишь власть управляет распределением вознаграждений. Однако это не так, поскольку мы также постулировали, что большинство этих в сущности эгоистических интересов может быть удовлетворено только посредством установления отношений сотрудничества с другими. Кооперация абсолютно существенна как для выживания, так и для эффективного достижения большинства других целей. Иначе говоря, эгоистические интересы людей вынуждают их оставаться членами общества и участвовать в разделении труда.

Если эти два постулата верны, то тогда следует, что люди будут делиться продуктами своего труда в той мере, в какой это необходимо для обеспечения выживания и продолжения производства тех других, чья деятельность необходима или полезна им самим. Это можно вполне назвать первым законом распределения, поскольку выживание человеческого рода зависит от действий в соответствии с ним.

Однако этот первый закон не охватывает всей проблемы. Он ничего не говорит о том, как любой прибавочный продукт, т.е. товары и услуги, производимые сверх минимума, необходимого для поддержания жизни и способности производителя работать, будут распределяться. Это ведет к тому, что может быть названо вторым законом распределения. Если мы исходим из того, что важные решения относительно человеческих действий мотивируются почти целиком эгоистическим интересом или интересом своей группы, и если мы исходим из того, что многие наиболее желаемые людьми вещи дефицитны, то тогда, как отмечалось выше, этот прибавочный продукт неизбежно будет вызывать конфликт и борьбу за контроль над ним. Если же вслед за Вебером мы определим власть как вероятность того, что лица или группы осуществляют свою волю даже вопреки противодействию других, то из этого следует, что власть будет определять распределение почти всего прибавочного продукта, имеющегося у общества. Оговорка «почти всего» принимает во внимание очень ограниченное влияние альтруистического поведения...

Этот второй закон указывает путь к другому очень важному отношению: между нашими двумя главными переменными, т.е. между властью и привилегией. Если привилегия определяется как обладание или контроль части прибавочного продукта, произведенного обществом, тогда из этого следует, что привилегия в значительной степени является функцией власти и в очень ограниченной мере – функцией альтруизма. Это означает, что для того, чтобы объяснить распределение основной части привилегий в обществе, мы должны определить распределение власти.

Если дело обстоит так, то задача объяснения распределения привилегий проста. Но, к сожалению, это не так, поскольку имеется множество форм власти и они имеют разные источники. Тем не менее, установление этого ключевого отношения сводит проблему к более управляемым пропорциям, так как концентрирует внимание на одной ключевой

переменной – власти. Таким образом, если мы можем установить форму ее распределения в данном обществе, мы в значительной мере определяем и форму распределения привилегий, а если мы сможем открыть причину данного распределения власти, то мы также открываем причину распределения связанных с ней привилегий.

Если так, то возникает вопрос о том, как третий базовый элемент любой системы распределения – престиж – связан с властью и привилегиями. Было бы хорошо, если бы можно было сказать, что престиж – это просто функция привилегии, но, к сожалению, дело, видимо, обстоит не так. Не вдаваясь в сложный анализ вопроса, максимум, что можно сказать, так это то, что эмпирические доказательства убедительно подтверждают, что престиж в значительной мере, хотя и не полностью, является функцией власти и привилегий, по крайней мере в тех обществах, где имеется значительный прибавочный продукт. Если это так, то отсюда следует, что... формы распределения престижа и его причины могут в значительной мере быть выведены из обсуждения распределения власти и привилегий и их причин в тех обществах, где имеется существенный прибавочный продукт...

Переменные аспекты систем распределения

Как показывают оба закона, второй закон не влияет на процесс распределения до тех пор, пока не реализованы условия первого закона. До тех пор, пока предметы первой необходимости не сделались доступными в достаточной мере производящим и взаимозависимым членам группы, там нет и прибавочного продукта, за который можно бороться и который можно распределять на основе власти. Таким образом, в качестве первой гипотезы можно предвидеть, что в простейших обществах или в тех обществах, которые наиболее примитивны в технологическом отношении, доступные товары и услуги будут распределяться целиком или большей частью по потребностям.

По мере увеличения производственных возможностей общества постепенно возрастает и возможность производства прибавочного продукта, хотя надо отметить, что существование прибавочного продукта не является функцией только технологического прогресса. Если даже мы не можем сказать, что прибавочный продукт, доступный обществу, не растет пропорционально прогрессу в области технологии, все же такой прогресс увеличивает возможность того, что будет прибавочный продукт и что он будет приличного размера. Следовательно, в качестве второй гипотезы мы можем предполагать, что по мере развития технического прогресса все возрастающая доля товаров и услуг, доступных обществу, будет распределяться на основе власти.

...Если первые два закона распределения и две основанные на них гипотезы верны, тогда природа систем распределения будет варьиро-

ваться в значительной зависимости от степени технического прогресса обществ...

...Технология никогда не является изолированной переменной в социокультурных системах. Наоборот, есть тенденция ее весьма тесной связи с целой серией других переменных, которые, очевидно, находятся в отношении зависимости от нее. Это особенно верно для многих социально-организационных переменных, которые связаны с системами распределения и имеют тенденцию определять пределы возможных вариаций, например, характер и масштаб разделения труда, максимальный размер общности и т.д. Следовательно, классифицируя общества на основе технологии, мы фактически одновременно контролируем полностью или частично многие иные связанные с ней переменные...

То, что многие характеристики человеческих обществ варьируются в зависимости от технологии, еще не означает утверждения, что варьируются все. Ясно, что некоторые не изменяются, а другие изменяются в ограниченной мере. Уилберт Мур (Moore) предположил, что вера в сверхъестественные силы и эстетические формы не так тесно коррелируются с технологией, как многие формы социальной организации. Это же верно и для определенных базисных аспектов семейной жизни. Однако, хотя эти исключения заслуживают признания и тщательного учета, они не отменяют рассматриваемые принципы.

Необходимо также отметить, что классификация обществ на основе характера их технологии не означает, что все из них, входящие в одну категорию, имеют идентичные системы распределения... Очевидно, что внутри каждого социетального типа есть вариации, так же, как внутри каждого типа рынка. Однако они могут рассматриваться как вариации второго порядка...

Сила и ее трансформация

...Выживание – это главная цель значительного большинства людей. А если так, то отсюда следует, что способность отнять жизнь является наиболее эффективной формой власти. Говоря иными словами, чем сильнее люди будут реагировать, тем больше, по сравнению с другими, они будут готовы к угрозе использования силы. Фактически, она представляет собой последнюю судебную инстанцию; по отношению к силе есть лишь одна форма апелляции – использование превосходящей ее силы. Следовательно, сила находится в том же отношении к другим формам власти, как козырь по отношению к другим мастям при игре в бридж, а те, кто может использовать самую большую силу, схожи с теми, кто имеет козырные карты.

Этот факт был признан бесчисленным количеством наблюдателей человеческой сцены во все века. Как отметил Паскаль, «не будучи в состоянии сделать то, что справедливо, сильный человек сделал то, что

считал справедливым»... Гоббс утверждал, что «договоры без меча – это просто слова, и они вообще бессильны обезопасить человека».

Этот принцип признан также лидерами наций, практичными людьми. Каждое суверенное государство ограничивает и, где это возможно, запрещает независимое использование силы своими субъектами. Государство может быть терпимо ко многим вещам, но никогда – к росту независимых военных организаций на его территории. Причина очевидна: любое государство, которое не может подавить любой силовой вызов своей власти, свергается. Сила – это фундамент суверенитета.

По этому вопросу нет споров между консерваторами и радикалами. Они спорят только относительно целей, во имя которых государство использует силу. Консерваторы настаивают на том, что могущество используется только как орудие права для ограничения и острастки тех, кто ставит свои эгоистические интересы выше общего блага, в то время как радикалы придерживаются мнения, что государство использует могущество для подавления права, для защиты своекорыстных интересов.

Если сила – это фундамент политического суверенитета, то она также и фундамент системы распределения в любом обществе, где делится прибавочный продукт. Там, где сила принуждения слаба, неизбежно появляется вызов, а система в конечном счете разрушается и заменяется другой, более прочно опирающейся на силу. Люди, борющиеся за контроль над прибавочным продуктом общества, не признают поражения до тех пор, пока имеется более высокий апелляционный суд, в котором они могут с некоторой вероятностью успеха выиграть свое дело и получить выгоду.

Рассматриваемый здесь принцип – в сущности тот же принцип эскалации, которым столь сильно интересуются современные военные. Малые войны, в ходе которых используется малое оружие, неизбежно перерастают в более ужасные войны, в которых используется более смертоносное оружие, если одна из сторон, предвидя возможность превращения своего поражения в победу, повышает уровень конфликта. Так же и во внутренних конфликтах участвующие в них стороны всегда мотивированы прибегнуть к последнему апелляционному суду, если есть вероятность извлечь из этого выгоду. Хотя люди не будут прибегать к вооруженной революции ради тривиальных целей, но когда речь идет о контроле над всем прибавочным продуктом общества, перспективы более заманчивые. Привлекательность такого поведения прямо зависит от слабости существующего режима.

Lenski G.E. Power and Privilege. A Theory of Social Stratification. N.Y., St. Louis, San Francisco, Toronto, L., Sydney: McGraw-Hill Book Company, 1966. [Электрон. ресурс] /Перевод с англ. и редакция В.И. Ильина. Доступно из URL: <http://www.socne.narod.ru/library/authors/Lyin/hrest/Lenski.htm#власть> [Дата обращения: 25 декабря 2004 г.]

П. Бергер Человек в обществе

В определенном возрасте детей начинает очень интересовать тот факт, что свое местоположение можно показать на карте. Кажется странным, что знакомый и родной мир должны делить с тобой все, кто почему-то оказался на территории, ограниченной совершенно безликими (а следовательно, не знакомыми и не родными) координатами на карте. Восклицания ребенка «Я был там» и «Я сейчас нахожусь здесь» выдают его изумление тем, что место летнего отдыха, отмеченное в памяти столь острыми переживаниями и такими личностно важными событиями, как первая в жизни собака или полная банка червей, накопанных втайне от взрослых, имеет те же широту и долготу, какие оно имеет и для совершенно посторонних людей, никак не относящихся ни к собаке, ни к червям, ни к самому ребенку. Эта локализация себя в придуманных кем-то конфигурациях является одним из важнейших аспектов того, что, может быть, эвфемически называют «взрослением». Ребенок начинает проявлять себя в мире взрослых тогда, когда у него формируется представление об адресе. Тот, кто еще недавно мог посылать письма «на деревню дедушке», теперь информирует своего коллегу по сбору червей о своем точном адресе, безошибочно называя штат, город, улицу и т.д., и, получив от него ответ, находит поразительное подтверждение тому, что попытка прикнуться к миру взрослых удалась.

По мере того как ребенок продолжает убеждаться в реальности такого взгляда на мир, он накапливает новые «адреса»: «Мне шесть лет», «Моя фамилия Браун, как у моего папы, потому что родители разошлись», «Я – пресвитерианец», «Я – американец» и даже «Я учусь в классе одаренных детей, потому что мой IQ – 130». Горизонты этого мира, как его понимают взрослые, задаются координатами «карт», которые изготавливает кто-то незнакомый. Играя дома, ребенок может отождествлять себя с кем угодно – называть себя папой, вождем краснокожих или Дэвидом Крокетом, но он всегда будет знать, что это игра, а реальными являются те факты о нем, которые хранятся у школьного начальства. Мы опускаем везде кавычки, сознаваясь таким образом, что в свое время тоже бывали в ловушке детского здравого смысла. Конечно же, нам следовало бы все ключевые слова взять в кавычки: «знает», «реальный», «факты». Здоровый ребенок – это тот, который верит в записи классных журналов. Нормальный взрослый – тот, который живет в своей устоявшейся системе координат.

То, что называют «точкой зрения здравого смысла», на самом деле означает точку зрения взрослого человека, принятую как данность. Проблема заключается в том, как происходит онтологизация записей в классном журнале, когда существование человека начинают отождеств-

лять с приколотыми к социальной карте флажками. Вопрос о том, какое влияние это оказывает на личность и мысли человека, мы рассмотрим в следующей главе. Сейчас нас интересует несколько иной вопрос, а именно: каким образом место, занимаемое индивидом в обществе, «сообщает» ему, как именно поступать и чего ждать от жизни. «Иметь определенное место в обществе» означает «быть в точке пересечения определенных социальных сил». Обычно бывает опасно игнорировать эти силы. Движение индивида в обществе происходит внутри тщательно определенных систем власти и престижа. Как только он распознает свое место в обществе, ему сразу становится ясно, что выбор возможностей не слишком богат.

То, как представители низших классов употребляют местоимения «они» и «им», очень хорошо отражает сознание раздвоенности человеческой жизни в обществе. «Они» все так устроили, «они» заказывают музыку, «они» создают правила игры. Причем понятие «они» не так-то легко соотнести с определенными людьми или группами. «Они» – это «система», это сделанная чужими тебе людьми географическая карта, по которой ты должен все время ползать. Однако полагать, что по мере продвижения на верхние ступени общественной лестницы понятие «они» теряет такой свой смысл, означало бы слишком односторонне смотреть на эту «систему». Все-таки наверху действительно больше ощущения свободы в движениях и принятии решений. Но базовые координаты, в рамках которых индивид двинется и принимает решения, и там, «наверху», задаются другими, большей частью чужими, незнакомыми людьми, многие из которых давно лежат в могиле. Даже неограниченный самодержец осуществляет свою тиранию вопреки постоянному сопротивлению – и не обязательно политическому, но и сопротивлению обычая, договора и просто привычки. Различные институты привносят в них принцип инерции, вероятно, находя прочную опору в человеческой глупости и упрямстве. Тирани обнаруживает: даже в том случае, если никто не предпринимает никаких действий непосредственного против него, его распоряжения будут вновь и вновь сводиться на нет из простого неразумения. Чуждая ему фабрика общества воспроизводит себя даже вопреки террору. Однако оставим в покое тиранов. На тех уровнях, где находится большинство людей, в их числе автор этих строк и (рискнем сказать) почти все, кто сейчас их читает, именно место в обществе задает те правила, которым индивиду надлежит подчиняться.

Как мы видели, это соответствует точке зрения здравого смысла на общество. Социолог не вступает в противоречие с нею, а заостряет и усиливает ее, анализирует ее корни, иногда модифицирует и расширяет ее. Далее мы увидим, что социологический подход выходит за рамки понимания этой системы и нашей заключенности с позиций здравого смысла. Но в наиболее специфических социальных ситуациях, которые

социолог берется анализировать, он находит мало оснований оспаривать утверждения типа «во всем виноваты они». Более того, у него это «они» примет еще более угрожающие размеры и еще страшнее нависнет над нашими жизнями, чем до проведения социологического анализа. Данную особенность социологического подхода можно пояснить, рассмотрев две важнейшие области исследований: социальный контроль и социальную стратификацию.

«Социальный контроль» является одним из наиболее общепринятых понятий в социологии. Им обозначают самые различные средства, которые любое общество применяет для обуздания своих непокорных членов. Ни одно общество не может обойтись без социального контроля. Даже небольшой группе людей, случайно собравшихся вместе, придется выработать собственные механизмы контроля, дабы не распастся в самые кратчайшие сроки. Излишне говорить, что инструменты социального контроля отличаются огромным разнообразием и зависят от ситуации. Неразрешимые противоречия в бизнесе заканчиваются тем, что кадровики называют «окончательным разговором», а в преступном синдикате по аналогии назвали бы «последней прогулкой на автомобиле». Методы контроля различаются в зависимости от целей и характера конкретной группы. В любом случае механизмы контроля направлены на то, чтобы исключить нежелательную персону и (как это было в хрестоматийном случае с гаитянским королем Кристофом, когда он казнил каждого десятого «бойца» трудовых батальонов) «взбодрить остальных».

Самым последним и, несомненно, старейшим средством социального контроля является физическое насилие. В безжалостном сообществе детей оно до сих пор остается главнейшим. Но и в цивилизованно управляемых обществах современных демократий последним аргументом также служит насилие. Ни одно государство не может существовать без какой-либо полицейской силы или аналогичной вооруженной мощи. Прямое насилие применяют нечасто. До его применения может делаться бесконечное число шагов в виде предупреждений, выговоров... Но если все предупреждения остаются без внимания, то даже в случае такого легкого нарушения, как безбилетный проезд, дело, скорее всего, кончится тем, что пара копов с наручниками и дубинками выставят вас из автобуса. Даже более или менее предупредительный коп, продающий посадочные билеты, часто имеет при себе оружие – так, на всякий случай. И в Англии, где полицейским обычно не положено носить оружие, его при необходимости пустят в ход.

В западных демократиях с их идеологическим акцентом на добровольном подчинении общепринятым и узаконенным правилам постоянное присутствие официального насилия всячески затушевывается. Но очень важно осознавать, что насилие есть элементарное основание любого политического порядка. Это согласуется с воззрениями здравого

смысла на общество, чем отчасти можно объяснить столь массовое неприятие идеи исключить из уголовного кодекса смертную казнь (хотя такое неприятие в равной степени основывается на упрямстве, лицемерии и врожденной жестокости, которые законотворцы разделяют с массой своих сограждан). Утверждение, что политический порядок зиждется на насилии, верно и для тех государств и штатов, где смертная казнь отменена. При определенных обстоятельствах использовать оружие допускается национальной гвардии Коннектикута, где (в соответствии со свободным волеизъявлением граждан штата) электрический стул является венцом пенитенциарной системы. Применение оружия возможно и гвардейцами Род-Айленда, а вот политикам и тюремным властям приходится обходиться там без этого украшения. Излишне говорить, что в странах с менее демократическими и гуманными идеологиями инструменты насилия выставляются напоказ и применяются без особой осмотрительности.

Постоянное использование насилия сопряжено с практическими трудностями, а кроме того неэффективно, поэтому официальные органы социального контроля больше опираются на сдерживающее влияние всеобщего знания о средствах насилия. По разным причинам такая опора обычно находит оправдание в любом обществе, если оно не стоит на грани распада (как, скажем, в случае революционных ситуаций, разгромных поражений в войне или природных катаклизмов). Наиболее важным доводом в пользу этого является тот факт, что даже в государствах, где царят диктат и террор, режим с течением времени все-таки набирает некоторую поддержку и одобрение. Здесь не место выявлять социально-психологические процессы, лежащие в основе данного факта. По крайней мере в демократических обществах существуют благоприятные условия для того, чтобы большинство разделяло те ценности, на основе которых применяются средства насилия (что вовсе не означает, будто они сами по себе – благо; большинство белых людей в некоторых местных сообществах южных штатов могут, например, приветствовать насилие в качестве полицейской меры для сохранения сегрегации, но из этого еще не следует, что то же самое большинство населения одобрит его использование на практике). В любом функционирующем обществе насилие применяется очень умеренно и только в крайнем случае, тогда как простой угрозы его применения вполне достаточно для повседневного осуществления социального контроля. Для нашего повествования важно подчеркнуть, что в обществе почти все люди находятся в таком положении, когда к ним официально и на законных основаниях могут применить насилие, если все другие средства принуждения не имеют успеха.

Если роль насилия в осуществлении социального контроля понимать таким образом, то становится ясно, что большинство людей гораз-

до чаще находятся под влиянием, так сказать, предупредительных мер воздействия. По сравнению с некоторым безликим однообразием изобретенных законодателями и полицейскими методов устрашения менее насильственные инструменты социального контроля демонстрируют большее разнообразие, а иногда и выдумку. Следующим по порядку за политическими и легальными методами контроля, пожалуй, можно поставить экономическое давление. Немного найдется столь же эффективных средств принуждения, как те, которые ставят под угрозу средства к жизни и выгоду. И капитал, и труд успешно применяют эту угрозу как инструмент контроля в нашем обществе. Но экономические средства контроля эффективны и за пределами тех институтов, которые непосредственно относятся к экономике. Университеты и церкви с успехом используют экономические санкции, чтобы удержать свой персонал от девиантного поведения, т.е. такого поведения, которое соответствующим начальством расценивается как выходящее за рамки допустимого. В самом деле, ничего противозаконного в том, что какой-нибудь пастор соблазнит свою органистку, может и не быть, но угроза навсегда лишиться возможности заниматься своей профессиональной деятельностью будет гораздо более эффективно удерживать от искушения, чем возможная угроза оказаться в тюрьме. Нет ничего противозаконного и в том случае, если пастырь высказает мнение, что церковную бюрократию следует хоронить без помпы, но шанс провести остаток своей жизни в минимально оплачиваемых приходах окажется на самом деле очень мощным аргументом против такого высказывания. Естественно, что откровенное использование подобных аргументов больше отвечает природе экономических институтов, однако применение экономических санкций в церквях и университетах по своим конечным результатам не слишком отличается от тех, которые применяются в мире бизнеса.

Там, где человеческие существа живут или работают компактными группами, где они лично знают друг друга и связаны друг с другом чувствами личной привязанности (подобные группы социологи называют первичными), для обуздания реальных и потенциальных девиантов постоянно действуют чрезвычайно эффективные и одновременно очень тонкие механизмы контроля. К ним относятся такие механизмы, как убеждение, насмешка, сплетни и презрение. Замечено, что в ходе групповых дискуссий по прошествии какого-то времени индивиды меняют свои исходные мнения на более близкие групповой норме, которая представляет собой своего рода среднеарифметическую всех представленных в данной группе мнений. То, в какой группе проходит эта норма, явно зависит от ее (группы) состава. Например, в группе из двадцати людоедов, обсуждающих тему каннибализма с одним нелюдоедом, шансы таковы, что в итоге он воспримет их аргументы и, с некоторыми оговорками, чтобы сохранить лицо (относительно, скажем, употребле-

ния в пищу ближайших родственников), совершенно перейдет на точку зрения большинства. Но в случае группового обсуждения между десятью людоедами, которые считают мясо человека старше шестидесяти лет слишком грубым для утонченного вкуса, и другими десятью людоедами из данной группы, но более привередливыми и в качестве границы устанавливающими пятьдесят лет, группа скорее всего согласится с тем, что при сортировке пленников возраст именно в пятьдесят пять лет следует признать границей между съедобным и несъедобным. Вероятно, в основе такого неизбежного стремления к согласию лежит глубокое человеческое желание добиться признания в группе, и, по всей видимости, неважно, в какой, лишь бы она окружала индивида. Этим стремлением можно весьма эффективно манипулировать, что хорошо известно работающим с группами терапевтам, демагогам и другим специалистам в области конструирования согласия.

Насмешка и сплетня являются мощными инструментами социального контроля во всех типах первичных групп. Во многих обществах прибегают к насмешкам как к одному из основных средств контроля над детьми – ребенок подчиняется правилам не из страха перед наказанием, а чтобы не быть осмеянным. В рамках нашей собственной более широкой культуры «розыгрыш» подобного рода был важной дисциплинарной мерой по отношению к неграм южных штатов. Да и вообще в некоторых социальных ситуациях большинству людей знаком леденящий душу страх оказаться посмешищем. Едва ли нужно доказывать, что сплетня особенно эффективна в маленьких сообществах, где люди почти всегда на виду, под неусыпным присмотром своих соседей. Сплетня в таких сообществах – один из основных каналов коммуникации, обеспечивающих непрерывность социального воспроизводства. И насмешками, и сплетнями может манипулировать любой неглупый человек, имеющий доступ к каналам их передачи.

И наконец, одним из самых распространенных средств наказания, имеющихся в распоряжении человеческого сообщества, является систематическое презрение и ostracism в отношении одного из его членов. Не без иронии можно заметить, что это любимый механизм контроля в тех группах, которые принципиально выступают против насилия. Примером может служить «бойкот» среди амонийских меннонитов. Индивида, который нарушит один из основных табу группы (например, вступит в половой контакт с посторонним), перестают «замечать», что означает: ему дозволяется жить и работать в общине, но ни один из ее членов не будет с ним разговаривать. Трудно представить себе более суровое наказание. Но таковы приверженцы ненасилия.

Говоря о социальном контроле, следует особо подчеркнуть тот факт, что он очень часто основывается на заведомо ложных утверждениях. Позже мы подробнее рассмотрим общее значение, какое придает-

ся обману в социологическом понимании человеческой жизни, здесь же лишь подчеркнем, что любая концепция социального контроля будет неполной, а следовательно, будет вводить в заблуждение, если не примет в расчет элемент обмана. Маленький мальчуган может пользоваться большим влиянием в группе своих сверстников, имея старшего брата, которого в случае надобности он может позвать для разборки со своими «оппонентами». Однако если такого брата нет, его можно выдумать. Удастся ли обратить выдумку в реальное влияние, зависит от таланта малыша поддерживать «связи с общественностью». Но в любом случае это возможно. Сама же возможность обмана присутствует во всех обсуждавшихся формах социального контроля. Вот почему ум имеет несколько большую ценность в борьбе за выживание в соревновании с грубой силой, злом и материальными ресурсами. Но к этому вопросу мы вернемся позже,

Теперь давайте посмотрим на человека, который стоит в центре (т.е. в точке максимального давления) расходящихся концентрических кругов, каждый из которых представляет собой определенную систему социального контроля. Внешним кругом можно обозначить политико-юридическую систему, которой должны подчиняться все. Это та система, которая против нашей воли взимает налоги, призывает на военную службу, заставляет повиноваться своим бесконечным правилам и установлениям, а если надо, посадит в тюрьму и даже в случае крайней необходимости убьет. Не обязательно быть сторонником правого крыла Республиканской партии, чтобы ощущать беспокойство от постоянного проникновения системы власти буквально в каждый аспект жизни индивида. Было бы весьма поучительно в течение любой недели просто фиксировать за собой все случаи, в том числе связанные с уплатой налогов, когда нарушались требования политико-юридической системы. Сумма таких случаев будет равна сумме штрафов и/или сроков заключения, к которым могли привести отмеченные неповиновения системе. Нежданное успокоение в ходе подобного эксперимента можно найти, если вспомнить, что правоохранные структуры, как правило, коррумпированы и их эффективность далеко не стопроцентна.

Следующий круг социального контроля, давящий на одинокого индивида в центре, представляют мораль, обычаи и нравы. Только те части круга, которые кажутся самыми необходимыми (для властей), поддерживаются легальными санкциями. Это не означает, однако, что в остальном можно быть аморальным, эксцентричным и невоспитанным, – здесь вступают в действие все остальные инструменты социального контроля. Аморальность наказывается увольнением с работы, эксцентричность – потерей шансов найти новое место, невоспитанность – тем, что вас не пригласят в гости или откажут от дома люди, которые ценят хорошие манеры. Отсутствие работы и одиночество являются,

может быть, и меньшим наказанием по сравнению с пребыванием в кузке, однако те, кто наказан таким образом, могут придерживаться иного мнения. В нашем обществе – очень сложном аппарате контроля – крайнее неуважение к нравам может привести и к другому результату, а именно: индивида по общему согласию могут признать «больным».

Просвещенные бюрократии (в частности, некоторых протестантских конфессий) больше не выбрасывают своих девиантных служащих на улицу, а вместо этого подвергают принудительному лечению у своих консультантов-психиатров. В таком случае девиант (т.е. тот, кто не отвечает критериям нормальности, установленным начальством или конкретным епископом) все еще находится под угрозой оказаться не у дел и лишиться своих социальных связей, а вдобавок, возможно, его заклеят как человека, который запросто может «выпадать» за рамки ответственности перед другими людьми, и такая «слава» будет преследовать его до тех пор, пока он не продемонстрирует свое раскаяние («прозрение») и отречение («реакция на лечение»). Так, бесчисленные стратегии «советов», «наставлений» и «терапий», разработанные во многих секторах современной институциональной жизни, значительно усиливают контролирующий аппарат общества в целом и тех его сегментов, где не принято применять политико-юридические санкции.

Кроме этих больших кругов принуждения, в которых индивид находится вместе с остальными членами общества, есть и менее широкие круги контроля. Выбранная индивидом профессия (или, точнее, та, на которой он по каким-то причинам остановил свой выбор) несет в себе целый ряд контролирующих воздействий, подчас весьма жестких. Индивида официально контролируют лицензирующие организации, профессиональные объединения и профсоюзы и, разумеется, те официальные требования, которые устанавливает непосредственное начальство. Не менее важны различные способы неформального контроля со стороны коллег и сотрудников. Опять-таки вряд ли стоит специально развивать эту тему. Думается, читатель сам может для наглядности представить врача, который кладет на лечение невыгодного для клиники больного; предпринимателя, который рекламирует недорогие похороны; инженера-экономиста промышленного предприятия, который в калькуляции не закладывает плановые амортизационные отчисления на устаревающее оборудование; проповедника, который говорит, что не гонится за численностью своей паствы (вернее, отпугивает прихожан своим поведением, а говорят так все); государственного чиновника, который упорно тратит денег меньше, чем предусмотрено бюджетом; рабочего сборочной линии, который недопустимо, с точки зрения коллег, превышает нормы выработки, и т.д. В этих случаях экономические санкции применяются наиболее часто и эффективно: врачу отказывают в практике во всех ранее доступных ему больницах; предпринимателя могут

исключить из профессиональной организации за «неэтичное поведение»; инженеру вместе с проповедником и чиновником придется отправиться добровольцем Корпуса Мира (куда-нибудь, скажем, в Новую Гвинею, где нет никаких плановых амортизационных отчислений, где христиане мало-численны и рассеяны на огромной территории и где государственная машина слишком мала, чтобы быть хотя бы в какой-то степени рациональной), а рабочий-сборщик может обнаружить, что бракованные детали со всего завода непонятным образом достаются ему.

Столь же серьезными могут быть санкции общественного бойкота, презрения, осмеяния. Любая профессиональная роль в обществе, даже самая незначительная, предполагает специальный кодекс поведения, которым на самом деле едва ли можно пренебрегать. Приверженность этому кодексу, как правило, столь же необходима для профессиональной карьеры, сколь и техническая компетентность, и соответствующее образование.

Социальный контроль профессиональной системы имеет огромное значение, ибо профессия и должность решают, что индивиду можно и что нельзя в остальной его жизни: какие добровольные объединения примет его в свои члены, каков будет круг его знакомых, в каком районе он сможет позволить себе жить. Однако совершенно независимо от профессии индивид вовлечен в другие социальные отношения, обладающие собственными системами контроля) многие из которых более формальны, а иные даже жестче профессиональных. Правила приема и членства во многих клубах и братствах такие же жесткие, как правила, по которым отбирается управленческий аппарат в ИВМ (иногда, к счастью для охваченного треволениями кандидата, они оказываются теми же самыми). В более широких объединениях правила могут быть менее строгими, и редко случается, чтобы кто-то не сумел их выполнить, но для стойкого нонконформиста членство из-за принятых в объединении порядков может оказаться столь тягостным, что длительное участие в нем оказывается по-человечески невозможным. Естественно, требования, установленные неписаными законами, варьируют очень сильно. Они могут включать в себя манеру одеваться и говорить, эстетические вкусы, политические и религиозные убеждения и даже манеру вести себя за столом. Во всех этих случаях они составляют круги контроля, эффективно описывающих область возможных действий индивида в определенных ситуациях.

Наконец, та группа людей, в которой проходит так называемая частная жизнь индивида, т.е. круг семьи и личных друзей, тоже образует систему контроля. Были бы большой ошибкой полагать, будто давление в этом круге самое слабое из всех только потому, что он лишен тех формальных средств принуждения, которые есть в других системах контроля. Именно в этом круге индивид, как правило, имеет наиболее

важные социальные связи. Неодобрение, утрата престижа, осмеяние или презрение в кругу близких имеют гораздо больший психологический вес, чем те же самые санкции, исходящие откуда бы то ни было еще. Если начальник окончательно приходит к выводу, что его подчиненный ни на что не годен, то это может иметь губительные экономические последствия, но психологический эффект будет гораздо более разрушительным, если к тому же выводу придет жена работника. Более того, система контроля со стороны близких может оказать давление именно тогда, когда индивид к нему совершенно не готов. Обычно на работе человек находится в более выгодной позиции, чем дома: там ему легче взять себя в руки, быть начеку или притворяться.

Современный американский «культ семьи» и ценности, которые подчеркивают роль домашнего очага как убежища от проблем внешнего мира и необходимости самоутверждения, вносят большой вклад в эту систему контроля. Человек, хоть как-то психологически настроенный дать бой в своем офисе, готов сделать все, что угодно, ради сохранения шаткой гармонии в семейном кругу. Последний (но не по значимости) вид социального контроля со стороны, как говорили немецкие социологи, «сферы интимного», отличается особенно мощным воздействием в силу ее роли в конструировании биографии индивида. Когда мужчина выбирает себе жену и верного друга, он совершает по существу акт самоопределения. Именно в самых интимных отношениях он должен будет искать поддержки наиболее важным элементам своего Я-образа. Вот почему ставить на карту эти связи – значит рисковать утратой самого себя. Неудивительно, что часто люди, властные на работе, мгновенно уступают дома своим женам и съезживаются, когда у их друзей брови недовольно ползут вверх.

Если мы опять вернемся к изображению индивида в центре концентрических кругов, каждый из которых отражает особую систему социального контроля, то лучше поймем, что место в обществе (социальные координаты) определяет положение человека относительно многих ограничивающих и принуждающих сил. Индивиду, который последовательно перечисляет всех, кому он должен угождать в силу своего положения в системе концентрических кругов – от федеральной налоговой службы до собственной тещи, и в конце концов приходит к мысли, что общество всей своей громадой подавляет его, лучше не отвергать данную идею как временное невротическое расстройство. Социолог, не смотря ни на что, вероятно, будет укреплять себя в этой мысли даже вопреки другим советчикам, которые будут убеждать его в обратном.

Другой важной сферой, где социологический анализ может полностью раскрыть значение места индивида в обществе, является социальная стратификация. Теория стратификации исходит из того, что любое общество состоит из уровней, которые соотносятся друг с другом в тер-

минах господства и подчинения, неважно, касается это власти, привилегий или престижа. Проще говоря, стратификация означает, что каждое общество имеет определенную систему ранжирования: одни страты находятся выше, другие ниже, а в совокупности они составляют стратификационную систему конкретного общества.

Стратификационная теория является одним из наиболее сложных разделов социологического знания, и всякая попытка дать здесь какое-нибудь введение в проблему выведет далеко за рамки нашего изложения. Достаточно сказать, что социумы сильно отличаются друг от друга по своим критериям, согласно которым индивиды относятся к той или иной страте, и различные стратификационные системы, использующие совершенно различные критерии «ранжирования», могут сосуществовать в одном обществе. Ясно, что позицию индивида в стратификационных схемах традиционного индийского кастового общества и современного западного общества определяют совершенно разные факторы. Три основных измерения социальной позиции – власть, привилегии и престиж – часто не совпадают, а сосуществуют в различных стратификационных системах. В Америке благосостояние часто идет рука об руку с политической властью, но это не всегда так – есть люди, обладающие большой властью и малым достатком. Кроме того, престижными могут быть и виды деятельности, совершенно не связанные с экономическим или политическим положением. Эти замечания нам необходимо будет учитывать при рассмотрении того, как соотносятся между собой место в обществе и система стратификации, оказывающая громадное влияние на жизнь индивида в целом.

Самым важным типом стратификации в современном западном обществе является система классов. Как и большинство понятий стратификационной теории, понятие класса имеет множество определений. Для наших целей достаточно определить деление на классы как такой тип стратификации, в котором положение индивида в обществе определяется в основном экономическими критериями. В классовом обществе достигнутое высокое положение, как правило, важнее, чем положение по рождению (хотя многие люди считают, что последнее в значительной степени обуславливает первое). Кроме того, для классового общества характерен высокий уровень социальной мобильности, т.е. социальное положение не является раз и навсегда фиксированным, и многие люди в течение своей жизни меняют его на лучшее или на худшее, и, следовательно, никакое положение нельзя считать абсолютно прочным, надежным. В результате символическая экипировка социального положения приобретает огромную значимость: люди демонстрируют его миру, используя различные символы (такие, как материальные объекты, манеры вести себя, вкусы, речь, принадлежность к разному рода общественным объединениям и даже приличествующие мнения). Именно это

социологи называют статусным символизмом, имеющим важное значение в исследованиях стратификации.

Макс Вебер определял класс посредством жизненных ожиданий, на которые индивид имеет разумные основания. Другими словами, классовая принадлежность определяет жизненные шансы, вероятность того, на какую долю в обществе индивид может рассчитывать. Всякий согласится, что в строгих экономических рамках все происходит именно так. Скажем, у американца из высших слоев среднего класса двадцати пяти лет больше шансов через десять лет иметь свой собственный дом в пригороде, пару машин и коттедж на берегу моря, чем у его сверстника из низших слоев среднего класса. Это не значит, что второй вообще не имеет шансов добиться того же, просто его успех будет укладываться в рамки статистической вероятности, чему едва ли стоит удивляться, поскольку принадлежность к «классу» исходно определяется в экономических терминах, а, как убеждает нас нормальный экономический процесс, обладание волевыми качествами дает дополнительные преимущества. Однако влияние классовой принадлежности на жизненные шансы выходит далеко за пределы собственно экономической сферы. Принадлежность индивида к классу детерминирует тот уровень образования, на которое могут рассчитывать его дети. Она определяет также стандарты медицинского обслуживания, которым пользуется индивид и его семья, и даже жизненные ожидания индивида – жизненные шансы в буквальном смысле слова. Высшие классы нашего общества лучше питаются, получают лучшее образование, живут в лучших условиях и живут дольше, чем их менее удачливые сограждане. Данные замечания могут показаться банальными, но они приобретут большую значимость, если посмотреть на статистические корреляции между количеством денег, которое индивид зарабатывает в год, и тем количеством лет, в течение которых он может надеяться делать это на Земле. Но значение положения в классовой системе подобными соображениями не ограничивается.

Различия в том, как живут разные классы в нашем обществе, – не только количественные, но и качественные. Социолог лишь в том случае оправдает свое существование, если на основе двух важнейших показателей принадлежности к классу – дохода и профессии – сможет составить длинный список предположений и прогнозов о конкретном индивиде даже тогда, когда больше не будет иметь никакой информации. Как и все социологические прогнозы, они будут статистическими по своему характеру вероятностными утверждениями с определенным уровнем значимости и вместе с тем достаточно достоверными. Имея информацию по двум указанным параметрам, социолог сможет сделать разумные предположения о том, в каком районе города живет индивид, каковы размер и тип его жилища. Он сможет также дать общее описание интерьера и высказать предположения о том, какого рода картины

украшают стены его гостиной, какие книги и журналы стоят на полках. Более того, он сможет предположить, какую музыку любит слушать этот индивид и где он ее слушает – на концертах, по радио или на магнитофоне. Социолог может пойти еще дальше и предсказать, членом каких добровольных организаций он является, к какой церкви принадлежит; оценить его словарный запас, в общих чертах описать некоторые правила синтаксиса и другие особенности его речи; сделать предположение о его партийных симпатиях и о взглядах по некоторым злободневным проблемам. Он, вероятно, сможет предположить, какое количество детей произвел на свет данный субъект, а кроме того, имел он в последний раз сексуальные связи с женой при свете или в темноте. Он сможет вывести некоторые вероятностные умозаключения относительно каких-то – физических и душевных – болезней своего субъекта. Как мы уже видели, он сможет указать место человека на статистической шкале жизненных ожиданий. И наконец, если социолог решит верифицировать все свои догадки и обратиться к интересующему его индивиду с просьбой об интервью, то сможет оценить вероятность отказа отвечать на вопросы.

Многие упомянутые признаки задаются различными внешними влияниями со стороны данного конкретного класса. Так, руководящего работника корпорации, который имеет «неправильный» адрес и «неправильную» жену, будут подвергать серьезному давлению, побуждая к смене того и другого. Представителю рабочего класса, желающему пойти в церковь, которую посещают высшие слои среднего класса, недвусмысленно дадут понять, что «ему лучше обратиться в другое место». Выходец из низших слоев среднего класса, любящий камерную музыку, столкнется с сильным давлением, целью которого будет заставить его сменить увлечения на более соответствующие музыкальным интересам его семьи и друзей.

Однако во многих случаях прибегать к внешним воздействиям совершенно необязательно ввиду слишком малой вероятности появления такого отклонения. Большинство людей, которым доступна карьера в корпорации, едва ли не инстинктивно подбирают в жены «правильную» кандидатуру, и у большинства выходцев из нижних слоев среднего класса уже в раннем детстве формируются музыкальные вкусы, обеспечивающие относительный иммунитет к увлечению камерной музыкой. Классовая среда формирует личность с помощью бесчисленных влияний с самого рождения до окончания начальной или средней (в зависимости от случая) школы. Только тогда, когда эти формирующие воздействия перестают достигать цели, наступает черед механизмов социального контроля. Пытаясь понять силу класса, мы не просто видим еще один аспект социального контроля, но начинаем нащупывать путь про-

никновения общества в наше сознание – то, что мы будем обсуждать в следующей главе.

Подчеркнем, что эти замечания о классе никоим образом не подразумевают возмущенного обвинения в адрес нашего общества. Безусловно, есть такие аспекты классовых различий, которые можно было бы изменить определенными приемами социальной инженерии, скажем, классовая дискриминация в образовании и классовое неравенство в области медицинского обслуживания. Но никакая массированная социальная инженерия не изменит того фундаментального факта, что разные социальные среды оказывают разное влияние на своих членов или что некоторые из этих воздействий более, чем другие, достигают успеха, как его понимают в рамках конкретного общества. Есть серьезные основания полагать, что некоторые затронутые нами фундаментальные характеристики классовой системы можно обнаружить во всех индустриальных и идущих по пути индустриального развития обществах, включая те, в которых существуют социалистические режимы, отрицающие в своей официальной идеологии наличие в них классов. Но если принадлежность к одной, а не к другой, противоположной социальной страте имеет столь далеко идущие последствия в относительно «открытом» обществе, как наше, то легко понять, каковы последствия в более «закрытых» системах. Мы снова обращаемся к поучительному анализу традиционных обществ Ближнего Востока, проведенному Дэниэлом Лернером, – к анализу, в котором социальное положение фиксировало идентичность индивида и его ожиданий (даже в воображении) в такой степени, что большинству людей Запада это даже представить трудно. А между тем до промышленной революции европейские общества в большинстве своих страт не слишком отличались от традиционалистской модели Лернера. В таких обществах все бытие человека можно понять до мелочей, лишь выяснив его социальное положение, равно как одного взгляда на лоб индуса достаточно, чтобы увидеть на нем знак его касты,

Однако даже в нашем обществе, как бы хорошо ни накладывалась на него классовая схема, есть другие стратификационные системы, гораздо более ригидные (жесткие), а следовательно, и гораздо сильнее детерминирующие всю жизнь индивида, чем классовая. В американском обществе ярким примером может служить расовая система, которую большинство социологов рассматривают как разновидность кастовой. В такой системе социальное положение индивида (т.е. принадлежность к определенной касте) задается от рождения. Для него не существует, по крайней мере теоретически, абсолютно никакой возможности изменить это положение в течение своей жизни. Можно назвать какое угодно богатство, и все равно остаться негром. Можно пасть столь низко, как вообще можно пасть по понятиям общественных *mores*, и при

этом оставаться белым. Индивид рождается в рамках определенной касты и должен всю жизнь провести в ней, разделяя вместе со всеми те ограничения, которые она налагает. Конечно же, в своей касте он должен жениться и произвести потомство. Реально, во всяком случае в нашей расовой системе, существуют некоторые возможности «обмана», а именно – светлокожим неграм прикидываться белыми. Но эти возможности мало меняют общее воздействие системы.

Прискорбные факты расовой системы в Америке слишком хорошо известны, чтобы развивать далее здесь эту тему. Ясно, что социальное положение индивида как негра в большей степени (конечно же, имеется в виду – в большей степени на Юге, чем на Севере, но не настолько, как допускают уверенные в собственной правоте белые северяне) определяет его экзистенциальные возможности, чем классовая принадлежность. В самом деле, возможности классовой мобильности в большей степени задаются принадлежностью к расе, ибо некоторые наиболее существенные ограничения последней являются по своему характеру экономическими. Поведение человека, его мысли и психологическая идентичность формируются расой в гораздо большей степени, чем принадлежностью к классу. Ограничивающую силу социального положения в ее наиболее «очищенной» форме (если это прилагательное в его квазихимическом смысле допустимо применить к такому отвратительному явлению) можно обнаружить в расовом этикете традиционного южного общества, где каждое малейшее взаимодействие между членами двух рас регулировалось стилизованным ритуалом, тщательно разработанным для возвышения одной стороны и унижения другой. Малейшее отклонение от этого ритуала было для негра чревато телесным наказанием, а для белого – крайним бесчестьем. Раса очень четко определяла не только, где жить и с кем жить, но и особенности речи индивида, его походку, шутки, она проникала даже в мечты о спасении. В такой системе критерии стратификации становятся «метафизическим наваждением», как, например, в случае с матронами Юга, которые были просто убеждены в том, что их повар после смерти непременно попадет в рай для черных.

В социологии широко применяется понятие «определение ситуации». Введенный впервые американским социологом У. Томасом, он означает, что любая социальная ситуация есть то, как ее определяют участники. Иными словами, для социологических целей реальность является предметом дефиниции. Вот почему социолог должен тщательно анализировать многие грани человеческого поведения, в том числе и такие, которые по существу признаются ошибочными и абсурдными. В только что приведенном примере с расовой системой биолог или физический антрополог, глядя на расовые воззрения белых южан, может объявить их полностью ошибочными. На этом основании он может отбросить их как еще один миф, порожденный человеческим невежеством

и злонамеренностью, собрать чемоданы и уехать домой. Но как раз здесь и начинается работа социолога. Ему совершенно незачем отрицать расистскую идеологию южан как глупость с научной точки зрения. Многие социальные ситуации эффективно контролируются с помощью определений, заданных глупцами. На самом деле та глупость, которая определяет ситуацию, входит составной частью в предмет социологического анализа. Таким образом, социологическая операционализация понятия «реальность» есть нечто особенное, к чему мы еще вернемся. Сейчас достаточно указать, что неумолимый контроль, посредством которого социальное положение детерминирует нашу жизнь, нельзя устранить простым разоблачением идей, окутывающих контроль.

Но это еще не все. Над нашей жизнью господствует глупость не только современников, но и прошлых поколений. Более того, всякой глупости мы тем больше доверяем и оказываем почтение, чем она «древнее». Как указывал Альфред Шютц, это значит, что каждая социальная ситуация, в которой мы находимся в данный момент, предопределена не только нашими современниками, но и предшественниками. Поскольку никто не может поговорить с предками, постольку отделаться от их ставших непопулярными конструкций, как правило, труднее, чем от тех, которые возводятся в наше время. Этот факт удачно схвачен Фонтенелем и отражен в его афоризме: мертвое более могущественно, чем живое.

Данный момент важно подчеркнуть, поскольку он показывает, что даже в тех сферах, где общество, казалось бы, еще дает нам хоть какой-то выбор, властная рука прошлого резко ограничивает его. Вернемся, например, к нашей сцене, которую мы уже приводили, – к сцене с парой влюбленных в лунную ночь. Представим себе, что это сидение под луной должно стать решающим: предложение выйти замуж будет сделано и принято. Теперь мы знаем, что современное общество существенно ограничивает возможности выбора, в значительной мере облегчая его для пар, принадлежащих к одной социально-экономической группе, и ставя трудно преодолимые преграды перед выходцами из разных групп. И в том, и в другом случае ясно, что даже там, где «они» – наши современники не делают преднамеренных попыток ограничить выбор участников той или иной конкретной драмы, «они» – мертвые давным давно подробно расписали в своем сценарии едва ли не каждое движение наших влюбленных. Мысль о том, что сексуальное влечение можно перевести в романтическое чувство, выдумали сладкоголосые менестрели, возбуждая воображение аристократических дам где-то в XII в. Несколько ранее мизантропы-теологи произвели на свет идею, что мужчине следует направлять свои сексуальные влечения неизменно и исключительно только на ту женщину, с которой он должен делить постель, ванну, скуку, тысячи однообразных завтраков. А предположение, будто инициатива в обустройстве этого чудесного мероприятия должна исхо-

дить от самца, в то время как самка должна грациозно поддаваться могучему напору его ухаживания, вообще уходит в доисторические времена, когда первобытные воины нападали на матриархальные деревни и тащили вопящих девиц на свои брачные ложа.

Коль скоро наши почтенные предки установили четкие исходные границы, рамки, в которых нашей образцовой паре может быть позволено накалять страсти, то это значит, что каждый шаг в ее досвадебных отношениях заранее предопределен, предуготован и, если угодно, «фиксирован». От них ждут не просто влюбленности и заключения моногамного брака, в котором она отказывается от своего имени, а он – от возможности самому тратить свои деньги; от них ждут, что любовь их будет «на совесть», «как надо», иначе окружающим брак покажется неискренним. Это, в свою очередь, дает повод государству вместе с церковью с тревожным вниманием следить за этой menage, как только она устроится, и все эти «фундаментальные» условности придуманы за сотни лет до рождения наших влюбленных. Каждый шаг их ухаживаний укладывается в социальный ритуал, и, хотя всегда есть некоторый простор для импровизации, излишний экспромт может поставить под угрозу все мероприятие. Нашей паре предстоит пройти заранее предустановленный путь (как сказал бы юрист, «с допустимой скоростью»): от субботних походов в кино до воскресных посещений церкви и традиционных семейных обедов; от прогулок, взявшись за руки, до робких попыток сделать то, что вначале было решено оставить на потом; от планов на вечер к планированию обустройства загородного дома, – во всех этих переходах сцена под луной занимает свое особое место. Ни один из них не выдумал ни игру в целом, ни ее часть. Они только решили, что будут играть ее вместе, а не с другими возможными партнерами. И нет у них большого выбора в том, что последует за ритуальным обменом вопросами-ответами. Семья, друзья, церковь, ювелиры и страховые агенты, цветочницы и оформители интерьеров обеспечат, чтобы остальная часть игры тоже была сыграна по установленным правилам. В сущности всем этим хранителям традиций не нужно даже оказывать слишком большого давления на основных игроков, поскольку ожидания социального мира уже давно были встроены в их собственные проекты относительно будущего, – они хотят именно того, чего ждет от них общество.

Но если так обстоит дело в самой интимной сфере нашего существования, то, как нетрудно заметить, подобное происходит почти во всех ситуациях на протяжении нашей жизни. Большая часть игрового времени была «расписана» задолго до нашего появления на свет. Все, что нам остается, – это играть с большим или меньшим воодушевлением. Стоящий перед аудиторией Преподаватель, произносящий приговор судья, бичующий в гневе свою паству проповедник, посылающий войска в бой генерал – все они вовлечены в действия, которые были предопределены

в пределах очень узких границ, а захватывающие воображение системы контроля и санкций охраняют эти границы.

Имея в виду сказанное, мы можем перейти к более глубокому пониманию функционирования социальных структур. Полезным социологическим понятием, на которое можно опереться в данном случае, является понятие «институт». Институтом обычно называют обособленный комплекс социальных действий. Закон, класс; брак, организационно оформленную религию тоже можно рассматривать как институты. Однако такое определение еще ничего не говорит нам о том, каким образом институт соотносится с действиями вовлеченных в него индивидов. Убедительный ответ на этот вопрос дал Арнольд Гелен, современный немецкий социолог. Гелен трактует институт как регулирующее учреждение, направляющее в определенное русло действия людей подобно тому, как инстинкты руководят поведением животных. Иными словами, институты обеспечивают процедуры упорядочения поведения людей и побуждают их идти проторенными путями, которые общество считает желательными. Трюк удается потому, что индивида убеждают: эти пути – единственно возможные.

Приведем пример. Кошку не нужно учить ловить мышей, поскольку, очевидно, в ней с самого рождения заложено то (если угодно, особый инстинкт), что заставляет ее действовать таким образом. Предполагается, что когда кошка видит мышь, внутренний голос постоянно твердит ей: «Съешь! Съешь! Съешь!» Строго говоря, кошка не выбирает, следовать ей внутреннему голосу или нет. Она просто подчиняется закону своего внутреннего бытия и преследует несчастную мышь (которой, как мы полагаем, свой внутренний голос твердит: «Беги! Беги! Беги!»). Подобно Лютеру, кошка не может сделать иначе. Теперь вернемся к нашей паре, чьи ухаживания мы столь бесстрастно разбирали. Когда молодой человек в первый раз заметил девушку, предназначенную спровоцировать этот подлунный акт, он тоже услышал свой внутренний голос, передавший ему четкий недвусмысленный императив. Его последующее неосознанное поведение показывает, что у него не нашлось сил побороть данный императив. Нет, это не то, о чем читатель, вероятно, подумал, – тот императив заложен с рождения в равной степени и в молодом человеке, и молодом коте, шимпанзе и крокодиле, но он нас сейчас не интересует. Интересующий нас императив твердит ему: «Женись! Женись! Женись!», поскольку с ним, в отличие от другого императива, наш молодой человек не родился. Именно общество привносит в него императив «Женись!» и подкрепляет свое повеление бесчисленными влияниями со стороны семьи, морали, религии, средств массовой коммуникации. Иными словами, брак – это не инстинкт, а институт. Хотя то, как он направляет поведение в определенное русло, весьма сходно с действием инстинктов.

Для того чтобы пояснить нашу мысль, попытаемся представить себе, что делал бы молодой человек в отсутствие институционального императива. Конечно, он мог бы сделать почти все, что угодно: он мог бы вступить с девушкой в сексуальную связь, бросить ее и никогда больше не видеть; мог бы, дождавшись рождения первого ребенка, передать его ее дяде по матери на воспитание; мог бы позвать еще троих своих приятелей и спросить, хотят ли они, чтобы девушка стала их общей женой; мог бы ввести ее в свой гарем к уже имеющимся двадцати трем женам. Иными словами, при сексуальном влечении и своем интересе к конкретной девушке он оказался бы в затруднительном положении. Даже если предположить, что, изучив антропологию, он знает о соответствии всех приведенных выше вариантов нормам некоторых культур, то и тогда ему будет нелегко решить, какой из вариантов для него наиболее желателен в данном конкретном случае. Теперь нам ясно, какую роль для него играет институциональный императив: он ограждает от затруднения, исключая все другие возможности и оставляя только ту, которую общество предопределило ему. Другие варианты даже недоступны его сознанию. Императив дает формулу: желать → любить → жениться. Все, что молодой человек должен теперь делать, — это пройти весь заданный программой путь. В данной программе могут оказаться собственные трудности, но они — совершенно другого порядка, чем те, с которыми сталкивался первобытный самец, когда на опушке доисторических джунглей встречал первобытную самку, и ему самому приходилось вырабатывать *modus vivendi* с ней. Иными словами, ситуация брака направляет поведение нашего молодого человека, заставляя его вести себя соответствующим образом. Структура социальных институтов обеспечивает нас типами стандартного поведения, и лишь в крайне редких случаях нам приходится придумывать для себя новые типы. В основном же, как максимум, мы выбираем между типом А и типом В, которые заданы нам а priori. Например, мы решаем стать артистом, а не бизнесменом, но и в том, и в другом случае столкнемся с совершенно точными предписаниями, что мы должны делать. Сами мы никакого образа жизни не изобретем.

Следует подчеркнуть еще один аспект геленовского понятия «институт», который нам понадобится в дальнейшем изложении, а именно, кажущуюся неизбежность институциональных императивов. Обычный молодой человек в нашем обществе не только отвергнет варианты полиандрии и полигамии, но, по крайней мере для себя, найдет их буквально невыносимыми. Он верит, что институционально заданный порядок действий является единственно возможным для него, т.е. единственным, на который он способен онтологически. Если бы кот вдруг задумался о преследовании им мыши, он пришел бы точно к такому же выводу. Разница заключалась бы в том, что кот оказался бы прав в своем выводе, тогда как молодой чело-

век – нет. Насколько мы знаем, кот, который отказался бы ловить мышей, выглядел бы уродом с биологической точки зрения и, возможно, был бы признан продуктом крайне вредной мутации, безусловным предателем своей кошачьей сущности. Но нам очень хорошо известно, что иметь много жен и быть одним из мужей не противоречит человеческой сущности ни в биологическом смысле, ни даже в смысле мужского достоинства. Если для арабов биологически возможно одно, а для жителей Тибета – другое, то это значит, что и то, и другое биологически возможно и для нашего молодого человека. В самом деле, мы знаем, что если бы его похитили из колыбели и увезли в чужие страны, то он не был бы типичным, несколько сентиментальным американским юношей в нашей подлунной сцене, а превратился бы в завязатого многоженца в Аравии или довольствовался многомужеством в Тибете. То есть он заблуждается (или, вернее, его вводит в заблуждение общество), думая, что все происходящее с ним неизбежно. Это означает, что каждая институциональная структура основывается на обмане и само существование в обществе несет в себе элемент дурной веры. Столь смутная догадка поначалу может показаться достойной сожаления, но мы увидим, что на самом деле она являет собой первый проблеск осознания: общество не столь детерминировано, как мы до сих пор думали.

Рассуждения о социологическом познании привели нас тем временем в такую точку, из которой общество представляется больше всего похожим на гигантский Алькатрас. Мы перешли от детского ощущения удовольствия иметь конкретный адрес к взрослому осознанию того, что большая часть приходящей на этот адрес корреспонденции приносит мало радости. Социологический подход помог нам лишь более точно идентифицировать все персонажи, мертвые или живые, у которых есть привилегия возвышаться над нами.

Наиболее близкое этому взгляду на общество социологическое направление связано с именем Эмиля Дюркгейма и его школой. Дюркгейм подчеркивал, что общество есть феномен *suí generis*, т.е. оно предстает перед нами как огромнейшая реальность, которую нельзя объяснить или описать в терминах какой-то другой реальности. Далее он утверждал, что социальные факты суть «вещи», точно так же имеющие объективное существование вне нас, как и явления природы. Он утверждал это главным образом для того, чтобы защитить социологию от поглощения ее проимпериалистически настроенными психологами. Однако его концепция существенна и помимо чисто методологического аспекта. «Вещь» – это что-то вроде скалы, на которую можно налететь, но которую нельзя ни убрать, просто пожелав свалить ее, ни преобразовать по прихоти воображения. Вещь – это то, 'обо что можно тщетно биться, то, что находится в определенном месте вопреки нашим желаниям и надеждам, то, что, в конце концов, может свалиться нам на голову и убить.

Именно в таком смысле общество является совокупностью «вещей». Правовые институты, пожалуй, лучше, чем любые другие социальные институты, иллюстрируют данное качество общества.

Согласно дюркгеймовскому пониманию, общество предстает перед нами как объективный факт. Оно – там, его нельзя отрицать, с ним должно считаться. Общество находится вне нас, оно окружает нас со всех сторон, направляет нашу жизнь. Мы существуем в обществе, располагаясь в особых секторах социальной системы. Место в обществе почти полностью предопределяет, что и как мы делаем, – от языка до этикета, от разделяемых религиозных верований до статистической вероятности совершить самоубийство. Где господствует влияние социального положения, там наши желания не принимаются в расчет; наше интеллектуальное сопротивление тому, что общество предписывает или прописывает, достигает, и то в лучшем случае, немногого, а чаще – ничего. Общество, как объективный и не зависимый от нас факт, противостоит нам, особенно в форме принуждения. Его институты задают образцы наших действий и даже формируют наши ожидания. Они поощряют нас пока мы придерживаемся их предписаний. На случай выхода за эти рамки в распоряжении общества имеется почти неограниченный арсенал органов контроля и принуждения. Санкции со стороны общества способны в любой момент изолировать нас от окружающих людей, подвергнуть осмеянию, лишить не только средств к существованию, свободы, но и, как последняя мера, жизни. Законы и мораль общества могут предоставить искусно аргументированное оправдание каждой из этих санкций, и большинство людей вокруг одобряют подобные оправдания, если их используют против нас в наказание за отклонение от заданных образцов. Наконец, наше место в обществе определено, так сказать, не только в пространстве, но и во времени. Наше общество является исторической сущностью, которая простирается во времени далеко за пределы биографии отдельного индивида. Общество предшествует нам и будет существовать после нас. Оно было здесь до нашего рождения, здесь и останется после нашей смерти. Жизни наши – лишь эпизоды волшебного величественного шествия общества сквозь время. Короче говоря, общество – это стены нашего заточения в истории.

Бергер П. Приглашение в социологию. – М.: «Аспект-пресс», 1996. – С. 66–88.

П. Бергер, Т. Лукман Организм и деятельность

Человек занимает особое положение в животном царстве. В отличие от других высших млекопитающих, у него нет ни специфической для данного вида окружающей среды, ни жестко структурированной его

собственной инстинктуальной организацией окружающей среды. Не существует человеческого мира в том смысле, в каком можно говорить о мире собак или лошадей. Несмотря на определенную степень индивидуального научения и приручения, каждая отдельная лошадь или собака весьма прочно связаны со своим окружением, и эта взаимосвязь характерна для других представителей соответствующего вида. Очевидным следствием этого оказывается то, что, по сравнению с человеком, собаки и лошади гораздо в большей степени зависят от ограничений того или иного географического размещения. Однако специфика окружающей среды этих животных не сводится лишь к географическому размещению. Эта специфика проявляется в биологически фиксированном характере взаимосвязи этих животных с окружающей средой, даже если установлены различия географического характера. В этом смысле все животные, кроме людей, и как виды, и как индивиды живут в закрытых мирах, структуры которых предопределены биологическим оснащением отдельных видов животных.

Взаимосвязь человека с его окружающей средой, напротив, характеризуется открытостью миру. Не только человек преуспел в том, что обосновался на большей части земной поверхности, но его взаимосвязь с окружающей средой повсюду обусловлена его собственной, весьма несовершенной, биологической конституцией. Конечно, последняя позволяет человеку заниматься разными видами деятельности. Однако тот факт, что он продолжал вести кочевой образ жизни в одном месте и земледельческий – в другом, не может быть объяснен в терминах биологических процессов. Это, конечно, не означает, что не существует биологических ограничителей для связей человека с окружающей средой; его специфически-видовой сенсорный и моторный аппарат накладывает очевидные ограничения на весь спектр его возможностей. Специфичность биологической конституции человека заключается скорее в ее инстинктуальном компоненте.

В сравнении с другими высшими животными инстинктуальную организацию человека можно считать недостаточно развитой. Конечно же, у человека есть стимулы. Но эти стимулы в высшей степени неспециализированны и ненаправленны. Это значит, что человеческий организм может использовать свой конституционально данный аппарат в очень широком и постоянно меняющемся спектре разных видов деятельности. Эта специфичность человеческого организма коренится в его онтогенетическом развитии. Действительно, если взглянуть на этот вопрос с точки зрения организмического развития, можно сказать, что эмбриональный период у человеческого существа продолжается еще в течение года после рождения. Жизненно важные процессы организмического развития, которые у животных завершаются в чреве матери, у ребенка происходят и после его появления на свет. Однако в это время челове-

ческое дитя не просто находится во внешнем мире, но и взаимодействует с ним самыми различными способами.

Человеческий организм все еще биологически развивается, хотя уже находится во взаимосвязи со своим окружением. Иными словами, процесс становления человека происходит во взаимосвязи с окружающей средой. Это утверждение приобретает особое значение, если помнить, что окружающая среда является как природной, так и человеческой. То есть, развиваясь, человек взаимодействует не только с природной окружающей средой, но и с особым социокультурным порядком, опосредуемым для него значимыми другими, которые несут за него ответственность. Не только выживание ребенка зависит от определенных социальных порядков, но и направление его организмического развития социально детерминированно. С самого рождения организмическое развитие человека и большая часть его биологического существа как такового подвергаются постоянному вмешательству со стороны общества.

Несмотря на очевидные физиологические пределы различных возможных способов становления человека в этой двойной взаимосвязи с окружающей средой, человеческий организм проявляет необычайную пластичность, касающуюся его реакции на воздействия окружающей среды. Это становится особенно очевидным, когда наблюдаешь гибкость биологической конституции человека, подвергающейся самым разнообразным социокультурным детерминациям. В этнологии общепризнано, что способы становления и существования человека столь же многочисленны, сколь и человеческие культуры. Человеческая природа – социокультурная переменная. Иными словами, не существует человеческой природы в смысле некоего биологически фиксированного субстрата, определяющего многообразие социокультурных образований. Человеческая природа существует лишь в смысле антропологических констант (например, открытость миру и пластичность инстинктуальной структуры), определяющих границы и возможности человеческих социокультурных образований. Но специфическая форма проявления человеческой природы определяется этими социокультурными образованиями и соответствует их многочисленным разновидностям. Хотя можно сказать, что у человека есть природа, гораздо важнее сказать, что человек конструирует свою собственную природу или, проще говоря, что человек создает самого себя.

Пластичность человеческого организма и его восприимчивость к социально детерминированному вмешательству лучше всего иллюстрируется данными этнологов относительно сексуальности.

Хотя у человека есть сексуальные влечения, сопоставимые с имеющимися и у других высших млекопитающих, человеческая сексуальность характеризуется очень высокой степенью пластичности. Она не только относительно независима от временных циклов, но и пла-

стична в отношении как объектов, на которые может быть направлена, так и форм проявления. Этнологические данные свидетельствуют о том, что в сексуальных отношениях человек способен почти на все. Можно стимулировать сексуальное воображение до уровня лихорадочной страсти, но вряд ли возможно вызвать в воображении какой-либо образ, который бы не соответствовал тому, что в той или иной культуре является нормой или по крайней мере считается естественным. Если термином «нормальность» называют то, что является антропологической необходимостью, или то, что универсально для данной культуры, тогда ни сам этот термин, ни его антоним неприменимы к многообразию форм человеческой сексуальности. В то же время человеческая сексуальность, конечно же, управляема, иногда строго упорядочена в каждой конкретной культуре. В каждой культуре – свои, весьма различные формы, проявления сексуальности, специфические образцы сексуального поведения и «антропологические» предпосылки в сексуальной сфере. Эмпирическая относительность всех этих форм, их огромное разнообразие и блестящая изобретательность в данной сфере указывают на то, что все они скорее продукт созданных человеком социокультурных образований, нежели биологической человеческой природы.

Период, в течение которого человеческий организм завершает свое развитие во взаимосвязи с окружающей средой, – это также и период формирования человеческого Я. Формирование Я тогда следует рассматривать в связи с непрерывным организмическим развитием и социальным процессом, в котором природное и человеческое окружение опосредуются значимыми другими⁰. Генетические предпосылки Я, конечно, являются врожденными. Однако то Я, которое впоследствии воспринимается в качестве субъективно и объективно распознаваемой идентичности, врожденным не является. Те же самые социальные процессы, которые детерминируют завершение развития организма, формируют Я, в его особой, соответствующей данной культуре, форме. Характер Я как продукта данного общества не сводится к отдельной конфигурации, с которой индивид отождествляет себя (например, «в качестве человека»), идентичность которого тем или иным образом определяется и формируется в рассматриваемой культуре), а представляет собой всесторонний психологический аппарат, служащий дополнением к определенному роду конфигурации (например, «человеческие» эмоции, установки и даже соматические реакции). Поэтому нет нужды говорить, что организм, а тем более Я нельзя адекватно понять отдельно от конкретного социального контекста, в котором они были сформированы.

Общее развитие человеческого организма и человеческого Я в социально детерминированной окружающей среде зависит от особой человеческой взаимосвязи между организмом и Я. Эта взаимосвязь является эксцентрической. С одной стороны, человек есть тело в том же са-

мом смысле, как это можно сказать о любом другом животном организме. С другой стороны, человек имеет тело. То есть человек воспринимает себя как существо, не идентичное своему телу, а напротив, имеющее это тело в своем распоряжении. Другими словами, восприятие человеком самого себя всегда колеблется между тем, что он является телом и обладает им, и равновесие между ними нужно вновь и вновь восстанавливать. Эта эксцентричность восприятия человеком своего тела имеет определенные последствия для анализа человеческой деятельности как поведения в материальной окружающей среде и как экстернализации субъективных значений. Для адекватного понимания любого человеческого феномена следует принимать в расчет оба эти аспекта на том основании, что корни их – в фундаментальных антропологических фактах.

Из сказанного выше должно быть понятно, что утверждение о том, что человек создает себя сам, никоим образом не означает своего рода прометеевского видения заброшенного индивида. Создание человеком самого себя всегда и неизбежно – предприятие социальное. Люди *вместе* создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социокультурных и психологических образований, ни одно из которых нельзя понять в качестве продуктов биологической конституции человека, которая, как уже отмечалось, устанавливает лишь внешние пределы производительной деятельности человека. Подобно тому как человек не может развиваться как человек в изоляции, так и человеческую окружающую среду он не может создавать в изоляции. Одинокое человеческое существование – это существование на животном уровне (которое человек, безусловно, разделяет с другими животными). Как только наблюдаются феномены специфически человеческие, мы вступаем в сферу социального. Специфическая природа человека и его социальность переплетены необычайно сложно. Homo Sapiens всегда и в той же степени есть Homo Socius.

Человеческому организму недостает необходимых биологических средств, чтобы обеспечить стабильность человеческого поведения. Человеческое существование, если бы оно опиралось только на ресурсы организма, было бы весьма хаотическим. Хотя подобный хаос и можно представить в теории, на практике он маловероятен. В действительности человеческое существование помещено в контекст порядка, управления, стабильности. Тогда возникает вопрос: откуда берется существующая в реальности стабильность человеческого порядка? Ответ можно дать на двух уровнях. Сначала можно указать на очевидный факт, что данному социальному порядку предшествует организмическое развитие любого индивида. То есть, хотя открытость миру и свойственна биологической природе человека, преимущественные права на нее всегда предьявляет социальный порядок. Можно сказать, что свойственная биологической природе человеческого существования, открытость миру

всегда трансформируется (и, в сущности, должна быть трансформирована) социальным порядком в относительную закрытость миру. Несмотря на то что эта закрытость никогда не может приблизиться к закрытости животного существования хотя бы только потому, что она создана человеком и имеет «искусственный» характер, тем не менее в большинстве случаев она в состоянии обеспечить управление и стабильность большей части человеческого поведения. Вопрос можно перевести в другую плоскость, спросив, каким образом возникает сам социальный порядок.

Наиболее общий ответ на этот вопрос таков: социальный порядок – это человеческий продукт или, точнее, непрерывное человеческое производство. Он создается человеком в процессе постоянной экстернализации. Социальный порядок в своих эмпирических проявлениях не является биологически *данным* или происходящим из каких-либо биологических данных. Нет нужды добавлять, что социальный порядок не является также данностью человеческой природной среды, хотя отдельные ее черты могут быть факторами, определяющими те или иные характеристики социального порядка (например, экономические мероприятия, технологические приспособления). Социальный порядок не является частью «природы вещей» и не возникает по «законам природы». Он существует *лишь* как продукт человеческой деятельности. Никакой другой онтологический статус ему нельзя приписать без того, чтобы окончательно не запутать понимание его эмпирических проявлений. И в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, только поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) – это человеческий продукт. Хотя социальные продукты человеческой экстернализации имеют характер *suī generis* по отношению к их организмическому контексту и природной среде, важно подчеркнуть, что экстернализация как таковая есть антропологическая необходимость. Человеческое существование невозможно в закрытой сфере внутреннего бездействия. Человек должен непрерывно экстернализовать себя в деятельности. Эта антропологическая необходимость коренится в биологическом аппарате человека. Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Человек должен сам классифицировать свои влечения и управлять ими. Эти биологические факты выступают в качестве необходимых предпосылок создания социального порядка. Иначе говоря, хотя ни один из существующих социальных порядков не может быть установлен на основе биологических данных, необходимость в социальном порядке как таковом возникает из биологической природы человека.

Чтобы понять причины (отличные от тех, в основе которых лежат биологические константы) возникновения, поддержания и передачи социального порядка, следует проанализировать то, что содержится в теории институционализации.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: «Медиум», 1995. – С. 80–89.

Э. Гидденс **Введение в социологию**

Социология предлагает ясную и в высшей степени всеохватывающую перспективу на человеческое поведение. Изучение социологии предполагает постепенный отказ от нашего личного взгляда на мир, выявление социальных воздействий, формирующих нашу жизнь. Социология не отрицает и не преуменьшает подлинность индивидуального опыта. Скорее благодаря ей мы лучше узнаем наши индивидуальные свойства, а, значит, и свойства других людей, развивая чуткость к широкому универсуму социальной деятельности, в которую мы все вовлечены... Изучение социологии частично является исследовательским процессом. Никто не сможет изучать социологию, не подвергая сомнению некоторые из своих глубоко укоренившихся взглядов...

Мы живем сегодня – в конце XX в. – в мире, который охвачен беспокойством и еще полон ожиданием будущего. Это мир, постоянно изменяющийся, находящийся под угрозой ядерной войны и характеризующийся деструктивным разрушением окружающей среды современной технологией. Тем не менее мы можем контролировать нашу судьбу, делать жизнь такой, какой она не снилась предыдущим поколениям. Как устроен мир? Почему наши условия жизни так отличаются от условий жизни наших предков? Каким будет будущее? Эти вопросы – предмет социологии, дисциплины, которая должна играть фундаментальную роль в современной интеллектуальной культуре.

Социология – это изучение человеческой социальной жизни, социальных групп и обществ. Это ослепительное и захватывающее предприятие, – имеющее своим предметом наше собственное поведение как социальных существ. Интерес социологии чрезвычайно широк – от анализа неожиданных встреч индивидов на улице до исследования глобальных социальных процессов... Понимание тонких, комплексных и глубоких способов, которыми наши жизни отражают контексты нашего социального опыта – основа социологического подхода. Особый интерес социологии – социальная жизнь в современном мире – мире, возникшем в результате глубоких изменений в человеческих обществах, происшедших в течение последних двухсот лет.

Изменение в современном мире

Изменение человеческой жизни за последние двести лет было радикальным. Речь идет о том, например, что большинство населения уже не работает на земле; живет в городах, а не маленьких сельских сообществах. Этого не было до современной эпохи. На протяжении фактически всей мировой истории подавляющее большинство населения само производило средства для своего существования, жило маленькими группами или небольшими деревенскими сообществами. Даже во время расцвета наиболее развитых традиционных цивилизаций – Древний Рим или традиционный Китай – менее 10% населения проживало в городах, причем каждый из них еще был вовлечен в сельское хозяйство. Сегодня в высоко развитых индустриальных обществах эти пропорции стали почти обратными: как правило, более 90% населения живет в городских агломерациях и только 2 – 3% населения занято в сельском хозяйстве.

Изменились не только внешние аспекты жизни. Изменения радикально трансформировали и продолжают трансформировать наиболее личные и интимные аспекты нашего повседневного существования.. Если расширить предшествующий пример, то распространение идеалов романтической любви было в значительной степени обусловлено переходом, от сельского к городскому, индивидуальному обществу. Когда люди переместились в город, начали работать в промышленном производстве, то брак перестал определяться исключительно экономическими соображениями – необходимостью контролировать наследование земли и обрабатывать землю всей семьей. «Договорные» свадьбы, заключающиеся посредством соглашений между родителями и родственниками, становились все реже. Индивиды стали вступать в семейные отношения на основе чувств и поисков личной реализации. Идея «влюбленности» как основа брака сформировалась в этом контексте.

Сходным образом до появления современной медицины европейские взгляды на здоровье и болезнь не отличались от воззрений в незападных странах. Современные методы диагноза и лечения, возникшие с признанием важности гигиены для предотвращения инфекционных заболеваний, появились только в начале XVIII в. Наши взгляды на здоровье и болезнь явились частью более широких социальных трансформаций, оказавших влияние на многие аспекты подходов в биологии и к природе в целом.

Социология начинается с попыток понять первоначальное влияние изменений, сопутствовавших индустриализации на Западе. Она и сейчас остается базовой дисциплиной, занимающейся анализом ее природы. Сегодняшний мир радикально отличается от предшествовавших веков. Задача социологии – помочь понять этот мир и его вероятное будущее.

Социология и «здоровый смысл»

Практика социологии включает в себя получение знания о нас самих, обществах, в которых мы живем, и других обществах, отличных от наших в пространстве и во времени. Социологические изыскания одновременно и мешают и способствуют нашим обыденным – взглядам на себя и других. Рассмотрим следующие утверждения:

Романтическая любовь – это естественная часть человеческого опыта и по этому она существует во всех обществах и тесно связана с браком.

Продолжительность человеческой жизни зависит от физического здоровья и на нее не влияют социальные различия.

В предшествующие времена семья была стабильной единицей, а сегодня сильно возросло число разводов.

Во всех обществах люди несчастны или угнетены, поэтому процент самоубийств должен всегда и везде быть примерно одинаковым.

Большинство людей всегда ценят материальное благосостояние и стараются достичь его, если обстоятельства благоприятны.

Войны – составная часть человеческой истории. Если сего дня мы стоим перед угрозой ядерной войны, то потому, что человеческие существа имеют агрессивные инстинкты, которые всегда ищут выход.

Распространение компьютеров и автоматизации в промышленном, производстве резко уменьшит средний рабочий день большинства населения.

Каждое из этих утверждений неправильно или сомнительно и социологи пытаются доказать это.

Как мы уже отмечали, идея, что супружеские узы должны основываться на романтической любви, является сравнительно не давней и не существовала в ранней истории западных обществ или в других культурах. Романтическая любовь неизвестна в большинстве обществ.

Продолжительность человеческой жизни сильно зависит от социальных условий. Формы социальной жизни действуют аналогично «фильтрам» для биологических факторов, вызывающих болезнь, немощь или смерть. Бедняки в среднем менее здоровы, чем, например, богатые, поскольку они обычно хуже питаются, испытывают большие физические нагрузки и имеют плохое медицинское обслуживание.

Если мы обратимся к началу XIX в., то мы увидим, что пропорция детей, живущих только с одним из родителей, была такой же, как и сейчас, так как очень много людей умирало в молодости, особенно женщин во время родов.

Разрыв и развод сегодня являются главной причиной неполных семей, но их общее число почти такое же, как и ранее.

Процент самоубийств не является одинаковым во всех обществах. Даже если мы возьмем только западные страны, то мы обнаружим, что

процент самоубийств в них различен. В Великобритании, например, он в четыре раза выше, чем в Испании, но составляет только треть от уровня в Венгрии. Число самоубийств резко возрастает в течение основного периода индустриализации в западных странах – в XIX – начале XX вв.

Ценность, которую многие люди в современных обществах придают благосостоянию, – это в значительной степени следствие недавнего, развития. Оно ассоциируется с ростом «индивидуализма» на Западе – тот акцент, который мы делаем на индивидуальных достижениях. Во многих других культурах индивидам благо общности полагается ставить выше своих собственных желаний и склонностей. Материальное благополучие часто не ценится выше других ценностей, например религиозных.

Люди не имеют не только агрессивных, но и вовсе лишены инстинктов, если под последними понимать фиксированные и унаследованные образцы поведения. Более того, в течение большей части человеческой истории, когда люди жили в небольших племенных группах, война не существовала в той форме, какую она приняла впоследствии. Только некоторые из этих групп были агрессивными, большинство – нет. Не существовало регулярных армий, а когда случались стычки, то их причины совместно устранялись или сводились к минимуму. Угроза ядерной войны сегодня вызвана процессом «индустриализации войны», что является главным аспектом индустриализации вообще.

Седьмое предложение отличается от предыдущих, так как оно относится к будущему, в отношении которого следует по меньшей мере быть осторожным. Полностью автоматизированных предприятий очень мало, а рабочие места, исчезающие вследствие автоматизации, создаются в других производствах. Еще нельзя быть уверенным в истинности этого высказывания. Одна из задач социологии – выбрать четкий подход к подобным процессам.

Очевидно, что социологические результаты не всегда противоречат общепринятым взглядам. Идеи здравого смысла часто являются источником правильного понимания человеческого поведения. Что необходимо подчеркнуть, так это необходимость для социолога быть готовым спросить, соответствуют ли действительности – какими бы близкими они к ней ни были – наши представления о самих себе. Поступая таким образом, социология также помогает выяснить, что представляет собой «здравый смысл» в данный момент времени и места. Многое из того, что мы считаем само собой разумеющимся, тем, что «знают все», например, что число разводов резко выросло после Второй мировой войны, основывается на работах социологов и других социальных ученых. Множество регулярных исследований необходимо провести для того, чтобы собрать многолетний материал о конкретных формах супружества и развода. То же справедливо и для многих других областей нашего – «здравого смысла».

Социологические вопросы: фактические, сравнительные, связанные с развитием, и теоретические

Фактические вопросы. Некоторые из вопросов, которые задают социологи и на которые пытаются ответить, являются фактическими. Так как мы являемся членами общества, то мы уже имеем определенное количество фактического знания о нем, Например, каждый житель Великобритании знает, что существуют законы, которые необходимо соблюдать. В противном случае существует риск уголовного наказания. Но знание, которым обладает средний индивид о правовой системе и о природе и типах уголовной деятельности, поверхностно и неполно. Многие аспекты преступления и справедливости нуждаются в прямом и систематическом социологическом исследовании. Поэтому мы должны спросить: какие формы преступления наиболее распространены? Какая часть уголовников ловится полицией? Сколько из них осуждается и попадает в тюрьму. Фактические вопросы часто являются более сложными и трудными для ответа, чем это принято думать. Например, официальная статистика о преступности имеет сомнительную ценность как способ фиксирования реального уровня преступности.

Сравнительные вопросы. Фактическая информация о конкретном обществе, конечно, не может сказать нам, имеем ли мы дело с необычным случаем или с широко распространенным явлением. Социологи часто хотят получить ответы на сравнительные вопросы, касающиеся сопоставления двух различных социальных контекстов внутри того или иного общества, или противоположных примеров, полученных в разных обществах. Например, имеют место существенные различия между законодательными системами Великобритании и нашей страны. Типичным сравнительным вопросом может быть вопрос: как сильно варьируются типы криминального поведения и системы охраны правопорядка в двух странах? (Некоторые важные различия в действительности обнаруживаются между ними.)

Вопросы развития. В социологии мы должны рассматривать не только существующие общества, соотнося их друг с другом, но также сравнивая прошлое и настоящее. Такие социологические вопросы можно назвать вопросами развития. Для понимания природы современного мира мы должны взглянуть на предшествующие формы общества, а также изучить главное направление имевших место процессов социального изменения. Так мы можем исследовать, например, как появились первые тюрьмы – тема уже затрагиваемая нами ранее.

Теоретические вопросы. Фактические – или как социологи предпочитают говорить эмпирические исследования – касаются того, как что-то имеет место. Тем не менее, социология не может ограничиться простым коллекционированием фактов, какими бы важными и интересными они не были. Мы также хотим знать, почему эти факты имеют место.

Поэтому, мы должны учиться ставить теоретические вопросы, которые позволяют нам правильно интерпретировать факты посредством установления причин исследуемых событий. Мы знаем, что индустриализация оказала большое влияние на возникновение современных обществ. Но каковы причины и предпосылки индустриализации? Почему индустриализация ассоциируется с изменениями в способах наказания преступников, или с изменением систем семьи и брака? Для ответа на такие вопросы мы должны развить теоретическое мышление. Теории включают в себя создание абстрактных интерпретаций, которые могут быть использованы для объяснения самых разных эмпирических ситуаций. Теория индустриализации, например, должна определить главные черты, которые свойственны всем процессам индустриального развития, а также стремиться показать те из них, которые наиболее важны для объяснения такого развития. Конечно, фактические и теоретические вопросы никогда нельзя полностью, отделить друг от друга. Мы можем только разработать значимые теоретические подходы, если мы способны проверить их средствами эмпирического исследования.

Мы нуждаемся в теориях, которые могли бы дать смысл собранным фактам. В противоположность распространенному мнению факты не говорят сами за себя. Многие социологи начинали свою работу с эмпирических вопросов, но по мере постановки теоретических проблем выяснялось, что теоретические представления нельзя прямо проиллюстрировать конкретными фактами. Это справедливо даже для исследований, касающихся исключительно практических целей.

«Практические люди» склонны не доверять теоретикам и готовы считать сами себя слишком земными людьми, чтобы обращать внимание на абстрактные идеи! Но все практические решения основаны на тех или иных теоретических предпосылках. Некоторые из преуспевающих бизнесменов жалеют, например, деньги на «теорию». Тем не менее любой анализ бизнеса включает в себя теоретические положения, даже если они не формулируются явным образом. Так, бизнесмен может быть уверен, что служащие стремятся работать лучше, прежде всего, благодаря размеру жалования, которое они получают. Это не просто теоретическая интерпретация человеческого поведения. Она к тому же неверна, как это демонстрирует индустриальная социология.

Намеренные и ненамеренные последствия человеческого действия

Социологи проводят важное различие между целями нашего поведения – между тем, чего мы стремимся достичь – и незапланированными последствиями наших поступков. Цели, ради которых мы совершаем поступки, могут отличаться от тех последствий, к которым они приводят. Мы можем много понять об обществе, рассуждая таким образом. Школы, например, создаются для обучения детей чтению, письму, для

приобретения ими нового знания. Существование школ, однако, имеет последствия, которые не планировались и не ожидались. Школы предохраняют детей от работы до достижения ими определенного возраста. Школьная система также усиливает социальное неравенство, направляя выпускников на работу в зависимости от полученного ими образования.

Большее число наиболее важных изменений в истории было вероятнее всего неожиданным. Перед революцией 1917 г. в России различные политические группы стремились уничтожить существовавший режим. Но ни одна из них, тем не менее включая и большевистскую партию, пришедшую к власти, не предвидела того, как в действительности разворачивался революционный процесс. Серия небольших напряжений и конфликтов вызвала процесс социальной трансформации, который даже самые радикальные политики не хотели инициировать. Иногда поведение, стремящееся достичь цели, вызывает такие последствия, которые препятствуют достижению желаемой цели. Несколько лет назад в Нью-Йорке были введены законы, заставлявшие собственников ветхих зданий в районах бедняков привести их в минимальный порядок. Намерение было улучшить качество жилья для неимущих. Результат был совершенно противоположным. Собственники ветхого жилья или совсем снесли его, или приспособили для других целей, вследствие чего резко сократилось количество доступного для бедняков жилья. Похожий пример можно привести, если обратиться к проблемам тюрем и психиатрических больниц. В последние несколько лет в Великобритании и в некоторых других западных странах методы изоляции людей от общества были частично изменены. Стремясь предоставить преступникам и психически больным поддержку общества, власти разрешили некоторым обитателям тюрем и психиатрических больниц жить вне этих учреждений. Результаты не оправдали ожидания либеральных реформаторов. Многие бывшие пациенты больниц, оказавшись в бедности, не смогли приспособиться к новым обстоятельствам. Результаты этого были для них губительными.

Стабильность и изменение в социальной жизни могут быть объяснены в терминах «смеси» ожидаемых и неожиданных последствий человеческих действий. Перед социологией стоит задача исследовать итоговый баланс между социальным воспроизводством и социальной трансформацией. Социальное воспроизводство – это описание того, как общества сохраняются во времени, а трансформация описывает происходящие в них изменения. Общество – это не механическое устройство вроде часов или машины, которые «идут» потому, что имеют момент сил, встроенный в них. Социальное воспроизводство происходит благодаря постоянству, существующему в том, что люди делают изо дня в день и из года в год, и в социальной практике, которой они следуют.

Изменения же частично являются следствием сознательной деятельности людей, а частично – они последствия, которых никто не ожидал.

Что может социология сообщить нам о наших действиях?

Как индивиды каждый из нас знает много о самом себе и об обществах, в которых мы живем. Мы полагаем, что хорошо понимаем, почему мы поступаем так, а не иначе, не обращая при этом к социологам за советом. Многие поступки, которые совершаются нами в повседневной жизни, основаны на нашем знании социальных конвенций. Существуют определенные границы такого самопознания, и одна из главных задач социологии состоит в том, чтобы показать их. На основе предшествовавшей дискуссии мы можем легко определить природу этих границ. Как мы уже видели ранее, у людей существует множество обыденных суждений о себе и других, которые неверны или являются следствием недостоверной информации. Социологическое исследование помогает определить границы наших социальных суждений и в то же самое время представляет собой своего рода «обратную связь» нашему знанию о самих себе и о социальном окружении. Другой существенный вклад социологии состоит в демонстрации того, что хотя все мы разбираемся в том, что и почему мы делаем, мы часто имеем далеко не достаточное представление о последствиях наших действий. Непреднамеренные, непредвиденные последствия действий определяют все аспекты и контексты социальной жизни. Социологический анализ выявляет тонкие взаимосвязи между ожидаемым и непредвиденным в социальном мире.

Социальная структура и человеческое действие

Важным понятием, помогающим нам постичь эти связи, является понятие социальной структуры. Социальные контексты, в которых мы существуем, состоят не только из случайного выбора событий или действий. Существуют базовые закономерности в том, как люди действуют, и в том, как они взаимодействуют друг с другом. Это те закономерности, к которым относится понятие социальной структуры. Структурные характеристики обществ в некоторой степени полезно представить в виде структуры здания. Здание имеет стены, потолок и крышу, которые вместе образуют определенный образ или форму. Но эта метафора может оказаться неверной, если ее понимать слишком буквально. Социальные структуры состоят из человеческих действий и взаимоотношений: их структурирует их повторяемость во времени и в пространстве. Так, идеи социального воспроизводства и социальной структуры тесно связаны друг с другом в социологическом анализе. Мы должны представлять себе человеческие общества в виде зданий, которые в любой момент могут быть реконструированы теми же самыми кирпичиками, из которых они состоят. Действия каждого из нас влияют на структурные характеристики наших обществ; в то же самое время мы воссоздаем

(а в какой-то степени и изменяем) эти структурные характеристики в наших действиях.

Развивая социологический подход

Учиться думать социологически значит развивать силу воображения. Изучение социологии не может быть рутинным процессом приобретения знания. Социологом является тот, кто способен быть свободным от непосредственных личных обстоятельств. Социологическая работа зависит от того, что Ч. Райт Миллс назвал социологическим воображением. Большинство учебников по социологии обращает внимание на это выражение. Однако в отличие от самого Миллса, они используют его слишком примитивно.

Социологическое воображение требует, прежде всего, мысленно отвлечься от рутины повседневной жизни и взглянуть на нее новыми глазами, Рассмотрим простой акт испития чашки кофе. Что мы можем сказать, с социологической точки зрения, о таком скучном фрагменте поведения? Ответ – очень много.

Мы можем, во-первых, ответить, что кофе – это не просто напиток, помогающий поддерживать определенный уровень жидкости в организме. Он имеет символическую ценность как часть повседневных социальных ритуалов. Часто ритуал, ассоциирующийся с кофепитием, является гораздо более важным, чем акт потребления самого напитка. Например, два человека, собирающиеся попить кофе вместе, вероятно, больше интересуются встречей и беседой, чем собственно кофе. Потребление пищи и напитков во всех обществах является поводом для социальной интерактивности и указанных социальных ритуалов. Это предоставляет богатый материал для социологического исследования.

Во-вторых, кофе является наркотиком, содержащим кофеин, оказывающим стимулирующее воздействие на мозг. Любители кофе не считаются большинством людей западной культуры наркоманами. Почему это так – интересный социологический вопрос. Как и алкоголь, кофе является социально приемлемым наркотиком, а марихуана нет. Тем не менее, существуют культуры, которые терпимы к употреблению марихуаны, но не одобряют кофе и алкоголь.

В-третьих, индивидуальное потягивание кофе содержит в себе целый комплекс сложных социальных и экономических отношений, простирающихся на весь мир. Производство, транспортировка и распространение кофе требуют напряженных усилий многих людей, находящихся за тысячи миль от потребителя. Изучение таких глобальных сделок составляет важную задачу социологии, поскольку многие аспекты нашей жизни зависят от мировых торговых обменов и коммуникаций.

Наконец, акт выпивания кофе содержит в себе процесс прошлого и социального развития. Наряду с другими продуктами – чай, бананы,

картофель и белый сахар – кофе широко распространился только в XIX в. Хотя кофе появился на Ближнем Востоке, его массовое потребление началось в период западной колониальной экспансии около ста пятидесяти лет назад. Фактически весь кофе, который мы пьем сейчас в западных странах, поставляется из районов (Южная Америка и Африка), колонизованных европейцами.

Развитие социологического воображения означает использование материалов антропологии (исследование традиционных обществ) и истории наряду с собственной социологией. Антропологическое измерение социологического воображения жизненно необходимо, поскольку позволяет нам видеть, какой калейдоскоп различных форм представляет собой человеческая социальная жизнь. Контраст традиционных форм социальной жизни с нашими позволяет больше узнать о специфических типах нашего социального поведения. Равным образом фундаментально необходимо историческое измерение социологического воображения: только тогда возможно уловить специфику современного мира, если сравнить его с прошлым. Прошлое – это зеркало, которым пользуется социолог для понимания настоящего. Каждая из этих задач включает в себя отказ от глупой точки зрения на наши обычаи и привычки с целью добиться более глубокого их понимания.

Существует еще один аспект социологического воображения – тот, который особенно подчеркивал Миллис. Он касается наших способностей к будущему. Социология помогает нам не только анализировать существующие формы социальной жизни, но и также видеть некоторые «возможные формы», открытые для нас. Способность к воображению в социологическом исследовании может показать нам не только наличную ситуацию, но и какой она может стать в будущем, если мы будем действовать соответствующим образом. Если наши попытки влиять на будущее не основаны на точном социологическом понимании тенденции изменения, то они будут обречены на неудачу.

Является ли социология наукой?

Социология занимает главную позицию в группе дисциплин (включая антропологию, экономику и политологию), которые обычно называют социальными науками. Как мы можем реально изучать человеческую социальную жизнь «научным» образом? Для ответа на этот вопрос мы должны прежде всего понять главные характеристики науки как формы интеллектуальной деятельности. Что такое наука?

Наука – это использование систематических методов исследования, теоретического мышления и логической оценки аргументов для создания совокупного знания о конкретном предмете исследования. Научная работа зависит от соединения новых идей и анализов очевидных фактов, необходимых для подтверждения или опровержения гипотез или

теорий. Информация и положения, полученные в научном исследовании и обсуждении, всегда носят в некоторой степени предварительный характер. Они открыты для пересмотра или полного отвержения в свете новых данных или аргументов.

Когда мы спрашиваем, «является ли социология наукой?», мы имеем в виду два вопроса: «Может ли дисциплина использовать процедуры естественной науки?» и «Может ли социология надеяться получить такое же точное, доказательное знание, какое создали естественные науки о физическом мире?». Эти вопросы всегда в некоторой степени противоречили друг другу, но длительное время большинство социологов отвечали на них утвердительно. Они утверждали, что социология может и должна подражать естественной науке – как ее процедурам, так и характеру ее результатов. Эта позиция иногда называется позитивизмом.

Сейчас такой взгляд можно считать наивным. Как и другие социальные науки, социология – научная дисциплина в том смысле, что она включает в себя систематические методы исследования, анализ данных, проверку теорий фактами и логическими аргументами. Изучение людей естественно отличается от наблюдения событий в физическом мире. Ни логические построения, ни выводы социологии нельзя оценивать так же, как оценивают естественные науки. Исследуя социальную жизнь, мы имеем дело с деятельностью, которая имеет смысл для людей, вовлеченных в нее. В отличие от природных объектов люди являются существами, осознающими себя, отдающими себе отчет в смысле и цели совершаемого ими. Мы не можем даже описать социальную жизнь достаточно точно, если не учтем смысл, который люди придают своему поведению. Например, для описания смерти как самоубийства необходимо установить, собирался ли человек себя убить. Самоубийство имеет место только тогда, когда индивид активно стремился к самоуничтожению. Человек, случайно оказавшийся перед машиной и убитый ею, не может считаться совершившим самоубийство. Этот человек не желал себе смерти.

Тот факт, что мы не можем изучать людей так же, как природные объекты, в некотором, отношении составляет преимущество социологии; в других отношениях это создает трудности, с которыми не сталкиваются естественные науки. Преимущество социологов состоит в возможности задавать вопросы тем, кого они исследуют, то есть людям. Однако люди, которые знают, что их деятельность находится под наблюдением, часто ведут себя иначе, чем обычно. Например, когда индивиды отвечают на вопросы, они могут сознательно или нет давать неверное представление о себе. Они могут даже стараться «помочь» исследователю, давая ему те ответы, которые, по их мнению, он хочет от них услышать.

Объективность

Социологи стремятся быть независимыми в своих исследованиях и теоретических построениях, стараются исследовать социальный мир непредвзято. Хороший социолог всегда отбрасывает предрассудки, которые могут помешать ему честно учитывать очевидные факты. Однако никто полностью не может быть свободен, поскольку способность выработать такую установку на непредвзятое и свободное отношение к проблеме у людей ограничена. Тем не менее, объективность не зависит целиком или в основном от взглядов конкретных исследователей. Она связана с методами наблюдения и аргументацией. Здесь публичный характер дисциплины имеет важное значение, поскольку выводы и доклады исследователя доступны критике. Они публикуются в статьях, монографиях или книгах, все желающие могут проверить их заключения. Утверждения, сделанные на основе выводов исследователя, могут быть критически рассмотрены невзирая на желания самого исследователя.

Таким образом, объективность в социологии достигается благодаря взаимной критике, существующей среди членов социологического сообщества. Многие из того, что изучалось в социологии, противоречиво, поскольку оно связано со спорами и конфликтами в обществе. Но с помощью публичных дискуссий, демонстрации очевидности и логической правильности аргументов такие проблемы могут быть эффективно и плодотворно проанализированы.

Практическое значение социологии

Понимание социальных ситуаций. Социология имеет много практических последствий в нашей жизни. Социологическое мышление и исследование влияет на принятие политических решений и на социальные реформы несколькими путями. Во-первых, наиболее непосредственное влияние оно оказывает через прояснение и более адекватное понимание ситуации, чем это было до исследования. Это происходит или вследствие получения фактического знания или благодаря лучшему пониманию, почему что-то происходит (другими словами, средствами теоретического анализа). Например, исследование может обнаружить, что существенно большая часть населения живет в бедности, чем думали до этого. Любая попытка способствовать повышению жизненного уровня будет более успешной, если она будет основываться на точной информации. Чем лучше мы понимаем причины широкого распространения бедности и нищеты, тем больше вероятность, что будет найдена успешная политика для борьбы с ней.

Осознание культурных различий. Во-вторых, социология воздействует на практические политические решения, способствуя повышению уровня культурного сознания различных групп населения. Социологическое исследование позволяет увидеть социальный мир через разнооб-

разие культурных ценностей. Практическая политика, не основанная на компетентном представлении об образах жизни, на которые она намерена воздействовать, имеет мало шансов на успех. Так, белый работник социальной службы, действующий в индийской общине британского города, не найдет понимания у ее членов без чуткости к культурным различиям, которые часто разделяют белое и цветное население в Великобритании.

Оценка результатов политики. В-третьих, социологическое исследование имеет практические следствия в виде оценки результатов политических инициатив. Программа практических реформ может просто не достичь тех результатов, на которые рассчитывали ее инициаторы, или привести к неожиданным и нежелательным последствиям.

Например, после второй мировой войны большие муниципальные дома были построены в городских центрах во многих странах. Планировалось, что они обеспечат высокие жилищные стандарты для людей из трущоб, а также дадут им возможность пользоваться городскими благами. Исследования показали, что многие из бедняков, переехав в новые дома, почувствовали себя изолированными и несчастными. Высотные дома и магазины быстро обветшали и стали местом многих преступлений.

Обогащение самопознания. В-четвертых, в некоторых отношениях важнее всего то, что социология обеспечивает самопросвещение – увеличивает самопонимание различных групп общества. Чем больше людей узнают об условиях своих действий относительно общего функционирования общества, тем больше они способны влиять на обстоятельства своей жизни. Мы не должны описывать практическую роль социологии только как средства для политиков или групп, обладающих властью, принимать правильные решения. Обладающие властью не всегда принимают в расчет интересы лишенных власти групп, когда принимают свои решения. Группы, владеющие информацией о самих себе, могут эффективным образом реагировать на политику, проводимую правительством и другими властями, а также формировать свои собственные политические инициативы. Группы, сами помогающие себе (как анонимные алкоголики); и социальные движения (как женские движения) – примеры социальных ассоциаций, которые сами стремятся провести практические реформы.

Роль социолога в обществе. Должны ли сами социологи активно агитировать за практические программы реформ или за социальные изменения? Некоторые доказывают, что социология может сохранить объективность только тогда, когда сами социологи будут морально и политически нейтральными. Однако нет основания думать, что ученые, которые остаются в стороне от текущих дискуссий, более беспристрастны в своей оценке социологических результатов, чем все остальные.

Существует связь между изучением социологии и угрызениями социальной совести. Ни один социологически образованный человек не может не осознавать неравенства, существующего в мире, отсутствия социальной справедливости во многих социальных ситуациях или страданий миллионов людей, терпящих лишения. Было бы странно, если бы социологи не занимали бы какой-то позиции в практических вопросах, и было бы нелогичным и непрактичным запретить им предлагать свои услуги в качестве экспертов.

Заключительные комментарии

Мы увидели социологию как дисциплину, в которой отбрасываем в сторону наши взгляды на мир для того, чтобы более внимательно рассмотреть воздействия, формирующие нашу жизнь и жизнь других людей. Социология возникает как отдельное интеллектуальное предприятие с началом развития современных индустриальных обществ, и изучение этих обществ остается ее главной задачей. Но социологи также занимаются широким кругом вопросов, касающихся природы социального взаимодействия и человеческих обществ вообще.

Гидденс Э. Введение в социологию / Пер. с англ. П.Н. Фомичева // Современная зарубежная социология (70–80-е годы). – М.: НИИВО – ИНИОН, 1993. – С. 3–20.

В.А. Ядов

Социологические исследования: методология, программа, методы

Прямое наблюдение

...Под наблюдением в социологии подразумевают прямую регистрацию событий очевидцем.

В широком смысле любое научное знание начинается с наблюдения – непосредственного восприятия живой действительности. В одних случаях мы наблюдаем сами, в других – пользуемся данными наблюдений иных лиц.

В отличие от обыденного научное наблюдение отличается тем, что (а) оно подчинено ясной исследовательской цели и четко сформулированным за дачам; (б), наблюдение планируется по заранее обдуманной процедуре; (в) все данные наблюдения фиксируются в протоколах или дневниках по определенной системе; (г) информация, полученная путем наблюдения, должна поддаваться контролю на обоснованность и устойчивость.

Классификация наблюдений производится по различным основаниям.

По степени формализованности выделяют неконтролируемое (или нестандартное, бесструктурное) и контролируемое (стандартизованное, структурное) наблюдения. В первом исследователь пользуется лишь общим принципиальным планом, во втором – регистрирует события по детально разработанной процедуре.

В зависимости от положения наблюдателя различают соучаствующее (или включенное) и простое наблюдения. В первом исследователь имитирует вхождение в социальную среду, адаптируется в ней и анализирует события как бы «изнутри». В простом наблюдении он регистрирует события «со стороны». В обоих случаях наблюдение может производиться открытым способом и инкогнито, когда наблюдающий маскирует свои действия. Наконец, одна из модификаций включенного наблюдения – так называемое стимулирующее, в процессе которого исследователь создает некоторую экспериментальную обстановку для того, чтобы лучше выявить состояния объекта, в обычной ситуации «непроблематизируемые».

По условиям организации наблюдения делятся на полевые (наблюдения в естественных условиях) и лабораторные (в экспериментальной ситуации).

Процедура любого наблюдения складывается из ответов на вопросы: «Что наблюдать?», «Как наблюдать?» и «Как вести записи?».

Место наблюдения среди других методов сбора данных

...Наблюдение – незаменимый источник информации на стадии общей разведки по формулятивному плану. Этот этап связан с выделением особенностей изучаемого объекта в первом приближении, и прямой контакт с объектом принесет здесь немало неожиданных впечатлений, которые будут стимулировать выдвижение гипотез и разработку более детальных процедур. Особенно полезны наблюдения при исследовании системы организации, деятельности предприятий и учреждений, т.е. относительно автономных «социальных единиц». В прикладных исследованиях – это незаменимый метод работы социолога-консультанта, который всегда начинает с комбинации наблюдения, интервью и изучения документов данной организации.

Простое наблюдение целесообразно также применять как дополнительный метод в комплексе с другими (изучение документов, опросы).

Структурированное наблюдение может быть основным методом сбора данных по описательным или объяснительным гипотезам, если объект исследования достаточно локализован. Для лабораторных экспериментов этот метод – один из ведущих.

Как самодовлеющий метод наблюдение – основа для относительно узких по объему монографических исследований. Более распространенный способ применения этого метода – дополнение к другим источни-

кам получения информации. Так, включенное наблюдение в сочетании с последующими массовыми обследованиями (по документам, опросам) позволяет дополнить сухой, но репрезентативный материал более живыми сведениями, повысит обоснованность интерпретации данных.

В числе *недостатков* этого метода – указанная выше опасность включенного наблюдателя утратить объективность, становясь в позицию тех, в среде кого он действует. Но такая заинтересованность вместе с тем может быть и преимуществом, если социолог трезво оценивает ситуацию и неуклонно следует хорошо продуманной концепции исследования.

Отмечают также субъективное воздействие на оценку происходящего и стороннего наблюдателя. Достоверность и обоснованность суждений по впечатлению наблюдателя, согласно некоторым данным, достигает лишь 0,5 корреляции с данными, полученными объективными способами. Имеет место «снисходительность» наблюдателя в отношении наблюдаемых, тенденция оценивать ситуации более положительно. Возможен и обратный эффект: излишнее снижение оценок тех или иных действий, а также «ошибка усреднения», т.е. боязнь крайних суждений, и ошибка «контраста», указанная Гилфордом. Последняя состоит в том, что оценивающий других склонен судить о них по своим собственным чертам характера так, что придает им крайнее значение в сравнении с собственными чертами (слишком темпераментному кажется, что другие люди, напротив, излишне вялы, рассудительны и малоэкспрессивны). Короче говоря, личностные особенности наблюдателя определенно сказываются на его впечатлениях. И этого не следует забывать.

Документальные источники

...Документальной в социологии называют любую информацию, фиксированную в печатном или рукописном тексте, на магнитной ленте, на фото- или киноплёнке. В этом смысле значение термина отличается от общеупотребительного: обычно документом мы называем лишь официальные материалы.

Нередко документальные источники служат главным способом получения нужной для исследования информации. Так, работа В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» целиком основана на изучении материалов земской статистики: подворных переписей крестьянских хозяйств (более 400 источников). Ф. Энгельс писал свою книгу о положении рабочего класса в Англии, опираясь на официальные документы парламентских комиссий и прямое наблюдение условий жизни и быта рабочих.

В истории социологии известен факт, когда основой исследования послужили в основном личные документы. В начале века американский социолог У. Томас и польский – Ф. Знанецкий предприняли кропотли-

вое изучение личных документов польских эмигрантов с тем, чтобы описать их положение в Европе и Америке. В числе использованных документов были: переписка крестьян-эмигрантов с родными, оставшимися в Польше; архивы эмигрантских газет; материалы церковноприходских общин, землячеств, благотворительных обществ и судебные материалы, связанные с делами эмигрантов; наконец, уникальная автобиография одного из крестьян, написанная по просьбе исследователей и составившая около 300 страниц.

По способу фиксации информации различают: рукописные и печатные документы; записи на кино- или фото пленке, на магнетной ленте. С точки зрения целевого назначения выделяются материалы, которые были избраны самим исследователем (к примеру, биография эмигранта в работе Томаса и Знанецкого). Эти документы называют целевыми. Но социолог имеет дело и с материалами, составленными независимо от него, ради каких-то других целей, т.е. с наличными документами. Обычно именно эти материалы и называют собственно документальной информацией в социологическом исследовании.

По степени персонализации документы делятся на личные и безличные. К личным относят карточки индивидуального учета (например, библиотечные формуляры или анкеты и бланки, заверенные подписью), характеристики, выданные данному лицу, письма, дневники, заявления, мемуарные записи. Безличные документы – это статистические или событийные архивы, данные прессы, протоколы собраний.

В зависимости от статуса документального источника выделим документы *официальные* и *неофициальные*. К первым относятся правительственные материалы, постановления, заявления, коммюнике, стенограммы официальных заседаний, данные государственной и ведомственной статистики, архивы и текущие документы различных учреждений и организаций, деловая корреспонденция, протоколы судебных органов и прокуратуры, финансовая отчетность и т.д.

Неофициальные документы – это многие личные материалы, упомянутые выше, а также составленные частными гражданами безличные документы (например, статистические обобщения, выполненные другими исследователями на основе собственных наблюдений).

Особую группу документов (к ним мы еще вернемся) образуют многочисленные материалы средств массовой информации: газет, журналов, радио, телевидения, кино.

Наконец, по источнику информации документы разделяют на *первичные* и *вторичные*. Первичные составляются на базе прямого наблюдения или опроса, на основе непосредственной регистрации совершающихся событий. Вторичные представляют обработку, обобщение или описание, сделанное на основе данных первичных источников.

Помимо этого, можно, конечно, классифицировать документы по их прямому содержанию, например литературные данные, исторические и научные архивы, архивы социологических исследований. Традиционный анализ есть анализ интенсивный. Добавим, что огромную роль играют здесь опыт исследователя, глубина его знаний по предмету и интуиция.

Анкетные опросы и интервью

...Опросы – незаменимый прием получения информации о субъективном мире людей, их склонностях, мотивах деятельности, мнениях.

Бесспорно, что о намерениях лучше всего судить по поступкам, а не по словам. И вместе с тем это лишь часть правды. Другая ее часть скрыта в субъективных состояниях человека, которые могут и не найти выражения в его поведении в данной ситуации, но проявляются в иных условиях и в других ситуациях. Только по совокупности действий человека можно судить об устойчивости мотивов или побуждений, которыми он руководствуется. Опрос позволяет мысленно моделировать любые нужные экспериментатору ситуации для того, чтобы выявить устойчивость склонностей, мотивов и т.п. субъективных состояний отдельных лиц или их общностей.

Опрос привлекает исследователей еще и потому, что он кажется почти универсальным методом. Будучи, несомненно, лучшим источником знания о внутренних побуждениях людей, этот метод при соблюдении надлежащих предосторожностей позволяет получить не менее надежную, чем в наблюдении или по документам, информацию о событиях прошлого или настоящего, о продуктах деятельности, короче – о чем угодно. Спрашивать можно обо всем, даже о том, чего самому ни увидеть, ни прочесть никоим образом не удастся.

Искусство использования этого метода состоит в том, чтобы знать, о чем именно спрашивать, как спрашивать, какие задавать вопросы и, наконец, как убедиться в том, что можно верить полученным ответам. Добавив несколько других условий, как-то: кого спрашивать, где вести беседу, как обработать данные и нельзя ли узнать все эти вещи, не прибегая к опросу, – мы получим более или менее полное представление о возможностях этого метода.

Разновидности опросов

Существуют два больших класса опросных методов: интервью и анкетные опросы.

Интервью – проводимая по определенному плану беседа, предполагающая прямой контакт интервьюера с респондентом (опрашиваемым), причем запись ответов последнего производится либо интервьюером (его ассистентом), либо механически (на пленку).

Имеется множество разновидностей интервью. По содержанию беседы различают так называемые документальные интервью (изучение событий прошлого, уточнение фактов) и интервью мнений, цель которых – выявление оценок, взглядов, суждений; особо выделяются интервью со специалистами-экспертами, причем организация и процедура интервью с экспертами существенно отличаются от обычной системы опроса. По технике проведения существенно разнятся свободные, нестандартизованные и формализованные (а также полустандартизованные) интервью. Свободные интервью – это длительная беседа (несколько часов) без строгой детализации вопросов, но по общей программе («путеводитель интервью»). Такие интервью уместны на стадии разведки в формулятивном плане исследования. Стандартизованное интервью предполагает, как и формализованное наблюдение, детальную разработку всей процедуры, включая общий план беседы, последовательность и конструкцию вопросов, варианты возможных ответов.

В зависимости от особенностей процедуры интервью может быть интенсивным («клиническим», т.е. глубоким, длящимся иногда часами) и фокусированным на выявление относительно узкого круга реакций опрашиваемого. Цель клинического интервью – получить сведения о внутренних побуждениях, мотивах, склонностях опрашиваемого, а фокусированного – извлечь информацию о реакциях субъекта на заданное воздействие. С его помощью изучают, например, в какой мере человек реагирует на отдельные компоненты информации (из массовой печати, лекции и т.п.). Причем текст информации предварительно обрабатывают контентанализом. В фокусированном интервью стремятся определить, какие именно смысловые единицы анализа текста оказались в центре внимания опрошенных, какие – на периферии и что вовсе не осталось в памяти.

Так называемые ненаправленные интервью носят «терапевтический» характер. Инициатива течения беседы принадлежит здесь самому респонденту, интервью лишь помогает ему «излить душу».

Наконец, по способу организации можно указать на групповые и индивидуальные интервью. Первые применяют относительно редко, это – планируемая беседа, в процессе которой исследователь стремится вызвать дискуссию в группе. Методика проведения читательских конференций напоминает данную процедуру. Телефонные интервью используют для быстрого зондажа мнений.

Опрос по анкете предполагает жестко фиксированный порядок, содержание и форму вопросов, ясное указание способов ответа, причем они регистрируются опрашиваемым либо наедине с самим собой (заочный опрос), либо в присутствии анкетера (прямой опрос).

Анкетные опросы классифицируют прежде всего по содержанию и конструкции задаваемых вопросов. Различают открытые опросы, когда

респонденты высказываются в свободной форме. В закрытом опросном листе все варианты ответов заранее предусмотрены. Полузакрытые анкеты комбинируют обе процедуры. Зондажный или экспресс-опрос применяется в обследованиях общественного мнения и содержит всего 3–4 пункта основной информации плюс несколько пунктов, связанных с демографическими и социальными характеристиками опрашиваемых. Такие анкеты напоминают листы всенародных референдумов. Опрос по почте отличается от анкетирования на месте: в первом случае ожидается возвращение опросного листа по заранее оплаченному почтовому отправлению, во втором – анкетер сам собирает заполненные листы. Групповое анкетирование отличается от индивидуализированного. В первом случае анketируют сразу до 30–40 человек: анкетер собирает опрашиваемых, инструктирует их и оставляет для заполнения анкет, во втором – он обращается индивидуально к каждому респонденту. Организация «раздаточного» анкетирования, включая опросы по месту жительства, естественно, более трудоемка, чем, например, опросы через прессу, также широко используемые в нашей и зарубежной практике. Однако последние непредставительны в отношении многих групп населения, так что скорее могут быть отнесены к приемам изучения общественного мнения читателей данных изданий. Наконец, при классификации анкет используют также многочисленные критерии, связанные с темой опросов: событийные анкеты, анкеты на выяснение ценностных ориентации, статистические анкеты (в переписях населения), хронометражи суточных бюджетов времени и т.д.

При проведении опросов не надо забывать, что с их помощью выявляются субъективные мнения и оценки, которые подвержены колебаниям, воздействиям условий опроса и других обстоятельств. Чтобы минимизировать искажения данных, связанные с этими факторами, любую разновидность опросных методов следует практиковать в сжатые сроки. Нельзя растягивать опрос на долгое время, так как к концу опроса могут измениться внешние обстоятельства, а информация о его проведении будет передаваться опрашиваемыми друг другу с какими-то комментариями, и эти суждения станут влиять на характер ответов тех, кто позже попадет в состав респондентов.

Независимо от того, прибегаем ли мы к интервью или анкетному опросу, большинство проблем, связанных с надежностью информации, оказываются для них общими.

Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – М.: Наука, 1987. – С. 110–111, 118–122, 130–132.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

БЕРГЕР (Berger) ПИТЕР ЛЮДВИГ (р. 1929 г.) – американский социолог, ведущий представитель феноменологической социологии знания. Возглавлял Институт экономической культуры Бостонского университета. Основные сочинения: «Шум торжественных ассамблей» (1961), «Двусмысленное видение» (1961), «Введение в социологию» (1963), «Социальное конструирование реальности» (1966, совместно с Лукманом), «Священная завеса» (1967), «Слухи об ангелах» (1969), «Бездомное сознание» (1973), «Пирамиды жертв» (1975), «Лицом к современности» (1977), «Капиталистическая революция» (1986), «В поисках Восточно-Азиатской модели развития» (1988) и др.

Творчество П. Бергера посвящено разработке проблем феноменологической социологии знания, социологии религии, теории модернизации. Теоретическая концепция П. Бергера синтезирует социологические традиции, идущие от М. Вебера и Э. Дюркгейма, феноменологически ориентированную социологию А. Шюца и символический интеракционизм Дж. Г. Мида.

БУРДЬЕ (Bourdieu) ПЬЕР (1930–2002 гг.) – французский социолог, представитель постструктурализма. Основатель и издатель (с 1975 г.) журнала «Ученые труды в социальных науках», заведующий кафедрой социологии Коллеж де Франс (с 1981 г.), профессор Высшей школы социальных наук, глава издательства «Liber – Raison d'agir». Учился на отделении философии Эколь Нормаль у Л. Альтюссера, Г. Башляра и М. Фуко. С 1955 по 1958 гг. преподавал философию в лицее г. Мулен, затем уехал в Алжир, где продолжил преподавание и начал работать как социолог. Преподавал в университете Лиля, затем в Париже. С 1964 г. – директор-исследователь Высшей школы практических исследований. В 1975 г. возглавил Центр европейской социологии. Автор 35 книг и нескольких сотен статей, П.Бурдьё исследовал социальное воспроизводство, систему образования, государство, власть и политику, литературу, масс-медиа, социальные науки.

Основные работы:

Опубликованные на русском языке: «Начала» («Choses dites») (М.: Socio-Logos, 1994); «Практический смысл» (М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001); «Рынок символической продукции» // Вопросы социологии. 1993. № 1/2; «Социология политики» (М.: Socio-Logos, 1993).

А также: «Любовь к искусству. Европейские художественные музеи и их публика» (1966 и 1969); «Срединное искусство. Очерк о социальном использовании фотографии» (1965, совм. с L. Boltanski, R. Castel, J.-C. Chamboredon); «Различие. Социальная критика сужде-

ния» (1979); «Интеллектуальное поле и творческий проект» (1966); «Научное поле» (1976); «Студенты и их учеба» (1964, совм. с J.-C. Passeron, M. Eliard); «Наследники. Студенты и культура» (1964, совм. с J.-C. Passeron); «Паскалевские размышления» (1997); «Нищета мира» (1993, в соавт.); «Практический разум. О теории действия» (1994); «Правила искусства. Происхождение и структура литературного поля» (1992); «Ответы. К рефлексивной антропологии» (1992); «Вопросы социологии» (1980); «Ответы экономистам» (1984) и др.

Концепция П. Бурдьё представляет собой попытку синтеза структурализма и феноменологии – «генетический структурализм».

Теоретической основой социологии П. Бурдьё является концепция «двойного структурирования». Ее суть заключается в том, что социальная действительность структурирована, во-первых, со стороны (существующих объективно, т.е. независимо от сознания и воли агентов) социальных отношений, объективированных в распределениях разнообразных ресурсов (капиталов) как материального, так и нематериального характера, и, во-вторых, со стороны представлений людей о данных отношениях, о социальных структурах и об окружающем мире в целом, оказывающих обратное воздействие на первичное структурирование.

ВЕБЕР (Weber) МАКС (Карл Эмиль Максимилиан) (1864–1920 гг.) – немецкий социолог, философ и историк конца XIX – начала XX в. Приват-доцент, экстраординарный профессор в Берлине (с 1892 г.), профессор национальной экономики во Фрейбурге (с 1894 г.) и Гейдельберге (с 1896 г.). Почетный профессор Гейдельбергского университета (1903 г.). Издатель (совместно с Э. Яффе и В.Зомбартом) «Архива социальных наук и социальной политики» (с 1904 г.). Основатель (1909 г.) Немецкого социологического общества. Профессор национальной экономики в Вене (с 1918 г.) и Мюнхене (с 1919 г.).

Основные сочинения: «К истории торговых обществ в средние века» (1889), «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права» (1891), «Национальное государство и народно-хозяйственная политика» (1895), «Объективность социально-научного и социально-политического познания» (1904), «Рошер и Книс и логические проблемы исторической политэкономии. Серия статей» (1903-1905), «Протестантская этика и дух капитализма» (1904-1905), «Критические исследования в области логики наук о культуре» (1906), «К положению буржуазной демократии в России» (1906), «О категориях понимающей социологии» (1913), «Хозяйственная этика мировых религий» (1916-1919), «Политика как профессия» (1919), «Наука как профессия» (1920), «Хозяйство и общество» (1921) и др.

Умер Вебер, не успев осуществить всего, что задумал. Уже посмертно были изданы его фундаментальная работа «Хозяйство и общество» (1921 г.), где подводились итоги его социологических исследова-

ний, а также сборники статей по методологии и логике культурно-исторического и социологического исследования, по социологии религии, политики, социологии музыки и др.

ГИДДЕНС (Giddens) ЭНТОНИ (р. 1938 г.) – один из основных представителей социологической теоретической мысли современной Англии. В 1956–1959 гг. учился в университете Халла (Hull) на отделении социологии и психологии. Затем с 1959 по 1961 гг. посещал Лондонскую школу экономики по специальности «Социология», закончив ее с отличием. После этого в 1976 г. в Кембридже получил степень доктора философских наук. На протяжении своей жизни Э. Гидденс занимал различные посты, часто меняя места работы, что является необходимым условием для продвижения карьеры на Западе. Э. Гидденс имеет семь ученых степеней, которые он получил в самых известных и престижных учебных заведениях Европы и Америки. На данный момент Э. Гидденс является директором Лондонской школы экономики и политических наук (LSE). До прихода в эту школу в 1997 г. Э. Гидденс был профессором социологии и членом королевского колледжа Кембриджа.

На 2002 г. у Э. Гидденс опубликовано более 200 статей и очерков и 34 книги (книги изданы на 22 языках). Э. Гидденс зарекомендовал себя в качестве самого читаемого и часто цитируемого теоретика нашего времени. Сегодня он является редактором журнала «Теория и общество» и директором отдела политической прессы.

Творчество Э. Гидденса, охватывающее большое количество работ, написанных в течение последних 25 лет, разделяется на два периода. Можно говорить о том, что существует ранний Гидденс – автор теории структуризации, пытавшийся исправить недостатки функционализма и структурализма, с одной стороны, и понимающей социологии и герменевтики – с другой. На развитие его идей большое влияние оказали работы основных классиков теоретической социологии – М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Маркса и др. Сегодня же существует «поздний» Э. Гидденс, который пишет о пространственно-временной дистанцированности, глобализации в современном мире и о возможности нового третьего пути развития государств, дополняющего два существующих на сегодняшний день – капитализм и социализм.

ГИДДИНГС (Giddings) ФРАНКЛИН ГЕНРИ (1855–1931 гг.) – американский социолог, первый полный профессор социологии в США (в Колумбийском университете), президент Американского социологического общества (1908), основатель первой в США кафедры социологии в Колумбийском университете (1894).

Ф. Гиддингс, подобно Уорду, ориентировался на создание всеохватывающей социологической системы исходя из психологических оснований.

Характеризуя социологию как «конкретную, описательную, историческую, объяснительную» науку, Ф. Гиддингс отмечал, что в отличие от психологии, изучающей проявления индивидуального разума, социология касается более сложных и специализированных явлений разума, наблюдаемых в ассоциации индивидов друг с другом.

По мысли Ф. Гиддингса, социология – это наука, изучающая психические явления в их более высокой сложности и противодействии, в силу чего в социологии необходимо развивать «конструктивный» метод психологического синтеза на основе тщательного изучения психических вероятностей «великого мира человеческой борьбы».

ДЮРКГЕЙМ (Durkheim) ЭМИЛЬ (1858–1917 гг.) – французский социолог и философ, родоначальник французской социологической школы, первый в мире профессор социологии, основатель и издатель журнала «Социологический ежегодник» (1896–1913). Преподавал в университетах Бордо и Парижа, осуществил институционализацию социологии во Франции.

Основные сочинения: «Элементы социологии» (1889), «О разделении общественного труда» (1893), «Правила социологического метода» (1895), «Самоубийство» (1897), «Элементарные формы религиозной жизни» (1912), «Социология и философия» (1924) и др. Продолжая традиции О. Конта, Д. испытал также влияние Ш. Монтестье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Спенсера.

Соглашаясь с Контом о месте социологии в системе наук, доказывая возможность появления социологии только в XIX в., когда люди осознали, что необходимо стремиться самим управлять социальной жизнью, Э. Дюркгейм отстаивал специфичность объекта социологии – социальной реальности, ее несводимость к биопсихической природе индивидов, определил предмет социологии как социальные факты, существующие вне индивида и обладающие по отношению к нему «принудительной силой». Э. Дюркгейм, являясь главным теоретиком позитивистски ориентированной социологии, разработал теории «социального факта», «социального познания», «социальной сплоченности», «функционального анализа», «разделения труда», «самоубийства», «социологии религии» и др. Проблема социального факта прошла красной нитью через все его работы, являясь цементирующим звеном всего круга его идей.

ЗИММЕЛЬ (Simmel) ГЕОРГ (1858–1918 гг.) – немецкий социолог и философ, культуролог. Основоположник формальной школы в социологии, представитель поздней философии жизни. Окончил философский факультет Берлинского университета. С 1901 г. – экстраординарный профессор Берлинского, лишь с 1914 г. – профессор Страсбургского университетов (в 1908 г. М. Вебер предлагал Г. Зиммелю должность профессора в Гейдельберге, но министерство было против; в 1915 г.

Риккерт пытался пригласить его в Гейдельберг, но вновь тщетно). В разные периоды жизни Г. Зиммель испытал влияние идей Э. Кассирера и А. Бергсона. В круг его общения входили также Э. Трельч, С. Георге, П. Эрнст, Р.М. Рильке и многие другие. У него учились Блох и Лукач, его влияние испытали Визе, А. Фиркард, Плеснер. А. Смолл и Р. Парк много сделали для распространения его идей в Америке, а Хоманс и Козер видели в нем своего предтечу. При жизни получили известность прежде всего его социологические идеи, но вскоре и они во многом были забыты.

Осознание значимости Г. Зиммеля как философа произошло значительно позже, чему способствовало (кроме всего прочего) и его самоопределение как социолога. В последнее время наблюдается ренессанс его и социологических, и культурологических идей. Г.Зиммель перестает восприниматься «забытым» социологом (философом): наследие Г. Зиммеля обширно, но сложно поддается тематизации и дисциплинарной рубрикации, что во многом связано и со спецификой его эссеистического стиля письма. Автор многочисленных работ (30 книг, 25 из которых было опубликовано при жизни): «Социальная дифференциация» (1890); «Введение в моральную науку» (1892–1893); «Философия денег» (1900); «Кант» (1904); «Социология» (1908); «Основные проблемы философии» (1910); «Философская культура» (1911); «Рембрант» (1916); «Созерцание жизни» (1918) и др.

КОНТ (Comte) **ОГЮСТ** (до 1818 имя Конта – Исидор) (1798–1857 гг.) – французский философ, социолог, методолог и популяризатор науки, преподаватель Парижского политехникума, основатель школы позитивизма, социальный реформатор, оставивший большое литературное наследие, в т.ч. 6-томный «Курс позитивной философии» (1830–1842). В 1816–1824 – секретарь Сен-Симона. По мысли О. Конта, позитивизм есть средняя линия между эмпиризмом (материализмом) и мистицизмом (идеализмом); в этом контексте ни философия, ни наука не имеют права на постановку вопроса о причине явлений либо о сущности вещей. Рассуждать можно лишь на тему, как то или иное явление происходит.

ЛЕНСКИ (Lenski) **ГЕРХАРД** (Gerhard) (р. 1924 г.) – американский социолог, профессор социологии. Первая его статья была опубликована в журнале «Американское социологическое обозрение» в 1954 г. Высказанные автором идеи способствовали возникновению нового дисциплинарного направления, которое получило название «концепция статусной неконсистентности», или «концепция статусных рассогласований». Затем вышли в свет «Социальное участие и статусная кристаллизация» (1956), «Статусная неконсистентность и голосование: четыре национальных проверки» (1967) и некоторые другие работы. Ситуация статусной неконсистентности фрагментарно прослеживается (но не про-

блематизируется) в работах М. Вебера и П. Сорокина. В теории статусных рассогласований Ленски это понятие получило концептуальное и операциональное определения, что является существенным вкладом в методологию исследования социального неравенства.

ЛУКМАН (Luckmann) **ТОМАС** (р. 1927 г.) – немецкий социолог, ученик и последователь А. Шюца (см.), ведущий представитель феноменологически ориентированной социологии, профессор социологии университета в Констанце (ФРГ).

Основные сочинения: «Проблема религии в современном обществе» (1963); «Социальное конструирование реальности» (совместно с Бергером, 1966); «Невидимая религия» (1967); «Структуры жизненного мира» (совместный проект с Шюцем, опубликовано после смерти последнего в 1973) и др.

ЛУМАН (Luhman) **НИКЛАС** (1927–1998 гг.) – немецкий социолог. В 1946–1949 гг. изучал юриспруденцию во Фрайбургском университете, затем до 1962 г. работал в земельных органах государственной власти. В 1960–1961 гг., взяв отпуск, учился в Гарвардском университете у Т. Парсонса), а возвратившись в Германию, изучал теорию управления. В 1965 г. приступил к научной работе и уже в 1966 г. защитил две диссертации по социологии и перешел на работу в Мюнстерский университет, а в 1968 г. получил профессию в Билефельдском университете, где и преподавал до выхода на пенсию в 1993 г.

Н. Луман написал 40 книг и 250 статей по теории социального познания и системной теории общества, которые переведены на многие языки мира. В последние годы интенсивно работал над обобщающими произведениями, поддерживал активные научные контакты.

Основные произведения: сборники статей под общим названием «Социологическое просвещение» – 6 выпусков; «Социальные системы» (1984); «Общество общества» (1997).

Примыкает к функциональному подходу в социологии. Концептуальными истоками творчества Н. Лумана явились общая теория систем, феноменология Э. Гуссерля, философская антропология Гелена, структурный функционализм Парсонса.

МАРКС (Marx) **КАРЛ** (1818–1883 гг.) – немецкий социолог, философ, экономист. Основатель одного из крупнейших теоретических направлений в гуманитарных науках и в экономической науке – марксизма. Изучал право, философию, историю, историю искусств в Бонне и Берлине (1835–1841). Докторская степень философского факультета Йенского университета (1841).

Основные сочинения: «К критике гегелевской философии права. Введение» (1843); «К еврейскому вопросу» (1843); «Экономическо-философские рукописи» (условное название необработанных чернови-

ков молодого К. Маркса, написанных в 1844 г., опубликованы в 1962 г. одновременно Д. Розановым и на немецком языке под названием «Исторический материализм» С. Ландшуттом и И. Майером); «Святое семейство» (1844–1845); «Немецкая идеология» (1845–1846); «Нищета философии: реплика на книгу Прудона «Философия нищеты» (1847); «Манифест коммунистической партии» (совместно с Энгельсом, 1848); «Классовая борьба во Франции» (1850); «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» (1852); «К критике политической экономии. Предисловие» (1859); «Господин Фогт» (1860); «Капитал» (тт. 1–3: 1 том опубликован в 1867, 2-й – в 1885, 3-й – в 1894); «Гражданская война во Франции» (1871); «Критика Готской программы» (1875) и др. (В 1905–1910 Каутский отредактировал и издал под названием «Теории прибавочной стоимости» 4-томные заметки и черновые наброски К. Маркса – видимо, предполагавшийся им 4 том «Капитала»).

МОСКА (Mosca) **ГАЭТАНО** (Gaetano) (1858–1941 гг.) – итальянский политолог и политический деятель, считающийся наряду с Парето и Михельсом создателем теории элит. В представлении Г. Моски, общество всегда состояло из двух «классов»: правящих и управляемых. Подобно Парето, у которого он непрестанно оспаривал приоритет в формулировке теории элит, Г. Моска оценивал многие из оправданий (политических формул) правления просто как видимость подкрепления модернизации и сохранения политической власти. Он подтвердил существование различия между политическими системами, которые руководствовались «либеральными» принципами (то есть избираемостью руководства) и «деспотичными». Последний вид устройства, включая средства вербовки новых членов политической элиты, не предполагало «правление народа» или «правление большинства», хотя классы могли быть представлены в правительстве. Не могло быть и речи о правлении всего класса – тем более о «бесклассовом обществе» – о котором утверждал Маркс. Наиболее известный труд Г. Моски – «Elementi di scienza politica» (1896) – неоднократно пересматривавшийся в последующих изданиях, был переведен на английский язык под названием «Правящий класс» в 1939 г. Ошибочно видеть в авторе защитника автократии. Скорее он отдает предпочтение специфическим формам представительной демократии. Его идеи предшествуют влиятельной современной теории демократического элитизма, превозносящей представительные элиты и принижающей то, что Г. Моска определял «нереалистичными ожиданиями», связанными с концепциями партисипационной демократии и марксизма.

ПАРСОНС (Parsons) **ТОЛКОТТ** (1902–1979 гг.) – американский социолог. Основатель школы структурного функционализма в социологии – линия функционального императивизма в отличие от линии функционального структурализма Мертона по определению Дж. Тернера. На

протяжении более чем 30 лет после второй мировой войны являлся одним из основных теоретиков социальной мысли по крайней мере в англоговорящем мире. Образование: Амхерстский колледж (степень бакалавра, с отличием); Лондонская школа экономики (магистратура); Гейдельбергский университет (докторантура). С 1927 г. – преподаватель социологии в Гарвардском университете. В 1949 г. был избран президентом Американской социологической ассоциации. Являлся членом и президентом Американской академии искусств и наук.

Для Т. Парсонса основной научно-исследовательской задачей было построение общей, системной, основанной на обобщении накопленного эмпирического и теоретического опыта, социологической теории. Для построения собственной концепции Т. Парсонс широко использует работы своих предшественников: Дюркгейма, в частности, его идею «органической солидарности» и метод анализа стабильности социальной системы, состоящей из функционально-дифференцированных ролей; М. Вебера, – обоснование необходимости изучения социальных организаций и институтов через обобщенную схему – «рациональность социальной системы»; а также труды Парето (в интерпретации Л.Дж. Хендерсона). Кроме того, Т. Парсонс придает большое значение положениям, разработанным в рамках антропологического и психологического направлений социальной мысли (Г. Спенсер, Фрейд).

ПИАЖЕ (Piaget) ЖАН (1896–1980 гг.) – швейцарский ученый, один из ведущих психологов XX в. Профессор университетов Невшателя (1923–1929 гг.), Женевы (с 1929 г.), Лозанны (1937–1954 гг.). Основатель Международного центра генетической эпистемологии (1955), создателем которой он является.

Основные сочинения: «Речь и мышление ребенка» (1923); «Психология интеллекта» (1946); «Введение в генетическую эпистемологию» (т. 1–3, 1949–1950); «Механизмы восприятия» (1961); «Генетическая эпистемология» (1970); «Генезис элементарных логических структур» (1972, совместно с Б. Имельдер) и др.

СОРОКИН ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1889–1968 гг.) – русский и американский социолог. Представитель позитивистской ориентации в русской социологии. Сам себя П. Сорокин считал представителем эмпирического неопозитивизма или критического реализма. В детстве П. Сорокин рано оказался сиротой и бродяжничал. В 1902 г. поступил, а в 1904 г. с отличием окончил Гамскую двухклассную школу, затем поступил в Хреновскую церковно-учительскую школу. В 1906 г. – арестован за революционную деятельность, заключен в тюрьму в Кинешме, где много читал (Лавров, Михайловский, Маркс, Ленин, Плеханов, Дарвин, Спенсер, Конт и др.). После освобождения решил продолжить образование. В 1909 г. П. Сорокин поступает в столичный

Психоневрологический институт, где была открыта кафедра социологии Е.В. Де-Роберти и Ковалевским. Через год П. Сорокин *переводится* на юридический факультет университета, где проходит обучение под началом Петражицкого. Главным достижением этого периода творчества П. Сорокина становится его монографическая работа «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914), которая представляет собой обстоятельный обзор современных криминологических теорий. В 1917 г. П. Сорокин получил звание приват-доцента Петербургского университета. Был активен в области популяризаторства, пытался донести до читателя мысли Дюркгейма, идеи которого пронизывают почти все его работы. Февральская революция застала П. Сорокина «посреди дел». Отложив работу, он опять *занялся* политикой, принимал активное участие в работе Госдумы, Временного правительства, редактировал эсеровские газеты. За это время им была написана целая серия социально-политических памфлетов. В 1918 г. опять арестован, но уже новым, большевистским правительством. В 1920 г. П. Сорокин избирается руководителем кафедры социологии при факультете обществознания Петроградского университета. Предлагает конструирование новой дисциплины – «Родиноведение», призванной синтезировать знания разных естественных и гуманитарных наук. Тогда же он пишет популярные учебники по праву и социологии, публикует работу в двух томах «Система социологии» (1920), которая стала венцом его творчества в России. В 1922 г. начались массовые аресты среди научной и творческой интеллигенции. В России оставаться было опасно и П. Сорокин вместе с женой эмигрируют за границу. Сначала П. Сорокин жил и работал в Праге, а потом переехал в Америку и прожил там весь остаток своей жизни.

Творчество П. Сорокина принято делить на два периода: русский и американский. Его основные работы: русского периода – «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913); «Система социологии» (1920); американского – «Социология революции» (1925); «Социальная мобильность» (1927); «Современные социологические теории» (1928); «Систематическая антология сельской социологии» (1930-1932); «Социальная и культурная динамика» (1937-1941); «Общество, культура и личность» (1947) и многие др.

СПЕНСЕР (Spencer) ГЕРБЕРТ (1820–1903 гг.) – британский философ и социолог, отличался необыкновенной эрудицией и работоспособностью. Оставленное им наследие огромно. Фундаментальный десяти томный труд, задуманный как энциклопедический синтез всех наук на принципах эволюционизма, был опубликован в 1862–1896 гг. Этот труд включал: «Основные начала» (1862), «Основания биологии» (1864–1867), «Основания психологии» (1870–1872), трехтомный труд «Основания социологии» (1876–1896), «Социология как предмет изучения» (1903), «Основания этики» (1879–1893).

Творчество Г. Спенсера с наибольшей полнотой воплотило основные идеи эволюционизма, оказало большое влияние на интеллектуальную атмосферу той эпохи. Теоретические взгляды Спенсера формировались главным образом под влиянием достижений естественных наук, все чаще обращавшихся к идее эволюции. Так, в частности, Г. Спенсер высоко оценил «Происхождение видов» Ч. Дарвина. Большое влияние на Спенсера оказали также труды А. Смита и Т.Р. Мальтуса, английских утилитаристов, проповедовавших идеи радикального буржуазного либерализма и индивидуализма.

УОРД (Ward) ЛЕСТЕР (1841–1913 гг.) – американский социолог, один из основоположников психологической социологии, геолог и палеонтолог, сооснователь палеоботаники, первый президент (1906–1908) Американского социологического общества (ныне Американской социологической ассоциации), профессор. Предложил широкое понимание сферы психологии, в которую включал все, что не служит исключительно содействию жизненным функциям. Выдвинул положение об активном характере социальной эволюции и определяющем воздействии на нее различных психических сил, – в первую очередь волевых импульсов. Стремился к созданию целостной психосоциологической системы социальной науки. Предпринял попытку генерализации общественной роли психических факторов, обеспечивающих прогресс цивилизации. Автор книг «Динамическая социология, или Прикладная социальная наука, основанная на статистической социологии и менее сложных науках» (1883), «Психические факторы цивилизации» (1892), «Очерки социологии» (1898), «Чистая социология» (1903) и др.

УОРНЕР (Worner) УИЛЬЯМ ЛЛОЙД (1898–1970 гг.), американский антрополог и социолог. Социологическая концепция Уорнера сложилась под влиянием Малиновского, Радклифф-Брауна и Дюркгейма. Работы Уорнера по изучению классовой структуры США основаны на описании и анализе субъективных мнений и убеждений опрошенных лиц относительно своего классового положения.

Уорнер изучал также проблемы взаимоотношений между различными этническими группами, особенно в Австралии и США, социальную структуру промышленных предприятий США, роль и влияние средств массовой коммуникации, факторы воспитания и образования, механизмы формирования религиозных убеждений и верований.

ЯДОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (р. 1929 г.) – ведущий российский социолог.

По окончании философского факультета Ленинградского университета был исключен из партии и работал сначала учителем логики и психологии, затем фрезеровщиком на заводе. В 1954 г. был восстановлен в КПСС и принят в аспирантуру ЛГУ, после XX съезда КПСС пе-

решил на комсомольскую работу и был избран первым секретарем Василеостровского райкома ВЛКСМ Ленинграда. Под влиянием идей Макинтайра, Узнадзе, Ананьева, Мясищева Ядовым были развиты предпосылки теории диспозиционной регуляции социального поведения личности, которая впоследствии сыграла значительную роль в формировании тематической программы российской социологии.

В конце 1950-х гг. Ядов организовал лабораторию социологических исследований при ЛГУ, которая впервые в СССР стала изучать трудовую мотивацию. В 1963–1964 гг. прошел стажировку в Университете Манчестера и Лондонской школе экономики и политических наук, где изучал методiku и технику социологических исследований. Под руководством Ядова в Ленинграде сложился коллектив высококвалифицированных специалистов, осуществивший исследовательский проект «Человек и его работа». На протяжении 1960 – 1970-х гг. возглавляемая Ядовым ленинградская социологическая школа провела фундаментальные исследования ценностных ориентаций, в результате которых была разработана и получила широкое признание диспозиционная теория регуляции социального поведения личности, сыгравшая важную роль в обособлении социологической теории от доктрины истмата.

Принципиальное значение для институционализации социологической науки в СССР имела научно-педагогическая работа Ядова. В 1968 г. он опубликовал первое в СССР учебное пособие по методологии социологических исследований, которое неоднократно переиздавалось и в настоящее время является базовым учебником для вузов.

Ядов опубликовал более 270 научных работ по социологии труда, социологии науки, теории и истории социологии, многие из которых были переведены на иностранные языки. В 1988 гг. Ядов был избран директором Института социологии АН СССР. Занимая руководящие посты в Международной социологической ассоциации, Международном институте социологии, Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии, возглавляя Российское общество социологии, Институт социологии образования Российского центра гуманитарного образования, Ядов внес выдающийся вклад в институционализацию социологической науки в России, ее признание за рубежом и воспроизводство научных кадров. Им подготовлено свыше 50 докторов и кандидатов наук.

Основные сочинения: «Методология и процедуры социологических исследований» (1968); «Социологическое исследование: методология, программа, методы» (1972); «Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции» (1983); «Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности» (1995); «Структура социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности» (1998) и др.

2. СПИСОК ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ ПО КУРСУ «СОЦИОЛОГИЯ»

АВТОРИТЕТ – тип власти, при котором люди с готовностью подчиняются руководителю, поскольку считают его легитимным.

Эта проблема введена в социологию М. Вебером, который различал три типа авторитета, обеспечивающихся различными способами:

1) легально-рациональный авторитет основан на подчинении формальным правилам, носителем которых является руководитель, вере в их законность;

2) традиционный авторитет основан на вере в святость традиций и восприятии тех, кто управляет, как носителей данной традиции (короли и королевы);

3) харизматический авторитет основан на вере в экстраординарные качества лидера, на исключительной преданности лидеру и безусловном следовании его приказам и введенным им правилам.

Авторитет может искать себе опору в принуждении, вознаграждении и т.п.

АНОМИЯ (безнормность) – состояние общества, характеризующееся распадом норм, регулирующих социальные взаимодействия, индивидуальное поведение. Понятие введено в социологию Э. Дюркгеймом. По Дюркгейму, у человека отсутствуют какие-либо «естественные» ограничения потребностей и желаний. Ограничения носят социальный характер, т.е. устанавливаются обществом посредством социальных норм. Аномия возникает тогда, когда общество не в состоянии установить рамки социальных норм, когда в обществе имеется слабый консенсус относительно ценностей и целей, что ведет к утрате эффективности их воздействия на индивида. В дальнейшем понятие аномии было расширено американским социологом Р. Мертоном, который связал проблему аномии с несоответствием между определяемыми культурой целями и доступностью институционализированных средств их достижения. При ограниченности возможностей достижения широко распространенных и постоянно подчеркиваемых целей (в США – богатства), с помощью доступных средств индивид использует иные средства достижения цели, даже если эти средства незаконны. В рамках определенных социальных групп такие средства могут считаться нормальными. Мертон выделил пять возможных вариантов индивидуальной адаптации в обществе, где имеется разрыв между определенными культурными нормами и одобряемыми средствами их достижения, доступными отдельным индивидам или целым социальным группам:

– **конформизм** – подчиняющееся поведение, признающее и цели, и средства их достижения;

– **инновация** – использование социально осуждаемого средства достижения социально одобренных целей;

– **ритуализм** – попытка продолжать использовать одобренные средства без ожидания успеха (обесценивание цели);

– **ретритизм** – отказ и от одобряемых целей, и от одобряемых средств их достижения;

– **восстание (бунт)** – стремление изменить систему (т.е. отказ как от принятых целей, так и от средств их достижения и выдвижение новых).

В концепции Мертона anomia рассматривается не только как источник социальных проблем, но и как источник социальных изменений.

БЮРОКРАТИЯ – особый тип организации, особая система управления, основанная на подчинении человека не другому человеку, а безличной системе. В социологию в качестве особой категории бюрократия введена М. Вебером, который видел в ней специфическую форму организации, характерную для современного общества. Вебер связывает становление бюрократии с процессом *рационализации* и рассматривает ее как наиболее рациональную и эффективную форму достижения управленческих целей, основанную на легально-рациональном типе легитимности (господства). Рациональная бюрократия рассматривается Вебером как технически более совершенная и эффективная, чем все предшествующие формы администрации (патриархальная, патерналистская), поскольку она наиболее предсказуема, точна, беспристрастна и быстродействующа. Она пронизывает все основные учреждения капиталистического общества, начиная от государственного управления, экономики и кончая образованием и церковью. Современная социология отмечает ограниченность и неэффективность бюрократии, недостаточную гибкость, связанную именно с ее основным достоинством – предсказуемостью и стандартностью действия.

ВЛАСТЬ – (как властное могущество вообще) (от англ. power; от лат. potere – быть в состоянии, мочь, иметь возможность) – это социологически «аморфное» (М. Вебер), т.е. неуточненное понятие, предполагающее способность каким-либо желаемым образом и многими приемами воздействовать на поведение других в самых разных обстоятельствах.

Политическая власть: 1) (согласно определению М. Вебера) – «возможность для одного человека или группы в данных социальных условиях проводить собственную волю вопреки интересам других людей»; 2) способ социального субъекта в своих интересах распределять цели и направлять деятельность других социальных субъектов (безотносительно к их интересам); распоряжаться материальными, информационными и статусными ресурсами общества; формировать и навязывать правила и нормы поведения; предоставлять полномочия, услуги, привилегии.

ГРУППА СОЦИАЛЬНАЯ – совокупность индивидов, ограниченная неформальным или формальным членством. Ее члены взаимодействуют на основе определенных ролевых ожиданий в отношении друг друга.

ДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЕ – важнейшее понятие теоретической социологии. Введено в социологию М. Вебером, который основным признаком социального действия считал осмысленную ориентацию его субъекта на другого, на ответную реакцию со стороны других участников взаимодействия. Действие, не ориентированное на других людей и не обладающее определенной мерой осознанности этой ориентации, не является социальным. Таким образом, по Веберу, социальное действие характеризуется двумя чертами: наличием субъективного смысла и ориентацией на другого. Известная веберовская классификация типов социального действия основана на различной степени сознательности и рациональности, характерной для его различных типов: *целерациональное действие* – это действие, характеризующееся ясностью и однозначностью осознания действующим субъектом своей цели, которую он соотносит с рационально осмысленными средствами, обеспечивающими ее достижение; у Вебера этот тип социального действия играет роль рациональной «модели» человеческого действия; *ценностно-рациональное действие* – это действие, цель которого воспринимается действующим субъектом как безусловная ценность, как нечто самодостаточное, не требующее сравнения различных средств его достижения; чем больше абсолютизируется ценность, на которую ориентируется действие, тем значительнее иррациональный компонент; *традиционное действие* – это действие, основанное на привычке и получающее в связи с этим почти автоматический характер, действие, почти не требующее осмысленного целеполагания и потому рассматриваемое Вебером в качестве «пограничного случая» социального действия вместе с четвертым типом социального действия – *аффективным действием*. Это действие, определяющей характеристикой которого является доминирующее эмоциональное состояние действующего субъекта: любовь или ненависть, ужас или прилив отваги и т.п. Оно фиксирует меру минимальной осмысленности социального действия, за которой оно уже перестает быть социальным. Вебер выделяет эти типы социального действия как идеальные типы, реальное же действие может представлять собой смесь двух или более типов.

ЗАКОНЫ СОЦИАЛЬНЫЕ – объективно существующая, устойчивая, повторяющаяся связь социальных явлений и процессов. Начиная с Конта, социология исходила из того, что в обществе действуют глубинные, непреодолимые силы, подобные тем, которые действуют в мире природы. Поэтому социальные законы аналогичны законам природы, и социология должна открывать общие законы социальных изменений,

подобно физике Ньютона или дарвиновской биологии. Э. Дюркгейм, провозгласивший принцип «объяснять социальное социальным», внес в социологию новое понимание социальных законов – как законов поведения людей. Согласно Дюркгейму, социальная реальность, раз возникнув в результате взаимодействия индивидов, начинает жить по своим собственным законам, уже не природным. Таким образом, человеческое взаимодействие ведет к появлению новых, собственно социальных явлений и законов. Современная социология понимает социальные законы как относительно устойчивые и воспроизводящиеся типы отношений между различными социальными общностями. Социальные законы – это законы социальной деятельности людей. Они являются результатом деятельности множества индивидов, сформировавших определенную систему общественных отношений, определенные способы деятельности, определенные формы общественной связи.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ СОЦИАЛЬНАЯ – процесс и результат самоотождествления индивида с каким-либо человеком, группой, образцом. Идентификация – один из механизмов *социализации* личности, посредством которого усваиваются определенные нормы поведения, ценности и т.п. тех социальных групп или индивидов, с которыми личность себя идентифицирует. В концепции З. Фрейда, к примеру, решающую роль в формировании личности ребенка играет его идентификация с родителем того же пола, которая ведет к усвоению нравственных ценностей родителей и формированию Суперэго как внутреннего механизма самоконтроля.

ИДЕОЛОГИЯ – (от гр. *idea* – идея, образ, *logos* – учение) – относительно систематизированная совокупность взаимосвязанных идей, представлений, концепций и доктрин как об устройстве и принципах функционирования общества, так и о способах достижения отвечающего интересам носителя этих идей состояния общества, которая создает основу для организованной политической деятельности независимо от того, является ли целью идеологии сохранение, преобразование или разрушение наличной политической действительности.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ – начавшийся в Великобритании в ходе промышленной революции конца 18 – начала 19 вв. и распространившийся на другие страны процесс превращения экономик и обществ с преобладанием сельского хозяйства и ремесла в экономики и общества, основанные на машинном (механизированном) производстве. Начавшись в промышленности, индустриализация постепенно распространяется на сельское хозяйство и сферу услуг. Индустриализация предполагает развитие разделения труда и новых производственных отношений, урбанизацию, изменения в структуре занятости населения и т.д. Процесс индустриализации является основой более широкого процесса *модернизации*.

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫЙ – относительно устойчивые и долговременные формы социальной практики, которые санкционируются и поддерживаются с помощью социальных норм и посредством которых организуется общественная жизнь и обеспечивается устойчивость социальных отношений. Э. Дюркгейм называл социальные институты «фабриками воспроизводства общественных отношений». Социальные институты организуют человеческую деятельность в определенную систему *ролей* и *статусов*, устанавливая образцы поведения людей в различных сферах общественной жизни.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО – одна из теоретических моделей, используемых для описания качественно нового этапа общественного развития, в который вступили развитые страны с началом информационно-компьютерной революции. Технологическим основанием общества становятся не индустриальные, а информационные и телекоммуникационные технологии (ИТТ). Информационное общество – это общество, в котором:

1. Информация становится главным экономическим ресурсом, а информационный сектор выходит на первое место по темпам развития, по числу занятых, по доле капиталовложений, по доле в ВВП. ИТТ становятся главным средством повышения эффективности производства, укрепления конкурентоспособности как на внутреннем, так и на мировом рынках.

2. Имеется развитая инфраструктура, обеспечивающая создание достаточных информационных ресурсов. Это в первую очередь система образования и наука. Происходит перераспределение ресурсов в пользу науки и образования. В США так называемый накопленный человеческий капитал в три раза больше активов всех американских корпораций. Основной формой собственности становится интеллектуальная собственность. В конкурентной борьбе за мировое первенство появляется новый фактор – уровень развитости информационной инфраструктуры и индустрии.

3. Информация становится предметом массового потребления. Информационное общество обеспечивает любому индивиду доступ к любому источнику информации. Это гарантируется законом (военная и государственная тайна также определяется законом) и техническими возможностями. Появляются новые критерии оценки уровня развития общества – количество компьютеров, количество подключений к Интернету, количество мобильных и фиксированных телефонов и т.д. Вырабатываются правовые основы информационного общества.

4. Формируется единая интегрированная информационная система на основе технологической конвергенции (слияния телекоммуникационной, компьютерно-электронной, аудиовизуальной техники). Создают-

ся единые национальные информационные системы (в США – в 80-е гг., в Западной Европе – в 90-е.)

КАСТА – замкнутые, эндогамные (направленные на себя) страты с аскриптивным (приписанным) членством и полным отсутствием социальной мобильности, составляющие основу особой исторической формы социальной стратификации – кастовой. В чистом виде кастовая система существовала в индуистской Индии. Корни ее уходят далеко в историю (около 3 тыс. лет). Кастовая система при помощи религии жестко закрепляет определенное разделение труда, сформировавшееся на этнической основе, – каждой касте разрешается только определенный род занятий. Касты занимают свои места в соответствии со степенью «ритуальной чистоты», т.е. по религиозному признаку. В Индии существовали четыре кастовых группы и одна внекастовая – неприкасаемые. С 1947 года кастовое разделение перестало поддерживаться государством, но его социальная роль все еще остается очень значительной.

КЛАСС – понятие, которое употребляется в социологии в нескольких смыслах:

1) для обозначения социальных страт, составляющих особую, «открытую» систему *социальной стратификации*, характерную для индустриального общества. Для нее, в отличие от «закрытых» кастовой и сословной систем стратификации, характерны преимущественно достигаемый статус, «открытые» социальные границы и высокий уровень *социальной мобильности*;

2) как самый общий термин в теориях социальной стратификации для обозначения определенного положения в системе иерархических различий (высший, низший и средний классы);

3) как теоретическое (аналитическое) понятие, лежащее в основе классовых теорий общества. В классической и современной социологии имеются две наиболее влиятельные классовые теории – марксистская и веберовская.

КОНФЛИКТ СОЦИАЛЬНЫЙ – открытая борьба между индивидами или группами в обществе или между государствами. Конфликт носит социальный характер, когда в его основе лежит объективное расхождение или противоречие целей и интересов различных социальных субъектов. Таким образом, конфликт можно рассматривать как способ выражения и разрешения (или урегулирования) социальных противоречий. В социологии существует два направления, по-разному оценивающих природу и роль конфликтов в обществе. Еще в 19 веке сторонники *социал-дарвинизма* (Спенсер, Самнер) рассматривали конфликт как неизбежное явление в истории человеческого общества, как социальную форму борьбы за существование, стимул и важнейший механизм общественного развития. К. Маркс предложил модель классового конфликта, который носит антагонистический (непримиримый) характер и разре-

шается социальной революцией, разрушающей существующий строй. В 50-60-е гг. 20 века оформилась общесоциологическая концепция, получившая название «теория конфликта» (Р. Дарендорф, Л. Козер). Она исходит из представления о конфликтной природе социума. Дарендорф сохраняет понятие классового конфликта. Однако в отличие от Маркса он считает, что основной конфликт в обществе возникает по поводу распределения власти и авторитета, а не собственности. Конфликт рассматривается как результат сопротивления существующим в любом обществе отношениям господства – подчинения, следовательно, как неустранимый. Сторонники данной концепции считают, что конфликт выполняет позитивную функцию, способствуя стабилизации общества и сохранению существующего порядка. В сложных плюралистических обществах он не сводится к противоборству двух классов, а имеет «перекрестный» характер, когда противники в одном вопросе являются сторонниками в другом. Снижение остроты и количества классовых конфликтов, которые на ранней стадии капиталистической индустриализации носили угрожающий характер, теоретики конфликта объясняют *институционализацией* конфликта. Постепенно в обществе сложились специализированные институты (такие, как профсоюзы, арбитражные суды и т.п.) и соответствующие ценностно-нормативные системы, предназначенные для урегулирования конфликтов. Другое направление, представленное Дюркгеймом и современными «теоретиками равновесия» (Т. Парсонс, Р. Мертон), рассматривает конфликт как дисфункцию в равновесной социальной системе, как патологию. Оно ориентировано не столько на изучение конфликта, сколько на обоснование консенсуса. В рамках теорий среднего уровня сложилось специфическое направление исследования – социология конфликта. В ней разрабатываются теоретические проблемы и практические методы анализа и разрешения конфликтов разного рода.

КОНФОРМИЗМ – приспособленчество, пассивное принятие существующего социального порядка, господствующих мнений и т.п. От конформизма следует отличать другие проявления единообразия во взглядах, мнениях, суждениях, которые формируются в процессе социализации, а также изменение взглядов под влиянием убедительной аргументации. Конформизм – это принятие индивидом определенного мнения «под нажимом», под давлением общества или группы. Оно обусловлено главным образом боязнью санкций или нежеланием остаться в изоляции.

КУЛЬТУРА – система ценностей, представлений о мире и правил поведения, общих для людей, связанных определенным образом жизни.

ЛИДЕРСТВО – этот термин в социологии обозначает:

1) ведущее положение отдельных личностей, класса, партии, государства;

2) один из механизмов социальной интеграции, управленческого воздействия.

Лидер – это человек, способный объединить людей для достижения определенной цели.

ЛИЧНОСТЬ – система социальных качеств человека, формирующаяся на основе его включения в систему социальных отношений. Социологический анализ выделяет в личности не индивидуальные, а социально-типические черты, формируемые данной системой общественных отношений и необходимые для ее воспроизводства. Индивид становится личностью лишь в качестве члена определенного социума в процессе освоения определенных *социальных ролей* и соответствующей ценностно-нормативной системы, в процессе обретения социальной *идентичности*, т.е. в процессе *социализации*. Личность является продуктом и субъектом социальных систем, их изменения и развития.

МАКРО- и МИКРОСОЦИОЛОГИЯ – два уровня социологического анализа, социологических обобщений. Макросоциология – уровень социологического анализа целых обществ, социальных структур и систем, фундаментальных социальных закономерностей и процессов (структурный функционализм, эволюционизм, теория конфликтов и др.). Базовые понятия этого уровня – общество, социальная система, класс, власть и т.п. Микросоциология – уровень социального анализа, основанный на изучении непосредственных межличностных взаимодействий повседневного уровня, на отношениях в группе (символический интеракционизм, этнометодология и др.). Базовые понятия этого уровня – социальная группа, групповая динамика, лидерство и т.п.

МАРГИНАЛЬНОСТЬ (от лат. *margo* – край) – «пограничность», промежуточность положения индивида или социальной группы в социальной структуре общества.

Индивидуальная маргинальность характеризуется неполным вхождением индивида в группу, которая его полностью не принимает, и его отчуждением от группы происхождения, которая его отторгает как отступника.

Групповая маргинальность возникает в результате изменений социальной структуры общества, формирования новых функциональных групп в экономике и политике, вытесняющих старые группы, дестабилизирующих их социальное положение. Однако маргинализация далеко не всегда приводит к «оседанию на дно». Естественная маргинализация связана преимущественно с горизонтальной либо восходящей вертикальной мобильностью. Если маргинализация связана с радикальным изменением социальной структуры (революции, реформы), частичным или полным разрушением устойчивых общностей, то она часто приводит к массовому понижению социального статуса. Однако маргинальные элементы предпринимают попытки повторного встраивания в соци-

альную систему. Это может привести к очень интенсивной массовой мобильности (перевороты и революции, восстания и войны). Может привести и к формированию новых общественных групп, борющихся с другими группами за место в социальном пространстве.

МОБИЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНАЯ – перемещение индивидов и социальных групп общества между различными позициями в системе социальной стратификации. Проблематика социальной мобильности и сам термин были введены в социологию П. Сорокиным. Движение вверх в соответствующей статусной иерархии представляет собой *восходящую* мобильность, вниз – *нисходящую*. *Индивидуальная* социальная мобильность связана с социальными перемещениями отдельных индивидов, *групповая* – с изменениями социальной структуры общества и самих оснований социальной стратификации (революции, реформы).

НОРМА СОЦИАЛЬНАЯ – предписания, служащие общими указаниями для социального действия и выражающие социальные ожидания «правильного» или «надлежащего» поведения. Определенная упорядоченность поведения людей в обществе как раз и является результатом следования общим ожиданиям или нормам, система которых называется нормативным порядком, обеспечивающим сохранение и воспроизводство образца. Социальная норма не обязательно выражает реальное поведение – это скорее «ожидаемое» поведение. Нормы предполагают наличие *легитимности*. Они осваиваются в процессе *социализации* индивидов на основе интернализации и обеспечиваются механизмами *социального контроля*. Отклонение от норм наказывается санкциями.

ОБЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНАЯ – широкое понятие, объединяющее различные совокупности людей, для которых характерны некоторые одинаковые черты жизнедеятельности и сознания. Общности различного типа – это формы совместной жизнедеятельности людей, формы человеческого общежития. Они складываются на различной основе и крайне многообразны. Это общности, формирующиеся в сфере общественного производства (классы, профессиональные группы и т.п.), вырастающие на этнической основе (народности, нации), на основе демографических различий (поло-возрастные общности) и др.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ – закрытая и иерархическая структура, создаваемая под определенные цели и обладающая внутренней формальной статусно-ролевой и ценностно-нормативной структурой. Организация – один из важнейших элементов структуры современного общества. Большая часть *социальных групп* в современном обществе существует в виде организаций (от детского сада, школы и вуза до трудового коллектива, партии и профсоюза). От других социальных групп (семьи, групп общения и т.п.) организации отличает именно формальный характер отношений.

ОТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫЕ – это определенная, упорядоченная система взаимоотношений индивидов, входящих в различные социальные общности. Люди взаимодействуют друг с другом не случайным образом. Они являются членами определенных социальных групп, занимают определенные статусные позиции. Поэтому с другими людьми они вступают в отношения, соответствующие этим позициям. Эти отношения более или менее устойчиво воспроизводятся в процессе функционирования общества. Изменение социального статуса индивида неизбежно влечет за собой изменение характера его отношений с другими людьми. Социальные изменения предполагают изменение всей системы взаимоотношений в этой сложной конструкции социальных связей и взаимодействий.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО – это понятие было впервые предложено Д. Беллом в 1962 году. Оно зафиксировало вступление в конце 50-начале 60-х гг. развитых западных стран, исчерпавших потенциал индустриального производства, в качественно новый этап развития. Он характеризуется снижением доли и значения промышленного производства за счет роста сферы услуг и информации. Производство услуг становится основной сферой экономической деятельности. Так, в США в сфере информации и услуг сейчас трудится около 90% занятого населения. На основе этих изменений происходит переосмысление всех базовых характеристик индустриального общества, фундаментальная смена теоретических ориентиров. Так, постиндустриальное общество определяется как общество «постэкономическое», «посттрудо-вое», т.е. такое общество, в котором экономическая подсистема утрачивает свое определяющее значение, а труд перестает быть основой всех социальных отношений. Человек в постиндустриальном обществе уже не рассматривается как «человек экономический» по преимуществу. Доминирующими для него становятся новые, «постматериалистические» ценности. Если прежде статус индивида в обществе определялся его местом в экономической структуре, т.е. классовой принадлежностью, которой были подчинены все остальные социальные характеристики, то теперь статусная характеристика индивида определяется множеством факторов, среди которых возрастающую роль играет образование, уровень культуры (то, что П. Бурдьё назвал «культурным капиталом»).

ПРЕСТИЖ СОЦИАЛЬНЫЙ – общественная оценка положения отдельного человека или социальной группы в социальной системе. Различные статусные позиции в обществе наделяются разным социальным престижем, выражающим оценку привлекательности тех или иных позиций. На основе социального престижа происходит, например, выбор профессии. Если в период индустриального развития наиболее престижными в нашей стране были профессии инженера, врача и учителя, то сейчас – банкира, предпринимателя, менеджера. Поэтому социаль-

ный престиж является важным показателем социальной стратификации. Он символически оформляет и закрепляет поляризацию общества, взаимные оценки, притязания и ожидания социальных групп, становится механизмом консервации новых отношений. М. Вебер рассматривал престиж как показатель социальной репутации, «ресурс особого рода», наделяющий социальной значимостью определенные статусные группы. В современной социологии П. Бурдьё выразил эту проблему в идее «символического капитала», который, наряду с экономическим, культурным и социальным капиталом, определяет позицию и влияние своего носителя в обществе.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ – в специфическом социологическом смысле этот термин предложен М. Вебером в качестве основного понятия для описания основной тенденции изменения западного общества. Он объединяет множество взаимосвязанных процессов, в ходе которых рациональность утверждается в качестве основного принципа во всех сферах общественной жизни, а рациональное действие вытесняет иррациональные (аффективное и традиционное).

РОЛЬ СОЦИАЛЬНАЯ – связанная с определенной позицией индивида в социальной системе совокупности прав и обязанностей. Любая социальная структура общества может быть представлена как определенная статусно-ролевая структура. Социальные роли усваиваются индивидом в процессе *социализации*. Роль является лишь отдельным аспектом целостного поведения индивида, представляющего собой определенный ролевой набор. Индивид, выполняющий всегда несколько (множество) ролей в обществе, может столкнуться с ролевым конфликтом, когда он пытается придерживаться требований несовместимых ролей (например ученика и члена дружеской компании). Социологи различают роли стандартизированные, безличные, которые строятся на основе прав и обязанностей и мало зависят от того, кто их исполняет (официальные роли – продавец, кассир и т.п.), и роли, которые определяются индивидуальными особенностями их участников (роли влюбленных).

СОСЛОВИЕ – социальные страты, составляющие особую историческую систему социальной стратификации – сословную, сложившуюся в Европе и России. Для нее, как и для кастовой системы, характерны аскриптивное (приписанное) членство и ограниченная социальная мобильность. В отличие от *касты* сословная система, также закрепляющая общественное разделение труда, поддерживалась не религиозными, а законодательными средствами. Специальными законами определялось место каждого сословия в иерархической системе, его права и обязанности, регулировалась допускаемая мобильность между сословиями. Сословная система, сложившаяся в период феодализма, разрушалась в ходе буржуазных революций, которые в качестве одного из важнейших

требований выдвигали требование юридического равенства всех граждан, ликвидацию сословных привилегий. В России до реформы 1861 года существовали следующие сословия: податные – крестьяне, мещане и купцы, неподатные – дворянство и духовенство.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ – процесс усвоения индивидом культурных норм и социальных ролей, необходимых для успешного функционирования в данном обществе. Социализация также делает возможным существование общества и передачу его культуры от поколения к поколению. Социализация охватывает все процессы приобщения к культуре, с помощью которых человек обретает социальную природу и способность участвовать в социальной жизни.

СОЦИОЛОГИЯ:

а) социология – наука о законах становления, функционирования, развития общества, социальных отношений и социальных общностей;

б) социология – наука о законах развития и функционирования социальных общностей и социальных процессов, о социальных отношениях как механизме взаимосвязи и взаимодействия между обществом и людьми, между общностями, между общностями и личностью;

в) социология – это систематическое изучение социального поведения индивидов; деятельности социальных групп и организаций; влияние общества, социальных групп и организаций на поведение индивидов.

СРЕДНИЙ КЛАСС – слой в системе *социальной стратификации*, который расположен между высшим и низшим классом. Понятие используется как описательное для обозначения положения в системе иерархических различий. Что касается теоретического определения среднего класса, то здесь общая позиция не выработана и используются различные критерии его выделения и определения. Самый простой экономический критерий – средний для данного общества уровень текущего дохода, а также накопленного богатства («стандартный» имущественный набор в виде дома или хорошей квартиры, машины, предметов длительного пользования и т.п.), в совокупности определяющие уровень общей материальной обеспеченности. Как показывают опросы населения, именно этот критерий используется в качестве основания самоотнесения к среднему классу. В развитых странах основная масса населения (60–70%) имеет общий уровень материальной обеспеченности, близкий к среднему, число бедных и богатых относительно невелико. Для России характерна другая схема – глубокая поляризация общества по уровню дохода и материальной обеспеченности в целом. Однако субъективно более 40% россиян относят себя к среднему классу, оценивая свое материальное положение как среднестатистическое. С точки зрения классовых критериев (отношение к средствам производства и характер и содержание труда) к среднему классу относятся обладатели мелкой собственности на средства производства – мелкие и средние

предприниматели, торговцы, ремесленники и т.п. К нему же относятся и люди, занятые умственным трудом, который в иерархии статусов признавался более престижным и обеспечивал относительно благоприятную рыночную позицию для «белых воротничков».

СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ – термин, который в социологии обозначает: 1) многомерную иерархически организованную структуру социального неравенства, существующую в любом обществе; 2) процесс, в ходе которого группы людей иерархически выстраиваются соответственно некоторой шкале неравенства. Система социальной стратификации представляет собой определенную дифференциацию социальных статусов и ролей. Социальная страта – ранговый слой в рамках иерархической системы социальной стратификации, социальных статусных позиций и ролей.

СУБКУЛЬТУРА – система ценностей и норм, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы, отличающаяся от господствующей в обществе культуры, хотя и связанная с ней. В современном обществе существует значительное количество таких субкультур. Это классовые, этнические, молодежные субкультуры и т.д. *Девиантные* и даже делинквентные (криминальные) субкультуры вырабатывают такие системы ценностей и нормы поведения, стили жизни, которые в господствующей культуре рассматриваются как антиобщественные или преступные. Они формируются в особых социальных условиях и для некоторых социальных групп предоставляют специфические возможности решения проблемы бедности, низкого статуса, ограниченных социальных возможностей и т.п. Внутри системы ценностей субкультуры и ее статусной структуры происходит социализация членов данной социальной группы, и в этом смысле она ничем не отличается от «стандартной» социализации законопослушных граждан. *Молодежные* субкультуры часто также рассматриваются как девиантные, выражающие некую степень оппозиции господствующей культуре. Молодежные субкультуры развиваются чаще всего на основе своеобразных стилей в одежде и музыке и связаны с развитием *общества потребления*, создающего все новые и новые рынки продукции, нацеленные прежде всего на молодежь. Молодежные культуры – это культуры демонстративного потребления. Возникновение молодежных субкультур связано также с повышением доли и значения свободного времени, *досуга*, вокруг которого и формируются все отношения; они сосредотачиваются также в большей степени на дружбе и группе сверстников, а не на семье. Кроме того, рост жизненного уровня позволяет осуществлять масштабные эксперименты с образом жизни, поиск иных, отличных от культуры взрослых, культурных оснований своего существования. Понятие субкультуры предполагает существование господствующей

щей культуры, наличие ценностно-нормативного консенсуса в обществе субкультур.

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО – доиндустриальное, преимущественно аграрное, сельское общество, которое противопоставляется современному индустриальному обществу в базовой социологической типологии «традиция – современность». Для традиционного типа социальных отношений, которые обычно определяются как солидаристские, общинные, характерны следующие черты:

- невыделенная индивидуальность, личная зависимость индивида в семье, касте, сословию;
- приоритет непосредственных межличностных, внутригрупповых, прежде всего родственных, связей, групповая солидарность;
- приписанный (аскриптивный) социальный статус и ограниченная социальная мобильность;
- жесткий социальный контроль преимущественно через механизмы межличностного взаимодействия;
- групповая идентичность и ценностно-нормативные системы, обеспечивающие локальную, групповую интеграцию и солидарность (конформизм, патернализм и т.п.).

ХАРИЗМА (божий дар, благодать) – особое духовное свойство (пророческий дар и т.п.), позволяющее оказывать влияние на большие массы людей. В социологии этот термин использовался М. Вебером для анализа одного из трех типов легитимного господства – харизматического. Он основан на исключительных качествах, приписываемых лидеру, на преимущественно эмоциональной связи вождя и масс, слепой вере в вождя и бездумном следовании за ним. Это позволяет вождю выходить за пределы правового и институционального порядка и вводить новые нормативные правила. Харизматическое лидерство несет с собой значительный динамический и даже революционный потенциал, но обычно кратковременно и, по Веберу, достаточно быстро происходит «рутинизация харизмы» и возврат к традиционной либо легально-рациональной форме господства.

ЭЛИТА СОЦИАЛЬНАЯ – высшие слои в системе социальной иерархии, обладающие властью над другими группами и влиянием в обществе. В классической социологии выработаны различные подходы к изучению элиты. Наиболее распространено понимание элиты как меньшинства, обладающего монополией на власть и принятие решений (К. Маннгейм, А. Этциони и др.). Г. Моска, Г. Дюпре и др. определяют элиту как людей, осуществляющих наиболее важные функции в обществе. В. Парето, Ж. Боден, Х. Ортега-и Гассет и др. под элитой понимают людей, достигших наивысших показателей в своей деятельности, обладающих интеллектуальным и моральным превосходством над массой, наивысшим чувством ответственности. Элита рассматривается как

необходимый элемент социальной структуры общества, которому отводится решающая роль в управлении обществом. При этом отношении элит и масс в современных обществах также придается определяющее значение. Элита как вершина пирамиды общества разделяется на различные группы. Выделяют политическую элиту, связанную с функциями политического управления, экономическую элиту, контролирующую основные финансово-экономические структуры страны (в России это руководители государственных предприятий («директора») и негосударственных структур – «бизнес-элита» как специфическая элитная группа), научную, культурную, военную и др. группы элит. Правящие элиты различаются по степени «открытости – закрытости», т.е. по возможности их пополнения за счет неэлиты («застой» в СССР характеризовался фактически полной закрытостью элитных групп). Элиты также различаются по степени их интегрированности в сплоченные группы. В обществах, достаточно стабильных, формируется и сплоченная «властвующая элита» (Ч.Р. Миллс), связанная многообразными отношениями, включая семейные и дружеские.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ЧАСТЬ I. УЧЕБНО-ПРОГРАМНАЯ	6
1.1. ПРОГРАММА КУРСА «СОЦИОЛОГИЯ»	6
1.2. ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ	9
ЧАСТЬ II. УЧЕБНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ	10
О. Конт К дихотомии «общество и личность»	10
О. Конт Закон трех стадий и сущность позитивизма	11
Г. Спенсер Основания социологии	13
Г. Зиммель Расширение группы и развитие индивидуальности	36
Г. Зиммель О скрещении социальных кругов	57
Дюркгейм Э. Метод социологии	71
Э. Дюркгейм Об обществе	98
К. Маркс Капитал (Т. 3. Гл. 52. Классы)	99
М. Вебер О некоторых категориях понимающей социологии	101
М. Вебер Понятие социологии и «смысла» социального действия	115
М. Вебер Основные понятия стратификации	132
Ф.Г. Гиддингс О социологии	147
П.А. Сорокин. Социокультурная динамика и эволюционизм	150
Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии	168
П.А. Сорокин О стратификации	173
Т. Парсонс Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем	176
Г. Моска Правящий класс	191
Брайан Тернер Статус	202
Л. Уорнер Социальный класс и социальная структура	210
Жан Пиаже Схемы действия и усвоение языка	225
Жан Пиаже Психогенез знаний и его эпистемологическое значение	229
Н. Луман Понятие общества	240
Пьер Бурдьё Социальное пространство и символическая власть ..	254
Г. Ленски Власть и стратификация. Динамика систем распределения	270
П. Бергер Человек в обществе	275
П. Бергер, Т. Лукман Организм и деятельность	295
Э. Гидденс Введение в социологию	301
В.А. Ядов Социологические исследования: методология, программа, методы	314
ПРИЛОЖЕНИЕ	
1. <i>БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК</i>	321
2. <i>СПИСОК ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ</i> <i>ПО КУРСУ «СОЦИОЛОГИЯ»</i>	332

Учебное издание

СОЦИОЛОГИЯ

Хрестоматия

Текст первоисточника в редакции составителей

Редактор Л.И. Александрова
Корректор Л.З. Анипко
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Лицензия на издательскую деятельность ИД № 03816 от 22.01.2001

Подписано в печать 10.01.06. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,2.
Уч.-изд. л. 23,0. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690600, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в типографии ВГУЭС
690600, Владивосток, ул. Державина, 57